ПЕРЕПИСКА В. В. ВЕРЕЩАГИНА И В. В. СТАСОВА

2

Портрет В. В. Верещагина
Фотография

ПЕРЕПИСКА В. В. ВЕРЕЩАГИНА И В. В. СТАСОВА

II

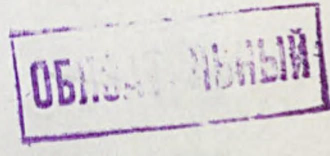
1879-1883

Письма подготовлены к печати и примечания к ним составлены

А. К. ЛЕБЕДЕВЫМ и Г. К. БУРОВОЙ

под редакцией

А. К. ЛЕБЕДЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ИСКУССТВО"
МОСКВА
1951

2011143718

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Переписку В. В. Верещагина и В. В. Стасова первоначально предполагалось издать в двух томах. Такое намерение было обусловлено самим объемом текстов писем и поясняющих их архивных материалов, обнаруженных к моменту начала издания. Однако во время работы составителей над вторым томом произошло событие, которое несколько изменило их первоначальное намерение. В 1950 году был обнаружен большой личный эпистолярный архив В. В. Верещагина. Многие годы этот архив считался погибшим от пожара, в результате которого полностью сгорела усадьба Верещагина в Москве (в Котлах). И вот оказалось, по счастью, что большая часть архива художника была спасена и бережно сохранялась в течение долгих лет. Вновь обнаруженные материалы позволяют более полно и ярко, чем это было возможно сделать до сих пор, осветить отдельные этапы жизни и деятельности Верещагина. Составителям удалось ознакомиться также и с другими весьма ценными, ранее неизвестными в литературе, архивными материалами, касающимися жизни и деятельности Верещагина. Все это и привело к необходимости издания переписки не в двух, а в трех томах. При этом II том охватывает период с 1879 по 1883 год, а III том — с 1884 по 1904 год.

Собранные во II томе материалы, особенно письма В. В. Верещагина, содержат ценные биографические сведения, характеризующие жизнь и деятельность выдающегося художника не только в период 1879—1883 годов, но и в предшествующие годы. В этих письмах Верещагин подробно рассказывает о своем детстве и отрочестве, о художественном образовании, о формировании мировоззрения и творчества. В них он раскрывает свои общественно-политические, а также эстетические взгляды. Необходимо отметить, что в свое время Стасов в статьях о Верещагине по цензурным условиям смог использовать только часть этих сведений, сообщенных ему художником. Следовательно, некоторые из них

являются для читателей в настоящем издании совершенно новыми и неизвестными.

Публикуемые письма Верещагина характеризуют его как художника, примыкавшего к демократическому лагерю русского общества. Все творчество, все мысли Верещагина были заняты думой о народе, о его страданиях, вызванных захватническими войнами, поисками путей и дорог к его счастью. В письме к П. М. Третьякову Верещагин говорил: «Передо мной, как перед художником, *Война*, и *ее* я бью, сколько у меня есть сил; сильны ли, действительны ли мои удары — это другой вопрос (вопрос моего таланта), но я бью с размаха и без пощады».

Верещагин неоднократно говорил о том, что его творчество порождено горячей любовью к народу, к одетому в солдатскую шинель простому русскому человеку. «Я слишком близко принимаю к сердцу то, что пишу; выплакиваю (буквально) горе каждого раненого и убитого», — сообщал художник Стасову в письме от 17/29 апреля 1882 года. Подчеркивая суровый реализм своего творчества, художник писал Стасову 10/22 марта 1879 года: «...я не делал того, что не высмотрел сам с опасностью жизни».

Высокое общественное содержание, пламенный гуманизм, гневное обличение несправедливостей в современном ему обществе, правдивый показ духовного величия и героизма простого русского народа роднят искусство Верещагина с творчеством Перова, Репина, Васнецова, Сурикова и других замечательных русских художников-демократов второй половины XIX века. Эта идейность и этот неподкупный реализм сообщали произведениям Верещагина большую критическую силу, хотя сам художник не был революционером. Его картины немало содействовали разоблачению самодержавия, обличению бездарности, глупости, чванливости, жестокости, карьеризма генералитета и особ царствующего дома. Обличительная сущность верещагинских картин достигла особенной остроты именно в период 1879—1883 годов в сериях картин о русско-турецкой войне и отчасти в индийской серии. Достаточно напомнить картину «Александр II перед Плевной», чтобы понять всю силу обличительных тенденций верещагинского творчества. Художник изобразил в ней Александра II в день штурма Плевны 30 августа 1877 года сидящим на холме и наблюдающим сражение. Это был день именин царя. Угодливые царедворцы, не подготовив и не обеспечив надлежащим образом атаки, желая сделать царю приятный подарок, бросили безрассудно на штурм Плевны тысячи солдат. Атака была отбита турками с тяжелыми для русских потерями. Уже

самый факт изображения столь бесславной и позорной батальной сцены говорит о том, что Верещагин был беспощаден в своем обвинении. Мало того, художник написал на картине возле группы царедворцев, окружающих царя и наблюдающих вместе с ним за кровавым зрелищем, пирамиду бутылок из-под шампанского, выпитого по случаю именин. А под самой картиной художником была сделана первоначально следующая надпись: «Царские именины». Верещагину пришлось позднее уничтожить на картине эту «пирамиду» позора и обвинения и снять надпись. Но о том, что они были сделаны, стало известно широким слоям публики.

События с именинами царя произвели на художника огромное впечатление и долго угнетали его. В письме к П. М. Третьякову от 5/17 ноября 1880 года Верещагин описывает свое посещение полей Плевны уже после окончания войны:

«...не могу выразить тяжесть впечатления, выносимого при объезде полей сражения в Болгарии, в особенности холмы, окружающие Плевну, давят воспоминаниями — это сплошные массы крестов без конца. Везде валяются груды осколков гранат, кости солдат, забытые при погребении. Только на одной горе нет ни костей человеческих, ни кусков чугуна, зато там до сих пор валяются пробки и осколки бутылок шампанского — без шуток. Вот факт, который должен обратить на себя внимание художника, если он не мебельщик модный, а мало-мальски философ».

Не менее сильна обличительная тенденция и в картине-триптихе «На Шипке все спокойно», где изображен замерзающий солдат-часовой, забытый на посту в жестокий мороз и вьюгу картежничающими командирами, нагло рапортующими начальству о том, что «на Шипке все спокойно». Много и других картин, рассказывающих о страшных страданиях и мучениях русского народа, русского солдата, в частности в русско-турецкую войну 1877—1878 годов, написал Верещагин. Нельзя сказать, чтобы он был против этой войны с турками. Он хорошо осознавал положительное значение русско-турецкой войны, освобождающей от турецкого ига миллионы балканских славян, но он был до глубины души потрясен и возмущен тем, что из-за преступной халатности, карьеризма, бездушия самодержавных правителей и их приближенных бесполезно гибнут и страдают десятки тысяч простых солдат.

Глубокий демократический патриотизм Верещагина был коренным образом отличен от официального «патриотизма» правящих кругов в войну 1877—1878 годов. Жертвы и страдания русского солдата в этой войне произвели на художни-

ка гнетущее, неизгладимое впечатление. Именно поэтому он с ненавистью относился ко всяким спекулятивным попыткам использовать тему военных событий для традиционного, официального прославления правителей и славословия по адресу военачальников. Он с возмущением отвергал всякое предложение «проникнуться жертвами русского гражданина» и воспевать их в консервативном или либеральном духе. Вместе с тем в своем творчестве художник правдиво и ярко показал и жертвы и героизм простых русских солдат в русско-турецкой войне. С беспощадной правдой и гневом он запечатлел зверства завоевателей-турок.

Верещагин прекрасно знал, что его творчество не может не вызвать злобы и ненависти правящих кругов. И тем не менее он вполне сознательно продолжал итти своей дорогой. В письме к Стасову от 16/28 апреля 1879 года художник прямо говорит о том, что «некоторые сюжеты не могут нравиться таким высокопоставленным лицам, как е[го] в[ысочество], а ...изменять или исправлять их я не намерен...». Более того, Верещагин считал отрицательное отношение к своим картинам представителей «дома Романовых» верным показателем правильности выбранной им творческой линии. Однажды, будучи в Париже, наследник русского императора хотел посетить верещагинскую мастерскую, но художник демонстративно отверг это предложение. «Наследник, — пишет Верещагин Стасову 30 октября/11 ноября 1879 года, — за бытность здесь, хотел ко мне приехать, но я просил Кумани, известившего меня об этом, не трудиться, ибо я не желаю показывать ему мои работы... Все это — и злоба Владимира и мнение Николая (великих князей. — *Ред.*)... показывают, что я стою на здравой, нелицемерной дороге, которая поймется и оценится в России».

Обличительный характер творчества художника и его независимое поведение не могли не вызвать к нему враждебного отношения не только со стороны русских, но и зарубежных правящих кругов. Известно, что влиятельный прусский генерал Вердер советовал Александру II приказать сжечь верещагинские картины, «как имеющие самое пагубное влияние».

В письме к Стасову от 28 марта/9 апреля 1882 года Верещагин сообщает об отношении к его берлинской выставке немецких правительственных кругов: «Солдатам и школам запрещено было ходить гуртом на мою выставку, вот-то дураки и идиоты». Нами обнаружен интересный документ, характеризующий отношение к Верещагину русской самодержавной правящей верхушки. В 1880 году Александр II пожелал

увидеть картины Верещагина, посвященные русско-турецкой войне 1877—1878 годов. Картины были перенесены в Зимний дворец. Верещагин отказался сам показывать их царю, но просил президента Академии художеств великого князя Владимира Александровича разрешить присутствовать при осмотре его брату — А. В. Верещагину. В ответ на эту просьбу великий князь наложил следующую «знаменательную» резолюцию на докладной записке конференц-секретаря Академии, сообщавшего о просьбе Верещагина по поводу присутствия брата во дворце: «В качестве устроителя картин пускай будет, а главное для того, чтобы ублажить тронутого творца выставленных картин». Отношение к идейному художнику, проникнувшемуся заботой и думой о народе, о народных страданиях и интересах, как к нигилисту, к умалишенному, «тронутому», необычайно характерно для самодержавной власти и реакционных кругов.

В одном из писем к Стасову (от 3/15 марта 1882 года) Верещагин с возмущением сообщал: «Знаете ли Вы, что за время моего пребывания в Питере городовой был на посту у ворот моего дома? А М[ихаил] Н[иколаевич] (великий князь. — *Ред.*) громко говорил, что я стою во главе нигилизма? Запишите это где-нибудь на косяке библиотеки». Художник страшно рвался на родину, хотел жить и работать там. Но правительственный террор и реакция удерживали его за границей, вызывая глубокое негодование. Верещагин не одобрял актов индивидуального террора, совершавшихся анархистами, народниками, но он был глубоко возмущен кровавым разгулом жандармов в России. Во многих его письмах к Стасову сквозят эти настроения. «Очень бы хотелось побывать в России, да не удается... Кабы не боязнь неприятностей от властей высоких и низших, я бы поехал работать в Россию, это более заняло бы голову, чем разные Индии; но ведь теперь это положительно немыслимо, затаскают по участкам и канцеляриям...», — писал Верещагин Стасову 8/20 июля 1882 года. Через некоторое время (25 августа/6 сентября 1882 года) Верещагин опять пишет тому же адресату: «...лучше теперь подождать ездить в Россию и по России. Непременно будут следить, как за мошенником... Теперь столько развелось спасителей отечества». В письме от 15/27 ноября 1882 года из Индии Верещагин сообщает Стасову о своих вечных мытарствах, о том, что он подвергается всюду травле и преследованиям правящих кругов. «Не дикая ли это вещь, — пишет он, — что до сих пор к *писанию* относятся так враждебно и подозрительно. В Индии меня считают (большинство) за агента русского правительства, а русское правительство, в

особенности *сам,* считают меня за агента революционеров и поджигателей, недостает только, чтобы заподозрили во мне английского агента, несмотря на мою национальность. Кабы не наш белый террор, с каким бы удовольствием покатил я по России, сколько планов составил, но вижу, что теперь это немыслимо». 6/18 января 1883 года художник в своем письме к Стасову вновь возвращается к глубоко волнующему его вопросу: «Как теперь поедешь по России, ведь заедят становые да урядники: зачем это пишешь, зачем то говоришь или думаешь, почему не был у исповеди и причастия и т. п. Фармазон, студент, нигилист».

Прямую противоположность отношению правительственных реакционных кругов к творчеству Верещагина представляло собой отношение к нему широких народных масс. Организованные художником в период 1879—1883 годов выставки в Лондоне, Петербурге, Париже (дважды), Москве и других городах привлекли огромное внимание трудящихся. Популярность художника непрерывно росла. И это вполне понятно. Явился столь отличный от официальных батальных живописцев художник, который громко и смело возвышал голос протеста против массового истребления людей в угоду интересам честолюбия и алчности завоевателей. Этот художник не мог не вызвать интереса, симпатии и любви простого народа. Невиданное число посетителей осаждало выставки художника. В письме к Стасову от 18/30 декабря 1879 года Верещагин сообщал о своей парижской выставке: «Так называемый *успех* (succès) моей выставки растет, как снежный шарик; буквально весь город ею занят, народу валит пропасть. Всех заметок в газетах не собрать». Через пять дней (23 декабря 1879/4 января 1880 года) художник снова пишет Стасову: «Говорят, выставку мою берут с боя, такая масса народа, что ни входа, ни выхода». На протяжении всего периода функционирования парижской выставки ее популярность не только не ослабевала, но все возрастала. 29 декабря 1879/10 января 1880 года Верещагин вновь сообщал Стасову в письме: «Успех был громадный... Не только самая улица, но и соседние были заставлены линиею экипажей. Не только в самых комнатах, но и на лестнице стояла густая толпа народа». Этот успех верещагинских выставок не ослабевал и в других городах Европы. «Что делается на моей Венской выставке, Владимир Васильевич, — писал Верещагин Стасову 3/15 ноября 1881 года, — того и пересказать Вам нельзя: 2 раза в день набережная перед зданием Künstlerhaus совершенно запружается народом, проезда и почти прохода нет, выдача билетов прекращается, потому что все

галлереи и огромная Vestibule полны народом до того, что двигаться невозможно... тронулись все венские предместья». В следующем письме Верещагин опять писал Стасову о своей венской выставке: «...толпа выломала не только стекла в дверях, но и самые двери!» (письмо от 7/19 ноября 1881 года). И действительно, наплыв широких народных масс на верещагинские выставки был невиданным в европейских столицах. Число посетителей на одной только венской выставке достигало 20 000 человек в день. Сообщая Стасову о своей парижской выставке 1881 года, Верещагин говорил (12/24 декабря 1881 года): «Публика... ломится на выставку так, что 2 полицейских у дверей едва сдерживают напор».

Верещагин был крайне заинтересован в том, чтобы его картины видели самые широкие народные массы. В письме к Стасову от 28 октября/9 ноября 1881 года Верещагин сообщал, что повздорил с Комитетом венского дома художников, где размещалась выставка его картин, что он «выговаривал» этому Комитету «насчет их аристократических замашек». Художник пишет, что он потребовал сбавки цены за вход и громко говорил, что желает «показать свои картины не 10 000 графов и графинь, а 2[00 000] или 300 000 венцев, сколь возможно более бедных и незнаменитых... Признаюсь, — продолжает Верещагин, — с удовольствием видел, как все более и более ходит бедно одетого люда и солдат; надеюсь, будет выполнена моя просьба, чтобы в последние дни школы с учителями и солдаты имели даровой впуск». «Обратите внимание, Владимир Васильевич, — пишет Верещагин Стасову 10/22 ноября 1881 года, — на заметку: *Верещагин и крестьяне*, в которой говорится, что крестьяне окрестностей Вены тронулись по железным дорогам для посещения моей выставки и что между ними только и толков, что о «картинах войны Верещагина» — чорт побери, ничего более лестного я до сих пор еще не заслужил». Чем более передовыми и демократическими были идеи и намерения Верещагина, тем враждебнее было отношение к нему консервативных и реакционных кругов. В ответ на то, что Верещагин установил низкую входную плату на свою выставку в Москве в 1883 году, московский генерал-губернатор князь Долгоруков демонстративно отказался посетить выставку. По этому поводу Верещагин 12 апреля 1883 года писал Стасову: «Кажется, здесь озлились на мою цену — 5 коп[еек]. Долгоруков хотел приехать, назначил время и не приехал, когда стала известна эта обидная цена...» В следующем же письме, от 14 апреля 1883 года, Верещагин сообщает Стасову: «Сам слышу, как дети говорят на улице: «пойдем за пятачок», или: «побегу,

всего гривенник». Не милое ли и не великое ли это дело — пятачковый вход? Когда наши художники, роющие артезианские колодцы, дороются до этого — и денег и чести будет больше. И в Париже франки за вход глупы, а здесь они преступление со стороны мыслящих людей. «Цивилизация» просто озлилась на 5 коп[еек]. Один говорил брату Николаю: «Что это за популярничанье, я понимаю, что кн[язь] Долгоруков не захотел приехать... Я пойду, но пойду не картины смотреть, а пятачковую публику...» Что и требовалось доказать!» Письма Верещагина раскрывают и разоблачают продажность, беспринципность и пристрастность буржуазной прессы в ее оценках творчества выдающегося баталиста. В то время, например, как верещагинская выставка в Лондоне в 1879 году получила у широких народных масс полное одобрение, ряд английских газет не упомянул о ней ни слова только в силу своих руссофобских настроений. В письме к Стасову от 7/19 июля 1879 года Верещагин сообщает: «Times», по отзыву, напр[имер], Моргана, теперь более злой руссофоб, чем многие старые руссофобские журналы, из котор[ых] только «Daily Telegraph» посетил выставку, остальные, как «Globe», «Pall Mall», «Standard», «Morning Post», разбиравшие все самые ничтожные выставки, *не упомянули даже об открытии моей?* Это просто историческая глупость и нелепость. Интересно признание Taylor, что «внимание, обращаемое их газетою («Таймс». — *Ред.*) на художественные предметы, не имеет ничего общего с их интересом и достоинством художественным». Это буквально! И это признание старика, трудящегося в газете многие годы». Не менее беспринципной оказалась позиция и ряда французских газет. Некоторые из них ни одного слова не напечатали о нашумевшей верещагинской выставке или обругали ее только потому, что художник снял для нее помещение, принадлежавшее одной непопулярной газете.

Интересно, что некоторые органы печати открыто возмущались независимостью и самостоятельностью художника, оригинальностью его творчества. Во французских консервативных газетах были часты попытки представить Верещагина то подражателем французских баталистов, то «неучем», который должен поучиться «французской технике». Касаясь вопроса о том, что многие критики и художники относят его к французской или немецкой школе, причисляют то к последователям Детайля, то Невиля, то других европейских «знаменитостей», Верещагин решительно утверждает национальную самобытность и самостоятельность своего таланта. «Не нелепа ли, в самом деле, идея признать меня подражателем Невиля, Мейс-

сонье, Жерома, Детайля и др[угих]! — пишет Верещагин Стасову 29 декабря 1881/10 января 1882 года, — Невиль только начинал работать, когда мои туркестанские работы были исполнены». Верещагин был лишен какого бы то ни было чувства раболепства и низкопоклонства перед современной ему живописью западноевропейских стран. Он смело обличал в ней все, что было рутинного, и вместе с тем поднимал и высоко ценил все живое, реалистическое, идейное. В письме к Стасову от 20 декабря 1881/1 января 1882 года Верещагин, сообщая отзыв о себе одного реакционного французского печатного органа, пишет, что тот утверждает, будто «я должен поучиться именно у французских художников *азбуке живописи*; ничего [-де] я не знаю, не умею и вряд ли когда что буду уметь — вот тебе и на, а я полагал в простоте, что французы не умеют делать, как я! что им по временам не мешает присматриваться к тому, что я делаю...» Зная цену своего таланта, Верещагин, однако, никогда не зазнавался, не считал, что достиг вершин мастерства, а непрерывно и настойчиво работал, учился, искал. В письме к Стасову от 10/22 ноября 1881 года он пишет: «Неужели Вы думаете, что я почил на лаврах — *я продолжаю считать все это недоразумением* и себя *только слабым учащимся,* — верьте, что это искренно». Глубоко ошибочны были те газетные отзывы о Верещагине, которые приписывали ему самодовольство и зазнайство. Вообще, для Верещагина были характерны постоянные напряженные, мучительные творческие искания. Он был чужд самоуспокоенности и самовлюбленности. В этом отношении типично его письмо к Стасову от 19 апреля 1879 года, в котором он говорил: «В особенности после последней кампании, передо мною ясно, во всеоружии... стоит ужасный призрак войны, с которым, при всем моем желании схватиться, я боюсь не совладать, к которому, прямо сказать, не знаю, как подступиться, с которой стороны его подрыть, укусить, ужалить...» Хотя подавляющая масса газетных и журнальных отзывов содержала очень высокую оценку творчества и выставок Верещагина, было не мало, как мы видели, и крайне злобных, пристрастных, несправедливых. Некоторые европейские газеты пытались всеми силами дискредитировать Верещагина и как художника и как человека, реализуя тайные и явные желания своих правительственных кругов. В России же «Новое время» подхватывало, раздувало и распространяло все самое грязное, клеветническое, унижающее Верещагина, что появлялось в наиболее ретроградных европейских газетах.

И здесь в защиту Верещагина смело и решительно выступал Стасов, который вел за него острую и беспощадную борь-

бу. Именно в эти годы Стасов написал многие свои лучшие художественно-критические статьи о Верещагине, раскрывающие творчество художника и его значение. Выдающийся критик всячески популяризировал произведения Верещагина, защищал его, облегчал ему работу, стремился привлечь к нему симпатии всех честных и мыслящих людей. Стасов указал на героизм и «подвижничество» Верещагина в своей большой биографической статье «Василий Васильевич Верещагин» («Вестник изящных искусств», 1883, вып. 1 и 2), являющейся до сего времени едва ли не наиболее серьезной и насыщенной монографией, посвященной Верещагину. Критический разбор художественной деятельности Верещагина Стасов дал и в своей известной статье «Двадцать пять лет русского искусства», печатавшейся в журнале «Вестник Европы» в ноябре и декабре 1882 и в феврале, июле и октябре 1883 года.

Постоянные испытания, злобные нападки и травля врагов, тяжелый физический недуг — страшная тропическая малярия — подтачивали здоровье Верещагина и были причиной его нервного перенапряжения. Иногда этот стальной по силе воли и настойчивости человек переживал минуты горьких сомнений. «Больше батальных картин писать не буду — баста!» — пишет он Стасову 17/29 апреля 1882 года. «Торчит передо мною ничтожество и бесполезность всего, что мы делаем, всей нашей жизни, да и баста! Смерть вот-вот, кажется, на носу, не знаю, пройдет ли это», — читаем мы в письме художника к Стасову 22 июля/3 августа 1882 года. 27 сентября/9 октября 1882 года художник пишет своему корреспонденту: «Я писал Вам, что вряд ли не надорвался в 40 лет, — это не фраза, а правда...» Огромные трудности с реализацией картин (а Верещагин всегда стремился к тому, чтобы его произведения приобретались сериями и не разрознивались) порождали неуверенность в завтрашнем дне, в возможности спокойно работать над новыми картинами. Принято думать, что Верещагин был весьма состоятельным человеком. Но такое заключение основано на недоразумении. Несколько раз художнику удавалось продавать свои произведения и их серии за крупные суммы. Однако его расходы были так велики, что средств постоянно нехватало, и он нуждался, прибегая к займам больших и малых сумм. Он не мог работать, не изучив интересующей его страны, ее народа, не изъездив ее вдоль и поперек, не сделав сотен этюдов и зарисовок. Эти путешествия, в которых прошла едва ли не половина жизни Верещагина, требовали больших расходов. Дело устройства выставок было для Верещагина насущной, жизненной потребностью.

Расходы же на их организацию и перевозку обычно также превышали материальные возможности Верещагина. Прославленный художник очень часто, несмотря на всеобщее убеждение в его обеспеченности, находился в состоянии нищеты. Письма Верещагина к Стасову все время содержат жалобы на отсутствие средств, невозможность из-за этого лечиться, работать, путешествовать. «Только бы выбиться из нищеты»; «Очень устал, следовало бы хоть на неделю уехать, но денег нет»; «Очень бы хотелось выписать некоторые книги, да капиталов нет», — все время сообщает Верещагин своему корреспонденту. И это на протяжении всей почти жизни. Больно читать письма в Америку к художнику, приобретшему уже мировую известность и достигшему 60-летнего возраста, от его жены. Семья художника, остававшаяся в России, часто не имела возможности заплатить самые неотложные долги. «Бабушке стало немножко лучше, — пишет Верещагину его жена 20 января 1902 года. — Думали было мы... свозить ее к Остроумову (известному врачу. — *Ред.*), но при нашем безденежье откладываем это». Огромные расходы на организацию выставки в Америке, ряд последовавших за этим крупных неудач, в результате которых измученный художник оказался в неоплатных долгах и встал перед лицом полной нищеты, привели его к самым мрачным и тяжелым мыслям. Об этом свидетельствует письмо к Верещагину его жены, в котором она пишет: «Брось пока думать о пуле в лоб — тебе это нельзя сделать из-за детей: нельзя их разуть, раздеть и на улицу вытолкать. Ведь ты честный человек и честным должен быть до конца... Если не сладишь в Америке, приезжай сюда нищим — все равно, будем вместе спасать детей, а то я одна не перенесу удара».

Таковы были условия жизни и деятельности выдающегося русского художника, который стремился выразить своей кистью думы и чаяния народа и посвятил ему все свое творчество.

Составители настоящего издания, проводя работу по исследованию материалов, поясняющих и раскрывающих содержание переписки, привели в пояснительном тексте наиболее значительные, по их мнению, архивные, журнальные и газетные материалы за 1879—1883 годы, касающиеся вопросов, поднятых в публикуемых письмах.

Эти материалы, по мнению составителей, своим документальным характером должны помочь будущим исследователям художественной и общественной деятельности Верещагина и широкому кругу читателей еще более высоко оценить роль этого выдающегося художника в истории русского искусства.

Они должны помочь выявить в еще большей степени благородство его личности, гуманизм его творчества и разоблачить клевету, которую постоянно распространяли о нем всяческие мракобесы, завистники, представители «чистого» искусства, космополиты-декаденты. Эта задача непосредственно связана с указаниями А. А. Жданова, который отнес Верещагина к числу классиков русской живописи.

Цитаты из статей о Верещагине, помещенных в иностранной печати, приводятся в настоящем издании в основном по публикациям Стасова и русской прессы, на что сделаны в каждом отдельном случае ссылки. Тексты из иностранных газет и журналов без ссылок на русские издания приведены в переводах авторов пояснительного текста. Большинство публикуемых во II томе писем хранится в Институте литературы Академии наук СССР. Ряд писем находится в архиве Государственной Третьяковской галлереи.

ПИСЬМА

1879

206. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Maisons-Laffitte, 10/22 января [1879][1]

Пожалуй, Вы мне не поверите, если скажу Вам, что приехал сюда сегодня, 10 января утром, а покинул Шипку 5-го вечером, т. е. от Шипки до Парижа — в $4^1/_2$ суток. 5-го, в 3 часа, кончил занятие на перевале Иметли, в 6 миновал Шипку, рысью до Габрова, там на почтовых до Рущука и Дуная; захватил последний пароходик и вечерний поезд из Журжева в Бухарест, откуда немедля дальше, и вот сегодня в 6 часов утра приехал. В Новый год[2] был на Иметли, где пришлось разгребать снег, погода была отвратительная, снег и дождь; вспомнив после, что это день Нового года, я понял, что мой патрон нарочно наслал на меня ненастье, чтобы отучить работать в такие дни. Истинно приятно было объехать все старые знакомые места на Шипке, Иметли, в Ше[й]нове, но при ветре и холоде рисовать было очень трудно — сделал, впрочем, с грехом пополам все, что было нужно. В Ше[й]нове на могилке юноши[3], нашего приятеля (письма которого, помните, я Вам прислал), нашел крестишко упавшим; я соорудил с помощью казака и болгарина новый, который, надеюсь, будет стоять, коли не придут и не свалят турки. Болгары, все до единого, говорят, что лягут костьми, но турок на Балканы не пустят. Если исполнят, что говорят, т. е. *сички* (все) будут драться и *сички* (все) не утекут, то, разумеется, могут не пустить турок. Власти их очень любезны и предупредительны; разумеется, отдельные случаи недовольства нашею администрациею были и более и более с течением оккупации будут, но ничего подобного общему недовольству на нас болгар, о котором толковалось и толкуется в иностранных газетах, нельзя было заметить. Пожалуйста, пусть высылают русскую газету «Новое Время» сюда в Париж — разве срок абонемента уже истек? Нельзя ли те №№, которые, вот уже неделя, не присылаются. Если Вы посылали что-либо в Болгарию, то должен Вам сказать, что ничего там от Вас не получил. Ничего также не купил из шитья и полотенец, ибо

был только в Балканах, в местах разоренных. Деньги на «Новое Время» может Вам дать Дмитрий Васильевич, которому вместе с поклоном моим передайте просьбу послать (если еще не послано) деньги в количестве 4500 рублей на Comptoir d'escompte[4] приблизительно, дабы оставить несколько сотен на расходы по упаковке и укладке картин из Москвы, в случае если выставка моих работ здесь состоится. Видел Орлова и слышал от него, что, кажется, дадут здание законодательного собрания (между нами, разумеется, покамест). Здесь много снега, все дороги кругом меня занесены, и я чисто-начисто блокирован. Этюды от Скобелева еще не получил, послал ему телеграмму. Он, милый человек, выслал мне не только казаков, но еще и офицера, своего ординарца, для сопровождения в снегах. Что было нужно для картин, сделал, хотя работал всего 5 дней. До свиданья

[*В.*] *В*[*ерещагин*][5]

Еще раз — *музыка* Бородина[6] мне не нравится, Мусоргский ориги[нальнее]!!![7]

Где снять портрет[8] для Суворина? Кто заплатит? В какую именно величину?

Леман в большой претензии на Вас за то, что Вы якобы причислили его к немцам[9]. Какой-то пра-пра-пра-пра его был саксонец, только остальное все русско-татарское, включая и его физиономию; Гун[10], тот был чистый немец, как Бруни[11] итальянец и т. д.

207. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Сергиевская, 79,
24 января [18]79

Ваше письмо от 10 января было для меня одно из самых хороших и интересных Ваших писем — вот я его и напечатал[1], почти целиком, и многие меня за него хвалили и благодарили. Если и Вы будете *не недовольны* — ну и слава богу, а нет — так нет. Знаете, меня особенно тронула черта — крест на могиле бедного нашего погибшего юноши. Я пошлю родителям № «*Нового Времени*» — я думаю, они расплачутся, но тоже благословят Вас. Я плохо верю в благословение[2], но сердцу счет веду. Теперь пойдут дела, слушайте.

1) Суворин просит Вас, чтоб Вы пошли и сняли свой портрет у *Гупиля*. На днях Суворин посылает ему уже и деньги как за этот портрет, так и (частью) за будущие фотогравюры

издания «Les contemporains russes» [3]. Особенно удобно Вам сняться именно у *Гупиля* потому, что он прямо так и приготовит Ваш портрет для фотогравюры; он знает и настоящую меру, какая нужна, и т. д. Суворину очень хочется начать издание *Вами* и *Львом Толстым*, но все еще неизвестно, кто из Вас двух попадет в I и кто во II выпуск: это будет зависеть от того, кто поспеет в работе раньше. Но кажется, что портрет Толстого будет не с фотографии, а с портрета [4] Крамского, потому что ему некогда ехать из деревни в Москву сниматься: сильно занят своим романом — «Декабристы» [5].

2) На «*Новое Время*» тотчас же подписался для Вас, на целый год; надеюсь, что Вы уже получили все январские номера.

3) Брату Дмитрию несколько раз напоминал про пересылку денег [6] Вам; но он все хотел *немножко* помедлить, авось курс поправится; но так как Вы и сами ему подтвердили, то он теперь же высылает Вам.

4) Леман напрасно недоволен мною: не *я* назвал его немцем из-за фамилии, а французы. Я только привел цитату из французских статей. Скажите это, пожалуйста, ему.

5) Можно или нет сказать в «Новом Времени», что приготавливается Ваша выставка [7] в Париже? Мне бы очень хотелось.

6) Мне было *очень приятно* видеть, что Вы все-таки вспомнили о здешней музыке. А если Бородин и другие не нравятся — что ж тут делать? — очень жаль. Авось когда-нибудь и полюбите.

7) Я посылал Вам в *Габрово*, на имя военного начальника (окружного) два раза газету с моими статьями, а еще подробное письмо про *Стуковенко*. Нечего делать, повторю здесь вкратце. Вообразите себе, что Стуковенко ровно *ничего* не знал, не слыхал и не читал про отыскание Ваших этюдов Скобелевым и только от меня первого узнал об этом. А это ему было очень-очень нужно, потому что наши 10 публикаций [8] до того проняли и доехали его, что (по его словам) ему просто хоть в гроб ложиться приходилось. Не только жена, родственники все жены поминутно бомбардировали его письмами, допросами, советами, присылкою печатных вырезок из «Нового Времени» с нашей публикацией, — это еще куда ни шло! — но и от начальства ему просто *прохода не было*. Куда ни поедет, куда ни явится, по службе, всюду раньше всяких служебных дел начинали его спрашивать: «Ах, это Вы тот г. Стуковенко, что с Верещагиным?..» И в канцеляриях, и в присутствиях, и на железных дорогах, и повсюду, повсюду ему не давали ни

отдыха, ни срока. Он даже принужден был раза 2 подавать формальные рапорты с объяснениями. Впрочем, верно, Вы все это знаете: он говорит, что еще в ноябре или декабре 1878 послал Вам в Париж подробное объяснение, с копиями документов. Да! *страшная сила* — печать, и сильнее этого конического ядра нет на свете. Что хотите, пробьет насквозь, и всюду сыщет. Только я Вам скажу, что на мои глаза этот Стуковенко — человек недурной, а в доме, где он живет, его просто *обожают*, и швейцар говорил мне со слезами на глазах: «Это святой человек!» По его словам, он долго не мог отправить этюдов из Плевны в Систово, потому что ждал *верной* оказии, а Вы сказали, что торопиться нечего, так как Вы уезжаете надолго в Турцию. Потом он заболел *смертельно*, долго пролежал в Габрове в тифе, и, вероятно, потому-то этюды и пересланы были туда Кирилиным или иным кем. Кирилин же еще в декабре или январе повез этюды из Плевны в Систово. Он был приятель Стуковенко, долго жил с ним в Плевне, и потому Стуковенко считал его «надежным человеком». Нынче, Стуковенко ужасно рад, что этюды нашлись. Вас же любит, и ценит, и уважает попрежнему. А так как, я вижу теперь, известия иной раз туго доходят, то я *нарочно* повторил, в скобках, в письме Вашем, известие о Стуковенко и Скобелеве. Это необходимо было, чтоб помочь капельку Стуковенко восстановить его пораненную репутацию.

8) Что касается турецких солдатских одежд, то Стуковенко говорит, что еще в декабре 1877 отправил вместе с которым-то транспортом целых 2 воза этих костюмов, для вас, из Плевны в Систово. Они и были сданы полицеймейстеру. Что с ними сталось, он не знает: сначала у него был тиф, потом беспрестанные командировки во все концы. Поэтому я и писал Вам, с его слов, что если Вам время позволит, во время пребывания Вашего в Болгарии, то Вы бы велели спросить в Систове; а если там [нет], то просто стоит спросить на *бывшей* его квартире в Плевне (которую весь город знает), близ церкви Николая, дом *Кирицы* и *Иована*, и вам оттуда дадут сколько хотите этих костюмов. Их там осталось целые вороха. Больше он ничего не может сказать.

9) С Гейнсом ничего пока я не мог поделать. Не было через кого. И Дубасов[9] и Баранов[10] (с «Весты»[11]) уже давно уехали из Одессы, а я больше никого не знаю там. Самому же Гейнсу я много раз писал — ответа все нет. Однако попробую еще послать *страховое письмо*. Что же мне еще тут выдумать?

В. С[*тасов*]

208. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[27 января/]8 февраля [1879][1]

Имея в виду, что курс неудержимо понижается, мы решили с Дмитрием Васильевичем, что он пошлет деньги *сейчас*, т. е. на другой или третий день после того, что мы вместе были у него. Прошел месяц, и он денег не послал, и в результате франков 500 потери. Зачем он делает так, а не по условию, *сделанному в виду явного падения курса*, — не могу понять.

Если будете писать родителям *юноши*[2], скажите им, что по старому знакомству с их убитым мальчиком я позволил себе распорядиться так: вертикальную палочку старого креста, уцелевшую, бросил в могилку, которую присыпал землею (причем, между нами сказать, убедился, что малый уже совсем пропал, сгнил так, что лопата ударилась о чистую, хотя и темного еще цвета берцовую кость), а поперечную, упавшую на землю, вместе с веревочкою или ветошкою, которою палки креста были связаны, взял с собою и пошлю Вам ее при первом случае — пошлите матери мальчика, ей будет утешение положить эту деревинку, окрещавшую могилку сына, в свою могилу, нашу общую примирительницу и успокоительницу. И не подумайте это печатать! То, что Вы привели в газете из моего письма, я почти назначал на это (кроме конца). Помня, что перед отъездом Вы просили об извещениях время от времени о поездке, я собрался, лишь когда сюда воротился. Но это по совести первый раз, что я знал вперед о имеющей совершиться *нескромности* Вашей.

Выставка моя не состоится здесь, по всей вероятности, Гамбетта[3] уже занял помещение в Corps Legislatif[4], на которое Орлов и я рассчитывали. Схожу еще к Орлову, и если получу окончательно *нет*, то распоряжусь так: пошлю Вам одну из моих картин с просьбою поставить ее хоть на постоянную выставку[5] к Григоровичу (который должен будет в этом случае очистить для нее весь угол) и пригласить посмотреть ее и наследника и Третьякова; который из них раньше согласится на условия мои, тому передается и эта картина и пошлются следующие. Мне, признаться, гораздо приятнее было бы иметь дело с купцом, чем с дворцом (без рифмы), но не могу я отдавать мою работу, стоящую мне такого громадного труда и усилия, талантом, деньгами и в особенности здоровьем, отдавать за бумажонку в одну тысячу или две тысячи рублей, теперь стоящих здесь лишь полцены. Коли никто не пойдет на мои условия *неразразниваемости* на веки веков, то рассержусь и стану передавать картины, по мере того как они будут готовы, Гупилю или другому торговцу, у них, дол-

жно быть, слаще будет покупать по 50 и 60 000 фр[анков] за штуку — и будут покупать. Напишите ответ, да поскорее. Я уже мысленно бранился с Вами за то, что долго не отвечаете. Я теперь положил себе окончательно ни с кем не знаться. Еще наш приятель гениальный дьячок [6], лучший, пожалуй, но и тот, как Вы верно заметили, завидует, как бес. Здешние все очень *пусты,* хотя писать картины, вставлять их в рамы и продавать умеют более или менее. На днях прочитал *Новь* [7] Тургенева — это такая чушь, такая бездарность и пошлость, что я читал и злился и ругался, а в прежних его вещах есть удивительно высокоталантливые вещи.

В. В[ерещагин]

209. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Сергиевск[ая], 79,
6 февр[аля 18]79

Василий Васильевич, вот мой отчет и ответы: 1) родителям убитого юноши (*Янькова*) написал, но не прямо, а через их близкого приятеля, генерала Слуцкого [1] в Киеве, потому что у меня не осталось их адреса; 2) вероятно, Вы уже *давно* получили и деньги и письмо брата Дмитрия с объяснением его резонов — значит, мне писать нечего об этом; 3) очень рад Вашей решимости послать сюда картину (а если будет, может быть, *две*, то и того лучше). Хотя на это потребуется немало времени и хлопот, но я непрочь заняться этим делом. Только я думаю взять себе тут на помощь никак не *хлыща, враля* и *благёра* Григоровича (даром, что он старый мой знакомый), а уж лучше — Крамского. Он там как себе ни резонируй и как ни распускай бесконечные соображения и речи, но по кр[айней] мере он не врет и не лжет, а это уже очень много!! Только теперь вот что мне надо сказать Вам: если Ваша выставка уже никак не состоится в Париже, а здесь, то *во-первых*, заблаговременно уведомьте о посылке картины (или картин), размерах и с какой стороны свет; *во-вторых,* какой впуск делать, даровой или за деньги? *в-третьих,* не боитесь ли вы совпадения? на 1-й и второй неделе поста (т. е. на следующей неделе, так как теперь у нас *масляница*) у нас начинаются разом обе наши художественные выставки: *передвижная* и *академическая*. А так как передвижникам Академия уже который год не хочеть давать помещения, то они вынуждены произвести свою выставку в Академии наук; но там мало места, и потому у них выставка произойдет двумя *сериями,* или *половинами,* значит, это дело пойдет до вес-

ны; 4) скажите: Вы уже *никак* не согласитесь выставлять свою картину (или картины) вместе с передвижниками? 5) Перед приездом картины сюда, не напишет ли сам Орлов наследнику? В крайнем случае я через кого-нибудь сообщу наследнику (хотите, через Струкова, хотите, через Шереметева [2], хотите, через кого другого еще).

Теперь, скажите еще: как дело с Вашим портретом у Гупиля? Сняли ли фотографию и делают ли фотогравюру? Что касается Льва Толстого, то я только что получил его ответ, что нового портрета ему делать некогда, а он позволяет снять фотографию с его портрета, писанного Крамским. Теперь только спрашивается: чей поспеет раньше и с кого дело начнется?

В заключение скажу Вам, что опять мне *понравился* кусочек Вашего письма, где про бедного мальчика Янькова.

В. С[тасов]

Кажется, выставка передвижников будет хороша: говорят, «*Софья в Новодевичьей келье*» [3] Репина вышла отличная, а потом еще говорят, у Крамского написан отличный портрет [4] Лавровской и еще несколько других вещей. А вот что еще: Савва Мамонтов [5], один из московских богачей, затеял издать великолепный *keep-sake* [6] из русских новых вещей, и рассказывают, что очень хорош рисунок Крамского «*Встреча войск в Петербурге после турецкой войны*» [7]. Представлена комната в Большой Морской: молодая вдова и кормилица с ребенком смотрят процессию через окно.

Вот еще одно: как я Вам завидую, что Вам можно *никого* или *почти никого* не видать!

Да, хоть видит око, да зуб неймет.

Близок локоть, да не укусишь.

210. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

8/20 февраля [1879] [1]

Скобелев прислал мне телеграмму генер[ала] Кренка [2], который извещает, что вещи, найденные в Габрове, оказались не мои, а какого-то капитана Верещагина, которому они и отосланы — значит, мои этюды *пропали?* Пожалуйста, дайте знать г[осподи]ну Стуковенко, что я намерен начать против него судебный иск, так как вещи мои мне крайне нужны и так как передал я их *ему*, а не Кирилину. Пусть он или найдет вместе с Кирилиным мои вещи, или я буду требовать с него убытки и не малые, удостоверяю его в том честным сло-

вом. Деньги отдам на школу, но с него все-таки сдеру и по суду... Благодаря Суворину, а отчасти Вам я сыграл дурачка перед Гупилем — ни об издании [3], ни об Суворине все они, сколько их было (4 или 5 человек), ничего не знали и только по тщательно наведенным справкам оказалось, что некий Суворин был действительно, но *только осведомлялся о ценах*, не более, а я разлетелся сниматься для *издания* Суворина — уж очень вышло глупо. Дело с Hachette *окончено*; буквально, врагу не пожелаю такого подлого объяснения, какое я имел с Templier; я вышел от него, как из паровой ванны, и теперь, как кошмар какой, вспоминается оно мне. Положа руку на портфель с перепискою по этому делу и постоянно по нем похлопывая, Templier, во-первых, любезно предупредил меня, что, бывши прокурором коммерческого суда, он говорит, зная дело, с уверенностью; знает, что я наверное заплачу, т. е. буду к тому принужден, потому что я, *будто бы уезжая, поручил Вам распорядиться моими рисунками по Вашему усмотрению.* Не отрицая, что у него в портфеле *есть все*, что ему нужно, я окрысился и сказал, что сам тоже наскреоу кое-что из переписки, откуда ясно будет, что сам он первый виноват, принявши от Вас не мои, а бог знает чьи рисунки и т. д. Ни на какие сделки, кроме отдачи ему того, что сделано, я не пошел, предлагал начать иск, как единственное средство, и в конце концов отделался моим предложением — чорт с ним. Жаль только, что дорога к Hachette мне теперь закрыта. Коли будет случай, не напишите ли Гейнсу, что он может своим текстом подтереть известное место, так как более его не требуется. Вы мне редко теперь пишете — постараюсь отплатить Вам тем же.

В. В[*ерещагин*]

К Гупилю не пойду без его извещения — скажите, пожалуйста, Суворину.

211. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Сергиевская, 79,
16 февраля [18]79

Так как у меня затерялся адрес *Янковых*, то я писал, как в прошлом году, к их приятелю генералу Слуцкому (в Киеве); он мне сегодня отвечает: «С живейшею благодарностью к Вам и знаменитому нашему художнику, Вас[илию] Вас[ильевичу] Вер[ещагину], я прочел письмо Ваше, снова доказавшее все редко-трогательное сочувствие Ваше горьким друзьям моим, — Янковым, которых судьба преследует немилосердно во всех отношениях. Недавно постигло их новое

тяжкое горе: та самая молодая Янкова, старшая дочь моих друзей, которая была у вас в минувшем году, ныне в больнице умалишенных доктора Дюкова в Петербурге. Ее довело до умопомешательства отчаяние, что она была не в состоянии устроить себя в Петербурге так, чтобы не только не быть в тягость бедствующим родителям, но и помогать им средствами к жизни. Судите, каким утешением будет для Янковых выписка Ваша из письма В. В. Верещ[агина], так как велика услада в скорбях — сочувствие вообще людей, а высокодостойных в особенности. Я сегодня отправил эту выписку, вместе с адресом В. В. Вер[ещагина], к бедной матери».

Меня очень поразило окончание истории с *Templier*. Признаюсь, я сто раз в последнее время задумывался: что-то из всего этого будет, как-то это все развяжется? С этим Гейнсом я и сам не рад, что когда-нибудь познакомился. Это вечное вранье, неисполнение *честных, самых честных слов*, вечные извороты и экскузации [1] — плохой знак и плохая надежда для завершения какого-нибудь дела!!! И вдруг Вы каким-то богатырским мечом рассекли гордиев узел! Жаль только, что я не знаю всех подробностей, с чего началось, и как, и почему именно? Но, во всяком случае, не все кончено, и я желал бы знать, для заключения спектакля: 1) куда должны пойти те многочисленные *деревяшки* (для гравюр), которые были ко мне присланы в несколько приемов от Тамплие, а одна партия от Вас, из Бомбея? Деревяшки превосходные, *на винтах* (что здесь, в Петербурге, вовсе неизвестно). Оставлять ли их здесь до поры до времени, или возвратить к Тамплие, или продать? Может быть, они Вам впоследствии пригодятся. 2) Кому мне отдавать часть денег, оставшихся на моих руках и полученных от Тамплие в 1875; *Гейнс* много раз повторял на мой вопрос, что пусть эти деньги остаются *пока* у меня, на Ваши расходы. Но теперь вопрос только в том: кто кому нынче должен (несколько сот рублей), Гейнс Вам или Вы Гейнсу? Впрочем, это должен разрешить сам Гейнс, потому что у *него* все счеты с Вами о 40 000 данных Вами ему взаймы. И я ему пишу теперь же, с просьбой покончить наконец эти счеты.

При этом я вот что скажу: мне очень жаль, что во время Вашего разговора с Templier у Вас не было ввиду вот каких соображений: он Вас *пугал* процессом, но, может быть, перестал бы, когда ему было бы между прочим замечено, что с его стороны сделаны только *матерьяльные, денежные* затраты, а со здешней стороны — *художественные*, как-то: рисунки и

композиции, которыми он уже отчасти *пользовался,* приносил себе *нравственную пользу,* потому что некоторые (чуть ли не все) из вырезанных деревяшек были оттиснуты у него в Париже и появлялись от его имени на двух парижских выставках. Это были туркестанские типы и сцены, которые своим интересом, конечно, действовали на выставках в пользу фирмы Hachette et C°. Все это я говорю, конечно, не для того, чтоб затевать какое-нибудь *сутяжничество* и *крючкотворство* судейское, но все-таки полезно и свои права соблюдать. Впрочем, если все у Вас ладно кончилось — ну, и слава богу! Со своей стороны я могу только заметить, что сколько раз я ни видал Templier, он в обращении выходил всегда совершенным *джентльменом* и ничего худого *не* говорил. Очень может быть, что 4- или 5-годичное оттягивание этого Гейнса рассердило и его, а все он, повидимому, и теперь ничего крючкотворного и сутяжнического затевать не намерен. Мне даже кажется, что рано или поздно, а все он опять с Вами *наладит* дело, именно по своему джентльменству, а еще более потому, что Вы ему можете быть полезны и именем и талантом. И я бы этого от всего сердца желал. Посмотрим, что-то скажет Гейнс?

Суворин *тысячу-тысяч раз* просит у Вас извинение. Он виноват перед Вами, и если во-время не послал уведомления Гупилю, то единственное его извинение в множестве дел, от которых, как на него посмотришь, право, голова кру́гом пойдет! Право, не мудрено при этом таскаными весь день во все стороны и при этой беспрерывной возне что-нибудь и позабыть. Но еще вчера, когда я ему сказал, как это скверно и неладно вышло, он сильно досадовал на себя и обещался в тот же день выслать деньги и инструкцию Гупилю. Завтра или послезавтра нарочно зайду, чтоб услыхать: *действительно ли* посланы деньги и письмо Гупилю, и тогда тотчас же Вам отпишу.

В то же время напишу Вам и про Стуковенку, которого (как доктора, весь день находящегося в разъездах) 2 раза уже не застал дома (а, заметьте, времени свободного тоже и у меня не очень-то много!).

Какая мне досада, сударь, что Вы не отвечаете ни на один из *всех* моих вопросов, по пунктам, а их было немало. Отчего же Вы это ни единого слова ни на что не отвечаете?

Нынче у нас до лета будет здесь целая куча худож[ественных] выставок. 1) Выставка в академич[еских] залах *общества выставок* (т. е. Якоби и К°). Семирадский тут не

появится, хотя и обещал поставить 2 картины, что поменьше, были на всемирной выставке в Париже, но теперь не хочет — сердит на Россию. Будут вещи Якоби, Маковского (Конст[антина]), скульптура Попова [2], привезшего какую-то «Фрину» из Рима, за которую его сделали профессором; ну, потом разные Орловские [3], Кёлеры [4] etc. 2) Выставка передвижников [5] — начинается на будущей, кажется, неделе, в одно время с тою, первою. 3) Выставка [6] *всех* вещей Антокольского — он недавно писал в Академию, но это еще там не устроено, наверное: если там не дадут места, он выставит где-нибудь в другом локале. 4) Сегодня утром приходил ко мне какой-то богатый поляк (маклак!), entrepreneur [7], который купил у Матейко [8] новую его огромную картину — *«Сражение у Грюнвальда»* (почти 5 саж. длины) и развозит ее по Европе, делает из нее выставки. В настоящую минуту она в Варшаве; здесь будет около Пасхи и будет выставлена недель 6. Судя по фотографии, должно быть вещь капитальная!! Этот синьор приходил спрашивать моего *«совета»*, как и где выставить. Но, признаюсь, я не очень-то одобряю новую эту *м о д у*, антрепренеров, скупающих картины и развозящих их по Европе. А как Вы на это смотрите? Очень легко может быть, что и Вам раз предложат купить у Вас *индийские картины,* чтоб развозить по выставкам. Согласитесь Вы? Так уже было с *Макартом, Семирадским, Максом* [9] ([....] его Христос—голова), теперь дело дошло до *Матейки.* Вероятно, дойдет и до *Вас* [10].

Сегодня же утром приходил ко мне редактор иллюстрир[ованной] газеты «*Нива*», какой-то неизвестный мне Берг [11], и просил меня передать Вам просьбу его журнала: напечатать в красках, в Лейпциге, одну из индийских Ваших картин. В случае согласия он просит назначить как самую вещь, так и объем гонорара за дозволение Вами этого издания. Акварельную или иную копию он закажет сделать в Париже, по Вашему указанию, если Вам угодно.

[*В. Стасов*]

212. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

22 февраля/6 марта [1879] [1]

Вы меня спрашиваете, не хочу ли я выставляться вместе с другими на передвижной выставке — НЕТ, НЕ ХОЧУ [2]. Чудно́ мне, что Вы об этом спрашиваете: каждая моя картина должна что-либо сказать, по крайней мере *только для этого я их и пишу* (вместе они скажут, может быть, еще более и яснее, потому что направление мысли многих сходно). С какой

же стати приплетаться или к царевне Софье[3] в белом атласном платье и др. более или менее интересным сюжетам, которые только отвлекают от них внимание и уменьшат непременно впечатление? К тому же я выработал свою технику, имею сказать много интересного и приучил общество к тому, что в картинах моих нет лжи и фальши; смотреть меня всегда пойдут — *зачем же мне компания*? Разве потому, что цыган удавился для компании? Вы пишете, что Григорович враль, болтун и т. п.; да ведь мы говорили о нем как о смотрителе и хозяине постоянной выставки, на которой можно было бы прекрасно поставить мои картины, а не как о человеке; какая нужда исправлять его blaguerе́ство[4], если картины хорошо поставлены, даны даровые входные дни и т. п. Значит, *отказываюсь от выставки* картин или картины; коли пошлю, то для передачи по назначению, просто.

От Гупиля никакого извещения не получил, а до получения оного *не пойду* к нему. Коли увидите Суворина, спросите, не хочет ли сделать издание (Гупилевским способом) моих картин последней русско-турецкой войны; на продажу я думаю можно надеяться, коли повести умеючи дело. До свиданья.

В. Верещ[*агин*]

На Кирилина и Стуковенко обращусь к суду, иначе ничего не будет.

Я думаю, что деньги, присланные Templier, принадлежат мне, ибо за деревяшки, сделанные с моих рисунков, я ничего не получил. Хорошо, кабы Гейнс прислал счет; я с ним, наверно, дела кончил, ибо считаю его *передергивателем;* впрочем, я думаю Вам порядочно надоело с ним нянчиться, не лучше ли на него плюнуть?

213. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

4/16 марта [1879][1]

Я посылаю на Ваше имя, Владимир Васильевич, картину мою *Пленные*[2], покажите ее наследнику и скажите, что, по моему мнению, таковая стоит того, что получает Коцебу за свои картины, т. е. 7000 рубл[ей]. Если заметят, что картина моя немного меньше размером, чем карт[ины] Коцебу, т. е. что это дорого, то можно допустить 6000 за такую величину; затем картины вполовину этого размера — $^1/_2$ этой цены; четверть — $^1/_4$ цены; $^1/_8$—$^1/_8$ цены; $^1/_{16}$—$^1/_{16}$ цены. Таким образом, после *торговаться не придется*, что весьма важно.

Всех картин больших и малых будет от 10—20. Разумеется, картины должны составлять одну нераздельную галлерею (не должны итти по рукам велик[их] князей). Я сохраняю на них право автора, т. е. право копий и всяческих снимков, также право взять их, когда понадобится для выставки (е[го] в[ысочество] не должен давать их на выставку без моего согласия). Картину надобно поставить не близко к свету и так, чтобы свет был с правой стороны картины (со стороны телеграфных столбов), т. е. с левой [стороны от] зрителя. Картина должна притти через день по получении этого письма. Коли Вам понадобится Струков, то его адрес: Английская набережная, собствен[ный] дом, за Николаевск[им] мостом. До свиданья.

Дайте, пожалуйста, знать Третьякову: коли е[го] в[ысочество] почему-либо не пожелает взять картин, то лучшего ничего не желаю, как отдать их Третьякову. По совести думаю, что цена моя не велика. *Невиль*, талантливый француз, берет за свои картины, военные, по 60—70 000 франков. Я уменьшаю мои требования ввиду того, что требую приема в одни руки целой коллекции. Хорошо бы, кабы Вы сами представили картину наследнику — другие не осмелятся выговорить е[го] в[ысочеству] *условия* мои, а между тем это крайне важно. Буду надеяться, что Вы меня в обиду не дадите именно настоянием на *условиях* дальнейших посылок.

В. В[ерещагин]

214. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Сергиевск[ая], 79,
6 марта [18]79

Вы читали, я думаю, Василий Васильевич, что государь император собственноручно возложил Владимира 4-й степени на грудь Григоровича, что при этом было великое торжество открытия *Музея*[1] в Б[ольшой] *Морской*, и т. д.? Значит, к Григоровичу все это время нельзя было и подступиться — и *до*, и *по* великий день. Но наконец я-таки его видел и передал ему вопрос о выставке у них Ваших картин — если б понадобилось. Он отвечал немедленно, со всегдашнею своею *fausse bonhomie*[2]: «Чего же Вы еще спрашиваете? Все, что я могу сказать — конечно, что мы *цалуем прах ног Вас[илия] Вас[ильевича], что мы в восторге, что мы в восхищении*. Пусть он только присылает картину или картины, и мы выставим, *когда, как* и *где* угодно у нас. Пожалуйста, так и напишите» При этом Григор[ович] попросил Вашего адреса и объявил,

что тотчас напишет Вам и сам. Я ему заметил, что если бы эта выставка состоялась, то Вы бы сделали ее или *даром*, или с *платою за вход* в пользу школ или иных заведений, или в чью бы то ни было пользу, но никак не в пользу Общ[ества] поощр[ения] Художн[иков]. Григорович отвечал, что он вполне все это понимает и принимает всякие Ваши условия, какие бы они ни были. Теперь ко всему этому я прибавлю только, что государь уезжает в Крым между 17 и 20 мартом, а воротится (говорят) около 20 мая. И это Вам надо принять в расчет, если Вы не прочь от продажи картины или картин. Про Льва Толстого Вы, конечно, прочитали уже мою приписочку [3] карандашом под письмом бедной матери Яньковой, которое я Вам переслал третьего дня. Заметьте, что она *ждет* поперечной перекладины с креста от могилки ее бедного сына. Не помню, писал я Вам или нет, что у этого несчастного семейства еще новая беда — молодая дочь сошла с ума от бедности и того горя, что не могла пристроиться к чему-нибудь здесь и добывать деньги для себя и родителей. Вот эта бедняга так говорит правду, и от истинной души — это не то, что медовые фразы Григоровича, с притворством и неправдой в каждом слове. Видел я сегодня барона Остен-Сакена, и он Вам кланяется, а при этом случае напоминает, что так как Вы сами беспокоились о пашпорте, то просит он напомнить Вам, чтоб Вы повидались с Кумани и заявили бы ему о желании потребности Вашей иметь пашпорт, а он уже напишет в министерство к ним, и Остен-Сакен даст делу надлежащий толчок. Скажите, пожалуйста, Леману, что его «Premier empire» [4] в широкополой шляпе и розовом платье производит здесь величайший фурор между художниками, всеми вообще — как *передвижниками*, так и всякими иными. Все толкуют постоянно о вкусе, изяществе, ловкости письма и проч. Что касается до меня, то я сильно радуюсь этому успеху, помня Вашу дружбу к Леману и заботу о нем, но я бы чисто соврал, если б сказал, что любуюсь на Лемана столько же, сколько все эти господа. Ведь я не их брат художник, и никакими судьбами не в состоянии радоваться на одну технику, не только *лишь милую*, как у Лемана, но даже какую угодно, хотя бы талантливую самой высокой пробы, когда она не связана с сюжетом, т. е. головой, мыслью, содержанием. И потому я ни с кем из этих господ не вступал в спор, но не раз удивлялся на них про себя. Сегодня утром государь был на передвижной выставке и сказал сопровождавшему его Владимиру Алекс[андровичу], что покупает для Эрмитажа «Русалок»[5] Конст[антина] Маковского. Что это за картина, Вы легко поймете, немного зная автора. Все голые

женщины — француженки какие-[то], довольно плохие; всего еще лучше эффект луны на воде, по самой середине картины, и срединная рыжая Русалка. «Софьей» Репина я что-то недоволен, и это просто мучит меня, хотя многие части написаны просто изумительно. Право, не знаю, как быть: врать ни за что не хочу в печати, а сказать правду — это значит доставить великую радость всем врагам новой русской школы — идиотам и разнокалиберным мерзавцам. Наконец, еще я не слишком-то тужу, что со мной раззнакомился Антокольский и перестал мне писать, с тех пор что я в отчете о всемирной выставке [6] «осмелился» напечатать [7], чем я недоволен в его Христе (ведь большинство художников обыкновенно требуют горячо, настойчиво и искренно — *правду*, голую нескрываемую *правду*!!! а только поди скажи в самом деле эту правду, как ее разумеешь, и тебя тотчас ссылают туда, куда Макар телят не гоняет); вот с Анток[ольским] и пускай [8], Репина я не желаю терять, он мне слишком важен и дорог. Вот я и нахожусь в ужаснейшей нерешимости, как тут быть. Посмотрим... [9] От Суворина еще не получил ответа насчет издания Ваших картин. Завтра или послезавтра напишу. *Стуковенко* видел и не слишком спешил писать Вам про него, потому что уже и *Струков* адресовался к нему от Вас с тем же поручением. Но что может сказать Стуковенко? Конечно, ничего!! Он сдал вещи Кирилину, потом сам уехал, был несколько месяцев в тифе ужасном, потом в Южной Болгарии, на театре войны — что же он в состоянии знать про посылку?! При таких обстоятельствах, разумеется, никакой *суд* на свете его бы не обвинил. От Кирилина ждем теперь ответа о его поисках, а я теперь разыскал фамилии и местожительства двух полицеймейстеров (*кроме Подгурского*) в Систове в конце 1877 и начале 1878 года. Пишу им, и какой-нибудь да ответ наконец будет.

В. С[тасов]

215. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Пуб[личная] б[иблиоте]ка,
6 марта [18]79

Василий Васильевич, я наконец изловил сегодня Суворина, и он первым словом сам меня попросил написать Вам, что с Гупилем все уже теперь окончательно устроено, через Ропета, и деньги отправлены. Недоразумение же с Вами произошло оттого, что Вы говорили с самим Гупилем, а не с monsieur *de Pussy* [1], который заведует мастерскими и произ-

водством фотогравюры и с которым Суворин лично и условливался. Когда будет все готово, Ропет к Вам приедет или напишет, чтоб условиться, когда Вам удобно будет (да и гупилевскому заведению тоже), чтобы Вам сняться. Вот это одно.

Теперь другое. Я дал Суворину прочитать 2—3 строки, касавшиеся до него в Вашем письме [2], и он просит Вам передать, что *он бы непрочь* от издания у Гупиля (или гупилевским способом) Ваших картин из турецко-русской войны. Но ему, натурально, надо знать подробности: 1) сколько их приблизительно будет, 2) во сколько времени или когда они будут появляться, 3) в каком формате Вы хотели бы их издавать: большом, среднем или малом? Он просит Вас обо всем этом ему ответить, прямо или через меня, и вместе потолковать у Гупиля с этим г[осподином] de Pussy на счет всех подробностей. Издание должно бы, по всей вероятности, выходить *выпусками.*

В. Стасов

216. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

10/22 марта [1879] [1]

Владимир Васильевич.

Я Вам писал последний раз, что выставлять картину [2] не нужно, а только показать ее наследнику и Третьякову, первому, разумеется, прежде (так как Боголюбов положительно говорил, что е[го] в[ысочество] желает иметь их), затем, коли цесаревич не пожелает взять их на предложенных мною условиях, то можно сойтись с Третьяковым. Условия мои, расценку картин по их величине вперед я сделал не для аферы, как Вы понимаете, а для того, чтобы не было надобности торговаться после или отсылать картины для оценки в Академию:

1) величина (как посланный образчик), то же, что получает Коцебу, т. е. 7000; коли скажут дорого — 6000,

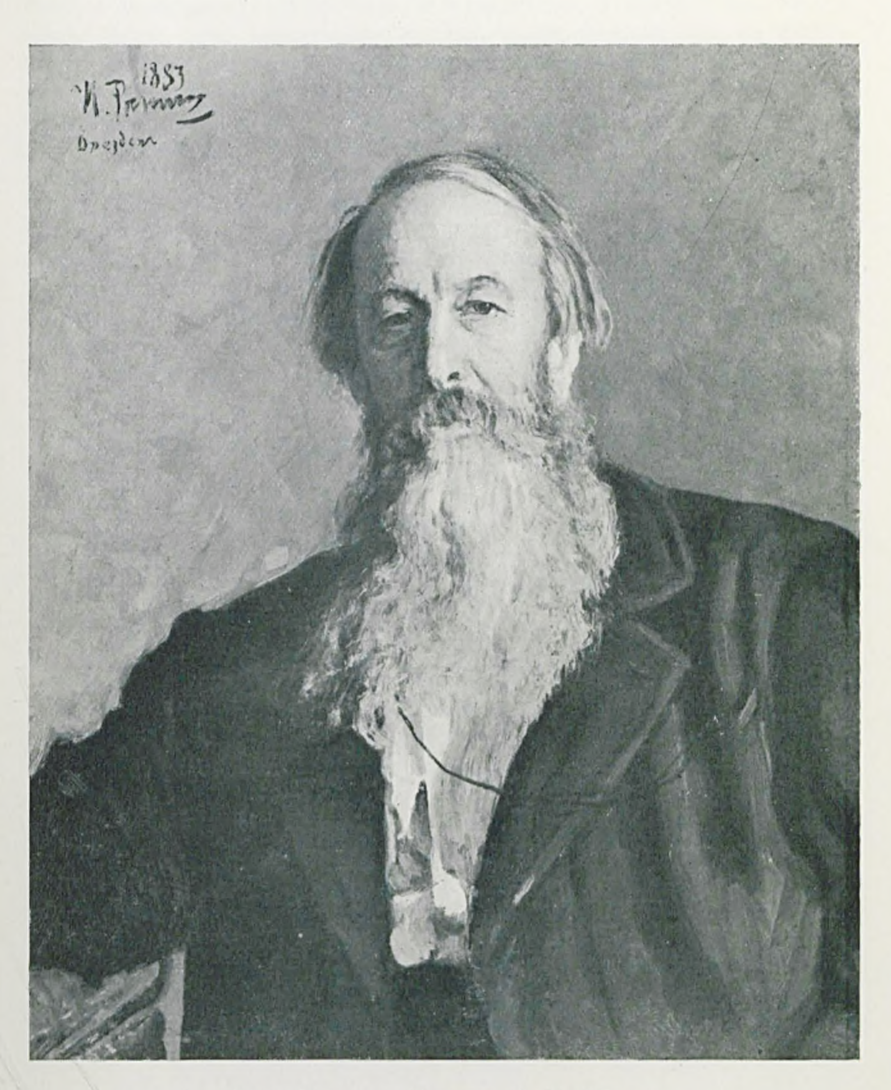
2) половина этой величины — половина денег этих, т. е. 3500 или 3000,

3) четверть — четверть денег,

4) $^1/_8$ — $^1/_8$,

5) $^1/_{16}$ — $^1/_{16}$.

По совести, 7000 рублей недорого, принимая во внимание, что я не делал того, что не высмотрел сам с опасностью жизни.

И. Е. Репин. Портрет В. В. Стасова
1883

Невиль за свою последнюю батальную картину взял 70 000 фран[ков] [3]. Конечно, я принимаю в расчет то, что у меня берут всю коллекцию в одни руки. Верно, Вы не получили мое письмо [4], что прислали телеграмму??? В этом письме я прописал все мои условия: чтобы за мною оставили все права автора, право копировать, воспроизводить гравюрою, фотографией и проч. Право выставить в Петерб[урге], Москве и Европе (так что е[го] в[ысочество] или приобретший не имеет права посылать картины на выставки без моего согласия). Картин всех размеров будет от 10—20, из них 3—4 небольших могу прислать сейчас. Ту картину, что Вам послана, надобно поставить дальше от света, так, чтобы свет был со стороны телеграфных столбов, и не подпускать зрителя близко к картине.

До свиданья.

В. В[ерещагин]

Все картины должны быть вместе, нераздельно.

217. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Сергиевск[ая], 79,
воскресенье, утро
11 марта [18]79

Вчера утром я получил Ваше письмо с уведомлением о посылке картины и с *подробными условиями;* вчера же телеграфировал Вам мое предложение насчет публичной выставки у Григоровича, а сегодня ночью получил все 3 Ваши ответные телеграммы [1].

1) К Шеремету я послал вчера запрос: когда мне можно его видеть — ведь к этим *господам* нельзя притти просто так, сразу, незнакомого не примут. Ответа пока нет. Надеюсь получить сегодня, позднейшее — завтра, и тотчас начну действовать.

2) К Третьякову послал коротенькое письмо [2].

3) Картина еще не пришла. Насчет рамы не беспокойтесь: я бы и сам без рамы не стал показывать.

4) Боюсь, что *письма отсюда* будут всегда долго итти, по случаю карантина чумного [3] в Пруссии. Об этом я сказал Вам и в телеграмме.

5) Сегодня, вероятно, будет в *«Новом Времени»* два слова о том, что картина идет сюда и что скоро будут еще и две, и *предположение* о выставке в Обществе поощрения художников. Но хотя это уже не состоится — беды нет! Пусть

публика *петербургская,* и вообще *всей России,* знает, что уже началась Ваша серия картин о великих русских событиях[4]. Суворин особенно просит тотчас же напечатать маленькое известие, хотя бы даже выставка не состоялась. Вероятно, тотчас все газеты перепечатают, и это ничему не помешает.

Нечего, кажется, мне прибавлять, что никаких хлопот не пожалею и постараюсь сделать все как можно лучше. Впрочем, ничего *окончательного* не буду предпринимать без обмена телеграмм с Вами.

Что же касается простых писем, пожалуйста, помните, что *отсюда* они теперь будут итти дольше.

Отъезд в Крым царской фамилии отложен на 6 апреля, значит, очень может быть, что и государь увидит картину, *если увидит ее и наследник.*

Итак, сижу у моря и жду — ответов со всех сторон.

В. С[тасов]

Р. S. Покуда к Струкову не обращался — еще не нужно (он живет в Петергофе, где командует уланским полком). Но у меня, кроме него и Шереметева, есть еще в запасе гр. Перовский, родня и приятель нашего дорогого, милого, любезного Владимира Жемчужникова.

218. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

13/25 марта [1879][1]

Я опять в Лондоне, как видите, — все смотрю помещения [....] для моей выставки [....] Бартоломе, наш поверенный в делах здесь, говорит мне, что принц [Уэльский] целых полтора часа продержал его у себя, все толковали обо мне и моих картинах, так что дипломата нашего, кажется, немного сконфузил такой избыток внимания. Уэльский затем говорил Бартоломе, что он *непременно желает, чтобы картины мои, относящиеся до Индии, остались в Англии.* На возражения Бартоломе, что я хочу отправить их потом в Россию, он говорил, что пускай отправлю другие мои картины, а эти, как относящиеся до Англии, должны остаться в Англии [....] Это все говорю Вам *под секретом* и прошу Вас истинно по-приятельски дать Ваш совет, на случай если в самом деле предложат оставить мои работы в Англии? [....] А все как будто неловко, хотелось бы оставить их в России, хоть за меньшую цену. С другой стороны, хоть бы Третьяков, напр[имер], которому этюды мои так понравились, ходил, ходил, нюхал, щупал, а ничего не говорит о том, что желает дать за них

деньги — не предлагать же мне ему. Другие все хотят утащить по картинке для пополнения своей модной мебели, что не подходит под мои намерения. Разумеется, снимать шкуру с неубитого медведя не следует, но все-таки *напишите поскорее,* как бы Вы думали следует поступить в случае, если серьезно предложат место моим картинам в одном из здешних музеев? О том, чтобы наше правительство заплатило, что следует, не благодетельствуя мне и не раздирая рты зависти множества кропателей картин и иных художеств, кажется, нельзя надеяться. Почти уверен, что назначенную мною цену, 7000 руб[лей], за отправленную Вам большую картину найдут слишком высокою и сейчас же приведут в пример Виллевальде [2] и комп[анию], довольствующихся малым за большие труды.

Выставка здесь будет стоить мне порядочно дорого, но надеюсь воротить деньги, так как буду собирать шиллинги. Впрочем, довольно о деньгах. До свиданья. Черкните поскорее.

В. В[ерещагин]

Не могу верить, что я когда-нибудь обеспечу свое *завтра* и не буду раздражать свою печень и весь организм боязнью того — хватит ли до будущего года?

219. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

16/28 марта [1879] [1]

Каковы прохвосты эти москвичи с Боткиным и какой же прохвост Гейнс: первые отказывают мне в праве выставить мои картины в Европе (где они еще не были выставлены, как Вам известно) и ссылаются на то, что последний ни одним словом не оговорил моих прав при продаже, а между тем удержание права выставить мои работы и также брать их в случае надобности было главною причиною моего отказа от продажи картин враздробь, что дало бы мне несравненно бо́льшие деньги. Я пишу Боткину на его вторичное уверение, что общество [2] не намерено переменять своего решения, что я буду судом оспаривать у них право лишить художника возможности показать свои работы Европе, и, разумеется, приму меры, чтобы никакие мои картины не попали более к почтенному обществу, так самодурно относящемуся к самому естественному желанию художника сделать свои работы известными. Я принимаю на себя весь риск по отправке картин сюда и обратно — не хотят, подлецы, говорят, т. е. Боткин говорит, что Гейнс ничего не выговорил при продаже! Эдакая

свинья, эдакий ловкий мазурик этот Гейнс — значит, и тут передернул. Я воротился из Лондона и опять туда еду, устанавливать картины свои, галлерея есть недурная. До свиданья.

В. В[ерещагин]

Пожалуйста, не дайте меня в обиду *условиями,* пусть *примут* их или *не примут картины.*

220. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Сергиевск[ая], 79,
понедельн[ик] 19 марта [18]79

Завтра или послезавтра, вероятно, опять пойдет у нас с Вами обмен телеграмм, и письмо будет у Вас в руках гораздо позже их и всяческих *коренных* решений. И поэтому я здесь сообщу Вам только, как происходили подробности за все это время. Третьего дня утром я получил повестку из конторы экспедитора Сегала [1] о получении картины и рамы. Днем же я уплатил за пересылку огромную сумму (огромную — так как *легкая почта!!*) = 289 руб[лей], 30 коп[еек] (688 франков 80 сантимов) и потом отправился в цензуру, где была картина — неразвернутая, в ящике. Оказалось, что чиновник обожает картины Верещагина, и знает все, что писал о нем В[ладимир] С[тасов], и дело было кончено в несколько секунд. Куда было везти картину? Ко мне — и далеко, и помещения нет; притом частный дом, и всякая беда могла случиться. Потом думал поставить в мастерской у Крамского: *удобство* то — что под рукой есть сейчас люди, чтоб натянуть холст и собрать раму, но *неудобство* — то, что пропасть народу (и именно художников) может ходить и смотреть, и от них трудно спастись; притом он человек семейный; наконец, все-таки дом частный, и мало можно надеяться помощи в случае какого несчастия. По всему этому я остановился на Влад[имире] Жемчужникове. Тут соединялись все удобства: 1) два шага от цензуры и очень близко от Аничкова дворца [2]; 2) человек холостой и совершенно одинокий — посетителей никогда никаких; а если бы и оказались, то по обширности квартиры никто *по нечаянности* ничего не увидит; 3) дом, где сам министр живет; квартира целого «директора департамента», значит, всякую минуту готова к услугам не только полиция, но толпа дворников, вахтеров, сторожей etc. Наконец, 4) Вл[адимир] Жем[чужников] сама discrétion [3] и доброта, надежность и — любовь к Вам. Итак, я просто пришел к нему и объявил: Вл[адимир]

Мих[айлович], пожалуйте Вашу квартиру, мне она нужна, и я ее беру. Он отвечает: «Берите». А так как в эту минуту наш разговор происходил в Департам[енте], в его директорском кабинете, то он взял лоскуток бумажки и черкнул домой, слуге своему, приказ делать, чтó и кáк я скажу. Через несколько минут мы уже с Собкой собственными руками внесли в его квартиру *цилиндр,* вынутый внизу в швейцарской из ящика, и осторожно развернули на паркете. Уже и тут с первой секунды ясно было, что это — chef d'oeuvre. Несколько часов холст пролежал, для отдыха от дороги, ненатянутый, *под* тонкой бумагой и *на* подложенной бумаге, а потом натянут на подрамок опытным техником этого дела. Раму еще не надевали тотчас, потому что на двух уголках был *крошечный* изъянец, этак с $^1/_4$ вершка, и надо было привести его в порядок. Итак, вчера видели картину трое: Жемч[ужников], Собко и я. Потом ее завесили простынями, и никто более не входил в ту комнату. Сегодня видели ее, утром: мой брат Дмитрий (которому от Вас раз навсегда дано разрешение), Ник[олай] Жемч[ужников] [4], гостящий у брата на несколько дней (он секретарь посольства в Лондоне, и это он устроил нам — помните — историю с Шуваловым насчет Ост-Индии!); наконец, два Ваши брата, Ник[олай] и Алекс[андр], так как первый из них получил от Вас (как он мне сказал) приглашение посмотреть картину. Более никому я не намерен показывать, потому что своего рода Цербер [5]. Впечатление на всех совершенно одинакое, т. е. все в один голос находят картину великолепною, но все полагают, что навряд ли картина будет понята и оценена т а м — тут нет ни торжества, ни бьющих барабанов, ни штыков, ни знамени и сабель! Чтó до меня касается, я нахожу, что картина великолепна не только по всему, по всему, но еще и писана в *самой блестящей манере* лучших «индийских» картин Ваших. Между тем наследника все еще нет, и я принужден был, значит, *предварительно* повидаться и потолковать с его адъютантом, Шереметевым [6] — только не Вашим (который в отсутствии), а с графом, двоюродным братом того, и отличным парнем. Он мне сам сказал: «Все равно-с, что мой двоюр[одный] брат, что я». И я ему изложил все, *что* нужно и *как* нужно. А потом еще написал подробное письмо, такое, которое он бы мог показать или прочитать наследнику, в том случае если меня самого не позовут. Шереметев сказал, что в интересе насл[едника] он не сомневается, и даже почти убежден, что он поймет надобность купить все, но, быть может, затруднение будет — *в деньгах,* так как он располагает немногими. Впрочем, конечно, это он сказал только личное

свое предположение. Тогда я, разумеется, возразил, что наследнику стоило бы только сказать слово государю... Итак, будем ожидать возвращения насл[едника] из Курска. Если потребуют картину во дворец, я велю ее нести на руках, горизонтально, натянутую (как это здесь не редкость), натурально закрыв холстами и войлоками. Между тем опасаюсь, что потом, пожалуй, трудно будет показать Третьякову, да и чтоб не потерять напрасно времени, я вызвал его телеграммой [7], и он, бросив все дела, прилетел сегодня же утром, не заезжая никуда в городе, ни в какую гостиницу — прямо к Обухову мосту [8]. Я ему показал совершенно наедине, и он был, разумеется, в полном восхищении и признавал картину сразу chef d'oeuvre'ом, как и я. Но еще раньше чем пойти в ту комнату и поднять простыни, мы *держали совет* добрый час, и вот что он просит сказать Вам: 1) Разве крайность и огромная сумма может его остановить в покупке (в том случае, если насл[едник] не купит). Вступать в компанию с другими он не видит возможности, потому что был достаточно проучен уже и с Ташкентской коллекцией. 2) Он просит Вас, раньше чем *взять на себя обязательство,* сказать ему: *с к о л ь к о и м е н н о* картин надо ожидать в этой коллекции? В двух-трех, конечно, нельзя точно определить, но необходимо бы ему знать: будет ли 10 с чем-нибудь, или 15 с чем-нибудь, или 20 с чем-нибудь? 3) Ка́к они *приблизительно* распределятся по размеру, т. е. сколько *приблизительно* будет больших, сколько средних, сколько малых. 4) Не можете ли сказать *приблизительно,* какую эту сумму составит в итоге? 5) В случае покупки, в какие *с р о к и* и на каких антрактах Вы согласились бы *рассрочить* сумму? Согласитесь, раньше, чем принять на себя такое крупное обязательство, трудно не спросить всего этого. Наконец, 6) не скажете ли Вы *приблизительно*, какие будут главные сюжеты?

В результате же Третьяков в большом энтузиазме, и если деньги, сумма общего ему будет *доступна* — купит.

В. С[тасов]

Пусть телеграммы идут своим порядком, а подробные письма — письмами.

221. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[21 марта/] 2 апреля [1879] [1]

Представьте себе, Владимир Васильевич, что иезут Боткин еще раз пишет мне, что общество их не намерено изме-

нять своего решения, т. е. что оно не дает мне выставить в Париже мои туркестанские работы. Павел Мих[айлович] Третьяков, которого я просил вступиться, не только одобрил это решение, но еще прописал мне, что он *не соглашался бы на такое условие* и что *если еще дать художнику право брать свои работы для выставки, то что же останется владетелю их (за его деньги)!* Это уже пахнет не джентльменом, а аршином. Не забудьте, что я обязал Гейнса первым делом выговорить мне право брать не надолго те этюды, которые понадобятся для будущих работ, и всю коллекцию для выставки в Европе также, разумеется, на небольшой срок и на моей полной ответственности. Значит, эти крепостники поймали меня на обмолвке. Пишу это Вам потому, что получил Вашу телеграмму о желании П[авла] Мих[айловича] купить мои работы: не отдавайте их ему, иначе как *с обязательством его дать мне их для выставки в Европе* (т. е. в Париже и Лондоне), когда я ему об этом заявлю [2]. Остальные условия те самые, разумеется, которые я писал прежде. Коли нет желания у наследника или у Третьякова согласиться на мои условия, т. е. если Вы увидите, что они, что называется, переминаются, пожалуйста, *сейчас же вышлите картину назад*. До свиданья.

В. В[ерещагин]

222. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[Париж, 22 марта/3 апреля 1879] [1]

Sur moindre hésitation rénvoyez vite tableau.

Vereschagin [2].

223. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

24 марта/5 апреля [1879] [1]

Владимир Васильевич.

Я могу только повторить [2] Вам то, что сказал, т. е. что будет не менее 10 и не более 20 картин Пусть Третьяков не воображает, что я ему постараюсь втиснуть *побольше* — я, напротив, боюсь, что не буду иметь терпенья сделать то, что задумал; тем менее будет этого терпенья, чем более Третьяков или тот, кто возьмет картины, будет просить делать *поменьше* и *подешевле*. Возьму и утеку в Индию или Китай. Впрочем, 10 картин обещаюсь сделать наверное, разумеется, больших и малых, вместе. Затем думаю, что не придется заплатить менее 50 000 руб. и более 100 000; в первом случае,

рассрочка платежа на 3 года, в последнем на 5 лет. Повторяю, Владимир Васильевич, что я стращаю Вас такими цифрами, до которых сам *никак не надеюсь* дойти, — ставлю их на случай, чтобы если паче чаяния будет терпенья и здоровья достаточно, чтобы исполнить задуманное, не обвинили бы меня в подвохе, в вытаскивании из кармана П[авла] М[ихайловича] или кого другого сверх положенного. Как возвращусь [3] из Лондона, буду продолжать 2 начатые картины *Телиш*. Остальные сюжеты сам еще не установил в голове, впрочем, когда и установлю, так не скажу, ибо считаю это неудобным и действительно меня стесняющим. Благодарю Вас очень за Ваше милое, обстоятельное объяснение установки моей картины и Ваших первых действий. Еще раз повторю просьбу не отдавать П[авлу] М[ихайловичу] Третьякову без его обещания *дать картины для выставки в Европе*, когда понадобится. Он уверяет, что в этом случае владельцу *ничего не останется*.

По желанию Вашему был у фотографа с карточкою Гупиля к Pussy, адрес которого прислал Ропет. Слушайте — фотограф отвечал мне, *что ничего не знает, совсем не предупрежден и снять не может*. Теперь пусть Суворин подождет подольше, кстати, я уезжаю в Лондон.

В. В[ерещагин]

224. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[24 марта/] 5 апреля 1879 [1]

Владимир Васильевич.

Зачем Вы хотите, чтобы наследник знал о предложении продажи моих картин [2] принцу Уэльскому? Я именно просил Вас [3] *никому не говорить об этом* до поры. [....]

Не постигаю Ваших резонов. Позвольте Вас еще раз поблагодарить за Ваш совет и все Ваши подробные сообщения — так и сквозит в них желание сделать все возможное, — а все-таки не знаю, зачем Вы говорите о том, о чем именно просил Вас покамест не говорить.

До свиданья. *В. Верещагин*

Брат мой также писал мне не церемониться, отдавать, если предложат взять — посмотрю, предложат ли.

225. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

31 марта /12 апр[еля 1879][1]

Коли будете писать, Владимир Васильевич, то вот, для краткости, мой лондонский адрес: London, Queen's-gate Terrace, South Kensington Hotel[2].

Выставку сделаю так хорошо, как будет можно, благо галлерея не дурная[3]. Денег ест эта выставка и еще съест — страшно сколько. Послезавтра, т. е. 3/15 апреля, опять буду в Лондоне и останусь там около 2 недель.

Это уже 5-й раз, что я буду в Лондоне с Вашего отъезда. Писал уже Вам, что новая попытка сняться не удалась, ибо фотограф, по его словам, «n'était pas du tout au courant de l'affaire»[4], не был предупрежден *ни одним словом* — нечего сказать, внимательность этих господ.

Вы, верно, получили оба письма[5] о П[авле] М[ихайловиче] Третьякове — и люблю его и бью его.

С Боткиным совсем рассорился за его ехидный подвох насчет туркестанских картин, не позволяют выставить их в Европе да и баста; да, впрочем, я еще попробую их донять коли не честью, так бесчестьем. До свиданья[6].

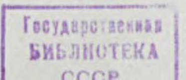
В. В[ерещагин]

Кланяйтесь, пожалуйста, Собко Н[иколаю] П[етровичу].

226. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], 4 апреля [18]79

Генерал Зиновьев[1] сообщил мне, что вел[икий] кн[язь] не может купить коллекцию картин, потому что она не кончена. Прочие подробности — когда-нибудь после. Но вот что отвечает мне сегодня Третьяков — и это письмо так чудесно, что я признаю его просто «историческим», и оно достойно сохранения для будущего времени[2]: «...Что может теперь случиться? Или коллекции совсем не будет, или она будет раздроблена, или и вовсе не попадет в Россию. А ведь война эта — событие мировое! Только, может быть, в далеком будущем оценена будет жертва, принесенная русским народом. И за изображение этакого-то события берется такой художник, да еще очевидец!! Если бы это дело не состоялось, кто бы тут был более виноват, художник или общество — я не берусь разбирать, но только это было бы очень прискорбно. Ввиду этих соображений я решаюсь сделать следующее предложение: я могу определить на это дело н е б о л е е 75 000, это — *maximum*[3] (и то с помощью брата моего), с рассроч-

кою на 5 лет. Мне кажется, если бы Вас[илий] Вас[ильевич] несколько изменил цену, так, например:

большой размер — 6000,
средний — 3000,
малый — 1500,

то стоимость коллекции из 20 картин приблизилась бы к предлагаемой мною цифре. Разумеется, вовсе *не желательно* сокращать количество картин — а наоборот. Убавка цены, Вы очень хорошо поймете, есть не оценка, а указание средства достигнуть цели. Дело в том, что я не могу располагать более вышеозначенной суммы, а желательно бы по возможности не сокращать того количества, *какое автор найдет нужным делать,* а все, что он найдет нужным, мне кажется, *должно быть сделано.* Я не располагаю такими средствами, как некоторым может казаться: я не концессионер, не подрядчик; имею на своем попечении школу глухонемых, обязан продолжать начатое дело — собирания русских картин (некоторые вообразили, что с приобретением Ташкентской коллекции Верещагина я перестану собирать картины!) — вот почему я *вынужден* выставлять денежный вопрос на первом плане. Теперь насчет содержания: как ни странно приобретать коллекцию, не зная содержания ее, но Верещагин такой художник, что в этом случае можно на него положиться, тем более, что, помещая свои картины в частные руки, он не будет связан выбором сюжетов, и *наверное* проникнут духом принесенной народной жертвы и блестящих подвигов русского солдата и некоторых отдельных личностей. . . . . . . На картину нынешнюю я смотрю как на преддверие коллекции. Чтобы картины были даны для выставки в Европе, я на то вполне согласен. Я не намерен извлекать из нее никаких выгод *для себя,* и потому, мне кажется, можно бы предполагать уступку в цене (как выше сказано) против всех иных приобретателей...»

Это письмо, на мои глаза, — великолепно, и радует меня бесконечно за современных мне русских людей. Таких, мне кажется, не много встретишь, не только у нас, но где угодно. Благородство, джентльменство, патриотизм, любовь к отечественному искусству и к искусству вообще — все тут встретилось!! Я восхищен [4].

В. С[тасов]

Если Вы согласитесь на предложение посылать картину в Москву?

Брат Дмитрий взят вчера в III отдел[ение], по какому подозрению [5] — ничего не знаю. Был вчера обыск и у нас, и увели моего брата Александра [6].

227. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

4/16 апреля [1879][1]

Что за холоп, нахал, свинья этот красивый и богатый Шереметев; его куриный ум решил, что, *отшаркнувшись* от наследника, я непоследовательно снова пришаркиваюсь (должно быть, так) к нему — эдакий идиот[2]. По приглашению е[го] в[ысочества] я пошел в Аничковский дворец — разве это значит пришаркиваться? Меня заставили прождать и велели притти другой раз. Я уехал, потому что не имел ни охоты, ни времени без толку шляться по передним — разве это значит отшаркиваться?[3] Картину мою[4] послал прежде к наследнику потому, что был в очень неловком положении благодаря вмешательству Боголюбова: еще *до отъезда* моего в Болгарию (перед войною) он просил дозволить ему предложить е[го] в[ысочеству] мои будущие работы; с тех пор еще раза 2 или 3 говорил о том же — я дозволил. Вероятно, потому, что цель Боголюбова была главным образом держать меня под покровительством и замолвить обо мне раньше других, т. е. главным образом выдвинуться самому как покровителю талантливого человека; толку вышло немного: е[го] в[ысочество], по словам Боголюбова, *желал иметь мои картины*. Вы знаете, что в Питере я хотел (по предложению же Боголюбова) переговорить с наследником — знаете и результат. Теперь я был в таком положении, что не мог говорить ни с Третьяковым, ни с кем другим, не сделавши невежливости наследнику, чего я не хотел, ибо с Туркестанскою коллекциею был уже раз невежлив относительно государя, обещавшись отдать картины ему и вместо то[го] со злостью на чиновных болванов отдавши их купцу Третьякову. *Вот почему я послал картину и решился узнать наконец берет е[го] в[ысочество]* или нет. Сам же я все-таки не пошел бы опять сидеть в передней понапрасну, т. е. если бы не был уверен, что меня наверное примут и будут говорить со мною о деле, вместо того, чтобы заставлять в лакейской болтать с такими дураками, как Шереметев, напр[имер]. Наверно, объясню ему, первый раз, что встречу его, как он ошибается, воображая, что я *пришаркиваюсь*. Его поклонничеством дорожу столько же, сколько Вашим плевком, и счел бы за великое унижение, если бы он сколько-нибудь *помогал* мне. Отдайте картины Третьякову, если он согласится взять их на моих условиях, не отдавайте в[еликому] к[нязю][5] — теперь, более чем когда-нибудь, не желал бы этого последнего. Коли и Третьяков не согласен на условия — пошлите обратно. *ГОВОРЮ ВАМ СЕРЬЕЗНО.*

До свиданья. *В. В[ерещагин]*

Обругаю болвана Шереметева — как 2-ды 2 — 4.

Merci за хлопоты Ваши; жалею, что задал Вам столько хлопот.

228. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

5/17 апреля [1879][1]

Не могу Вам пересказать, Владимир Васильевич, какая у меня злоба на этого холопа Шереметева, как это Вы могли позволить ему такое замечание; я бы не позволил так выразиться о Вас, а Вы еще, кажется, попросили его *помочь* делу! Посылка картины е[го] в[ысочеству] — чисто деликатность с моей стороны — только. Мне нужно было решить, в чем дело с его непременным желанием иметь мои картины, о котором столько раз говорил Боголюбов. Третьяков заговаривал о картинах со мною, но из вежливости я хотел сначала знать ответ насл[едника]. А этот холоп Шереметев понял, что я, *отшаркнувшись,* снова *пришаркиваюсь* — вот истинно: «что у кого болит, тот о том и говорит». Если е[го] в[ысочество] не согласится выполнить хоть самомалейшее условие — возьмите картину из дворца[2]. Если и Третьяков не пожелает принять мои условия — пошлите ее, пожалуйста, сейчас же мне назад. Почтительно прошу Вас смотреть серьезно на мою просьбу и предупреждаю Вас, многолюбящий меня и мне многодорогой Владим[ир] Васильевич, что если Вы тут сделаете не по моему желанию, а так, как Вы найдете *более полезным,* то я не только не пошлю других моих картин, но, как истинный татарин, начну жечь их, по порядку, пока не выручу моих «Пленных», рискующих попасть под покровительство идиотов, вроде Шереметева.

Не сердитесь на меня; еще раз повторяю, послал картину из деликатности перед почтенным желанием е[го] в[ысочества], сам же не шлялся без толку и не буду шляться по передним.

В. В[ерещагин]

229. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

16/28 апр[еля 1879][1]

Сегодня открывается моя выставка, поэтому имею кое-какие занятия еще. Но как приеду в Париж, напишу Вам по поводу предложения[2] Третьякова. Покамест подтверждаю мою просьбу выслать сейчас же мою картину ко мне в Maisons-Laffitte по petite vitesse[3]. Спасибо Вам, дорогой Вла-

димир Васильевич, за Ваши хлопоты. Надобно же было этому придворному прихвостню Боголюбову приставать ко мне в продолжение 2 лет с уверениями, что е[го] в[ысочество] желает иметь мои картины. Заметьте, что я отказывался на том основании, что некоторые сюжеты не могут нравиться таким высокопоставленным лицам, как е[го] в[ысочество], а что изменять или исправлять их я не намерен — ничего, ничего повторял Боголюбов, наследник знает это и все-таки желает и проч. и проч. Я очень хорошо понимаю, что неготовность всей коллекции — только предлог и что если бы я послал как образчик «дело под Мечкою» или «пленение Османа Паши», то у меня оторвали бы с руками картину, а Боголюбову дали бы чин или крест, а в крайнем случае приветливую улыбку — очень сожалею, что вышло иначе.

До свиданья.

В. В[ерещагин]

Мы с Вами не анархисты — нам нечего бояться обысков и др[угих] мер. Смело останемся при наших идеалах, которые, будучи свободными, идут вразрез с убийствами, тем более политическими и самодурно-социальными [4].

230. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[19 апреля/] 1 мая [1879] [1]

Чем это Вы восхищаетесь в письме Третьякова? Он пользуется случаем, чтобы перед Вами, известным публицистом, frapper un grand coup d'éloquence de générosité [2] и, кстати, ловко поторговаться под шумок, а Вы в восторге!

Он прямо говорит, что хочет, чтобы картин было не меньше, а, если можно, еще больше и подешевле; он хочет, чтобы я проникся тем, чем он проникся, а именно «жертвами рус[ского] народа, подвигами его войск, а также некоторых отдельных личностей...», он смотрит на мою картину только как на преддверие к моим работам, а не как на серьезную работу...

Ах [....]! да с чего он взял, что он может давать такие советы и что, того более, я приму их. Да я их оставлю как память того скудоумия, с которым разные аршинные кулебяки выступают советчиками серьезным художникам и, пожалуй, мыслителям, каковым я себя считаю, кажется, с кое-каким основанием.

В особенности после последней кампании [3], передо мною ясно, во всеоружии (говоря книжно) стоит ужасный призрак войны, с которым, при всем моем желании схватиться, я боюсь не совладать, к которому, прямо сказать, не знаю, как

подступиться, с которой стороны его подрыть, укусить, ужалить, — а этот мудрец, пожертвовавший сто, тысячу, может быть, сто тысяч рублей на войну и, может быть, потерявший полдюжины родственников, желает, чтобы я проникся всеми этими жертвами русского гражданина, *воспел* бы их вместе с результатами: «переходом Балкан, славным миром, массою пленных, пожалуй, чумою и Ура! Ура! Ура! без конца...» Или уж Вас там всех так напугал выстрел [....] социалиста[4]? Да ведь ни Вы, ни П[авел] М[ихайлович], ни я анархистом [....] не были и не будем, так зачем же нам бросаться в такой узкий патриотизм, который ничего не видит за славою и вонью от куч неприятельских тел, наваленных в 5, а коли можно, в 10 рядов на пространстве квадратной версты или 10 верст! Неужели это я для Павла Михайловича писал мою «Апофеозу войны»[5]? — вот не ожидал. Скажите, пожалуйста, Третьякову, что картины мои после будут дороже, а не дешевле: вместо 7 будет 8, вместо $3^1/_2$ будет 4 и т. д.

Значит, он не выторгует, а проторгует, — впрочем, это его дело.

Выставка моя в Лондоне открыта, но я сам по болезни не был на открытии.

Что такое у Вас творится [....] делают ошибку, поступая так драконовски[6]. Впрочем, нас не спросят.

До свиданья.

В. Верещагин.

231. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[21 апреля/] 3 мая [1879][1]

Владимир Васильевич.

Не получая от Вас известия, очень беспокоюсь о моей картине: послана ли она ко мне?

Прилагаю копию с письма моего к Павлу Михайл[овичу] Третьякову — не бойтесь, не свирепое, только объясняющее разницу в наших взглядах; ведь не молчать же, в самом деле, перед покупателем, не только торгующимся (что совершенно натурально), но еще и резонерствующим. После слов, относящихся к нашей предыдущей переписке, я говорю собственно о его рассуждениях следующее: Что касается Вашего письма к Владимиру Вас[ильевичу] Стасову, по поводу виденной Вами моей картины, то очевидно, что мы с Вами расходимся *немного* в оценке моих работ и *очень много* в их направлении. Передо мною, как перед художником, *Война*, и *ее* я бью, сколько у меня есть сил; сильны ли, действительны

ли мои удары — это другой вопрос (вопрос моего таланта), но я бью с размаха и без пощады. Вас же, очевидно, занимает не столько вообще *мировая идея войны,* сколько ее частности [....]. Поэтому и картина моя, Вами виденная, кажется Вам достойною, только как преддверие будущей коллекции. Я же эту картину считаю одною из самых существенных из всех мною сделанных и имеющих быть сделанными.

Признаюсь, Павел Михайлович, я немного удивлен, как Вы, казалось, понявший мои туркестанские работы, могли рассчитывать найти во мне и то миросозерцание и ту податливость, которые, очевидно, Вам так дороги. Вместе с Вами пожалею, что картины мои минуют такие хорошие руки, как Ваши, и прошу Вас принять и прочее [2].

Надеюсь, тут ничего обидного нет, но уж извините, коли надоело играть в молчанку и соглашаться из приличия с принятыми пошлостями.

До свиданья. *В. В[ерещагин]*

232. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

27 апреля [18]79 [1]

Наконец я снова принимаюсь за письма и за дела! Эти 3 недели все у меня стало — точь-в-точь замерзло морозом. И оно Вам будет понятно, когда я скажу Вам, что редкий день я не бывал в III отделении, а иной день и 2 раза. Теперь все кончено, оба мои брата снова на свободе и признаны вполне невинными (впрочем, отпущены на поруки до формального окончания дела, Александр — на поруки мои и со взносом 5000 руб[лей] залога, а Дмитрий — на поруки жены, со взносом 15 000 руб[лей] залога). Ставлю точку.

Я уже давным-давно получил и Вашу телеграмму и Ваши письма, Василий Васильич, но не отвечал до сих пор не только потому, что не до того мне было, но и потому, что я не хотел. При *тогдашнем* моем расположении духа и телеграмма и письма прибавили мне только досады и желчи, и если бы я принялся тогда отвечать, наверное, я написал бы пропасть такого, о чем потом бы сожалел, а между тем мы *окончательно* поссорились бы. Теперь у меня все улеглось, и я скажу только: «Как Вам угодно! делайте как знаете! но я с Вами не согласен ни в единой черточке!» Людей Вы редко взвешиваете и оценяете, а вместо того только *торопитесь* и в хвост

и в гриву, и принимаете за факты то, чего вовсе *нет* на свете и что представляет Вам только Ваша *фантазия*. Вы мне написали целых 2 письма[2] про какие-то «*расшаркиванья*», «*отшаркиванья*», «*пришаркиванья*», но, вообразите себе, что все это только мечта и фантазия, и ничего подобного никогда не было говорено, и я Вам не писал: я Вам только написал[3], что Вы «*отшаркнули*» кого-то, т. е. «оттолкнули» от себя, а ни об каком *шарканьи* не было ни малейшего разговора, в смысле дворцового, балетного или какого бы то ни было «шарканья». Это все были только плоды фантазии!!! Все совершенно понапрасну!! Точно так же Вы представили себе Третьякова каким-то торгашом, подличающим и притворяющимся передо мною, по-гостинодворски торгующимся с Вами — пускай так!! Только смею Вас заверить, что будь это правда, наверное, я с ним не остался бы знаком ни единого ½ часа. Полагаю, что я все-таки сколько-нибудь да способен различать тех, с кем бываю в долгих и продолжительных сношениях, как, наприм[ер], с Третьяковым. Во все 55 лет моей жизни не знаю еще случая, чтоб я так долго способен был принимать мелкого подлеца за человека, которому предстоит занять почетное место в нашей истории.

Но, повторяю, спорить не стану. Считайте людей, за что Вам угодно на основании того, что «мерещится», с бухты-барахты!

Не стану пускаться в подробности, рассуждения и доказательства, потому что, наверное, они Вам и *не нужны* и *неинтересны*, но только прибавлю одно: не понимаю, что может быть для какого бы то ни было художника оскорбительного или унизительного в том, чтоб с ним «*торговались*» об его произведениях, когда 1) у покупателя только и есть, что *вот столько*, а 2) когда весь свет всегда торговался, начиная от Рафаэлей и до Матейко и Макартов, от Шекспиров[4] и до Львов Толстых?!

Впрочем, натурально, всякий волен думать и делать, как ему угодно.

Нет, не буду продолжать. Я чувствую, что от трех последних недель желчь у меня все-таки ходит и бунтует и я, наверное, наделаю более досады самому себе, чем Вам. До свиданья. До лучшего дня.

В. С[тасов].

Картину я Вашу еще не посылал, и некогда было, да и новый ящик надо было делать — старый расколотили и перепортили таможни и цензуры. Она лежит, давно уже *свернутая*, и никто ее не видит[5].

Кажется, моим печатным статьям конец! Я так взбешен на Суворина за 1000 вещей, что более месяца не показываю глаза в редакцию, да кажется, больше никогда и не покажу. Так и покончу без всяких объяснений [6].

И больше *нигде* не буду писать, если не навсегда, то надолго. Но если английские будут статьи о лондонской Вашей выставке, я пошлю их напечатать через Собку или от его имени.

Да, вот что еще: я, в числе других вещей, говорил с генералом Дрентельном и про возможность разыскания Ваших этюдов в Систове или ином месте. Я даже удивлен был тем сочувствием, какое я нашел у генерала, и тем, как он *ценит* будущие Ваши картины из великой нашей войны. Но, внимательно и необыкновенно любезно прослушав подробный мой рассказ, он сказал, что, по его мнению, все возможное было сделано, и надеяться более нельзя: ничего никто не поделает! Кто знает, сказал он, при волнениях и суетне войны, может быть, эти этюды утонули, или сгорели, или попали в руки людей, не понимающих их значения!

233. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

1/13 мая [1879] [1]

Из третьего отделения или откуда-нибудь, но муха, очевидно, укусила Вас. Если Вы теперь пишете [2], что мне «мерещится», с «бухты-барахты», то какие цветы рассыпали бы Вы, когда, как говорите, воздержались писать мне. Да с чего же взяли Вы, что я Третьякова считаю *подлецом*? Когда что-либо подобное я Вам говорил?

С чего Вы взяли, что я
? его считаю «каким-то
? торгашом, подличающим
? и притворяющимся» пред
? Вами?

Когда я это говорил? — вот что называется: *«как на мертвого»*.

Я его считал и считаю *честным* и *прекрасным человеком*, но письмом его *не восхищаюсь*, потому что в нем самая обыденная торговля, т. е. желание получить больше товара за меньшую сумму. Обидного для меня в его словах *ничего нет*, но и в восторг приводящего *тоже ничего нет* (по крайней мере для меня). Рассуждения же о том, что «картина моя должна быть только преддверием коллекции, что я должен проникнуться подвигами солдат и некоторых генералов, про-

никнуться жертвами русского народа» и проч. рассуждения эти, говорю, *не стоят выеденного яйца* — принять их я *пс совести не могу*.

Цену Третьякова мне нельзя принять, потому что (как я рассчитал) не на что будет жить, заплатить небольшие долги, которые у меня есть, и поправить дом. Повторяю, что за такие картины Невиль берет от 50 до 60 000 франков, даже до 70 000, т. е. на наши деньги 20 и 25 000 рублей. Я же потому, что желаю поместить их в одни руки, ставлю скромную цифру 7000 рублей. Когда сделаю картины, то цену, вероятно, увеличу до 8000, а если придется распродавать порознь, то пущу по 10—12 000.

Как видите, «клин намереваюсь выбивать клином» и еще раз повторяю, ничего, решительно ничего обидного в его намерении торговаться не видел и не вижу, но предлагаемая мне программа или обидна, или глупа, в первом случае я прав (до некоторой степени), что обругался, во втором — не прав, но тогда как же Вас-то она умилила. В конце концов: напиши Вам Третьяков только о том, что он хочет иметь картину за 6000 вместо 7, я ни одного обидного, ругательного слова не сказал бы, потому что ничего натуральнее быть не может желания купить дешевле; но программа, которою я, по его словам, *наверное* должен проникнуться для потрафления ему, т. е. покупателю, взбесила меня [3]. Впрочем, считайте и это *фантазиею*, если желаете.

В. В[ерещагин]

234. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

8/20 мая [1879] [1]

Владимир Васильевич.

Ответьте, пожалуйста, парою слов, когда и куда, т. е. на чье имя, Вы послали картину [2] — я жду не дождусь, очень бы нужно!

В. Верещагин

235. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], 4 июня [18]79

Я так все ничего и не знаю, Василий Васильевич, о Вашей картине: пришла ли она благополучно? А согласитесь, это ведь до меня касается!! Тоже я ровно ничего не знаю и про Лондонскую Вашу выставку: состоялась она или нет? И если

состоялась, то как именно и какой был успех? В русских газетах нигде о ней ни гу-гу, значит, верно, нигде нет и в иностранных, а то бы, наверное, тотчас все перевели. Я же сам не имею оказии видеть никаких иностранных газет. При этой оказии, скажу Вам, что присылка и выставка картины здесь стоила всего *418 руб[лей] 30 коп[еек]*; если угодно, сообщу подробный счет. Натурально, главное съела пересылочная контора [....] *Сегала*. А натягивание, две переноски и вся обстановка во дворце (коленкор и проч.) [1] стоили 54 руб[ля]. Это *страшно дорого*, но делать было нечего, потому что дело было перед самой Пасхой, и тут народ, разумеется, ломит втридорога!! — братьям их *залоги* еще не возвращены, значит, история эта все еще тянется — представьте, какое удовольствие?!!!

Буду ждать Ваших уведомлений.

В. С[тасов]

236. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

14/26 июня [1879] [1]

Картина поспела почти во-время. Успех моей выставки [2] в Лондоне обозначился не вдруг, думаю, потому, что во-первых, она помещена далеко, out of the way [3], в помещении Кенсингтонских зданий [4]; во-вторых, газеты долго не давали о ней отзывов, я же ходить и просить не могу и не умею. Теперь, впрочем, говорят, что она имеет большой успех. Мне собирают все статьи о ней, написанные в разных газетах, и под рукою их нет, кроме присланной недавно Бартоломе заметки «Daily News» [5]; заметка, как видите, краткая, но довольно сочувственная, находящая меня одинаково *великим* и в военных и в статских, т. е. индийских картинах.

Думаю перенести лавочку в октябре или ноябре в Париж, а в декабре или январе в Питер, кстати, окончу к этому времени еще несколько начатых работ, из которых некоторые, надеюсь, очень интересны, *особенно для русских*. Если будет Вам случай поразузнать о хорошем, т. е. большом и хорошо освещенном помещении, то дайте, пожалуйста, мне знать. Между нами: я хотел бы устроить впуск и по вечерам, с освещением Яблочкова, который теперь в Питере и с которым можно было бы переговорить.

Alma-Tadema [6], Leighton [7] и много других художников захлебнулись моими работами, по крайней мере судя по их словам. А впрочем, может быть, *так болтают*, кто их разберет?

В. В[ерещагин]

237. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

20 июня [1879][1]

Получил вчера вечером Ваше письмо от 14/26 июня, и сегодня отправил в печать перевод из «Daily News»[2].

Присылайте скорее (только что будете получать) прочие статьи о выставке. Пора их пускать в ход.

В. С[тасов]

Попробую отыскать Яблочкова и поговорить с ним о вечерней выставке.

238. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[27 июня/ 9 июля 1879][1]

Не знаю, писал ли я Вам, что перед началом моей выставки в Лондоне Морган (котор[ого] Вы знаете) послал несколько слов приветствия в «Times»[2] — газета отказалась поместить их. По открытии она ничего не писала о выставке и вот теперь я получил письмо от старика Tom Taylor, известного художественного критика этой *шестой державы*.

Он пишет, что ему «неприятно и обидно», что до сих пор не было отчета о моей выставке.

«Я несколько раз безуспешно говорил и с главным редактором и с его помощником, чтобы заставить их напечатать статью мою, давно написанную, в духе самой высокой оценки ваших работ. Мне тем более это стыдно, что если есть на свете человек, которому я хотел бы оказать услугу, так это Вам, к которому питаю искреннюю дружбу, не говоря о моем удивлении перед характером Вашим и художественным гением». Так как это пишет почтенный старик, далеко не вертопрах и не дурак (издатель «Punch»)[3], то я вижу в письме не одни фразы. Агент моей выставки, некто Deschamps, француз, говорит, что чуть не ненависть прессы ко всему русскому так и сквозит во всех гг. критиках, к нему приходящих. Посмотрите, как образчик, очень лестный для моих индийских работ, отзыв, с пеной у рта поминающий о военных картинах, от которых критика «прямо отворачивается». В то же время, на нейтральной почве Индии, он признает, что английские *колористы* не достойны свечи подержать *этому русскому*.

Отзыв «Daily Telegraph»[4] пришлю Вам на днях. Этот оказался менее дурацкий руссофоб, чем «Times», вымещающий злобу на художественных произведениях.

В Лондоне также открыта выставка Премацци[5], и хотя она помещена в самом центре города, но почти не посещается, по крайней мере за 2 раза, что я там был, кроме меня, не было никого; его работы продаются. Мои рвут во все стороны, кто просит одну, кто две, кто и по 4 картинки, но я твердо стою на том, что или вся коллекция, или ничего — оставлю себе, понадобится. Большую картину хотят тащить показывать королеве в Виндзор — я закрываю глаза — таковская.

До свиданья.

В. В[ерещагин]

Горько сожалею о том, что придется выставлять в Питере не всю коллекцию военных картин, — иначе я бы передернул не одних мещан, но и гг. военных — но что делать, нет денег.

239. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], 4 июля [18]79

Василий Васильевич, во-первых — просьба: сделайте одолжение, зайдите на *Rue Richelieu*, к книгопродавцу *Vieweg* (бывший *Franck*)[1], № 4, и купите там две маленькие брошюры, которых заглавие выписываю на прилагаемой бумажке. Каждая из них стоит по 1 франку, и мы с Вами сочтемся на днях, а так как они мне нужны для одной работы, которою теперь занимаюсь, то я бы просил Вас послать их мне под бандеролью (sous bande)[2] прямо в библиотеку.

Получил я оба Ваши письма (или, точнее, конверта, так как во втором был только каталог Ваших картин). И я должен Вас просить еще один экземпляр этого каталога (для Публ[ичной] библиотеки, в отделение *Rossica*[3]). Здесь ведь этой штуки не получить, а для русского отделения необходимо. Только, пожалуйста, не обрезывайте поля — пусть конверт будет побольше капельку. А впрочем, и конверта не надо: всего лучше и проще *sous bande*.

Я до сих пор ничего не сделал с английской критикой, потому что все эти дни ждал других статей английских, чтоб печатать все это зараз: ведь невозможно же слишком часто возвращаться к одному и тому же предмету.

Только отчего Вы рекомендуете мне «Голос»? Я его не терплю еще больше *всех* остальных журналов, и разве только в самой последней и неизбежной, крайней необходимости согласился бы дать туда что-нибудь для печати. Так, наприм[ер], я там напечатал в 1874 году Ваше письмо об отказе от профессорства, потому что это была *крайность*: в ту минуту у

меня не было решительно никакого другого журнала под рукой.

А нынче, хотя я более не имею никаких дел с «Новым Временем», но все-таки послал туда (впрочем, без подписи своей, просто как неизвестно *чей-то* перевод) статью «*Daily News*», в воспоминанье, что когда-то и «Новое Время» было журналом хорошим. Вероятно, придется точно таким же манером послать туда переводы следующих английских критик.

Покуда я разыскивал здесь (по Вашей просьбе) *Яблочкова,* он уже уехал в Париж: он теперь там у Вас *дежурный очередной,* как один из директоров общества электрич[еского] освещения, и, таким образом, Вам легко будет отыскать его, и переговорить с ним лично, и условиться обо всем. Он же, говорят, человек расторопный и сообразительный и, может, быть, сам предложит Вам, какой локаль будет удобен для Вашей выставки. А между тем я и сам тоже подумаю и поищу — времени еще довольно.

Все подробности Вашей выставки были мне очень интересны; а то, что было напечатано в «Новом Времени», прочитано решительно всеми [4], я имел случай в этом убедиться несколько раз.

В. С[тасов]

240. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], 7 июля [1879] [1]

Прилагаю заглавие брошюр [2], которые прошу Вас выслать мне *sous bande*. Я только по нечаянности не вложил их в прошлое свое письмо и увидел это лишь теперь.

В. С[тасов]

Все жду английских критик о Вашей выставке.

241. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

7/19 июля [1879] [1]

Получили ли Вы мое последнее письмо со статьею о моей выставке? Кажется, писал Вам в том же письме о руссофобстве газеты «Times»; на всякий случай повторю еще. Художественный критик этой газеты, весьма известный Tom Taylor, пишет мне буквально следующее: «Он глубоко уважает мой *характер* и мой *художественный гений* и давно уже написал

разбор моих работ в духе самой высокой похвалы их, но редакция отказалась поместить эту статью, несмотря на его неоднократные напоминания и даже просьбы и к главному редактору и к его помощнику».

«Times», по отзыву, напр[имер], Моргана, теперь более злой руссофоб, чем многие старые руссофобские журналы, из котор[ых] только «Daily Telegraph» посетил выставку, остальные, как «Globe», «Pall Mall», «Standard», «Morning Post» [2], разбиравшие все самые ничтожные выставки, *не упомянули даже об открытии моей?* Это просто историческая глупость и нелепость. Интересно признание Taylor, что «внимание, обращаемое их газетою на художественные предметы, не имеет ничего общего с их интересом и достоинством художественным». Это буквально! И это признание старика, трудящегося в газете многие годы.

Уведомьте, получили ли 2 предыдущие статьи [3]. Здесь прилагаю еще 2 или 3. Так как письмо очень тяжело, то страхую его. Присматривались ли Вы к помещению для выставки?

До свиданья. *В. Верещагин*

242. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

9/21 июля [1879] [1]

Дайте же скорее названия брошюр [2], ведь Вы никакой бумажки с надписью их не вложили в письмо, это верно — я искал хорошо и ничего не нашел. Послал Вам еще несколько статей о выставке.

До свиданья. *В. В[ерещагин]*

Погода здесь ужасная и очень мешает мне работать, но с грехом пополам пишу новые и новые картины.

243. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

11/23 июля [1879] [1]

Brugsch [2] послал, стоит один франк, также и *Devéria* [3], но так как этой брошюры у них последний экземпляр, то не хотели взять менее 4 фр[анков] — заплатил, нечего делать, говорят, вряд ли где достанете в городе. Всего 5 фр[анков] 4 су [4], с пересылкою к Вам в библиотеку.

Недавно Кларети разыскал мне специалиста, выславшего все вышедшее по одному вопросу, которым интересовался

брат мой; коли хотите, вышлю Вам с помощью такового же то, что может Вас интересовать.

Rougé [5] вовсе нет и, говорят, навряд можно достать, я просил, однако, постараться выслать Вам. Хозяин Vieweg, знающий Ваше имя, удивился, что Вы «занимаетесь этим».

Не стесняйтесь, если нужно сделать расход, ведь Вы для меня часто делаете несравненно крупнейшие — сочтемся.

Послал Вам сначала *одну* статью, потом еще *две*; в первой, особенно интересной, англичанин, отворачиваясь от моих военных картин, преклоняется перед индийскими и говорит, что «английские колористы не достойны свечи подержать этому русскому...» [....]

До свиданья. *В. Верещагин*

Кланяйтесь Николаю Петровичу.

244. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[19/31 июля 1879] [1]

Будьте добры, Владимир Васильевич, пошлите мне, взявши у Беггрова, экземпляр *большого* фотографического альбома. Поганое общество Московское [2] не дает картин для выставки здесь, так хочу поставить хоть фотографии. Я предлагал Боткину взять на себя укладку (на аршинные в диаметре вальки) и всю ответственность — не хотят давать, да и баста, это просто свинство. Кстати, коли придет к Вам известный Вам Леман, то имейте в виду, что я ничего не поручал к Вам с его особою, хотя он и спрашивал, не желаю ли я, чтобы он с Вами переговорил... Мне приходилось защищать Боголюбова от его нападок, он костил его подлецом, плутом и проч[ими] крайними названиями, а теперь, после того что Боголюбов продал ему несколько его вещей и обещал ему с три короба работ, он, т. е. Леман, величает Боголюбова первым российским художником, милейшим и прекраснейшим из людей и проч. и проч.

Эта свинья Боголюбов не столько из подлости, сколько из распущенности и бахвальства, сказал мне, что цесаревич поручил ему пересылать мои работы, которые он принимает, — вот причина, почему я, хоть не получивши сам ответа, послал картину.

До свиданья. *В. В[ерещагин]*

Пожалуйста, пришлите все количество (18?) фотографий [3].

245. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], 21 июля [18]79

Тысячу раз благодарю Вас, Василий Васильевич, за присылку двух египетских брошюр: они мне очень полезны и пришли во-время. Конечно, мне жаль, что нет и третьей (которая была бы мне всего интереснее); но *«на нет и суда нет»*, говорит пословица, и мне все-таки надо еще раз благодарить Вас.

У меня уже целую неделю сдана [статья] в редакцию «Нового Времени» с переводом английских статей о Вашей лондонской выставке, но эти канальи все не печатают: так как я 4 месяца туда не хожу, ничего не пишу и ни с кем не видаюсь, то, может быть, они этим способом воображали заставить меня притти и объясняться. Но, верно это предположение или нет, я все-таки не пошел. В нынешний понедельник по моей просьбе *Собко* зашел туда и «официально» спросил, что означает эта оттяжка, после того как даже мне за несколько дней была прислана корректура. Суворин отвечал, что это *так*, и на днях (середу или четверг) статья будет напечатана. Но вот и суббота, а все ничего нет!!! Вчера Суворин уехал за границу, я сегодня и послал письмо к его вице-королю: дескать, печатайте или подайте статью назад. Буренин [1] мне ответил извинениями и что *на днях* будет напечатана [2]. Итак, если Вы только видите еще это архиподлейшее «Новое Время» (соединение «Московск[их] Ведомостей» Каткова [3] и «Сев[ерной] Пчелы» Булгарина) [4], то прочитаете эти выписки. Я же все-таки не хочу и не буду иметь дела никакого с этими негодяями.

Вы меня спрашиваете: присматриваю ли я места для будущей выставки? Но я и до сих пор не получаю никакого ответа на мой вопрос, виделись ли Вы с Яблочковым, который теперь в Париже и с которым Вам было бы очень удобно переговорить насчет электрического освещения. Что касается моего мнения, то я думаю, что не худо было бы взять либо прошлое же Ваше помещение (в министерстве внутр[енних] дел), либо 2—3 огромных залы в доме *Безобразова*, на Фонтанке, между Симеоновским и Цепным мостом (там была нынче, на Пасхе, выставка громаднейшей картины Матейки). Только теперь невозможно знать, будут ли через 1/2 года эти залы свободны или нет? Вообще зимой, во время концертов и балов, очень трудно бывает добыть место, даже на один день или вечер, не то что на месяц или более! Вот есть еще помещение в залах *Академии наук*, но их, наверное, мало было

бы для всех Ваших коллекций. Они только-только в препорцию приходятся по передвижным выставкам.

Вы говорите, что *не все* картины последней войны пришлете сюда: это привело бы меня в величайшую горесть!!! Когда же наконец настоящая-то, полная-то выставка этой изумительной войны состоится? Неужели никогда?!!

В. С[*тасов*]

А ведь Вы до сих пор ни слова не говорите мне про 2 вещи: 1) Видели ли Вы в «*Новом Врем*[*ени*]» перевод статьи из «*Daily News*». Я ровно ничего об этом не знаю. 2) Отосланы ли г-же Янковой обещанные ей 7 месяцев тому назад осколки креста с могилы ее бедного сына?

246. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[25 июля/] 6 августа [1879][1]

Янковой обломок креста послал давным-давно, и имеется от нее письмо с (неудовлетворенным) желанием моей карточки, благодарностью, благословениями — чем богата...

Выписку или, вернее, перевод из «Daily News» читал, сделан верно, хорошо, по крайней мере мне так кажется.

Не спросите ли Макова[2], минист[ерство] внутр[енних] дел, можно ли будет занять, на 2 месяца, то же помещение под выставку? А если бы дала на подходящих условиях залы Академия художеств, брать думаете или нет? Все-таки ведь это лучшие залы для выставки, только стошнит от соприкосновения с цеховыми искусствами. А с другой стороны — ну как да не найдется помещение, ведь оно нужно мне огромное! Говорю, что не все картины будут выставлены в том смысле, что не все успею сделать; некоторые, уже задуманные, придется исполнить после. (Нет лучше места и времени для сочинения картин, как за время собирания земляники или грибов.) Ай, ай! Как Третьяков недалек! хорошо хоть, что практичен и не сидит сложа руки.

В. В[*ерещагин*]

Сегодня только привел в порядок первую картину «Телиш»[3]. До того устал над ней, что просто боязно приступить ко второй. Что рамы едят денег, то и сказать нельзя.

Искать недостающую брошюру или нет? Могу тряхнуть за бока Кларети и его знакомых.

247. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

28 июля/9 августа [1879] [1]

Прочитал Вашу статью [2] в «Нов[ом] Времени» — мне кажется, Вы прекрасно сделали выборку.

Посылаю на библиотеку: маленький каталог [3] моей выставки, который Вы просили, также *Год войны* [4] Немир[овича]-Данченко — потрудитесь послать эту книгу в магазин Мамонтова [5], приславший мне по ошибке 2 первых тома вместо *первого* и *второго,* как я просил, бывши в Питере. Книга прислана уже давно, но я все не собрался просмотреть ее и только теперь увидел ошибку их. Хорошо бы прислать и *третий* том, за который деньги вышлю немедля. Даже Немирович добивался крестов [6] и, соответственно этому, потрафлял на всех. О Шаховском и проч. и говорить нечего, Шаховской просто бредит Аннами [7] и проч. Мыслима ли тут независимость?

До свиданья. *В. В[ерещагин]*

248. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], 8 августа [18]79

Василий Васильевич, посылаю Вам доклад о нескольких разом исполненных ваших поручениях:

1) Велел Вам послать II и III том Немир[овича]-Данченки, в обмен на дублет I. Когда мне принесут счет, конечно, тотчас уплачу его — только что все что-то еще не несут.

2) Посылаю Вам фотографии *Ганфштенгеля*; только у Беггрова оказалось их всего 14, а не 18, а именно: у него *нет* более *ни одного* экземпляра следующих:
1) Парламентеры (№ 2),
2) Высматривают (№ 4),
3) Торжествуют (№ 8),
4) С гор на долины (№ 16).
Чтоб не задерживать Вас, я велел приложить на всякий случай «*Торжествуют*» в фотографии Обернеттера; остальных же трех в фотографиях Обернеттера нет. Но у Вас есть в Париже оригинал «*С гор на долины*»; значит, пожалуй, фотография этой картины вовсе не понадобится; и если Вы захотите оттиснуть новый экземпляр у Ганфштенгеля, то, пожалуй, это нужно будет только в отношении к «*Парламентерам*» и «*Высматривают*».

Кстати, я думаю, что когда будет Ваша выставка в Петербурге, то будет очень хорошо иметь тут наготове *маленькое* издание [1]: мне кажется, его будут непременно покупать.

3) Я продолжал присматриваться к залам, и скажу Вам, что в настоящее время отстроено в Петербурге две огромных залы, которые только осенью или зимой пойдут в ход, и я думаю, они бы Вам обе годились. Обе они принадлежат банкам. Одна [2] выстроена на новых местах, у Невы, за средней башней Адмиралтейства [3]: место хорошо, но все-таки немножко далеко. Другая же [4] зала во всех отношениях более подходящая: она стоит на площади Александринского театра [5], по одной стороне с Библиотекой [6], только за Толмазовым переулком, под прямым углом к министерству внутренних дел. Значит, место самое центральное в Петербурге, почти посередине Невского, и зала — сажен 14 длины и сажен 5 ширины. Окон — кажется, 8 или 9, словно ворота. А через общих знакомых можно будет добыть ее даром.

Что касается залы министерства или всякой другой, я не могу *теперь* просить ее, потому что времени до тех пор слишком еще много, и Вы, вероятно, сами не можете сказать с точностью: от какого и до какого числа Вы займете залы или залу, а именно это-то и будет *первый вопрос*, с кем мне ни придется трактовать. Итак, капельку подождем, чтоб это определилось, а между тем Вы, может быть, успеете повидаться и переговорить с Яблочковым.

Леман еще не показывался.

Книгу *Rougé* мне более не разыскивайте: по счастью, она оказалась здесь, в библиотеке Академии наук.

Беггров было завел нынче песню о том, что очень мол пора начать уплачивать ему Ваш долг, хоть как-нибудь по частям, небольшими кушами, но я его успокоил уверением, что его все счеты, конечно, будут уплачены после окончания всех выставок и *несомненной* продажи всех наличных коллекций Ваших новых картин. Он считает нынче за Вами 1077 рублей — менее против последнего счета, потому что с тех пор продано еще несколько фотографий Ваших. Но я полагаю, Вам обо всем этом нечего теперь хлопотать и беспокоиться: все это устроится в свое время.

В. С[тасов]

249. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

13/25 августа [1879] [1]

Не знаю, написал ли я Вам о получении II и III томов Данченко. Счет прислали мне в 5 р[ублей] 50 [копеек]; коли деньги мои есть, будьте добры, заплатите. Об уплате Бег-

грову теперь и речи не может быть, потому что хоть и прихватил денег у братьев, но все невмоготу: рамы съедают просто *суммы* — для моих средств, разумеется.

Желательно главным образом узнать, *что* помещается теперь в том здании, где я делал выставку[2] (у Алекс[андринского] театра). Если что-либо или кто-либо сидят там крепко, а не переходно, то, разумеется, надобно отложить попечение; один зал, если он и 14 сажен, не вместит всех моих работ, или иначе их придется очень скучить — ряд комнат было бы удобнее. Впрочем, на безрыбье и рак рыба. Не знаю, как бы адресовать ящики. Можно ли на Ваше имя? Хочется, хоть не надолго, выставить здесь, а то послал бы сейчас. Кабы Бегров не был такая шельма, он мог бы заработать со мною немало, можно бы просто поручить ему и продажу за 10%, но ввиду его пройдошества нечего и думать — передернет перед глазами.

Есть некий Шене[3], которого Вы, кажется, знаете, парень из бойких, не взять ли (между нами) его за бока?

До свиданья. *В. В[ерещагин]*

Очень устал, следовало бы хоть на неделю уехать, но денег нет — тьфу ты!

Очень бы хотелось выписать некоторые книги, да капиталов нет, подожду до будущего года.

Попросите хоть Н[иколая] П[етровича] Собко вытребовать у Гейнса счет, а то этот франт будет говорить (потихоньку), что потратил на меня массу своих денег.

250. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], 30 авг[уста 18]79

1) Получили ли Вы *«Еженедельное Новое Время»*, со статьей[1] про Вашу лондонскую выставку? Я послал Вам этот №, потому что не знал, получаете ли Вы это *«Прибавление»* к «Новому Времени». Автор — Вагнер[2], профессор зоологии здешнего университета, и сам кое-что пописывающий красками (ландшафты). Все бы прекрасно, но мне была смешна дилетантская замашка объяснять технические приемы — разные *сепии, контуры, притиранья, глазировки* etc.

2) Получили ли Вы большие фотографии туркест[анских] картин?

3) Наконец я получил (вчера) второй экземпляр Вашего лондонского каталога. Тысячу раз благодарю. Он пойдет в Публ[ичную] б[библиоте]ку.

4) В помещениях минист[ерства] внутр[енних] дел постоянно заседает *несколько* комиссий. Но коль надобность будет, авось можно будет и устроиться.

5) В книжный магазин — заплачу за III и II томы Немировича.

6) Просьба: не можете ли Вы кого-нибудь откомандировать в Париж, навести справку в доме, где живет Ропет (Avenue Suffren, 88[3]): вот уже несколько месяцев не имеют о них *ровно никаких* сведений не только я, и ближайшие его приятели, и люди, с кем он имеет дела, но даже семейство. Уж не случилось ли с ним чего? На письма нет ответов. Не болен ли он? Или не спятил ли? Или, что и того хуже, не женился ли, или не влюблен ли? Вы такой справкой окажете одолжение — многим.

В. С[тасов]

251. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

4/16 сентября [1879][1]

Благодарю за присылку «Еженед[ельника] Нов[ого] Времени», я его не получаю и с интересом прочитал присланную статью. Фотографии туркестанских картин получил; если окажутся у Беггрова недостающие, то пришлите — успеете, так как не выставлю здесь раньше 1—2 октября. Коли нет, так и суда нет. Не верю, чтобы Вы искренно благодарили за присылку каталога, потому что благодарите тысячу раз — достаточно бы и одной благодарности. Ропет уехал из Парижа с месяц тому назад — куда, не знаю. Он беспорядочно распорядился с данным ему Сувориным поручением насчет присылки портрета моего и снимка картины; деньги задержал у себя, отчего никто и не заботился пустить дело в ход. Не знаю, взял ли он у фотографа снятый наконец портрет. Надобно плюнуть на эту глупую затею и на самого затевателя Суворина. Последнее письмо Ропета написано так грязно и непорядочно, что, пожалуй, Вы и правы, подозревая болезнь, любовь или что-либо в этом роде.

В[еликий] к[нязь] Николай Николаевич был здесь у меня и, между прочим, говорил, что наследник *даже и не видел моей картины,* причем махнул рукой и сказал: у них там бог знает что...

Обругаю же я прохвоста, лакея Боголюбова, уверявшего, что наследник желает взять все мои картины[2].

До свиданья.

В. В[ерещагин]

Вы не ответили, можно ли адресовать картины на Ваше имя.

Кончаю вторую картину Телиша и опять так устал, что третью, наверно, не осилю нынче.

Печатаю конверт, потому что не заклеивается.

252. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], 12 сент[ября 18]79

Я очень удивился, прочтя в Вашем последнем письме, что до Вас дошли фотографии от Беггрова: всего дня за 3 перед тем мне принесли из почтамта бумагу о том, что по данному адресу *Вас не могут разыскать* в Париже или окрестностях. Я пожал плечами, на той же бумаге снова написал им Ваш адрес и прибавил, что по этому адресу уже третий год доходят сотни писем, телеграмм и посылок. Между тем парижский почтамт надумался и отыскал Вас — ну, и слава богу!!

Я собираюсь скоро итти к министру внутр[енних] дел, просить зал, но для этого мне наперед надо знать: 1) *когда именно* должна быть выставка и сколько времени продолжится; 2) будете ли Вы тут сами или нет; 3) если не будете, кому придется ее улаживать — мне, что ли, с Собкой или кому другому? Отвечайте скорее. Да, и еще: должна она быть gratis [1], как тот раз, или за плату?

Что касается ящиков [2], то я Вам напишу, куда и как надо будет их адресовать, когда первоначальные условия *времени, места* и проч. точнее определятся. Времени еще довольно.

В. С[тасов]

253. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

18/30 сентября [1879] [1]

Через 2 недели мне скажут, когда и где я выставить могу здесь, тогда буду с точностью знать, когда именно приеду в Питер. Приблизительно и теперь, впрочем, могу сказать, что залы нужны будут около конца февраля и в марте, на столько времени, сколько министр заблагорассудит. Одобрите ли Вы мое намерение выставить также разные интересные вещи из Тибета и, может быть, некоторые индийские, из вы-

везенных мною коллекций??? Витрины, я думаю, можно будет достать напрокат. Если Вы думаете, что это будет не лишним, то стану отбирать и укладывать.

В. В[ерещагин]

254. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], 25 окт[ября 18]79

Ваше благородие, г. коллежский регистратор [1] Василий Васильич, мне принесли на Ваше имя бумагу из *капитула орденов* — впрочем, не оригинал, а копию. Эта бумага уже 2-й год ловит Вас и не может поймать: то Вы уехали из Парижа, то из Адрианополя и т. д. Написана она и подписана первоначально *31 мая 1878 года,* значит, ей $1^1/_2$ года от роду. А гласит она следующее: «По дошедшей до Вас очереди к поступлению в комплект пенсионеров по пожалованному вам 14 августа 1868 г. ордена св. Георгия 4-й степени, канцелярия Капитула орденов просит доставить уведомление: от какого казначейства министерства финансов желаете Вы получать пенсию на сей орден».

Годовой оклад пенсии — 150 рублей; попали же Вы в очередь с 1 января 1878, значит, теперь накопилось (к 1 января 1880 г.) = 300 рублей. Если Вы желаете их получить, то, *во-первых,* напишите

В канцелярию Капитула Ордена [2]

несколько строк, откуда получать (например, из здешнего Госуд[арственного] казначейства или где угодно), и пришлите мне, а я передам. Если Вы сами получите, когда будете в Петербурге, то и прекрасно, а если хотите раньше, то пришлите формальную доверенность моему брату или мне, засвидетельствованную парижским посольством. Только ведь этако — возни больше.

Во-вторых, Вы меня как-то спрашивали, как я думаю, везти ли Вам сюда тибетскую коллекцию? Отвечаю: *Да,* если она хорошая и важная; если же ни то, ни се, то навряд ли нужно. Я ее не знаю.

Давно я Вам не писал потому, что сильно был занят. Мы тут с Собко устраивали и держали корректуру целой книги [3], издаваемой Мих[аилом] Боткиным. Это собрание писем живописца Александра Андр[еевича] Иванова (автора «*Явление Мессии*») [4]. Это будет книга, на мои глаза, просто *тузовая!!!* Вообразите себе: по способу писания — книга вполне

безграмотная и прескверно писанная и при всем том тут на лицо такая личность, какой у нас между художниками еще не бывало (кроме Вас) по светлой голове и широкому, великолепному чувству. Вот Вы увидите сами. Книга выйдет в свет около середины ноября, а 1 января в *«Вестн[ике] Европы»* напечатается моя статья [5] о нем — нечто вроде *экстракта* и *критики.* И я Вас очень-очень попрошу прочитать хоть эту последнюю, а если охоты и времени у Вас хватит, то и всю книгу.

Этот Иванов для меня феномен и загадка: и самые светлые мысли и академическое поклонение Рафаэлю!! Вот увидите.

А какая натура чудная!

Впрочем, я это время занимался и многим другим [6].

Напишите же пару слов про себя: что Вы и как Вы? Давно ничего про Вас не знаю и соскучился даже. Много ли Вы нового наделали? И капитального?

В. С[тасов]

Либо к рождеству, либо весной мне надо будет съездить в Вену и Париж для приготовления (окончательного) к печати одного большого своего издания [7], материалы к которому я копил дольше 20 лет, а теперь мне обещаются его издать, на что нужно тысяч 8 или 10.

Пишите же.

Да, вот еще о чем я давно хочу Вас спросить: между нынешними Вашими картинами из болгарской войны будут ли также картины с женщинами? Ведь у Вас так редко женщины в картинах, а тут так бы нужно, важно и хорошо! [8]

255. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

30 октября/11 ноября [1879] [1]

Его Превосходительству

Г-ну действ[ительному] Стат[скому] Советнику и кавалеру Влад[имиру] Вас[ильевичу] Стасову

Коллежского Регистратора и кавалера по художественной части

Рапорт [2]:

Письмо Ваше получил, сделаю так, как советуете, насчет моего пенсиона [3]. С выставкой здесь только вчера порешил, и то не знаю, окончательно ли, вероятно, открою не надолго первого нашего декабря и первого января отошлю в Питер, куда, надеюсь, картины прибудут в начале февраля. Коли

место будет, сейчас же можно будет поставить и открыть для публики. Надеюсь приехать раньше прибытия картин, но на всякий случай адресую их хоть на Ваше имя, если Вас это не стеснит.

Наследник, за бытность здесь, хотел ко мне приехать, но я просил Кумани, известившего меня об этом, не трудиться, ибо я не желаю показывать ему мои работы, точно так же, как он не пожелал видеть мою картину, ему, как помните, представленную. У Влад[имира] Александр[овича] я также не был, и он ко мне не пожаловал; стороною я слышал, что е[го] в[ысочество] крепко ругал меня за *невозможные* сюжеты [....] Ник[олай] Николаевич, бывший у меня 2 раза, сомневался, поймут ли в России такие картины, как «Наши победители» и «Наши побежденные», а также «На Шипке все спокойно» [4]. Стороною слышал, что он, хваля мои работы, высмотрел в них *тенденцию* — еще бы! Все это — и злоба [5] Владимира и мнение Николая — похожи, как представителей самого ярого консерватизма; показывают, что я стою на здравой, нелицемерной дороге, которая поймется и оценится в России. Женщин действительно нет у меня, но не преднамеренно, а потому, что не приходилось; после, вероятно, будут. Кстати, недавно по поводу газетных отзывов о книге Илинского [6] я хотел написать в «Новое Время» несколько слов, чтобы со своей стороны засвидетельствовать о женских терпении, настойчивости, выносливости, искусстве, храбрости и проч. за прошедшую войну. Обобщая мысли, я высказывал крайнюю необходимость, после таких *опытов,* неотложно открыть молодым женским силам натуральную дорогу или в противном случае не дивиться, если эти силы пойдут в сторону, может быть, не желательную.

Хотел, говорю, послать письмо, да и отдумал: во-первых, потому, что все не решаюсь еще говорить иначе, как кистью, во-вторых, думаю устно при другом случае и с бо́льшим авторитетом.

До свиданья. Кланяйтесь Н[иколаю] П[етровичу] Собко. Книгу о Иванове прочту с интересом.

В. Вер[ещагин]

256. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

[Петербург] 10 ноября [18]79

Ваше письмо от 30 окт[ября]/11 ноября было для меня чрезвычайно интересно и приятно по подробностям о Ваших «отказах» [1] и прочем. В самом деле, какая разница: в то же

почти время я получил большое письмо[2] из Парижа от *Антокольского*, который прямо на оборот пишет мне про восхищение их всех и его собственное по поводу посещений, заказов etc. Они хватают там куски, словно жадные рыбы, когда прохожие от нечего делать и для своей потехи бросают кусочки мякиша в пруд. Я вот о сю пору только и знаю двух: Иванова да Вас, которые то и дело отказывались от того, что было им неподходящее. Зато, я думаю, Вы *вдвоем* и были до сих пор самые два независимые, самые два претерпевшие, самые два и крупные. Ну, да вот Вы сами увидите в книге о нем и его корреспонденции. Жаль, что я столько не доживу: а стоило бы раз и Вашу корреспонденцию напечатать[3].

Присылайте картины на мое имя, если хотите, но только с условием, чтоб Вы *непременно* тут сами были, а то мне невозможно будет всю эту массу тащить к себе домой; да и с выставкой я один (хотя даже с Собкой) не справлюсь. Надо Вам самим тут быть. Мне и время столько не позволит — одному. Если же, напротив, Вы сами будете, да еще за месяц, то у нас все пойдет как по маслу[4].

В. С[тасов]

257. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[23 ноября]/5 декабря здешнего [1879][1]

Устраиваю здесь выставку мою в Cercle St.-Arnaud[2]. Директор клуба говорит мне сегодня, что они так наслышались похвал мне, что ждут чего-то необыкновенного — как бы не разочаровались.

Яблочков обещал наверное устроить электрическое освещение в Питере и Москве. Через месяц пошлю Вам мои картины и следом потеку и сам. Скажу Яблочкову, чтобы, как будет в Питере (он едет на днях, не надолго), зашел к Вам потолковать насчет освещения картин. Разумеется, я предоставлю ему сбор вечером, какой будет. Надобно бы высмотреть место в Питере; обещал поискать также Струков, но надежды на него мало — эти господа стараются лишь тогда, когда могут сами что-либо выиграть и выдвинуться.

Увидавши имя брата Николая между судящимися[3] по делу Мирского[4], я крепко обеспокоился и послал 2 телеграммы, одну в Москву, другую к Вам, и Вы, спасибо, сейчас же ответили. Уже мне представлялся брат (давно не писавший

ничего) сидящий без вины с виноватыми из-за излишнего усердия разных спасителей отечества [5]. До свиданья, черкните же, где полагаете можно будет выставить картины.

В. Верещагин

258. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Сергиевск[ая], 79, 27 ноября [18]79

Что Ваша парижская выставка [1], Василий Васильевич? Пожалуйста, черкните и, если можно, вышлите побольше отзывов газет. Хотя «Голос» закрыт на 5 месяцев, т. е. почти до мая, и хотя я более не пишу в «Новом Времени», но полагаю, что где-нибудь да найду приличное местечко.

Я долго Вам не писал теперь, потому что был сильно захлопотан изданием «Корреспонденции» Иванова, а также писанием большой статьи [2] и об Иванове и об его переписке. Теперь все это кончено, все это свалилось с плеч, и я спешу Вам черкнуть — знаете, главное, о чем? Что меня *глубоко обрадовало* Ваше намерение в числе Ваших картин сделать и русских женщин на этой великой, небывалой войне. Оно будет уже и само собой совершенно что-то новое и невиданное в ряду европейской живописи; но, кроме того, надо же увековечить эти благородные, великолепные создания. А литература *слишком мало* для них сделала. Не было никакого Льва Толстого на войне — вот оттого ничего и нет, что должно бы быть. Ну, да зато *Вы* были; значит, все пропущенное и прогляденное другими (пустыми и безучастными) может еще быть наверстано. Как я этого желаю!!! А что может у Вас выйти удивительно, за то порукой то, *как* Вы этих благородных женщин видели и чувствовали. Кончик носа высунулся даже в последнем Вашем письме [3] ко мне.

В. С[тасов]

259. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

13/25 декабря [1879] [1]

Выставка моя открыта, и народ валит; отзывов газетных еще не много. Один, «XIX Siècle» [2], очень благосклонный; другой, «France» [3], не благосклонный, гласящий, что «вряд ли парижская публика решится признать меня Ор[асом] Верне и вообще усвоить взгляды на меня моих соотечественников». По мелким подробностям и верности всех русских слов я

узнаю за этим критиком (какой-то Vachon)[4] голоса моих российских благоприятелей, близких с редакциею «France» (Боголюбов и комп.). Сам я на выставке не бываю и с поклоном в редакции журналов не ходил и не пойду, что здесь ересь и за что Ив[ан] Сергеевич Тургенев, искренне желающий мне добра, попрекал меня[5].

Как мне говорили, между художниками был переполох, да и в городе толкуют, разумеется, на все лады, но все-таки толкуют немало. Кларети говорил, что не нужно писать на каталоге «ученик Жерома», иначе-де станут попрекать манерою Жерома — точь-в-точь так и вышло, так как я именно хотел публично заявить некоторым образом благодарность мою Жерому. Впрочем, перемелется — будет мука. Пришлю на днях статьи. Готовьте *помещение* для выставки к началу февраля. В министерстве места нет; поищите иного.

В. В[ерещагин]

Помещение нужно большое, очень большое. Художники поголовно восхищаются; более или менее недоумевают насчет *способа работы*[6]; некоторые чуть ли непрочь поднять вопрос, уже задетый Тютрюмовым о *помощниках*.

260. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

15/27 декабря [1879][1]

Успех выставки оказывается *огромный;* народу очень много, отзывы самые лестные. Сегодня на железной дороге встретил Мейссонье, который будто бы *собирался ехать ко мне!* Я проводил его по выставке, и его живописное величество осталось в высшей степени довольно, дивилось, восхищалось и проч. Сегодня же художники говорили мне, что выставка моя сделает эпоху (?). Слова révélation, horizonts nouveaux etc.[2] повторяют все.

Не все журналы писали; я не решился объехать все редакции, зазорно толкаться. Тургенев говорил мне, что послал входные карточки в газеты, но, разумеется, не все откликнулись и пошли смотреть.

Я не мог видеть Яблочкова перед его отъездом, и потому, вероятно, он у Вас не был. Это, однако, дело решенное, что он устраивает мне свое освещение в том размере, как будет нужно. Ищите, пожалуйста, помещение. Нужно очень большое, со светом сверху, коли можно, т. е. с высокими окнами.

В начале нашего февраля картины, надеюсь, будут в Питере. Я буду раньше.

До свиданья. *В. Верещагин*

Видел сегодня Антокольского, он смотрел мертвецом, говорит, был болен. Предлагают продавать не только картины, но и ковры и проч. Мне говорили, что в городе толки о выставке и Вашем покорнейшем слуге не переводятся.

261. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Сергиевск[ая], 79,
16 дек[абря 18]79

Сейчас получил Ваш «*каталог*» [1]. Как же Вы меня поразили!! Еще весной было всего 7—8 картин из болгарско-турецкой войны, а теперь вдруг целых 21!!! Ну, молодец же Вы! Кто Вас знает — пожалуй, еще и продолжаете. Но вот что еще меня изумило. На первой странице напечатано: «*Aucun de ces tableaux n'est à vendre*» [2]. Что это значит? И это для заграницы только или то же и для России? А я именно *сегодня* хотел Вам писать, что кое-что начал улаживать [3], и, конечно, ничего *наверное* сказать не могу, а похоже на то, что некие народы хотят купить картины разом, как Вы желали, — по крайней мере русско-болгарские. Про индийские я слышал менее утвердительно. Впрочем, как здесь будет вся коллекция, вероятно, другое запоют, т. е. аппетит придет и всю эту *чудесную* коллекцию покупать.

В. С[тасов]

К залам для выставки присматриваюсь.

262. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

18/30 декабря [1879] [1]

Так называемый *успех* (succès) моей выставки растет, как снежный шарик; буквально весь город ею занят, народу валит пропасть. Всех заметок в газетах не собрать. Интересна прилагаемая утка о *grand dîner artistique* [2], который якобы давали мне французские художники. Спасибо и на том, что желание приняли за факт — как бы я решился показаться за таким обедом, разве под столом? Ищите же помещение! большое, светлое, если можно, из нескольких зал и в центре города. Конечно, задача не легкая, но, постаравшись, найдете. Министерское помещение занято, свободен лишь один зал, который и предлагают, но что я с ним буду делать?

Исеев предлагает большое [3]; можно на Московской выставке [4]; вероятно, возьму, если предоставят право распорядиться им по усмотрению и избавят от подчинения официальным художникам.

В. Верещагин

263. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

23 декабря [1879]/4 января [1880] [1]

Владимир Васильевич!

Отвечаю на Вашу последнюю заметку [2] насчет возможной продажи моих работ. Известно ли Вам, что последнее мое слово Третьякову было такое: если Вы не согласны на мое условие, то будем считать себя *свободными от всяких переговоров*. Значит, о продаже ему картин на старых условиях не будет более и речи. Я хотел некоторым образом запродать мои работы для того, чтобы иметь возможность работать над *войною* еще один год; во-вторых, — Вам могу это сказать — для того, чтобы дать возможность покойному отцу моему съездить в теплый климат — теперь ни о том, ни о другом нечего говорить. Если никто не предложит мне хорошей цены, то я пущу с аукциона (в Питере же, сейчас после выставки) сначала всею коллекциею, потом, коли не пойдет, отдельными картинами. Тогда и Павел Михайлович возьмет себе то, что ему понравится, но уж, разумеется, *по меньшей мере* за двойную цену. Спасибо, что не забываете моих интересов, в настоящую минуту очень богатых нравственно, но крайне бедных и дырявых матерьяльно.

В. Верещагин

Вчера Елизав[ета] Кондратьевна была на выставке — говорит, задохнуться можно, толкаются и лазают друг на друга, тыча носами в полотна картин.

Здесь множество желающих покупать, могу распродать, как булки, но не желаю.

264. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[23 декабря 1879/4 января 1880] [1]

Владимир Васильевич.

Говорят, выставку мою берут с боя, такая масса народа, что ни входа, ни выхода. Значит, дело не худо, пусть укусит палец наш приятель П. М. Третьяков, теперь с аукциона

продам, коли на то пошло, а ему не отдам. Здешнее агентство театров предложило свои услуги для разыскания всех статей, что были писаны о моей выставке, так что скоро вышлю Вам *весь dossier de* l'Exposition [2].

Присматривались ли Вы к месту? Надобно, чтобы был двор для машины Яблочкова.

Скоро будем; коли Вам некогда, попросите Н[иколая] П[етровича] Собко присмотреть 2 комнатки на чистой улице, так с 15—20 января? [3]

Боюсь, коли приеду в гостиницу, одолеют знакомые.

В. Верещагин

265. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

24 декабря [1879]/5 января [1880] [1]

Моя выставка закрыта и через 2 недели поедет к Вам [2]. Готовьте место *большое, светлое, высокое в центре города*. Прилагаю несколько выдержек из газеты «Monde Parisien» [3], некто Marc Jubinal [4] (известный мне лишь по имени) в особенности проникся энтузиазмом и прислал, как, впрочем, многие другие критики и художники, свою карточку. Одним словом, по совести говоря, успех здесь превзошел мои ожидания — значит, постараюсь, чтобы при следующей выставке парижане окончательно [....]

В. Верещагин

266. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Сергиевск[ая], 79,
25 дек[абря 18]79

Во вчерашнем № *«Нового Времени»* я напечатал [1] экстракт из парижских газет про Вашу выставку. Я думаю, эта статья произведет *значительный эффект* здесь. Особливо всем, я думаю, даст в нос «беспристрастие» (качество, по-моему, самое дурацкое, но которого все *на словах* добиваются, хотя никогда на деле не выполняют. По-моему, человек не только *не может* быть беспристрастным, но и *не должен:* это совершенно противно его натуре, потому что он не машина, не алгебраическая цифра, а существо живое, из кожи и костей). На нынешний раз наша публика вдруг прочитает не только похвалы парижских газет, но и порицания *«France»,* «XIX Siècle» и возрадуется от всей полноты

своей бараньей утробы. «Вот статья в самом деле беспристрастная!» — заговорит все стадо, и глубоко ухмыльнется, и еще глубже уверует. Впрочем, я это «беспристрастие» выполнил все-таки не без *расчетца:* поставил порицание на предпоследнее место, а на самое последнее, в конце статьи, как финальную ноту, поставил опять-таки самые сильные похвалы Кларети в «*Figaro*». Читая такие мои «*les secrets de Polichinelle*»[2], Вы, вероятно, скажете: «Да какое мне до всего этого дело? Пишите себе и печатайте, как знаете!» И это будет совершенно справедливо, но я все-таки рассказываю Вам маленькие литературные проделки, для курьоза.

Вот что мне было очень досадно, однакоже при печатании статьи:

1) Не было у меня статей из самых больших газет: «*Temps*», «*Siècle*», «*Débats*»[3] и т. д. А теперь если б я их даже и получил, то уже поздно.

2) Я наверное не знал, была ли эта выставка *даровая* или *за деньги*? Вы мне этого не сказали, а в газетах нигде не сказано, кроме одной, где упомянуто: «cette exposition absolument gratuite»[4] (XIX-e Siècle), но опять меня сбивал впускной билет, который вы мне прислали: если даровой впуск, то на что тогда билет? Одним словом, я не знал, на чем остановиться, однакоже слова «XIX-e Siècle» напечатал.

3) Точно так же я не знал, даром ли раздавались каталоги или нет? В «République Française» (кажется) было, между прочим, сказано, что «les programmes sont gracieusement offerts»[5], но все другие газеты об этом молчат — как же понять? Все это было очень жалко, что я не знал наверное, а то бы, конечно, упер в статье сильнее.

4) Еще мне было очень жаль, что под статьями все имена авторов отрезаны прочь, а над статьями не замечено *число* появления номера газеты. Ну, да куда требовать от Вас таких точностей? До того ли Вам теперь? Я думаю, у Вас хлопот полон рот и так!!

Теперь, сударь, два слова про Петербург и будущую Вашу здесь выставку.

Что касается до помещения, то могу сказать, я сделал если не *все*, то *очень многое*. Толкался в разные места, и, как всегда бывает в начале, без успеха.

Еще гораздо раньше получения Ваших последних писем я отправлялся в министерство внутренних дел и говорил с самыми важными там народами, которые приходятся мне товарищами по Правоведению. Как-то: с директорами департаментов, с товарищами министра. И вот уже недели 3 (если не больше) как я от них должен был узнать, что залы, где

была Ваша выставка 1874 года, никоим образом не могут быть теперь даны Вам (хотя бы они дали их с удовольствием в случае свободы их), потому что теперь там частью поселен новый Департамент, а частью собирается всякую неделю какое-то «Общество» (медицинское, что ли). Но это ничего, и у меня в виду теперь несколько других помещений, о которых я получу ответы на этих днях и, конечно, тотчас Вам напишу.

Если же бы, невзирая на все хлопоты, все лопнуло и никакой другой надежды не оставалось, у нас все-таки есть как *«последний резерв»* дом Безобразова на Фонтанке, у Семионовского, или Цепного, моста: целый этаж, стоящий теперь пустым. Правда, пришлось бы заплатить за него (может быть, несколько сот рублей), но ведь это может окупиться входной платой, о чем и сказать в афишах. Не знаю только, понравится ли Вам это? Притом, повторяю, это *самый последний ресурс*. А я еще не говорил ни об одном из *дворцов* (например, в[еликого] к[нязя] Николая Николаевича) [6]. Одним словом, ресурсов еще довольно: ближайшие у меня покуда: *Дума* [7] и разные *кредитные общества*. На днях все это решится.

Только Вы приедете, я хочу Вам предложить одно, по-моему, недурное и немаловажное, предприятие: пока будет устанавливаться выставка, выписать сюда из Москвы *превосходного* тамошнего фотографа (фирма: *Шерер и Набгольц)*, с которым я теперь имел дело по поводу книги Иванова, и продать ему право на издание *фотогравюр* с новых Ваших картин: они маленькие и будут у *всех* в руках. А у Шерера *фотогравюры* прелестны и обходятся по 6 и 10 копеек штука. Значит, *вся* Россия купит их: еще бы! — Болгарская война, да *Вами* деланная!!!

267. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[29] декабря [1879]/10 января [1880] [1]

Не могу Вам сказать, как мне досаден Ваш прилив беспристрастия — не сам по себе, а потому, что Вы не дождались главных статей, из которых некоторые написаны перед самым закрытием выставки, а другие и после закрытия, т. е. теперь только попали мне в руки. В первых статьях, тех, что успел послать Вам раньше, и похвалы и порицания работ писаны людьми, присматривавшимися и прислушивавшимися к тому, что скажет «город». После же, когда выяснился огромный успех, и порицания и похвалы стали резче, ясны. У меня

приготовлено было *9 статей* для отсылки к Вам завтра — (послал только «Vie moderne» [2]), теперь, разумеется, не пошлю. Между прочим «Siècle» говорит, что «мы не желаем сказать, чтобы талант г-на Верещагина возносился до тех головокружительных высот, в которых немыслимо никакое сравнение, но должны засвидетельствовать, что это цельный, сильный и постоянно глубоко оригинальный талант».

Успех был громадный, какого я не имел и в Питере. Не только самая улица, но и соседние были заставлены линиею экипажей. Не только в самых комнатах, но и на лестнице стояла густая толпа народа. Все соглашаются, что это было «Événement» [3].

Насчет фотографий согласен. Коли места не будет, повезу картины в Москву и сделаю выставку там. Какая злоба меня забирает — я-то собирал статьи и старался! *8 огромных* статей как в воду канули.

В. В[ерещагин]

Читал Вашу статью [4] — обух по голове.

268. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

30 декабря [1879] /11 января [1880] [1]

Владимир Васильевич!

Да ведь Вы зарезали мои бедные индийские работы! Как, не подождавши других отзывов (у меня их накопилось до 10 уже и в высшей степени интересных), Вы взяли все, что было обидчиво-подлого во «France», «XIX Siècle» и даже «R[épublique] F[rançaise]» [2]. Надеюсь, Вы произвели эффект, даже и на меня, но какой ужасный эффект! Вся розовая водица «Gaulois», «Figaro» [3] и др. не выведет подавляющего впечатления, приговора целым 4-м годам моих занятий Индиею, тем более, что этот приговор по вкусу художникам нашим. И где же Ваше беспристрастие? почему из того же «R[épublique] F[rançaise]» Вы не привели выражений высокой похвалы? почему вовсе не обратили внимание на высшей степени симпатичный отзыв «Monde parisiene». Повторяю, эффект, должно быть, был, но отзовется же он на моем горбу — ни гвоздем, ни клином не вышибить из голов наших любителей и ценителей резких суждений, на которые Вы так уперли. Между тем сказать, хоть бы Вы пожалели меня в моих денежных обстоятельствах. Я настойчиво отказывался продавать мои индийские работы и здесь и в Лондоне, а теперь, после приведенных Вами отзывов франц[узских] газет,

они, наверно, останутся у меня на шее или пойдут из милости за бесценок! Ай, ай, какая скверная история приключилась, дернул меня чорт послать Вам эти статьи.

В. В[ерещагин]

Просто опротивела мне моя будущая выставка.

Просто в толк не возьму того, что пишете насчет беспристрастия, да и где оно? [4]

269. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

31 декабря [1879] /12 января [1880] [1]

Владимир Васильевич.

Загладьте, пожалуйста, прилагаемыми статьями ужасное впечатление болтовни статьи «France», над которою и здесь художники подтрунива[ют] и которая вводит в мир, мало интересный русским, борьбы школ и приемов французов. Гонение на Жерома и его школу, произнесенное «France» и повторенное отчасти некоторыми другими журналами, может ли быть беспристрастным мерилом моего успеха и в обществе и между художниками? Если подождете пару дней, то я вышлю еще несколько выдержек. Коли не захочет взять Суворин, то возьмет Комаров [2], которого я немного знаю. Коли не хотите Вы этим заниматься, попросите Николая Петровича Собко.

До свиданья.

В. Верещагин

1880

270. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Cercle Artistique et Littéraire, 7, Rue Volney, 1/13 января [1880] [1]

Честный, умный, талантливый и..... беспристрастный Владимир Васильевич.

Дайте пояснить сказанное: писавший в «France» — поклонник Коро [2] и К° и ненавистник манеры Мейссонье и, в особенности, Жерома, к школе которых скорее можно меня причислить [3], если уже во что бы то ни стало нужно куда-либо причислять и зачислять. Естественно, что с первого же взгляда ему не полюбились мои работы. Но здешнее общество артистов и вообще любящих искусство знает эти вкусы, эти симпатии и антипатии известной части критики и или не обращает на них внимание, или обращает настолько, сколько нужно и можно. Другое дело у нас: тут не знают ссор 2-х или 3-х художественных лавочек Парижа между собою и принимают таковой голос за исходящий из самой сути Франции, за определение, которое (при нашей любви к французским определениям, как почти непогрешимым) может и должно руководить нашим общ[ественным] мнением. Поставленное рядом с робкими и неуверенными похвалами первых писавших критику на мои работы, мнение «France», конечно, заранее определило для многих оценку работ моих, а художников, недовольных моими сравнительно быстрыми успехами, и возрадовало. Чем позже писались критики, тем они увереннее и основательнее в похвалах и в порицаниях. Пошлю Вам статейку «*Siècle*», о которой писал. Послал уже: 1) «Vie moderne» (орган художников), 2) «Revue des art etc.» (некотор[ым] образом орган Cercle), 3) «Monde parisiene» (новый журнал), 4) «Charivari» (против своего обыкновения не ругающийся и не осмеивающий), 5) «Moniteur universel», 6) «le Constitutionnel», 7) «le Parlement» [4]. Знаю мои недостатки и учусь, учусь и еще учусь. Но можно ли винить человека за то, что 200 номеров, писанные тою же рукою, кажутся одинаково писанными, т. е. монотонными (как уверяет критик «France»).

Фотографа призовите, пожалуйста, очень буду рад, коли он делает хорошо и недорого. Спросите Крамского или Васнецова, не хотят ли они делать рисунки для истории Петра (для американского журнала) [5]. До 200 рисунков по 150 фр[анков] за рисунок? но чтобы было хорошо!

Ящики посылаю завтра или послезавтра, придут, вероятно, недели через 3; я надеюсь быть дней через 10. Кабы Николай Петрович [6], гуляя, присмотрелся к 2 комнатам?

[*В. Верещагин*]

271. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Cercle Artistique et Littéraire, 7, Rue St. Arnau, 5/17 января [1880] [1]

Владимир Васильевич.

Не могу получить обратно вырезки статей, можно обойтись и без них. «Siècle», как я Вам говорил, поместил очень любезную небольшую статью, которую окончил так: «Мы не хотим сказать, чтобы талант г-на Верещагина возносился до тех головокружительных (vertigineus) высот, в которых немыслимо никакое сравнение, но говорим, что это талант цельный, очень сильный и глубоко оригинальный». «Télégraphe» [2] ругается, но так, что скорее льстит мне. Начинает осторожно: «Иностранный живописец и странная живопись», далее (если не ошибаюсь) «ce Russe a des emportements dignes de Courbet...» [3], далее: «Как ни наводил на него лак Жером и наша школа, все-таки калмык остался...»

Не правда ли, все это лестно? «Soleil» очень лестно отзывается и очень пространно, целых полстраницы. «Temps» [4] осторожно, но лестно, как подобает полубогу не красному, не белому, а серенькому.

Я послал уже Вам 7 или 8 статей после Вашей заметки, получили ли Вы их? Надеюсь скоро пуститься в путь-дорогу. Не повидаете ли Яблочкова, он все еще в Питере, и здесь я его не захвачу, да и из Питера-то он скоро уедет, так что мы разъедемся, так что следовало бы поспешить. Адрес его, по обществу электрического освещения, узнать нетрудно. Надобно его предупредить, что аппарат должен быть уже в готовности. Ящики посланы — целых *четыре вагона,* т. е. четыре платформы, на Ваше имя, В. В. Стасов, в импер[аторской] библиотеке. Не бойтесь, я сам там буду и не заставлю Вас бегать. Каких все это денег стоит — ух! почитатели моего таланта, вроде Третьякова, должно быть, и не представляют себе громад-

ности расходов по всей этой возне не только с писанием, но и перевозкою картин.

До свиданья.

В. Верещагин

Страсть боюсь гостиницы — нет ли у Вас в виду 2 скромных комнат в центре города?

272. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

6/18 января [1880] [1]

Посылаю Вам последний уморительный образчик противоположности суждений: «Gil-Blas» [2] топчет в грязь мои индийские работы и превозносит военные; «Revue des arts» (вырезку из которого я, кажется, уже послал Вам), напротив, за себя и за общество говорит, что *Индия* более интересует всех.

Укладываю мои вещи и скоро утекаю в Питер. Кабы Вы повидали Яблочкова! Он теперь в Питере, и я с ним, вероятно, разъедусь, ибо говорят, что через неделю или 2 его ждут здесь.

Есть ли в виду помещение? Есть ли в виду 2 комнаты, спокойные, не грязные, в центре города? Нельзя ли поручить кому-либо эту последнюю комиссию за деньги?

Ящики пошли к Вам, страсть какая тяжесть — целые четыре платформы. Григорович очень любезно предлагает дом Общества, но я боюсь, что большие картины туда и не влезут, не говоря уже про то, [что] окна, вероятно, малы, свет тускл и низок. Кабы не это, так более удобного помещения и желать бы не надо.

До свиданья.

В. В[ерещагин]

273. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

20 января [1880] [1]

Очень бы желательно, Владимир Васильевич, Ваше участие в переговоре с Волковым [2], но так как Вы все кормите меня завтраками, то я решусь послать Вам его, для того чтобы, если Вы непрочь, назначили бы день, когда мы можем эту скучную и глупую материю оговорить на самом месте, т. е. в доме Безобразова. Вся эта история выставки и глупа и противна, но как быть иначе?

В. Верещагин

Невский, № 11, квар[тира] 20.

Коли «Périodique»[3] Вам не нужен, захватите с собою — возвращу аккуратно.

Скажем, в понедельник, от 3 до 4 в доме Безобразова? S'il vous plait[4].

274. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

Публ[ичная] б[иблиоте]ка,
воскрес[енье] 27 янв[аря 1880][1]

В. М. Жемчужников пишет мне, что его брат *Лев*[2] на 2—3 дня приехал сюда в Петербург и что нельзя ли Вам с ним *повидаться* после всех случайных недоразумений?[3] Если Вы согласны, то его найдете у *Владимира Жемчужникова*, а не то назначьте время и место.

В. С[тасов]

275. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

27 января [1880][1]

Поблагодарите Владимира Михайловича, скажите ему, что я бы слицемерил, сказавши, что буду рад видеть Льва Михайловича. Когда это Вы, Владимир Васильевич, перестанете сводить людей?[2]

В. Верещагин

276. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

П[убличная] б[иблиоте]ка, вторн[ик, 29 января 1880][1]
$10^1/_2$ ч. утра

Я сейчас получил уведомление от конторы *Шейман* и *Шпигель*[2], что Ваши картины уже в Эйдткунене[3], и потому контора просит:

1) полную декларацию[4],

2) уплату (*кроме ее расходов*) суммы =1444 руб[лей] в таможне, при въезде.

Контора спрашивает: Вы уплатите сами или поручите ей?

Пусть Александр Васильевич[5] побывает в конторе и справится *лично* обо всем.

Адрес конторы: *Вас[ильевский] остров,* 2-я линия, № 15.

Ваш *В. С[тасов]*

С.П.Б., Сергиевск. 79
Понедельн., 19 марта 79.

Завтра или послезавтра вероятно опять
подойдет у нас с Вами обычная телеграмма,
и письмо будет у Вас в руках гораздо поз-
же тех и всяческих коренных решений.
И поэтому я здесь сообщу Вам только, как
происходили подробности за всё это время.—
Третьего дня утром я получил повестку
из конторы экспедитора Сегала о получении
картины и рамы. Днем этим я уплатил за них
сколько огромную сумму (огромную — так
как легкие пути!!) = 289 руб. 30 коп. (688
франков 80 сантимов), и потом отправился
в таможню, где была картина — неразвернутая,
в ящике. Оказалось, что чиновники обожают
картины Верещагина, и знают все, что писали
о нем В.С., и дело было кончено в несколько
секунд. Куда было везти картину? Ко мне
— и далеко, и помещения нет; притом, част-
ный дом, и всякая беда могла случиться.
Потом — думали поставить в мастерской у
Крамского: удобство то — что под рукой есть
сейчас люди, чтоб натянуть холст и собрать
раму, но неудобство — то, что пропасть народу
(и именно художников молод.) ходит и смот-
рит, и от них трудно спастись; притом он
человек семейный; и, наконец, — все таки дом
частный, и мало можно [illegible] [illegible] в
случае какого несчастия. По всему этому, я обратился
[illegible] к Илад. Желтухинскому. Тут соедини-
лись все удобства: 1) два шага от таможни, и
очень близко от Аничкова дворца; 2) человек
холостой и совершенно одинокий = посетите-
лей никогда никаких; а если бы и оказались,
то по обширности квартиры, никто по-нечаянно-
сти никого не увидит; 3) дом, где сам ми-
нистр [illegible], квартира [illegible], директора
департамента, значит всякую минуту готова к

Автограф письма В. В. Стасова к В. В. Верещагину
от 19 марта 1879 г.

277. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

Публ[ичная] б[иблиоте]ка,
31 янв[аря 1880], четверг, 11 ч. утра [1]

Прилагаю:

1) конверт из Парижа.

2) письмо (2-е) от конторы *Шеймана* с уведомлением, что Ваши картины уже прибыли в Петербург 30 января.

Сверх того я должен Вам сообщить, что следующие личности требуют от меня сведений о месте Вашего жительства:

1) Морган (живет в «*Европ[ейской] гостиниц*е», № 83); приехал сюда просить дозволения сопутствовать наш отряд в Среднюю Азию как корреспондент: вероятно, получит отказ (и хорошо) [2],

2) кн[язь] Цертелев [3],

3) m[ada]me Бейдеман. *В. С[тасов]* [4].

278. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

Имп[ераторская] Публ[ичная] б[иблиоте]ка,
20 марта [18]80

Василий Васильевич, меня просят передать Вам следующее: целая компания *московских купеческих тузов* (мужчины и дамы) приехали нарочно посмотреть Вашу выставку [1]. Сегодня вечером должны уехать. Не позволите ли Вы им взглянуть на Ваши картины? [2]

Ваш *В. С[тасов]*

Собко Вам кланяется — я тоже [3].

279. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

Писано на Невском
26 марта [18]80

Василий Васильевич, говорят, Вы на днях уезжаете. Я не согласен более Вас не видать — *навсегда* или надолго. Где и когда мне Вас видеть? [1].

В. С[тасов]

280. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[26 марта 1880] [1]

Повидаю Вас после, теперь просто не могу, потому что не совсем здоров [2]. Только бы выйти из нищеты [3] и удрать от-

сюда — обещаюсь более не только не продавать, но и не показывать здесь мои работы.

В. В[ерещагин]

281. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[26 марта 1880] [1]

Что за негодяй Суворин. Представьте себе, что, несмотря на настояние Тургенева, утверждавшего, что иначе нельзя, я не был ни в одной редакции и, между прочим, *в «l'Art» также не был*, а редактор этого журнала через одного из моих знакомых просил какого-нибудь рисунка. Автора статьи обо мне никогда не видал и не знаю.

Что за пошляк! Что за мерзавец! [2]

В. В[ерещагин] [3]

282. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

Венеция [1], субб[ота]
17/29 мая [18]80

Василий Васильевич, горю желанием показать Вам нынче свой зонтик и самого себя. Будете Вы в Париже недели через 2 и 3? Черкните, пожалуйста, мне *poste restante* в Рим. Я отсюда выеду (т. е. из Венеции) дня через 2—3; заеду на минуту в *Болонью и Равенну,* в Риме пробуду несколько дней и потом, пробыв тоже во Флоренции дня 2—3, через Милан и Турин покачу прямо в Париж, если Вы там теперь будете. А то в одиночестве по вечерам боюсь совсем погибнуть от тоски. По кр[айней] мере хоть *всякие 2 дня* если б можно Вас видеть на часок, вот уже и спасенье.

А я задумываю остаться в Париже недели 2—3 или 4, если только денег хватит. Хотел бы там, на какой-нибудь благодатной вышке и террасе, как в [18]78 году [2], написать *«впечатления»* всего нынешнего моего путешествия. Почти целую книгу. Итак, найду я Вас?

В. С[тасов]

Вот где я был до сих пор: Берлин, Дрезден, Прага, Краков, Вена, Пешт, Белград, Загреб, Лайбах, Венеция. В голову *залезло многое.*

283. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

2/14 июня [1880] [1]

Скоро буду в Париже, Владимир Васильевич. Я ездил к моей больной матушке, отправляю ее в Германию на воды и затем еду к себе в Maisons-Laffitte. Коли останетесь, приходите к нам *на дачу* почаще, на пару дней, комната есть, простыня и наволочка также, супу же хватит и на троих. Ни Вы мне, ни я Вам мешать друг другу не будем, а гулять у нас и обдумывать работу, как Вы знаете, есть где.

Адресую письмо в Париж, ибо за отсутствием из Москвы [2] получил Ваше письмо очень поздно и в Тюринген адресовать его уже не могу [3].

До свиданья.

В. Верещаг[ин]

Лизав[ета] Кондратьевна Вам кланяется.

284. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[2/14 июля 1880] [1]

Из статей, что Вы желали иметь, нашлись только 3 в иллюстрированных изданиях. Не хотите ли прочитать писанную еще в 1866 году статейку [2] мою о молоканах [3] — не потеряйте, отдайте назад.

В. В[ерещагин]

Был у Вас, но не застал [4].

285. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

1/13 августа [1880] [1]

Видел Вашего приятеля Матэ и не понимаю, что ему надобно. Помните, он хотел взять работу от Hachette — пишет, что желает переговорить об этом, — милости прошу. Приходит и рассказывает, что «никто не обратил на него внимание, когда он пришел», сказали, что «сегодня поздно, придите другой раз», и когда взялся за шапку, тоже никто не обратил внимания» (буквально). Я уверил его, что ничего страшного тут нет и, тем более, обидного, так как вечер субботы — время расчета, получения денег и разъезда по дачам всего этого страшно занятого люда, да к тому же он ничего не показал из своих «работ...» «Хорошо, говорит, пойду еще», и, должно быть, ходил, потому что Рихнер (заведующий гравюрою дома

Hachette) пишет, — желая сделать Вам приятное, я предложил г[осподи]ну Матэ работу, которая была под руками, в ожидании других, но он отказался... Чорт знает что такое: кажется, малый до того проникся ожидающею его ролью первого российского гравера, что непрочь и поблажить. Значит, мне около него и ему около меня делать нечего.

Послал Вам вчера телеграмму о присылке плана [2] Кремля Московского, разумеется, теперешнего, с новым дворцом и т. д. Если можно, пожалуйста, не замедлите. Только что воротился из поездки в Тироль, куда спасался от лихорадки — на ноги поставила, но танцовать еще не заставила; должно быть от жары, все еще дурно себя чувствую.

У Вас ли вещи Гейнса? Перешлите по petite vitesse [3], коли у Вас.

До свиданья.

В. В[ерещагин]

[С] Матэ просто трудно говорить о чем-либо, кроме его личности и его гравюр, — скучно.

286. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

8/20 августа [1880] [1]

Злит просто Ваш Матэ: на замечание его у Hachette, что он не может исполнить предложенную ему работу, потому что занят у Паннемакера [2] и работает для России, ему, естественно, ответил Рихнер: решитесь на что-нибудь одно — или работать у Паннемакера и для России, или для нас — ведь это вещи спешные, с которыми прохлаждаться не приходится. Матэ берет доски, в ответ на это, и уходит, да еще обижается, что его доску *бросили*! Что за нелепое самолюбие. Прочтите прилагаемое письмо [3] его и дайте ему, пожалуйста, понять, что я совсем не желаю с ним нянчиться.

Помните, и Вам я что говорил, предлагая только матерьяльную помощь, если она понадобится, работу у Hachette, письмо в Академию и т. п. Он же поверяет мне разные тайны и намерен приходить отдыхать ко мне, когда я рад-радехонек после занятий отдохнуть наедине. Положительно, Матэ считает себя человеком необыкновенным, поэтому нужды ему, очевидно, нет, так что я отстраняюсь. Черкните ему об этом: осторожно.

Что же платье доктора [4], с передниками кожаным и хо[л]стяным? Нельзя ли вместе с платьем прислать старую красную кумачевую рубашку, да, пожалуйста, ответьте сейчас.

Если не можете достать докторскую одежду и план Москвы, то черкните поскорее, *ведь я дожидаю.*

[*В. Верещагин*]

287. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

18/30 августа [1880][1]

Вы как-то упрекали меня торопливостью — дайте же Вам сказать, что не мешает Вам не так торопливо решать и ругать людей ни в чем не повинных. За что Вы ругаете Рихнера нахалом? Вы вслед за Матэ и по его толкованию *совершенно извратили смысл слов Рихнера*. Вот он, молодой гравер, приходит в дом Hachette просить работы, ему дают работу и предлагают принести ее скоро, так как (Вам это очень хорошо известно) для них важно, чтобы работа была исполнена не только хорошо, но и скоро. Юноша отвечает, что он не может сделать скоро. — Почему? — Потому что я работаю для России, также у Паннемакера..... Матэ, очевидно, пришел туда пробовать свои силы, а этим господам не до экспериментов с гравюрами в той горячей работе, которая у них повседневна, и ему ответили: *послушайте, что-нибудь одно: или работайте нам или Паннемакеру и для России.....* Откуда Матэ взял, что его хотели закабалить?!! Откуда Вы взяли, что его хотели эксплоатировать (более, чем его эксплоатируют в России), что с ним были нахальны? Рихнер писал мне вслед за тем, что при всем желании сделать мне приятное не мог, потому что чисто артистических работ теперь нет, а повседневные работы должны быть исполнены в срок, скоро (без ссылок на матушек и тетушек, задержавших их). Рихнера я хорошо знаю — это француз, работающий за троих русских, и, конечно, не может быть виноват в том, что не понял художественных порывов Матэ. Что у малого художественная натура, в этом не может быть ни малейшего сомнения; художественность эта так сильна, что несколько жалка в таком топорном искусстве, как гравюра *на дереве,* не имеющем никакой будущности и, напротив, обреченном на скорую гибель. Мне жалко было слушать, когда он говорил о блистательной будущности, которую ему сулили и проч.

Я не смел ему сказать (но так как Вы в очень близких отношениях, то, может быть, Вы решитесь), что при молодости и несомненном таланте смело можно было бы попробовать перейти хоть на живопись, где было бы больше простора (на первое время не покидая совсем гравюры).

Я Вам говорю мое мнение[2] и не забочусь о том, сходится ли оно с Тургеневским, — по-моему, Матэ, при всей своей застенчивости, чересчур пропитан будущим значением своих гравюр на дереве, мечется от бессребренничества к надеждам на большие заработки. Необразован, неразвит, но при этом талантливый, сильный и доброго характера малый. Кабы ему хоть *офорт*[3], коли не живопись, но только не гравюру на дереве!

В. В[ерещагин]

Салтыков довольно верно заметил, что Тургенев теперь со всеми кокетничает. Mercі за план, другого не нужно. Напрасно спросите Григоровича о вещах Гейнса, с ним и речи об этом не было.

Вещи, находящиеся у Гейнса[4]:

2 или 3 кольчуги,
2 лука (один поломанный),
2 колчана со стрелами,
1 крепостное ружье,
3 черепа (дунган, сарт и китаец),
обломки мраморов,
медные кружки и, вероятно, еще некоторые вещи, которые не припоминаю теперь.

1881

288. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

19/31 мая [1881][1]

За присылку статьи[2] благодарю, нахожу ее очень хорошею; удивительно, что Вы сохраняете ясность и независимость суждения, находясь в центре дрязг и рутины.

В. В[ерещагин]

289. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

15/27 июля 1881[1]

Разве Вы не знаете, Владимир Васильевич, что всегда искренно рад Вас видеть. В Италии, думается, еще жарко теперь, но с Вашим зонтиком, не пропускающим солнца, Вам нечего бояться. До свиданья же. Сейчас только воротился с горных озер Тироля, где спасался от жары. Брат Александр поехал в Москву за картинами[2] и воротится сюда; вероятно, увидите его в Питере еще. От Вашего приятеля Матэ получил письмо с выражением желания показать кое-какие работы; так как письмо пришло в мое отсутствие, то не знаю, застанет ли его мой ответ — он собирался куда-то уехать.

Выставка моя здесь будет в декабре, но, может быть, раньше того поеду[3] в Вену.

В. Верещагин

290. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург],
27 окт[ября 18]81[1]

Все не получая от Вас, Василий Васильевич, известия[2], *где Вы теперь*, посылаю Вам сегодня два письма разом: одно в *Maisons-Laffitte*, другое в Вену, — не зная даже, дошло ли до Вас, в Künstlerhaus, письмо, посланное мною к Вам еще из Парижа, в ответ на Вашу телеграмму от 8/20 октября?

Считая именно на основании этой телеграммы, что Вы давно уже в Париже, кладу в свое парижское (Maisons-Laffitte'ское) письмо 2 вырезки из газет: 1) из «Нового Време-

ни», перевод из «*Neue Freie Presse*», про Вашу выставку в Вене [3]; 2) из «Порядка» свою маленькую заметку [4], на основании телеграммы Александра Васильевича, полученной мною третьего дня, а также с переводом маленькой заметки из «*Temps*», кажется написанной Claretie.

Пожалуйста, присылайте *поскорее* все венские статьи. Мне бы хотелось их печатать, но не надо терять время.

В. С[*тасов*]

Нынешний мой адрес:
Знаменская, № 22.

291. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Cercle Artistique et Littéraire, 7, Rue Volney [1], [28 октября/ 9 ноября 1881] [2]

Вы просили, Владимир Васильевич, послать Вам все статьи о моей Венской выставке, *pro* и *contra* [3], но могу, кажется, послать только первые, так как вторых нет. Послал Вам то, что было с А. М. Матушинским [4], отъезжавшим в Питер. Поверите ли, что в кофейнях и на улицах только и речи что «Ферешагин, Ферешагин!» — дело в том, что я резко выговаривал Комитету Künstlerhaus [5] с Макартом во главе насчет их аристократических замашек, потребовал сбавки цены на вход и громко говорил, что желаю показать свои картины не 10 000 графов и графинь, а 2[00 000] или 300 000 венцев, сколь возможно более бедных и незнаменитых. Эти мои слова подхвачены были газетами и разнесены по всем форштатам, так что думаю, не смеялись надо мною мои знакомые, когда говорили, что я вдруг стал самым популярным человеком в Вене.

Признаюсь, с удовольствием видел, как все более и более ходит бедно одетого люда и солдат; надеюсь, будет выполнена моя просьба, чтобы в последние дни школы с учителями и солдаты имели даровой впуск. После сильнейшей борьбы добился того, что вместо шума сапогов и треска и гула электрических свечей раздается во входном зале тихая мелодия органа, т. е. фисгармонии. Ай, ай, сколько было борьбы с рутиною: и то нельзя, и это нельзя, то — против статута, а то — против обычаев венцев... и т. п. Оказывается, что, должно быть, вкусы и обычаи венцев я знал лучше, чем Макарт и К°, потому что все мною сделанное понравилось буквально всему городу, от знати до бедняков [6]. Вероятно, пришлю еще

много статей. Очень, очень зовут в Берлин, кажется, придется показаться и там. Радует меня то, что *новые мои картины называют лучшими*, — значит, иду вперед, а не назад. Черкните о Ваших впечатлениях путешествия [7], говорят, Испания очень интересна, давно не соберусь туда.

До свиданья.

В. В[ерещагин]

292. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

3/15 ноября [1881] [1]

Что делается на моей Венской выставке, Владимир Васильевич, того и пересказать Вам нельзя: 2 раза в день набережная перед зданием Künstlerhaus совершенно запружается народом, проезда и почти прохода нет, выдача билетов прекращается, потому что все галлереи и огромная Vestibule [2] полны народом до того, что двигаться невозможно. Ничего подобного в России даже не было — как верно, что живопись язык всемирный, надобно только хорошо изучить этот язык, чтобы уметь говорить на нем со всеми как следует.

Не забудьте, что обыкновенная воскресная плата за вход *увеличена вдвое*, ничего не помогает — тронулись все венские предместья, так тут уж держись только. Писал Вам, что художники устроили мне банкет в мастерской Макарта?

Так как я немало враждовал, т. е. спорил и торговался вначале (за их рутиннейшие замашки и привычки), то говоривший речь, упомянув об этом, прибавил, что «нам, господа, не стыдно сознаться теперь, что он нас победил». Как неизбежно водится, пили за здоровье мое, здоровье не только «великого художника», но и «первого апостола мира и братства» [3]. Новые мои картины хвалят больше других, что меня очень радует. Одну из них старик Амерлинг [4] называл чистым Рембрандтом [5], — можете представить, какая это похвала в устах человека, искренно думающего, что живопись совсем упала после старых мастеров [6].

До свиданья, черкните в Maisons-Laffitte. Пишу из Берлина, где ищу место [7].

[В. Верещагин]

293. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[5/17 ноября 1881] [1]

Вышлите мне, Владимир Васильевич, ноты для оркестра (приблизительно на 30, 40 человек музыкант[ов]) русских мо-

тивов, *церковных и чисто народных*. Но непременно *мелодии* и непременно меланхолического характера. Смейтесь себе в бороду, если хотите, но все-таки подчинитесь этому требованию. Непременно пришлите, напр[имер], «Со святыми упокой» и «Херувимскую» Бортнянского [2], «Вниз по матушке по Волге», если есть. Желательно, и это еще более первого, иметь эти же мотивы для одного исполнителя для *гармонии*, разумеется, не нашей деревенской гармонии, а той, что называется *Фис* [3].

Посылаю мой портрет, на который случайно вчера наткнулся здесь в Берлине. Нанял огромное помещение для выставки здесь [4] в феврале. Деньги вместе с аккуратным письмом пришлю из Maisons[-Laffitte], куда сейчас еду.

[*В. Верещагин*]

294. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

7/19 ноября [1881] [1]

Владимир Васильевич.

Я, кажется, исправно высылаю Вам статьи. Первые были посланы с отъезжавшим из Вены А. М. Матушинским. Третьего дня послал Вам «Floh» [2]; сегодня, найдя здесь, в Париже, по возвращении из Берлина несколько заметок, посылаю их. Портрет мой также прилагаю; их, кажется, теперь гравируется несметное число; в разных иллюстрированных журналах один голос: гениальный художник, гениальные работы — как далеко это от *навозных куч* [3] Суворина. На днях напишу Вам еще. Теперь очень тороплюсь. Статьи возвратите в рекомендованном письме, после пришлю их Вам в коллекцию вместе с прежде взятыми. Писал ли Вам о том, что нанял громадное помещение в Берлине, где выставлю *все работы* мои, авось и там до навоза не доржаться, как в Питере.

До свиданья.

[*В. Верещагин*]

295. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Cercle Artistique et Littéraire, 7, Rue St. Arnau [1], [7/19 ноября 1881] [2]

Посылаю Вам, Владимир Васильевич, еще несколько вырезок; что делается в Вене на моей выставке, того и пересказать нельзя. Брат Александр, верный сторож моей выставки, пишет, что толпа выломала не только стекла в дверях, но и

самые двери! Кажется, не выставлю в Париже, до того туп и рутинен комитет здешнего Cercle, но в Берлине выставлю все работы мои, для чего уже нанял огромное помещение. Хорошо, что я удрал от банкетов [3] — все славяне стали подниматься, почуяли *своего*.

До свиданья. *В. Верещагин*

Пришлю на днях еще вырезку и новый каталог [4] с моим портретом и биографией.

296. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Cercle Artistique et Littéraire, 7, Rue St. Arnau, 10/22 ноярбя 1881[1]

Обратите внимание, Владимир Васильевич, на заметку: *Верещагин и крестьяне*, в которой говорится, что крестьяне окрестностей Вены тронулись по железным дорогам для посещения моей выставки и что между ними только и толков, что о «картинах войны Верещагина» — чорт побери, ничего более лестного я до сих пор еще не заслужил. Брат мой Александр пишет, что если бы можно было продолжить выставку еще на неделю, то, он уверен, все крестьяне окрестностей тронулись бы со своих мест... [2] Жаль, что не могу продолжить... но в Берлине постараюсь так устроить, чтобы это состоялось. Завтра или послезавтра пошлю Вам еще несколько отрывков, между прочим один, в котором критик, и очень серьезный, сознается, что я оставил *далеко в тени* [3] Пилоти, мюнхенского — для немца это сильно сказано.

Неужели Вы думаете, что я почил на лаврах — *я продолжаю считать все это недоразумением* и себя *только слабым учащимся,* — верьте, что это искренно. Суворина не троньте, хотя навозные кучи почему не помянуть, да и то надо ли? — лежащего не трогайте. Об его заигрывании [4], еще одном, недавнем, не поминайте, пожалуйста, прошу Вас.

До свиданья.

В. В[ерещагин]

Все ли статьи дал Вам Матушинский? Последние, которых у него нет, несравненно интереснее, как написанные уже тогда, когда общественное мнение высказалось вполне. Мне нравится корреспонденция берлинской «Tribune» [5] (II статья особенно).

Памятникам вообще не сочувствую, но если будут деньги — пошлю [6], *если найдете нужным.*

Сердце у меня пошаливает, иногда до дурноты.

297. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

12/24 ноября 1881 г

Студенты не унимаются, прислали мне телеграмму: Tchestvouia vas kak Rousskoslavianskago genialnago choudojnika velikago spodvijnika na poprische razvitia tchelovietchestva, slavianskie stoudenty Vienni oustroivaiout v piatnitzou 25 Noiabria v salah Zum Grünen Thor Lerchenfelderstrasse v tchest vachou torjestvenny vetcher na kotory pokorneiche priglasit vas tchest imeiet Comittet [2].

Я ответил «Приветствую господ студентов, благодарю за честь, но приехать не могу; будем все по мере наших сил трудиться для дел развития человечества».

Посылаю отрывок сравнения меня с Пилоти [3], не в пользу последнего [4]. Со стороны немца это сильно. Вообще, заметьте, первые статьи писаны робко, с очевидною боязнью проврваться. Один почтенный критик говорил мне, поздравляя с огромным успехом: «а я, признаюсь, побаивался...» Да как не побаиваться: в самый центр подражательности Веронезе [5], Рембрандту и др. вдруг ворвался художник с красками свежими, сильными, с живописью вчерашнего дня, а не двухсотлетнею. Все в последнюю пору выставки писанные статьи в один голос говорят: «Самый всесторонний, самый оригинальный гений»... Есть ли у Вас статья [6] (вторая) в берлинской «Трибюне»? Что Вы так напали [7] на Матушинского, так натурально с его стороны желание обогнать Вас — оставьте его. Не троньте, пожалуйста, и Суворина — ну его! Статьи венских газет — лучший ответ на его отзыв о моих картинах, как о навозных кучах — по живописи — и *тенденциозном вранье* — по мысли. Здесь в Париже выставлю, вероятно, ненадолго и несколько новых картин и потом всю лавочку отправляю в Берлин. Если Вы получили мои последние статьи, то знаете, что крестьяне окрестностей Вены тронулись по чугункам на выставку мою и рассказывают, что у них много толков об этих картинах.

По сегодняшнему известию цифра входа за последний день [8], с неплатящими, доходит до 20 000.

Еще масса картин в голове, буду продолжать и продолжать. Это будет своего рода «Памятник», к которому «не зарастет народная тропа».

До свиданья.

В. Верещагин

Коли Александр не послал Вам «Tribune», я могу послать. Он писал мне, что эту и другие газеты послал?

298. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

13/25 ноября [1881][1]

Большая статья в пражской «Politik» почти повторение той, что посылаю из «Pester Lloyd»[2]. Поэтому не посылаю ее. Еще посылаю известие о банкете «Славян», который готовится в Вене, только я известил, что быть не могу. Не знаю, выставлю ли новые картины мои в Париже; до того рутинны все эти комитеты артистических кружков, в том числе и моего; художники, составляющие его, просто стесняют нарочно, так что я, вероятно, плюну на них и пошлю картины вместе со всею коллекциею в Берлин, где нанял большое помещение и где буду *у себя*. Право писать картины, кажется, не так трудно, как выставлять, особенно если хочешь сделать это последнее не рутинно, по-своему.

До свиданья.

В. Верещa[гин]

Каков подлец «Pester Lloyd», как смеется над моим немецким языком!

299. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[15/27 ноября 1881][1]

Как и можете себе представить, пришла мне с средины пиршества и «от всех славянских студентов Вены» телеграмма — Пьем за Ваше здоровье Ура! и т. п. Даже поляки присутствовали, кажется, но *неофициально* — не чушь ли это?

Кабы телеграф осилил, конечно, я послал бы им бочку вина отсюда.

Кажется, наплыв статей остановился — довольно. Если бы что было еще интересного — пришлю; теперь есть лишь небольшие вырезки о закрытии выставки, о банкете студентов и т. п., что насущного интереса не представляет.

До свиданья.

В. Верещагин

И в самый-то разгар приготовления к празднику моему, перед самым открытием выставки, получил известие о кончине матушки моей — исстрадалась наконец.

В. В[ерещагин]

300. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[15/]27 ноября [1881] [1]

Думал, конец статьям, но, увы, еще прибывают — значит, посылаю еще, так как Вы желали иметь все.

В. Верещагин

Сейчас получил прекурьезную статейку: уже после моего отъезда и по закрытии выставки некто D[octo]r Mundy [2] и художник Canon [3] устроили маленькую демонстрацию «против современной живописи». Этот Канон, по словам венцев, очень талантлив: сегодня пишет картину или портрет, как Рембрандт, завтра, как Веронезе, и т. д.; добавьте к тому, что я у него не был, и Вы поймете, с каким убеждением он проповедовал. Прочтите, пожалуйста, эту галиматью, где греки, Гете [4], смерть, роза, Рубенс [5] перемешались в чисто средневековом винегрете. Я только дивлюсь, как парни поздно схватились, должно быть, Muth [6] недостало.

До свиданья.

В. В[ерещагин]

301. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

17/29 ноября [1881] [1]

Соберите, Владимир Васильевич, у кого можете, побольше моих этюдов и пошлите в Берлин Kroll's Theater, Herrn Engel (für Herrn Wereschagin) [2], — разумеется, этюдов, стоящих быть посланными. Кажется, они есть у Нарышкина [3], у Орлова-Давыдова [4]. В особенности желательно иметь этюд, принадлежащий императрице [5]; если этюд последний нельзя иметь, то потрудитесь снять с него фотографию в размере приблизительно [6]... не больше — об этом поговорите с Григоровичем, которому также пишу.

До свиданья.

В. В[ерещагин]

Надобно это сделать поскорее!

Не даст ли жена Никол[ая] Николаевича принадлежащий ей этюд *Опиумоеды* [7] — пишу об этом Дмитрию Вас[ильевичу] Григоровичу.

Фотографий можно снять и в большем размере, но лучше в указанном, и, коли возможно, выслать самое стекло.

302. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

18/30 ноября [1881] [1]

Посылаю Вам очень интересный *документ* [2] — я не виноват. Что увлекается легко молодежь — это понятно, но что Ригер [3] и другие вожди чехов, старики, тоже демонстрировали и приветствовали меня, как нового Мессию, — это плохо понимаю. Слова заключения «Истинно говорю Вам...», как можете себе представить, не были мною сказаны. Но смысл остального, т. е. предложение «трудиться для дела развития человечества» — мое. Впрочем, кажется, уже писал Вам об этом [4]. Читал статью Матушинского. Он как будто боится, что говорит что-то дерзкое; спасибо ему все-таки за симпатию. Уж Вы его очень ругаете, смотрите, сердце будет биться! Когда приедете опять сюда? Хотел бы Вам показать мою Берлинскую выставку. Не приедете ли на несколько дней???

В. Верещаг[*ин*]

303. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ.

19 ноября /1 декабря [1881] [1]

Владимир Васильевич.

Не забудьте послать мне *нот* для *фисгармонии* и для *небольшого оркестра* (в 30, 35 челов[ек]), нашей церковной музыки и народной или таковой, что народною называется, непременно *мелодий* и меланхолического характера — не плясовых, не разухабистых. Что стоить будет — сейчас вышлю, а то можно взять денег у Жемчужникова, где осталось еще немного капитала. «Со святыми упокой» вышлите непременно [2].

До свиданья.

В. Верещаг[*ин*]

304. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[22 ноября/4 декабря 1881] [1]

Посылаю письмо [2] (возвратите мне его). Лаузер [3], редактор Венского «Тагблат»; он пишет о Канюне, атаковавшем [4] меня долго спустя по закрытии выставки, опираясь на авторитеты Аристотеля [5] и К°. Только «Wiener allgemeine Zeitung» [6], который я Вам послал, как бы сочувственно отозвался этому рыцарю, остальные, должно быть, не убедились даже Аристотелем. Прилагаю «Фремден-блат» о том же. Не понимаю заяв-

ление поляков [7] — переведите мне, если понимаете смысл (сегодняшняя вырезка).

Кажется, статьи кончились. *Приглашения* так и летят со всех сторон, не знаю, куда прежде ехать. В Берлин покамест прежде всего. Кабы я был так ловок в денежных делах, как то полагают наши петербургские мудрецы Крамской и К° [8], то я не сделал бы глупости, не продал бы индийские этюды, а сначала получил бы миллион на их показывании. Выручите, сколько можете и у кого можете, для выставки, с помощью Григоровича: есть у Нарышкина, у Орлова-Давыдова и других?

Адрес: Berlin, Kroll's Theater, Herrn Engel (für Herrn Wereschagin).

Брат мой Александр в Берлине, скоро будет сюда.

До свиданья.

В. Верещагин

305. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

22 ноября/4 декабря [1881] [1]

Подержите это письмо *строго между нами*. Да, я видел седых стариков с бородами по грудь, бродящих по сибирским городкам, вдоль заборов,— словно тени! — видел, как буквально в шею гнали с крыльца станции восьмидесятилетнего *барона* (Розена?) за то, что хотел что-то мне сказать, может быть, попросить милостыни; ел котлеты, приготовленные ссыльным, а также и копченую ветчину того приготовления, чинил свои сапоги у ссыльного, чинил у него тарантас мой и проч. и проч. Но этого недостаточно; как первое впечатление это *много* и сильно, но для создания не лживой драмы — мало. *Мертвый дом* [2] силен тем, что автор [3] пережил его. Моя *война* перечувствована мною. Кабы можно было дышать у нас свободно, конечно, я не поехал бы теперь никуда, кроме России, но судите сами, мыслимо ли это теперь? Георгиевских кавалеров на казенный счет возят через всю Россию для присутствования на празднике 26 ноября (не удивлюсь, если каждому дадут по прянику), а нашего брата, свободно мыслящего художника (хотя вовсе не преступного), пошлют на казенный счет разве на поселение в Сибирь, а уж никак не для наблюдения ее. Разве я стал бы жить в Maisons-Laffitte, если бы не видел абсолютной невозможности свободно работать дома? разве я дурак? разве я враг себе и своему таланту?

Нельзя ли добыть этюды от Демидова [4], хотя для одной из следующих выставок?

[*В. Верещагин*]

ствии. — Кабы не болезнь, неприятностей от властей светских и духовных, я бы попытал работать в России, это больше занимало бы голову, чем разные Индии; но ведь теперь это положительно немыслимо, затаскают по участкам и канцеляриям за разными дозволениями. По свойствам характера я способен буду кому-нибудь и в харю плюнуть и в рожу треснуть, так лучше до греха подобру-поздорову. А то еще заподозрят участие крамолы — теперь это великое слово, ко всему подходящее. В. В.

Автограф письма В. В. Верещагина к В. В. Стасову от 8/20 июля 1882 г.

306. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

23 ноября /5 декабря 1881 [1]

Владимир Васильевич.

Пожалуйста, похлопочите о том, чтобы снять поскорее фотографии с некоторых индийских этюдов, находящихся у Третьякова, в величину обыкновенных *Carte album* [2], что называется, *кабинетных*. Спросите дозволение Павла М[ихайловича] Третьякова по телеграфу, если Сергей Михайлович [3] не может разрешить; думаю, впрочем, что он, т. е. С[ергей] М[ихайлович], дозволит фотографу снять, что нужно. По старому каталогу вот что желательно снять:

24) Буддистский лама,
30) Молитвенная машина буддистов,
34) Лама, наряжен[ный] божеством,
48) Женщина из Бутана,
49) Лама красной секты,
52) Буддийский храм в Дарджилинге,
53) Церковь в Добди (у императрицы),
62) Чиновник из Тибета,
68) Храм в Томлонге (у Нарышкина),
69) Лама в костюме,
71) Тибетский лама,
72) Посмертн[ый] памятник в Сиккиме,
74) Монастырь Тассидинг,
92) Молодая женщина из Тибета,
95) Посмертный памятник в Ладаке,
99) Дикие лошади Кианги,
107) Жители Запад[ного] Тибета,
109) Молодая девушка в Сиккиме,
119) Пони гималайский (белая лошадка),
133) Женщина из Бутана,
134) Храм бога войны.

Похлопочите, пожалуйста [4], условьтесь с Жемчужниковым и Григоровичем?

В. В[ерещагин]

307. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

25 ноября/7 декабря 1881 [1]

Не будет беды, если Третьяковский не захочет поместить статьи, по крайней мере большой. Конечно, жаль Вашего времени будет [2].

Те ноты, что помянуты: «Со святыми упокой», «Херувим[ская]» без второй половины и «Вниз по матушке по Волге», прикажите приготовить и для оркестра и для [фис]гармонии. Кроме того, пошлите мне список того, что, по Вашему мнению, подходит под тон церковного, или, вернее, религиозного пения.

Предположите, что я считаю мою выставку церковью, т. е. собранием верующих... в совесть, и в этом смысле направьте выбор, не забывая, что мелодии предназначаются для нерусского уха.

Впрочем, я перемешаю русские мотивы с западноцерковными.

Брат мой теперь, вероятно, в Берлине, но скоро будет сюда.

Если доберетесь до снимания этюдов Третьякова, то надобно уговориться, что в случае нужды Вы могли получить *стекла.* Вероятно, попрошу Вас снять не те только, что означил, но и все *горные* этюды *Ладака, Тибета* и *Кашмира.* Конечно, С[ергей] М[ихайлович] Третьяков разрешит, тем более, что право издания и туркестанских даже вещей *за мною.*

До свиданья.

В. Вере[щагин]

В случае необходимости спросите П. М. Третьякова телеграммою.

308. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

29 ноября /11 декабря [1881] [1]

Посылаю Вам статью «Kölnische Zeitung» [2], которую только теперь получил. Александр Васильевич здесь, в Париже, на несколько дней, он расхаживает у нас по комнате, раздумывает о суете мирской и просит Вам кланяться...

В. В[ерещагин]

309. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[9/21 декабря 1881] [1]

Не посылайте *Бурлаков* [2], Владимир Васильевич, не нужно; во-первых, потому, что надобно просить их у Гейнса, а вовторых, потому, что по краскам они не интересны, тусклы. Вы крепко ошиблись, сказавши, что на вечере, данном в честь меня, прочитана была *одна* телеграмма из Праги — получено

было и прочитано *более ста* телеграмм от разных ученых обществ, корпораций, студенческих кружков и проч. Думаю, такой факт стоит поправки или оговорки [3]. Вам легко достать №№ львовского «*Слова*» за 24 ноября/6 декабря, 26/8, 28/10, в которых торжество это описывается с торжественностью. Статья Ваша так полна документами, так положительна [4], что этот документ не лишний был бы.

До свиданья. *В. В[ерещагин]*

310. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

12/24 декабря 1881 [1]

Мне прислали еще четвертую статью «Слова» из Львова от 8/20 декаб[ря] о празднике в честь мою. Написано там, что в празднике участвовало до 2000 человек самых видных представителей славянства. Прочтите эту статью, она действительно интересна; очевидно, братья славяне обрадовались случаю обрушиться на талантливого собрата,— конечно, и впечатление картин можно считать кое во что. Несколько картин я выставил здесь, в Париже, но так как помещены они в залах газеты «Gaulois» [2], то другие газеты не торопятся писать об них, некоторые даже, как я наверное знаю, положительно отказались обмолвиться словом о моей выставке, напр[имер] «Фигаро» и др. «Вольтер» возвратил статью критику с заметкою, что хотя и одобряет ее, но, имея положительные причины, не желает говорить о «Gaulois». Публика, однако, ломится на выставку так, что 2 полицейских у дверей едва сдерживают напор. Как мне говорили, и в обществе и между художниками успех больших 3 картин [3] громадный. Все-таки, вероятно, кое-что будет писано, несмотря на эту глупую, хотя, пожалуй, и понятную зависть между редакциями — пришлю Вам, что появится. До свиданья.

В. В[ерещагин]

Хотел выставить картины в Cercle Artistique, но художники в комитете, уж, конечно, из зависти, стали делать препятствия, так что плюнул на них и ушел.

После *Cercle* уже сожалел, да было поздно.

311. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[15/27 декабря 1881] [1]

Если будут в газетах вздорные толки по поводу моего столкновения с известным доктором Ционом [2], пожалуйста,

сами или через кого-либо восстановите истину[3]. Я нанял у этого господина помещение для моей выставки и имел случай по этому поводу ознакомиться с его грубостью. На днях он был крайне резок с одним моим приятелем, мирным и безобидным человеком, а затем просто нахален со мною (послал меня к чорту в глаза); тогда я ударил его по роже, 2 раза, шляпою, которую держал в руке; на вытянутый им из кармана револьвер я вынул свой и направил ему в лоб, так что он опустил свое оружие и сказал, что «он сказал мне грубость по-приятельски».

Спасибо за статью[4] Вашу, кроме ошибки в том, что телеграмма была прислана не одна, а свыше *100,* кажется, все ясно, толково и умно. Начинают и здесь появляться статьи. Выставку смотреть приезжают нарочно из Брюсселя! Кто ругается, а кто и хвалит; больше, впрочем, хвалят. Кланяйтесь Собко, напишу ему на днях. Если Вам не нужны статьи, отдайте ему[5]. Английские пришлю с новыми.

В. В[ерещагин]

312. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[20] декабря 1881/ 1 января [18]82[1]

Я писал Вам, кажется, что газеты или неохотно, или вовсе не пишут о выставке нескольких новых моих картин, а также части туркестанских, боясь делать рекламу «Gaulois». Посылаю несколько статей; «*Paris*»[2], шовинист (новый журнал, гамбеттистский), ругается, «*Presse*»[3] хвалит, «*Temps*»[4] также; остальные больше хвалят, чем бранятся. Есть статья в «*Télégraphe*», которую пошлю Вам по получении от одного знакомого, — ругается на чем свет стоит (какой-то, кажется, неудавшийся художник), говорит, что я должен поучиться именно у французских художников *азбуке живописи*; ничего [-де] я не знаю, не умею и вряд ли когда что буду уметь — вот тебе и на, а я полагал в простоте, что французы не умеют делать, как я! что им по временам не мешает присматриваться к тому, что я делаю...

От художников Невиля, Детайля[5] и других я получил самые лестные комплименты, даже такие, как Буланже, которые не баловали меня никогда своими отзывами, говорят, что шаг вперед новых картин — *поразительный*. Коли будут еще статьи, пришлю. Я знаю редакции, которые отказали поместить уже доставленные статьи, чтобы не говорить о «Gaulois». [....]

Профессор Ковалевский[6], бывший здесь проездом, говорит, что непременно нужно провалить скота Циона, подписывающегося *de Cyon*[7] и носящего [орден] Легиона[8], полученного за сводничество.

Посылаю Вам статьи «Times» и «Pall Mall»[9], находящиеся под рукою. Первый называет меня «одним из самых сильных художников нашего времени», а последний называет «гениальным человеком», «сильным мыслителем» и т. п. Уж, конечно, английские газеты в Париже не имеют причин быть пристрастными. Брат мой Вам кланяется, он (между нами сказать) выходит в отставку и покамест поможет мне выставить картины в главных центрах Европы, а может быть, и Америки (также между нами).

Кланяйтесь Собко, скажите, пусть оставит статьи, если нужны. Английские статьи целы и придут непременно.

В. В[ерещагин]

Посылаю Григоровичу для продажи публично картинку мою «*Дервиши*» (новую) в пользу погорельцев[10] Вены.

Я так братски был принят в Вене, что необходимо сделать это; помогите ему в этом деле, если можете[11].

313. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

20 декабря [18]81/1 января 1882[1]

По моему каталогу №№, которые нужно снять:

1) Женщина из Тибета,
30) Молитвенная машина,
34) Лама, наряженный божеством,
37) Факир,
40) Факир из Бенареса,
41) Ущелье (из Кашмира в Ладак),
42) Гималаи вечером (?),
45) Факир,
48) Женщина из Бутана,
49) Лама красной секты,
50) Житель Ладака,
52) Буддийский храм в Дарджилинге,
53) Церковь в монастыре Добди (у императрицы; вероятно, дозволит снять фотографию),
57) Слон в убранстве,
62) Чиновник из Тибета,
63) Снежный обвал в Кашмире,

64) Вид высот Гималаев,
67) Гора Канчинга,
68) Храм главного ламы в Томлонге,
69) Лама в костюме,
71) Тибетский лама,
72) Посмертный памятник,
73) Девушки из Сиккима,
74) Монастырь Тассидинг,
85) Верблюд,
86) Статуя Вишну,
90) Караван яков,
92) Молодая женщина из Тибета,
95) Посмертный памятник в Ладаке,
97) Монастырь Хемис,
99) Дикие лошади,
100) Прорыв потока через обвалы,
101) Мусульманин,
102) Соленое озеро,
103) Яки, караван в Ладак,
104) Монастырь в скале,
105) Река в Кашмире,
107) Жители Западного Тибета,
109) Молодая девушка в Сиккиме,
112) Житель Ладака,
114) Снежные вершины,
117) Розы в Ладаке,
119) Пони гималайский,
120) Носильщик,
127) В горах,
133) Женщина из Бутана,
134) Храм бога войны.

Величина carte album, но надобно предоставить фотографу право сделать большую часть в *половину* carte album и в *четверть*. Значит, те, что стоят, и по интересу и по тому как может выйти фотография — в величину carte album, другие в ½ carte album, третьи — ¼ carte album. Некоторых, разумеется, Вы не найдете у Третьякова. Императрица, может быть, не даст ей принадлежащий этюд — все это предвидится, и беды большой не будет. Возвращаться к статье [2] не стоит; разумеется, и не беспокоить Третьяковых.

Писал уже Вам, что съездил по морде Циона, у которого нанял помещение для выставки, не стерпел его грубости и нахальства. Он не признается, что *получил*, но сыплет на меня гербовые бумаги; очевидно, хочет засудить, благо, деньги у него есть, ну да найдутся судьи в Париже. *В случае нужды*

попрошу Вас обратиться к честным людям, его знающим, за справками.

До свиданья.

В. В[ерещагин]

Коли не будет Жемчужникова, даст денег Неронов [3], а то я пришлю.

314. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

24 декабря [18]81/ 5 января 1882 [1]

Я писал Вам уже, что большинство газет как бы зарок на себя наложили *не поминать ни одним словом о моей выставке*, ни об открытии ее, ни о закрытии, несмотря на то, что Agence Havas [2] и то и другое разослал. Мне известны случаи, где директора газет возвращали статьи, очень для меня лестные, по причине серьезных оснований не говорить о «Gaulois», не делать ему рекламы. Некоторые, как «Телеграф» и новый «Paris», не утерпели, чтобы не обругать *«новатора»*; обратите внимание, что им всего противнее моя претензия на независимость и самостоятельность. Это относительно газет. Что же касается публики, то успех мой тут громадный — попасть на выставку, не дежуря в хвосте, можно разве при открытии в 12 часов, но не около 3—4 и не вечером, когда запружается проход перед домом от толпы народа перед дверями. Картины мои — я разумею новые — производят громадное впечатление. Мои знакомые, не балующие меня обыкновенно, говорят, что успех в красках после выставки, что была 2 года тому назад, — громадный. Просмотрите английский «Times» и «Pall Mall» — первый называет меня одним из самых сильных художников нашего времени, другой прямо называет гениальным талантом. Укажите другого современного художника, о котором говорили бы лучше.

На нет и суда нет — отложите снимать фотографии, [имейте] в виду, я пришлю, вероятно, новый лист [3], так как первая книжка [4] появится скоро.

[В. Верещагин].

315. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[24 декабря 1881/] 5 января 1882 [1]

Мне обещали несколько отзывов американских газет, уж конечно, независимых, пришлю их немедленно по получении.

«Times» и «Pall Mall» Вы имеете, — надеюсь, Суворин не найдет их не стоящими внимания.

В. В[*ерещагин*]

На днях пошлю статью «Телеграфа» (ругательную), у меня просили ее прочитать.

Хорошо бы Вы сделали, если бы разоблачили несколькими подписями Циона, надувшегося после своей женитьбы на дочери Малкиеля до невозможности. Представьте себе, что он выступает *жертвою нигилизма*, защитником бога, нравственности и проч.; при этом, так как он подписывается *de Cyon* и носит ленточку Почетного легиона, полученную, вероятно, за сводничество через Николая Николаевича (спрашивается, за что именно?), то и играет роль, шумит *ученостью, деньгами* и *авторитетом* человека, *пострадавшего за правду*.

Неужели эту гадину не выведут наши на чистую воду?

Профессор Ровинский, который проездом здесь, хочет писать во французскую газету, но он один, да к тому же, кажется, больше болтает, чем сделает.

316. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

25 декабря [18]81/ 6 января 1882 [1]

Вот *article* «Телеграфа», которым воспользовался [2] Суворин. Надобно Вам сказать, что и за прошлую выставку этот журнал, в котором пишет какой-то неудавшийся художник, разразился такою же бранчивою статьею. Ее брань читал Кларети, который пишет, что отвечать нечего на такую глупость. «Ne vous inquiétez donc pas de ce pensent dire les sots!» [3] — прибавляет он, и я полагаю, что это так.

Прошлый раз «Телеграф» советовал мне поучиться у Détaille, теперь у Невиля, чем, очевидно, хочет льстить им, но оба эти господина, как и большинство передовых здешних художников, выразили мне, кто устно, кто письменно, самые горячие поздравления — это, конечно, между нами.

Статья эта до того полна глупостей, что действительно трудно серьезно возражать на нее.

Отвечать Суворину au fond [4] подождите выставки в Берлине, которая начнется в конце нашего января. Покамест преподнесите ему отзывы «Pall Mall», уже, конечно, беспристрастные.

До свиданья.

В. В[*ерещагин*].

Картину, о которой идет речь в прилагаемой вырезке из «Événement» [5], пошлю на днях Григоровичу для публичной продажи [6]; вырученные деньги пусть отдаст m[ada]me Adam [7], которая теперь в Питере.

317. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[29 декабря 1881/10 января 1882] [1]

Думаю, у Вас уже есть матерьялы, чтобы вывести наружу ехидство Суворина. Окончательно бить его подождите Берлинской выставки, которая начнется в конце нашего января. Немецкие газеты смеются над шовинизмом французов Невиля. Не нелепа ли, в самом деле, идея признать меня подражателем Невиля, Мейссонье, Жерома, Детайля и др[угих]! Невиль только начинал работать, когда мои туркестанские работы были исполнены [2].

До свиданья.

В. В[ерещагин]

318. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[31 декабря 1881/12 января 1882] [1]

Знаете ли, что мне многие ставили в вину за мои последние картины? — то, что в них нет *composition* [2], можно, видимо, подумать, что это *фотографии с натуры, раскрашенные*. Во-первых, и это недурно, а во-вторых, эти глупцы не понимают, что композиция, сочинение, есть — только оно незаметно — значит, не худо.

Впрочем, как я уже Вам писал, хотя много сочувственных мне отзывов было брошено в корзинки (чтобы не зазывать народ в лавочку «Gaulois [3]), наплыв публики был громадный, множество народа уходило за нежеланием стоять и дожидаться *в хвосте*. Посылаю все в Берлин. На днях пошлю окончательный лист того, что надобно снять в Москве с индийских этюдов. Посоветуйтесь с Григоровичем, где лучше продать мою маленькую картинку («Дервиши») — в Москве или Питере, — я думаю, в Москве. Это в пользу венских погорельцев.

Деньги даст Федор Петрович Неронов, коли немного.

Должен мне еще Жемчужников, но, пожалуй, с него взятки гладки.

Сейчас еще получил приглашение из Гамбурга, Пешта, Брюсселя и др[угих] мест выставить там мои картины.

[В. Верещагин]

1882

319. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

2/14 января [1882][1]

Не помню, Владимир Васильевич, какой это журнал, по печати чуть ли не «Rappel»[2], но, кажется, «Rappel» ни одним словом не обмолвился о моей выставке, чтобы не упоминать о «Gaulois», хотя Mario Proth[3], тамошний critique d'art, — мой горячий поклонник.

Мыслимо ли брать от Кауфмана этюды — это ученическое маранье. Если Боткин это сделает, то я сочту это за желание сделать мне неприятное — непременно достану от его лакея или прачки ночную рубашку с пятнами и положу в витрину напоказ — экой собиратель во что бы то ни стало!

Я хочу издать маленький томик поездки по Гималаям, и так как сейчас снять всего, что нужно, нельзя, то для первого выпуска удовольствуюсь *10* или *12* рисунками, что у меня под рукою; желательно бы в одно время издать книжку и по-русски, так как все равно украдут. Мне немыслимо послать мои картины в Москву, так как со всех концов Европы требуют их (и войну и Индию) для выставки — дурак я, что продал индийские этюды: выставка их дала бы мне больше денег, чем продажа самая. Надо же и жить чем-нибудь. Теперь надеюсь долго не продавать моих работ.

До свидания.

В. В[ерещагин]

Послал маленькую картинку Григоровичу для продажи в пользу венских погорельцев, но и не рад: Григорович капризничает, ноет, стращает *делами* и проч. — хоть бросить всю эту историю.

320. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[Париж] 2/14 января 1882[1]

Чтобы не было разочарования, пожалуйста, поместите в «*Порядок*» маленькую заметку о том, что будет выставлена у

Григоровича *маленькая картинка «2 дервиша»*, а не что-либо значительное, как можно понять из напечатанного — *В. В[ерещагин] (Новая картина)*.

Нельзя ли как-нибудь попросить кого-либо из адвокатов похлопотать о том, чтобы Гейнс не продал принадлежащих мне туркестанских вещей — оружия, мраморов и т. п.? С этого прохвоста станется отдать и принадлежащие мне вещи, как он расторговался выханженными этюдами. Сделайте это, коли можно, иначе вещи пропадут — неужели нельзя на него найти управы, я готов заявить на него претензию в суд.

321. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

4/16 января 1882 [1]

До чего предвзято мнение газеты, приведенное [2] «Новым Временем», можно видеть из того, что за прошлую мою выставку из всех газет напали на меня «France» и «Télégraphe», нынче «Télégraphe» и «Paris», а этот последний недавно основан из большинства редакций «France», которую они покинули — значит, тот же petit comité [3].

На днях еду в Берлин, адресуйте письма:

Kroll's Theater Herrn B. Vereschagin.

Немецкие художники, вероятно, немного озлятся на то, что картины будут освещены только электрическим светом — залы театра темны, а другого такого помещения по величине нельзя было найти, но, полагаю, публика будет беспристрастным судьею, как и в Париже. Выставляю в Берлине также картину *«Вершины Гималаев»* — огромное полотно, на котором *ничего, кроме снега, нет* и за которое, наверное, обругают меня. Это была первая вещь, сделанная по возвращении из Индии, но *даже и я* боялся ее выставлять — посмотрим, что скажут.

До свиданья.

В. В[ерещагин]

322. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

5/17 января 1882 [1]

Посылаю Вам презренную брошюру [2] Циона, которою он, украшенный за сводничество орденом легиона и разбогатевший женитьбою на Малкиельше, старается втереться dans les bonnes graces [3] здешнего общества. Чего не сделаешь здесь с деньгами и нахальством?

Смотрите, как он обеляет свое прошлое! как издевается над Сеченовым[4], Милютиным, своим благодетелем, и другими. Если его не остановят, он обгадит [....] наше молодое общество [....] — это истинный сукин сын. Кларети говорил мне и здесь находящемуся профессору Ковалевскому, что нужно разоблачить этого негодяя и его прошлое.

Григорович по обыкновению порет горячку. Если нельзя продать картинку теперь, так пусть подождет и сделает аукцион после. По-моему, картинка не дурная и равнять ее с тем, что мог продать Гейнс, просто немыслимо. Какая скотина Гейнс! Как бы добыть от него мои вещи — мрамор, оружие и проч., а коли добыть этого нельзя, так хоть в морду ему плюнуть.

Просмотрите брошюрку Циона — поучительная, до чего может дойти нахальство!

В. В[ерещагин]

323. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

12/24 января 1882[1]

Владимир Васильевич.

Пришлите, пожалуйста, музыку в Берлин, Кролль-театр, Berlin, Kroll's Theater, на мое имя. Деньги заплатит Ф. П. Неронов, исправляющий должность Жемчужникова.

Прошу Вас также послать, если они свободны, последние французские статьи, также и английские. При сем прилагаю одну выдержку из американского журнала; мне обещали просматривать американские журналы и присылать статьи, которые там появятся. Пришлите же поскорее музыку и для оркестра и для гармонии.

Если Григорович затрудняется продать теперь картину[2], то пусть подождет, или продаст при удобном случае, или, если до тех пор у меня навернутся деньги, я выкуплю ее. Уставляю выставку мою и по обыкновению крепко бьюсь о всевозможные затруднения.

До свидания.

Не заглянете ли в Берлин на несколько дней?

В. В[ерещагин]

324. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[17/] 29 января 1882[1]

Вы знаете, Владимир Васильевич, что я назначил 6000 руб[лей] за картину «Пленные»[2] только потому, что я

был в долгу, и потому, что речь шла о продаже Третьякову, вперед отказавшему свои картины городу. Теперь я, вероятно, не возьму за нее меньше 10 или 12 000 руб[лей].

Я уже писал Григоровичу, чтобы он положил картинку[3] в ящик, — как будут деньги, пошлю венцам денег, а картинку эту попрошу возвратить мне. Пожалуйста, вышлите музыку сюда в Kroll's Theater; деньги отдаст Вам Ф. П. Неронов, вице-директор департ[амента] общих дел в министерстве путей сообщения.

До свиданья.

В. В[ерещагин]

Статью Вашу[4] получил — резонная и основательная.

325. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

1/13 февраля 1882[1]

Хорошо, Владимир Васильевич, пришлю портрет, попрошу увеличить карточку, которую недавно сняли с меня и очень удавшуюся, как мне кажется.

В Берлине нравятся[2] мои картины до того, что положительно неудобно делается жить в городе, узнают не только на выставке, но и в ресторанах и на улице — то-то бы денег собрать можно было, показывая меня хоть за 5 к[опеек].

Только самая заядлая консервативная газета «Deut[sches] Tageblatt»[3] как будто бы обругалась, говоря, что я *гениален,* но *не гений,* а другие как будто ладненько пишут и похваливают, многие ставят меня *очень высоко* и все — *из ряда вон,* чего еще желать? О себе кое-что порасскажу, когда буду спокойнее: вожусь с проклятым светом.

Кланяйтесь Собко.

В. Верещагин

326. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

7/19 февраля 1882[1]

Крамской ничего не понимает в живописи, если изрекает такие приговоры, даже относительно прежних моих работ, а что касается новых, то между ними есть вещи положительно более сильные, чем «*Дервиши*»[2]. [....] Третьякову легко было бы узнать, что у меня есть нового и хорошего, дверь моя для него открыта, он это знает и все-таки, из торговой политики, не заглянул в нее. Мало того, он 2, если не 3 раза, спра-

шивал, когда начнется и когда кончится Венская выставка; я терпеливо отвечал, а он опять-таки не заглянул туда [....] Скажите Третьякову, что распродам в Европе и в Америке все и ему останется шиш с маслом, если он будет по-купечески выжидать время, когда я сяду на мель. Сам я прежде его желаю, чтобы картины остались в России, но не надо также жилить меня [3].

В. В[ерещагин]

327. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

13/25 февраля 1882 [1]

Я писал, Владимир Васильевич, Неронову, чтобы заплатил Вам, что Вы скажете, а впрочем, прилагаю еще 2 слова к нему о 58 рублях.

Я утек из Берлина, во-первых, для того, чтобы не разорвали меня на части, а во-вторых, потому, что соскучился праздновать именины [2].

П. М. Третьяков писал мне, что по особенным (одному только ему известным) обстоятельствам он не может предложить за картинку [3] более 3000 рублей, но очень желает иметь ее, на что я отвечал, что, по моему мнению, холстик стоит более, почему и не отдам [4]. Хороший он человек, но уж и жила. Знаете, что я откровенно думаю: что за мои, напр[имер], военные картины надобно платить как можно дороже и никак не дать им разойтись по рукам. Может быть, много годов пройдет, пока еще найдется художник настолько сумасшедший, чтобы лазить в битвы, и настолько талантливый, чтобы живописать их [5]. А Павел Михайлович, наверное, прозевает их, «особые обстоятельства» не дозволят. Смотрите, теперь каких денег стоят, напр[имер], обе двери [6], туркестанская тюрьма [7] и др[угие] холсты, кажется, капитал не потерян!

До свидания.

В. Верещагин

328. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

16/28 февраля 1882 [1]

Когда я уезжал из Берлина в спальном вагоне, то пока стоял со мной Александр Васильевич [2], немцы только присматривались, а когда он ушел и поезд тронулся, началась чистая процессия к моей каютке. Первый является и говорит:

я Шенблер, брат мой, профессор, имел честь быть с Вами... и т. д. Второй, молодой человек, просто скалит зубы и, приподнимая шапку, спрашивает: правда ли, что я г-н Верещагин?.. Третий, уже почтенных лет барон (не помню имя), по призванию музыкант и певец, очень высоко ставящий нашу молодую школу музыкантов, просто сдирает с головы свою чумичку-шапку и расшаркивается... и т. д. И уже о чем мы не говорили, каких комплиментов я не наслушался не только по поводу моих живописи и философии, но и за мой немецкий язык, что уже, очевидно, фальчь одна (как говорит дядя Ерошка у Толстого)[3]. Известный немецкий критик Питч[4] разразился уже пятой статьею, а главное, он очень похож на Вас, что меня очень привязало к нему. Впрочем, и все берлинцы были очень любезны.

В. В[ерещагин]

Вышлите, пожалуйста, «*Русскую Старину*» и «*Голос*»[5]. Кланяйтесь Николаю Петровичу Собко.

329. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

3/15 марта 1882[1]

К Гупилю, если желаете, обратитесь сами, ибо я с ним дела не хочу иметь, т. е. не с ним самим, а с заведующим у него фотогравюрами. У них, т. е. у Гупилей, есть 2 огромных фотографии с моих картин «*Перед атакою*» и «*После атаки*»[2], которые, кажется, не очень дурны, но которые я не принимаю, так как они со своей стороны самовольно, не спросясь меня, уничтожили часть моего заказа им. Это длинная история (да и дело не в том), а если Вы хотите взять хоть, напр[имер], «*Перед атакою*» (которая, кажется, лучше вышла), то можете написать им, что уверены в получении от меня дозволения на печатание. Если это Вам не идет, то напишите брату Александру Васильевичу, чтобы постарался снять в указанном размере то, что Вы желаете, но это не очень верно, так как, может быть, не будет времени. Вы знаете, что фототипия хуже фотогравюры. Укажите размер, сниму и портрет. Заметки[3] пришлю, как только наброшу их, все еще не выбрал время — не взыщите. С господином Waladon[4] держите ухо востро (тот, что заведует фотогравюрами), впрочем, пишите Гупилю. Есть ли у Вас большая статья[5] из «Европы» Herr Dehn[6]? Вышлите мне ее обратно, как прочтете. До свидания. Кланяйтесь Собко.

В. Верещагин

330. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[3/15 марта 1882][1]

Вы пишете, Владимир Васильевич, что не следует продавать картины за границею[2], дабы все они оставались в России. Скажу Вам, что можете судить, насколько я в тех же мыслях по тому факту, что положительно со всех городов Европы получил от торговцев просьбы прислать картины для продажи и до сей поры никуда ничего не послал. Конечно, ригоризм этот не может вечно продолжаться и в конце концов придется расторговаться, но помните, что укорять меня тогда в недостатке патриотизма не придется. *Между нами,* я думаю предпринять большое путешествие, разумеется, не по России, как бы это ни хотелось. Вы поймете, что при наших порядках теперь писать этюды и покушаться на жизнь разных особ — одно и то же, по крайней мере картинки войны мои были сочтены чуть-чуть не за открытый бунт. От греха подальше поеду туда, где и солнышко греет не хуже, если не лучше нашего, и дышать свободнее.

Знаете ли Вы, что за время моего пребывания в Питере городовой был на посту у ворот моего дома? А М[ихаил] Н[иколаевич][3] громко говорил, что я стою во главе нигилизма? Запишите это где-нибудь на косяке библиотеки.

В. Верещагин

331. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[13/]25 марта 1882[1]

Хотел было послать Вам «Kölnische Zeitung», да Александр пишет из Гамбурга, что послал уже. Соберусь как-нибудь послать кое-какие заметки[2] об себе, потерпите — очень много хлопот с выставкою.

До свидания.

В. Верещагин

332. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[20 марта/1 апреля 1882][1]

Минутка нездоровья, и пишу[2] Вам: сколько себя помню, любил рисовать все: срисовывать начал едва ли не впервые с платка, на котором отпечатана была тройка с волками — волки гонятся за санями, с которых стреляют. Помню, что нянька моя, которую я любил *до безумия,* одобряла меня за

этот рисунок. Мне было тогда лет 5—6. Платок этот был куплен няньке от заезжавшего к нам иногда разносчика, на паре возов развозившего по окрестным помещикам *все*. Срисовывал также и висевшие по стенам картинки. Родители и родные мои всегда удивлялись моим рисункам, но об отдаче меня в Академию не могло быть и речи, так как это будто бы срамно. В Александровском корпусе в Царском Селе (куда я сначала поступил) я раз так срисовал портрет Паскевича [3] с книжки, в несколько тонов красок, что старшая надзирательница тут же представила мой рисунок директору, генералу Хатову [4]. Учитель рисования у нас был Кокорев [5], тупой, требовавший только чистоты, в чем я далеко не мог угнаться за многими, так что на экзамене получил за рисунок с *вазы* (мало меня занимавшей) очень простой 7 или 17 №— не помню. По переводе в Морской корпус [в] 1853 [г.] первый мой рисунок у В. К. Каменева [6] была *мельница* с Калама [7]; пока другие пачкали только контуры, я в час времени навалял все. Каменев как подошел ко мне, так удивился, помню, сильно и сказал: «Ого! да мы с Вами скоро познакомимся...»

В Морском корпусе я рисовал, но нельзя сказать, чтобы особенно много, так как погоня за баллами и нежелание дать другим обогнать себя по классу брали у меня все время. В последние 2 года я стал крепко заниматься и ходил в рисовальную школу, что на Бирже, где рисовал запоем (об этой школе осталась у меня несравненно лучшая память, чем об тогдашней Академии, преподавание было менее казенное, более осмысленное). Меня посадили в школе с маленькими, но сейчас же перевели в оригинальный класс, мимо орнаментов. За первую сделанную головку с оригинала все ужасно расхвалили меня, все учителя приходили глазеть. Смотритель школы Гернер [8], чахоточный и добрый человек, говорил мне: «Вспомните меня. Вы будете великим артистом...» Это буквально повторял он несколько раз. Сейчас же затем дали мне рисовать с фигуры — я получил 1-й номер. Львов [9] с Моллером [10] пришли смотреть раз мое рисованье (я был в форме корпуса, унтер-офицером, т. е. с многими галунами). Моллер хвалит («Er macht das aber sehr nett» [11]), а Львов говорит: «Да, да, ведь потом бросите, как будете офицером?..»

«— Напротив, — отвечал я, — я хочу быть художником».

«— А! Коли так, так посадите его сейчас на гипсы...»

Мы все побаивались крепко Львова, но я его крепко также полюбил. Формализма в нем не было или было меньше, чем у других. По окончании курса, так как выпустили нас не мичманами, а гардемаринами, то многие из моих товарищей

думали оставить морскую службу, вышел, однако, я один, потому, что имел в виду определенную цель, а они никакой и испугались чина прапорщика гарнизонной (ластовой) команды, которым меня наградили.

Мать моя покойная, разумеется, любя меня, прямо говорила, что считает мое желание выйти в отставку сумасшествием; отец меньше перечил, но помогать деньгами отказался. Тогда я пошел к Ф. Ф. Львову, рассказал дело и спросил совета; сказал, что в крайности хочу поступить, как выйду из корпуса (я был еще фельдфебелем в гардемаринской роте, т. е. некоторым образом самым старшим чиновником в корпусе), в главное общество железных дорог, у директора которого, известного француза Колиньона [12], я был — он принял меня любезно и обещал определить по части рисования и раскрашивания железнодорожных рисунков.

Я рассказал, говорю, это Львову — он отвечал: «Уладим дело, дадим Вам пенсию; приходите, как выйдете из корпуса». Новеньким, чистеньким гардемарином с аксельбантами и треугольной шляпой явился я потом к нему. Он представил меня Гагарину [13] и объявил, что я буду получать от Академии по 200 рублей в год в продолжении 2 лет.

Теперь, когда пишу Вам это, у меня слезы на глазах: спасибо Львову, спасибо до конца моей жизни.

Кстати: у директора Морского корпуса Епанчина [14] есть мой портретик в гардемаринской форме, попросите дозволения переснять и пошлите мне несколько экземпляров.

Не знаю, почему говорилось и говорится, кажется, что я что-то имею против Академии. Конечно, бо́льший формализм, чем, напр[имер], в рисов[альной] школе, что была на Бирже, был неприятен; профессоры также, почти все, были плохи. Воинов [15], Вилевальде, Басин [16], Марков [17], Уткин [18], который от старости певал песни в классе, вельможа Бруни — все это были чиновники, а не учителя. Но против самой Академии как школы нелепо что-либо говорить. Против же Академии как заправительницы и направительницы всего искусства в России, против Академии — исповедальницы сердец и помыслов молодых художников — надобно восставать (не знаю, какова она теперь, потому и не говорю о настоящей, а о прошедшей). Поставила на ноги, талантливому помогла, дома ли или для поездки за границу, и баста, более не мешайся [19].

Вы знаете, что я пожег мой большой картон в 5 аршин «*Избиение женихов Пенелопы*» [20], который был подражанием Флаксману [21]. Когда мои товарищи и покойный Бейдеман (ко-

тором у я много обязан) удивлялись: «Зачем же было жечь-то, бумага-то ведь не виновата...» — я отвечал: «Для того, чтобы уже наверное не возвращаться к этой чепухе...»

Львов просил Бейдемана заняться мною; этот талантливый человек выучил меня не смотреть на чистоту рисунков и №№.

Да не забудьте, что у Гупиля есть снимки с двух новых моих картин — выберите любую.

Если нужен Вам большой портрет, то черкните, снимусь у Брауна, пришлите только мерку.

Спросите, пожалуйста, у Фельтена, желает ли он моих портретов, покажите ему экземпляр этот.

[*В. Верещагин*]

333. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[28 марта/] 9 апреля 1882[1]

Просто не придумаю, что может значить Ваша страница, исписанная намеками на мои какие-то якобы *пики*? Никаких пик никому я не имел в виду, уверяю Вас в том честным словом, и Вам не худо бы спросить меня, прежде чем говорить о недостойном меня, мелком, бабьем мотиве и т. п. — рацея у Вас вышла такая, что я едва-едва понимаю, о чем, собственно, Вы говорите, на что намекаете.

Постараюсь написать Вам еще несколько заметок о своей персоне, также и о родителях моих, но «*Забытого*»[2] делать не стану. Вы не так меня поняли — я думал и думаю, что эту же тему затрону еще раз, но не эту же самую картину напишу.

Есть ли возможность выручить от Гейнса мои вещи, нужные мне для моих работ? Поговорите, пожалуйста, со Спасовичем[3]; вещи даны были на сохранение ему с обязательством отдать немедленно то, что понадобится.

Если не можете этого сделать, то напишите прямо, я обращусь, не теряя времени, к адвокату. Нахальство этого отставного либерала поразительное, затесался в полицейские и чорт ему не брат.

Мольтке[4] ворчал в Берлинском обществе на картину[5] мою, представляющую императора Александра II — что они там находят! — говорил, что подумают, будто и наш, т. е. германский император, так же сиживал; а то как же, смешно императору махать саблею. Солдатам и школам запрещено было ходить гуртом на мою выставку, вот-то дураки и идиоты.

Возвратите мне маленькую заметку американской газеты, говорят, там теперь много пишут обо мне.

Дался Вам мой подарок принцессе; пишет и Третьяков: подарили же картинку, так подарите и мне хоть часть стоимости *«Дервишей»* — нечего делать, пришлось уступить ему [6].

[*В. Верещагин*]

334. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Maisons-Laffitte,
17/29 апреля 1882 [1]

Владимир Васильевич.

Я вылез из гроба и снова дышу. Черкните мне письмецо о всем и про все. Наблюдите, чтобы большие гравюры изданы были только в количестве экземпляров журнала, *никак не более* [2]. Я делаю это не для Сомова, а для Вас.

Больше батальных картин писать не буду — баста! Я слишком близко принимаю к сердцу то, что пишу; выплакиваю (буквально) горе каждого раненого и убитого. К тому же не только в России, но и в Австрии и в Пруссии признали революционное направление моих военных сцен. Ладно же, пусть пишут не революционеры, а я, нигилист, посмотрю, а может, и посмеюсь в кулак. Нигилистом, Вы знаете, признала меня вся наша императорская фамилия с нынешним императором во главе. Я найду себе другие сюжеты. Картины мои будут путешествовать с братом Александром сначала по Европе, а потом, вероятно, и в Америке (это между нами). До свидания. Кланяйтесь Собко. На днях пришлю Вам мою книжку [3] с просьбою перевести ее и издать на русском языке.

В. В[ерещагин]

Портреты мои спросите у брата Александра, он же даст сведения [4] об отце моем и матери — я не в состоянии. Еще очень слаб, с туманом в голове.

335. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[18/30 апреля 1882] [1]

Владимир Васильевич.

Дайте, пожалуйста, напечатать прилагаемую статейку [2] либо в фельетоне «Голоса», либо в «Отечественных запис-

ках»; только, пожалуйста, не давайте изменять выговора рассказчика — это чисто новгородско-вологодская речь. Еще попросил бы я Вас просмотреть в газетах «Голос» и «Петербургские ведомости» за 67, 68, 69 года, чтобы взять все статьи мои о Закавказье и Средней Азии. Разумеется, надобно поручить кому-нибудь эту работу. Я хочу, видите ли, издать отдельною книжкою [3] с картинками *фототипиею* статьи мои, которые были в разные времена напечатаны, напр[имер] «Духоборцы», «Молокане», «Празднование Мохаррема [4] в Карабахе (Шуше)». Потом бывшие в «Петербургских ведомостях» статьи «От Оренбурга до Ташкента». Наконец, прилагаемый «Рассказ охотника» и, если отыщу, рассказ мой о посещении Обер-Аммергау [5] и тамошнего представления мистерии христовой. Сейчас нашел 2 статейки [6] и прилагаю; надобно выписать из № 226 «Петербургских ведомостей» за 1867 год (август) статью «Духоборцы». К каждой статье я приложу, как говорю, рисунок. До свидания.

В. В[ерещагин]

Пришлю Вам для того же маленького сборника преинтересные «Псалмы» раскольников; давно уже они погребены в моих записных книжках.

336. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

18/30 апреля 1882 [1]

Посылаю, Владимир Васильевич, еще статьи из поездки в Туркестан. Прикажите найти *Джанкент* [2] -II по порядку, а посылаемая будет I; затем далее, в тех же «Петерб[ургских] ведомостях», еще есть статьи о Средней Азии — прикажите хорошенько поискать: *о деревнях, о городах, о плясках батчи* и т. д.

Пришлю для сборника [3] еще 2 или 3 статьи новых.

Я поправляюсь.

До свидания.

В. В[ерещагин]

337. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[19 апреля/] 1 мая 1882 [1]

Владимир Васильевич.

Скажите, пожалуйста, Беггрову, что несколько альбомов моих выкрадено из всей массы моих вещей, бывшей у него

на сохранении. Я утверждаю это положительно. Теперь, начавши наклеивать все мои старые рисунки, я добрался до этой пропажи. Попросите его поискать хорошенько на чердаках его. Спросите также у бывшего у него приказчиком Шёне, который мне признавался, что он рассматривал мои рисунки и альбомы, и говорил, смеясь, что *он в них похозяйничает*. Вот к чему привели эти шутки: вероятно, сам он ничего не взял, но, может быть, растащили другие приказчики.

Пожалуйста, поищите на чердаке Беггрова. Я в отчаянии, что множество очень хороших типов русских и кавказских пропало, в особенности жаль русских типов, греков, казаков и великороссиян. Большинство типов, что в Tour du Monde потеряно, т. е. прямо растащено, за мое отсутствие [2].

В прошлом письме я просил Вас пособрать в газетах мои статьи (есть и в *«Голосе»* за начало 1869 года). Не взыщите, что так затрудняю Вас. Поправляюсь помаленьку, но голова все еще в тумане от массы хинина. До свидания.

В. В[ерещагин]

338. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Гамбург,
24 апреля /6 мая 1882 [1]

Владимир Васильевич.

Получите, пожалуйста, от П. М. Третьякова 3000 руб[лей] (три тысячи), которые он мне должен за картинку «Дервиши». Кстати, скажите ему, что до 8/20 мая приблизительно я буду в горах, вероятно, так что в это время в Париже он меня, вероятно, не застанет. Выставка моя открылась в Гамбурге, где и Третьяков может ее видеть, если желает. Я приехал, признаться, еще совсем больной взглянуть, как брат Александр Васильевич уставил без меня картины. Пресса отзывается, кажется, очень хорошо. Против совета доктора и других я решил, что съезжу в Гамбург и оставлю там свою лихорадку — кажется, так и будет, и здоровья прибывает у меня каждый день. А все-таки написать о себе покамест еще не в состоянии [2].

Уведомьте, что Вы надумали с гупилевскими снимками с моих картин. Думаю, достаточно одного? Каталоги пошлю на Ваше имя. До свиданья.

В. В[ерещагин]

Попросите *Спасовича* или другого хорошего адвоката написать Гейнсу и предупредить, что я пожалуюсь в суд.

339. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

26 апреля/8 [мая] 1882[1]

Кажется, я совсем на ногах теперь, хотя они еще и слабы, да и голова все шумит от хинина и морфина, в особенности, кажется, от первого, которого я столько съел и получил под кожу, что едва не отравился.

В Гамбурге знали, что я приехал в город и нездоров, и за два дня, что пробыл в гостинице, я получил 2 букета от гамбургских дам с любезными письмами.

Выставка, кажется, нравится, а я потеку в Париж, где займусь, только, надеюсь, не военными картинами; довольно их намалевал, пусть пишут не революционеры, а я, нигилист, посмотрю да и посмотрю. Слишком принимаю к сердцу такие сюжеты и положительно скоро издохну, если буду еще такими сюжетами заниматься. Не знаю, писал ли и я Вам, что скоро обвенчаюсь с Елизаветою Кондратьевною — боюсь, что милые родственники обдерут ее до юбок, коли помру. Только нет еще документов. Не легче ли повенчаться в России без формальностей? Черкните поскорее пару слов, собравши справки.

До свидания.

В. В[ерещагин]

340. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[29 апреля/ 11 мая 1882][1]

Печатайте «рассказ охотника», где хотите, а нет, так и подождите книжки — тоже как хотите, а главное, за всеми Вашими работами не торопитесь с этим, дело не спешно. Рисовать ни за что не буду — не взыщите, а коли хотите — пришлю фотографии с моего рисунка, сделанного на дереве для Гашета, да и у Гашета вырезано не дурно.

Надеюсь скоро черкнуть Вам о себе, но рыться теперь в башке моей, которая все еще шумит, рано.

Записки охотника — очень наивный рассказ, писанный, кажется, в [18]65 году.

Разумеется, теперь печатать не следует, никто не будет читать. Напечатать надо экземпляров 1000. Самое лучшее не помещать ничего моего в Ваш сборник — уж коли я такой революционер и нигилист, так наплевать на этот отрезанный ломоть.

Тургенев был очень болен, но теперь ему лучше. По крайней мере я думаю, что он поправился[2].

Следующая статейка для сборника моего еще не готова: ничего не могу делать, слабость очень велика; напишу, когда поеду в горы для поправления. Черкните ответ на предыдущее письмо, велики ли процедуры *венчания* у Вас (между нами); здесь не обраться хлопот.

До свидания.

В. В[ерещагин]

341. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[11/] 23 мая 1882 [1]

Брату моему Николаю пишите в *Тверь*. Портрет [2] мой, что у Епанчина, делан в *1860* году. От Гейнса добром ничего не получите, пожалуйста, поговорите со Спасовичем или каким другим адвокатом, и если этот милый генерал еще не ответит, то без замедления надобно подать жалобу в суд. Так как вещи мои поступили к Гейнсу на сохранение в 1874 году, то как бы не затянуть за десятилетнюю давность? Пожалуйста, поручите дело адвокату, с которым я спишусь обо всем. Относительно брака достаточно знать, что в России он совершается легко, здесь же процедура предлинная с гражданскою стороною. Почему это Вы военные сюжеты называете моими рельсами: «Бурлаки», которых я начал писать и оставил лишь по случаю отъезда в Туркестан, были не менее рельсами для меня, и почему бы мне к ним не воротиться? Брат Николай Васильевич пишет, что читал в газете, будто я намерен перейти к изображению войны более обыденной, ежедневной битвы из-за хлеба и т. п. Кто это за меня сказал — уж как напрасно! — и неверно и привлечет на меня шпионство всех, от урядников до предводителей дворянства включительно, если вздумаю заняться в России — опять, дескать, тенденция наивреднейшая.

В. В[ерещагин]

Скажите, пожалуйста, Николаю Петровичу, что *ничего нет* [3].

В «Ueber Land und Meer» [4] есть статья с рисунком.

Брата Николая попросите *яснее* писать, иначе ничего не разберете, и Вы и он напрасно потрудитесь [5].

342. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[25 мая/6 июня 1882] [1]

За последнюю болезнь я слишком много съел хинина, доктор говорит, что едва не отравился. Должно быть, на голову

подействовало чуточку — ко всему, что делаю, примешивается вопрос: *зачем?* — скоро в червивую каморку отправляться. Хочу проехаться, авось повеселее будет. Затрудняюсь, что сказать Вам о прошлом моем. Бейдеман, которого Львов просил мною заняться и который тогда еще был свеж, был мне очень полезен: он выучил меня не смотреть за чистотою рисунка, не давать цены №№ классным [2], не благоговеть перед Марковым (моим профессором), к которому сводил при поступлении в Академию и представил Ф. Ф. Львов. Бейдеман поехал писать в Русской церкви в Париж, пригласил ехать и меня, разумеется на мой счет. Я сколотил гроши (дядя [3] прислал 100 рублей да отец дал столько же) и через Штеттин — Берлин поехал в Париж; оттуда за болезнью пробрался до Пиренеев. Думаю, что виденное *за границею* было мне полезно; понятна сделалась рутина Марковых и др. профессоров в долг. Германская мысль и французская *техника* отняли у меня охоту слушать Шамшиных [4] и после еще одного опыта применения классицизма (в котором наставлял и Моллер), т. е. эскиза, или картона, «*Избиение женихов Пенелопы*», я удрал [5] на Кавказ, бросивши предварительно эту классическую чепуху на 5 аршинах — в печку.

Пожалуйста, поговорите о деле Гейнса со Спасовичем — другого исхода не может быть; я с ним, т. е. с адвокатом, после спишусь обо всем.

О колокольном звоне при Кауфмане ничего не слышал?!

Дядя мой был весьма богат, отставной лейб-гусар, большой кутила.

343. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[2/14 июня 1882] [1]

Владимир Васильевич. Я послал каталоги [2] не для продажи, думал, что Вы хотите раздать художникам. Пожалуйста, не продавайте, уже послал Вам телеграмму об этом. Послано было ровно *100* экземпляров, могло нехватать одного, но никак не 6!

Что же Вы не дадите мне возможности переписаться с адвокатом насчет дела выручки моих вещей от Гейнса? Уж как прошу Вас, сколько времени, все ни ответа ни привета. Хоть скажите ясно, что не можете сделать этого, так буду знать, а то ничего не отвечаете или пеняете просто, зачем связываюсь с такими прохвостами — теперь дело не в этом, а в том, чтобы выручить мое татарское оружие, мраморы и проч. Уж не продал ли все это [....] Гейнс. Надобно бы также

узнать, заплатил ли он деньги, занятые *на мое имя* у какого-то одесского богача, 12 000 руб[лей], из которых я понюхал только 4000, а остальные издержал он сам. Стыд и срам, если долг не заплочен и богатый грекос (известный хлебный торговец) не напоминает из деликатности. Ответьте же!

В. В[ерещагин]

Повидайте Спасовича или другого хорошего адвоката, только не *знакомого,* ибо с таковым пива не сваришь.

344. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[7/19 июня 1882] [1]

Владимир Васильевич.

Я Вам 2 раза подробно писал, какие вещи мои находятся у Гейнса, а Вы пишите теперь о ковриках и кафелях! [....]

Ваша уверенность в том, что я *наквитаю* потерянные альбомы, просто *прелестна* — да разве можно наверстать типы, деланные 20 лет тому назад; разве есть надежда ехать теми же местами. Там были русские, греки, цыгане, нищие, казаки, казачки, кабардинцы, осетины, грузины, армяне, татары и проч. и проч. с житьем-бытьем, хатами, угодьями, скотом и проч. и проч. Разумеется, бросьте это дело, если нет надежды разыскать. Сам Беггров [....] не украл, но приказчики его [....] растащили. Один *Шёне* прямо говорил мне, что он *похозяйничает* в моих вещах — чорт его знает, в шутку или нет.

[В. Верещагин]

345. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

17/29 июня 1882 [1]

Вот №№ по каталогу тех этюдов, которые желательно снять в величину carte album, — №№ 20, 21, 30, 48, 49, 50, 52, 53, 62, 63, 68, 71, 72, 90, 91, 92, 95, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 107, 112, 119, 121, 125. Коли чего из помеченного здесь нет у Третьякова, на то и суда нет. Некоторые маленькие этюды достаточно снять в половину carte album, т. е. в величину визитной карточки. Не велите делать черно, что у нас любят, воображая, что коли черно, так и *сильно.* Деньги за съемку пошлю по первому требованию [2].

Посылаю Вам приложения к статьям моим о духоборцах и молоканах — псалмы и молитвы. И те и другие, в особенности последние, надобно напечатать так безграмотно, как у меня записано, не забывая, что именно по таким безграмотным писаниям молятся сотни тысяч, миллионы народа у нас — свое не воняет.

Статейка об Обер-Аммаргау набросана наскоро по старым заметкам, но, думаю, не безынтересна. Иллюстрировать теперь не думаю, а после — нет для этого денег. Довольно ли у Вас статей для сборника небольшого формата?

В. В[ерещагин]

346. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

8/20 июля 1882 [1]

Вы, верно, заняты очень, что ничего не пишете, уж, должно быть, давно воротились [2] из Москвы. Посылаю Вам начало перевода книжки [3], которая на днях появится на немецком и французском языках. Прикажите, пожалуйста, напечатать по прилагаемому образцу (лейпцигскому) и пошлите мне для корректуры. Скоро пошлю Вам вторую часть перевода. Обратитесь, пожалуйста, в хорошую типографию [4], лучшую, которая сумела бы напечатать рисунки. Гравюры, к сожалению, не так хороши, как бы следовало, виною по обыкновению моя торопливость.

Когда свидимся, поговорим о Скобелеве, теперь неудобно. Я с рожи, кажется, здоров, по крайней мере все мне это говорят, но, должно быть, голова не совсем в порядке. Настроение мыслей самое мрачное; близкая ко всем нам смерть торчит передо мною и покою мне не дает — это между нами.

Постараюсь поговорить с доктором Шарко [5]. Я пользовался электричеством и боюсь, не оно ли через спинной мозг зарядило меня скукою. Теперь столько электричества в воздухе, здесь все грозы и ливни.

Очень бы хотелось побывать в России, да не удастся, надобно окончить начатые работы и махнуть потом куда-нибудь, рассеять сплин. Кабы не боязнь неприятностей от властей высоких и низших, я бы поехал работать в Россию, это более заняло бы голову, чем разные Индии; но ведь теперь это положительно немыслимо, затаскают по участкам и канцеляриям за разными дозволениями. По живости характера я способен буду кому-нибудь и в харю плюнуть и в рожу

треснуть, так лучше *до греха* пообождать, а то еще заподозрят участником *крамолы*[6] — теперь это великое слово ко всему подходящее.

В. В[ерещагин]

Велели ли Вы снять фотографии для следующей книжки[7] поездки в Индию? Я писал Третьякову.

Нельзя ли послать сочинения Пушкина, Лермонтова.

Пишу Неронову, чтобы передал Вам имеющиеся у него деньги мои, заплатите, пожалуйста, за фотографии.

Клише посылаю *20* штук, но один или 2, может быть, переменю.

Кланяйтесь Ник[олаю] Петровичу. Скажите ему, чтобы не горбился.

347. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

22 июля/3 августа 1882[1]

У всякого свой вкус,
Один другому не указчик,
Кто любит арбуз,
А кто свиной хрящик.

Военный талант Скобелева был перворазрядный; я часто осматривал его череп, выдававшийся от висков точно шишкою, точно от ушиба; в то же время голова его[2] была не велика, кавалерийская!

Помнится, как-то на его похвалы Туркестанскому краю я сказал ему, что вся эта обширная страна разве только поможет нашим политикам, угрозою Англии, отвести внимание от движения нашего на Константинополь. Иначе, прибавил я, вся туркестанская овчинка не будет стоить выделки. И что же, нахожу эту мудрость, усвоенною Скобелевым и преподнесенною Каткову. О чепуха! Как политик и гражданин Скобелев был плох. Смерть его[3] самая настоящая, как раз по жизни и характеру. Черевину[4] я был приятен во время кампании, тогда он считался пьяницею — только. Не забудьте, что *ни один* генерал русский не откажется от начальства Третьим отделением[5]. Бритье бород, резанье языков и сечение [....] — не та школа, в которой отучаются от холопства и низкопоклонства.

Клише еще не послал, на днях пошлю. Времени поездки не надобно писать. Немного ездил, чтобы рассеять самые черные мысли, вот уже более месяца меня охватившие. Даже советовался с Шарко — говорит, нервы надсажены, устали, пусть отдохнут. Торчит передо мною ничтожество и бесполез-

ность всего, что мы делаем, всей нашей жизни, да и баста! Смерть вот-вот, кажется, на носу, не знаю, пройдет ли это. Пишите, пожалуйста, хоть и знаю, что Вам некогда. Досадно, разумеется, на дураков «Голоса». Первая Ваша статья мне очень понравилась, и я ждал с нетерпением второй — что за рутинеры народ! Давай все по одной мерке [6].

До свидания.

В. В[ерещагин]

Слышу, что Гинцбург [7], молодой, *помогает* Вам издавать орнаменты?!

Забыл и Неронову написать, сейчас пишу. Пришлите Пушкина, Лермонтова.

348. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[30 июля/11 августа 1882] [1]

Еще раз просмотревши каталог, прошу Вас, Владимир Васильевич, приказать снять только следуюшие холстики (по каталогу): № 20, 30, 48, 49, 50, 52, 53, 62, 63, 71, 90, 92, 95, 99, 100, 101, 103, 104, 107, 112, 119, 121 — всего 22. Из них некоторые, кажется, находятся не у Павла Михайловича, так что вряд ли могут быть сняты. Не более половины могут быть сняты с величину карт-альбом (величина моих гравюр), остальные в величину обыкновенных карточек. Нет надобности непремённо поручать это Шерер-Набгольцу, пусть снимет другой фотограф, только не черно и понятно. Снимаются фотографии для гравюры на дереве, почему и нужно будет один экземпляр потемнее, другой посветлее. Клише все еще не послал потому, что не получил последнего из Германии — на днях надеюсь послать наверное. Имеете ли Вы в руках статьи мои для маленького сборника; взяли ли Вы ту, что отдали [2] было «Голосу» — возьмите! Да скажите, достаточно ли для небольшой книжки всех их вместе собранных? Что же Вы не решаете с фотогравюрами Гупиля — решите дело, пока я в Европе; списываться со мною после будет труднее — впрочем, как знаете.

В. В[ерещагин]

Вероятно, Неронов послал или пошлет на днях деньги. Что же Гейнс? Отдал ли он вещи, скажите, что я перенесу в суд.

349. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[30 июля/11 августа 1882][1]

[....] Пришлите, пожалуйста, пробный оттиск статьи[2] из того, что я Вам уже дал. На днях пошлю остальную часть рукописи. Посоветуйте, сколько печатать? Думаю, что иллюстрировать маленький сборник[3], о котором писал Вам, будет стоить дорого, книжка будет дорога? Собрали ли Вы статьи? Нельзя ли также иметь пробный экземпляр теперь, т. е. до отъезда[4] из Европы?

Черкните.

В. В[ерещагин]

350. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

30 июля/11 августа [1882][1]

Вы все говорите об *изразцах,* Владимир Васильевич, которых у меня не было, а были куски *мрамора* белого с Самаркандских гробниц, которые пыли давать не могли. *Колчан* со стрелами, *луки, крепостное бухарское ружье, медная узорная посуда* туркестанская тоже не пылили, вероятно, в кабинете его превосходительства, да и дам его пугать не могли. Пожалуйста, дайте мне возможность снестись с хорошим адвокатом, до отъезда моего, я непременно хочу потребовать отчета от Гейнса, ибо ответы его камердинера-акционера меня не удовлетворяют. (Если это русый худощавый камердинер, то это тот, который дал Гейнсу несколько тысяч взаймы и не может получить их обратно.)

Мог ли же я думать, что Гейнс поручит своему камердинеру объявить, что вещи мои выброшены *в помойную яму,* — это нахальство, требующее наказания. Пожалуйста, в первую же свободную минуту повидайте адвоката — я спишусь с ним после.

В. В[ерещагин]

351. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

2/14 августа 1882[1]

Будьте добры, Владимир Васильевич, пошлите мне 2 или 3 характерных украшения на входную дверь, русскими полотенцами, раскрашенными, с коньками и проч.; коли надобно

заказать это кому-либо и заплатить, то распорядитесь, пожалуйста, или я, или брат Александр заплатим [2].

До свидания.

В. В[ерещагин]

352. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[7/19 августа 1882] [1]

Владимир Васильевич.

Напишите мне названия Кремлевских соборов с упоминанием тех, в которых коронуются, в которых готовятся короноваться и т. д.

Мне надобно поименовать здания на картине *Кремля* [2], намалеванного в последнее время. Вообще работишка идет тихо и вяло. Таким запоем, как прежде, не пишу; может, и к лучшему. Впрочем, все это чепуха.

Жаль, что не увижу Вас нынешним годом, хочу уехать проветриться.

В. В[ерещагин]

353. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

10/22 августа 1882 [1]

Это называется, Владимир Васильевич, выламывать *отворенную* дверь. Я пишу Вам, *не стоит Вам самим возиться с этим делом*, назовите адвоката, с которым я мог бы списаться и т. д., а Вы отвечаете, *не хочу возиться с этим делом, не хочу принимать в нем участие*. Конечно, лучше бы окончить без кляуз, но как Вы проберете этого хама; ведь ответ слуги: *выкинуто в помойную яму, продиктован* Гейнсом. *Черепа* 12 лет не воняли и вдруг завоняли; *мраморы* вдруг стали крошиться и пылить! Коли не отдает Гейнс, назовите, пожалуйста, адвоката, дайте адрес Спасовича или кого другого. Я крепко перетряхнут последнею болезнью, подействовавшею, конечно, на мозг, так как причина ее сильное нервное напряжение. Теперь я понимаю болезнь Гоголя, после которой он начал каяться и самобичевать. Будь я религиозен, едва ли бы я не склонился по этой дорожке. Мысль о близкой смерти не покидает меня, с нею ложусь в постель, с нею и встаю утром. Название Ваше *душевного насморка* ничего не объясняет. Верно то, что утрачивается смысл и работы и жизни.

Авось выздоровею, больно уж напрягал нервы, вот они и сказались. С книжкою не поспеть, значит надобно отложить печатание до будущей осени, когда поспеют и несколько гравюр на дереве. Приканчиваю 2—3 картины, как будто не дурны.

В. В[ерещагин]

Послал Вам *вторую* тетрадку рукописи.

Брат Александр пишет *преинтересные* записки; я, конечно, одобряю и подбиваю довести до описания последних войн [2].

354. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

17/29 августа 1882 [1]

Благодарю за сообщение, а все-таки назовите по прилагаемому чертежику, *какие* соборы; те, что указаны, один (1), кажется, Чудов [2], а другие 2? Нынче к осени не поспеть со сборником, надобно заказать по одному рисунку для каждой статейки, дать их вырезать не торопясь.

В. В[ерещагин]

Хорошо, кабы Гейнс отдал вещи без кляуз.

355. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

20 августа/1 сентября 1882 [1]

Для индийской книжки [2] я прислал Вам 3 тетрадки, т. е. Вы должны были получить части текста в *трех посылках*, — получили ли Вы их? Посланы также и *гальвано* для рисунков. Рисуночки *Снегов* в двойном экземпляре, так как не мог рассмотреть, которые исправленные; первые были черны, а вторые, поправленные, светлы, эти последние и надобно пустить в дело. Эту книжку, конечно, надобно печатать; на случай если я не успею просмотреть ошибки всех 3 частей, то, будьте добры, сделайте это Вы или Собко; впрочем, коли сейчас пошлете, то я просмотрю, ибо не уеду ранее 2 недель. На всякий случай пошлю Вам немецкий и французский экземпляры книжки.

Сборник [3] можно сбирать уже, но печатать думаю подождать. Нет ли у Вас хорошего переводчика на немецкий

язык? Дать бы переводить статьи сборника — для 2 или 3 языков; деревяшки обойдутся не дорого. Нельзя ли спросить у министра внутренних дел, дадут ли мне охранный лист от придирок становых, урядников и проч. радетелей порядка, в случае если я поеду по России? Сходите к нему, узнайте, пожалуйста, да дайте поскорее ответ.

В. В[ерещагин]

Как нибудь, при случае, расскажу Вам историю мою в Рыбинске, после которой я закаялся *путешествовать* в России; теперь в особенности немыслимо без охраны от министра.

Александр Васильевич, не знаю почему, думает, что Вы на него сердитесь, хотя я и уверяю, что он ошибается. Он в Дрездене Amalienstrasse, 11 [4].

356. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

25 августа/6 сентября 1882 [1]

Разумеется, Владимир Васильевич, велите снять так, чтобы снимок мог служить прямо для гравера. Только можно ли положиться на фотографа в том, что он сумеет разобрать, которые этюды стоит делать в большем и которые в малом виде? Пусть больше делает малых, в особенности когда сюжет не сложен (карточка). Если успею, напишу кое-что о моем пребывании на Кавказе.

Предложение фотографа просто нахально, очевидно, этот Тевтон [2] желал преподнести Вам, что ему бог пошлет, и Вам нельзя было бы и бунтовать [3]. Я непрочь отдать эти рисунки для гравюры Матэ, так, если Вы с ним в переписке, спросите, пожалуйста, как нужно приготовить фотографии. Я думаю, можно прямо фотографировать на дереве?

Уехать надеюсь скоро, но куда, наверное еще сам не знаю. Писал Вам о просьбе охранного листа от министра, но, кажется, это непрактично, лучше теперь подождать ездить в Россию и по России. Непременно будут следить, как за мошенником, а то и на скандал наткнешься. Теперь столько развелось спасителей отечества. Отложим это покамест.

До свидания.

В. Верещагин

357. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[29 августа/10 сентября 1882] [1]

Коли есть хороший переводчик, то отдавайте переводить и, коли это не затруднит типографию, отдавайте печатать, чтобы можно было заблаговременно, не торопясь, исправлять. Я уже заказал несколько гравюр на дереве Матэ и по возвращении из поездки закажу остальные.

Заказаны рисунки для *раскольников* (молокан и духоборов), для *этюда об охоте,* для *статьи о мусульманском празднестве*. Все статьи из «Tour du Monde» [2] не годится перепечатывать, ибо редакция рассердится, а с газет я могу перепечатывать. Некоторые, впрочем, *отрывки* можно взять и из «Tour du Monde», которые покажутся интересными для Вас или Собко. Спасибо Николаю Петровичу за обещание помочь.

Нынче, кажется, я не приеду в Россию. Денег пошлю, на первое время немного. Александр Васильевич дошлет после с Брюссельской выставки. Кажется, дают мне в Брюсселе, *даром*, новый Palais des beaux arts [3], в виде исключения.

Конечно, работа Ваша [4] стоит золотой медали, разумею рисунки, а труд и талант очевидны.

В. В[ерещагин]

358. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Воды Бурбуль, близ Clermon [1],
5/17 сентября 1882 [2]

На Кавказ я приехал летом 1863 года. Чтобы сделать эту поездку, немало времени я питался одним молоком и хлебом и все-таки, приехавши в Тифлис, оказался с сотнею рублей в кармане только. По дороге, в Тифлисе и в Белом Ключе, где жил наместник [3] и состоявший при нем Лагорио [4], я, разумеется, много рисовал. Лагорио, очень обязательный и добрый человек, рекомендовал меня в семью бывшего тогда начальником штаба армии А. П. Карцова [5], как преподавателя рисования. С женою и потом вдовою Карцова, умною Екатер[иной] Николаевной Карцовою, и потом постоянно был большим приятелем. Затем получил по 2 часа в неделю в межевой школе, в одном частном пансионе, училище св. Нины и еще в одном военном училище. Вся эта история вместе взятая дала мне в год около 1500 [6] рублей. Как я ни был занят, но урывался еще между уроками ходить на *пески* ри-

совать верблюдов, коров, лошадей, баранов и проч. животных, пригоняемых туда на продажу, рисовал по лавкам, за городом и т. п. Конечно, только молодость и свобода моя были причиною того, что эта масса уроков не задавила меня. Трудно передать, как я был живуч и как пользовался всяким получасом времени для наполнения моих альбомов. От этого времени, помню, у меня было 3 толстые книжки, совершенно полные рисунками и отчасти акварелями, часто карандашом и акварелью вместе; все эти альбомы потеряны или украдены у меня. Через год отец мой прислал мне 1000 рублей, с которыми я поехал в Париж, отчасти с намерением издать нечто вроде кавказского художественного листка, отчасти для того, чтобы самому учиться. Листок я хотел издавать с начальником фотографии штаба Гудимой[7]. Несколько, как кажется небезинтересных, листов было напечатано у Лемерсье[8], но за отказом от дела Гудима брошены, как и вся эта затея. Я поступил в мастерскую Жерома, который спросил меня: «Кто Вас рекомендовал ко мне?» — «Никто, — отвечал я. — Мне нравится то, что Вы делаете». Когда я показал Жерому то, что имел, он очень похвалил и обещал, что я *«буду иметь талант»*. Забыл я сказать, что до отъезда в Париж я ездил по Закавказскому краю, рисовал для Общества сельского хозяйства типы животных. Мне дали открытый лист и 400 руб[лей] денег, которых, разумеется, нехватило и на прогоны, но зато я много видел и слышал. Пробывши зиму в Париже, где, несмотря на советы Жерома, настойчиво отказался копировать старые пожелтевшие и почерневшие полотна Лувра, я снова поехал на Кавказ. Отец снова помог мне деньгами. Я вырвался из Парижа точно из темницы и принялся рисовать на свободе с каким-то остервенением. Альбом мой, наполненный самыми тонкими и характерными рисунками, какие я когда-либо делал, тому свидетельство. Альбом этот наполнен за один переезд от Вены до Поти. В Закавказье на этот раз я сделал массу рисунков, изумивших потом Жерома и Бида[9]. (По выезде из Парижа заезжал к брату Николаю, изучавшему тогда в Женеве артельное сыроваренье.)

Краски все еще казались мне так трудны, что я гораздо охотнее работал карандашом и было совсем краски забросил.

Посылайте же скорее пробные листы книжки: ведь я уеду скоро...

[*В. Верещагин*]

359. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Бурбуль,
16/28 сентября 1882[1]

Я писал Крамскому, чтобы пособирал денег на женские врачебные курсы[2] и хотел послать 100 фр[анков] от себя в «Голос» на этот предмет; потом узнал из газет, что эта глупость, т. е. закрытие курсов, сделано сознательно и бесповоротно, учебные пособия розданы и т. д., поэтому деньги не послал. Теперь прочитал опять, что собрано уже 1000 рублей. Узнайте, пожалуйста, есть ли вероятие, что дадут открыться школе где бы то ни было; если да, то передайте собирающим деньги при сем прилагаемые 100 франков. Скоро надеюсь послать Вам немного денег для неотложных расходов.

Что же Вы или Н. П. Собко не посылаете остальную часть книжки?

Мы живем на Мышьяковых водах, лечимся от настоящих и будущих лихорадок[3]. Я стал бодрее.

До свидания.

В. В[ерещагин]

Скоро возвращусь в Maisons[-Laffitte].

Если нет надежды на открытие женских врачебных курсов, то приложите 100 франков к моим деньгам.

360. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

18/30 сентября 1882[1]

Не могу в толк взять, Владимир Васильевич, почему Вы жалуетесь на то, что Ваших просьб *никто, никогда* не исполняет, и утверждаю, что это положительно неверно. Вы писали мне дать Вам несколько заметок о моей юности — послано; просили написать о Кавказе — написано. Просили написать брата моего — также написал Вам, кажется, в два приема. По какому же праву Вы всех огулом упрекаете и только одного себя выделяете? В дураках Вы, во всяком случае, не могли бы остаться потому, что я только откладываю свою поездку ввиду известных Вам дурных веяний; передумал, т. е. отложил поездку[2], вследствие советов некоторых знакомых моих, ко мне расположенных, и сейчас же об этой перемене Вас уведомил. Стоило ли по этому случаю так настаивать на том, что Вы остались бы в дураках, что не нужно никогда торопиться исполнением чужих просьб, что Ваши просьбы никто, никогда не исполняет и т. п. Вы наполнили

2 страницы этим брюзжанием (другого слова не приберу). Должно быть, старость Вас одолевает; прежде не замечал за Вами такого озлобления. Все вещи, полученные от Гейнса, пошлите, пожалуйста, в Maisons[-Laffitte]. Заметки постараюсь прислать. Книжку можно издать, разумеется давши мне просмотреть предварительно.

В. В[ерещагин]

Денег скоро подошлю — сколько надобно бы??
Адрес брата моего Bruxelles, poste restante [3].

361. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[20 сентября/2 октября 1882] [1]

1) Уже писал Вам, Владимир Васильевич, что и в школе и в начале Академии я шел впереди, первыми №№. Бейдеман первый, рядом примеров признанных тупиц, удостоенных в свое время всевозможных академических наград, поколебал мою веру в необходимость *штриха,* чистоты и опрятности рисунка. Я стал рисовать грязнее и стал получать более далекие №№. Однако последние 2 рисунка в гипсовых фигурах опять имели № 1, первым же я перешел в натурный класс. Эскизы мои всегда были первые; и у товарищей и у профессоров я слыл за большой талант — M[ada]me Бем [2] врет. Я получил медаль за эскиз, что был единственный, кажется, пример [3]. Бросил все это и уехал на Кавказ потому, что довольно много читал и слышал, голова развилась, и глупость условных форм и рамок стала ясна. Со времени знакомства с Бейдеманом я очень много рисовал на улице и прямо с натуры и еще более *напамять* все виденное и замеченное; как было тут не опошлеть в моих глазах академическому псевдоклассицизму.

2) Самарканд был уже взят. Кауфман, не укрепивши достаточно цитадель, ушел вперед. Я остался с намерением поехать в путешествие, так как пыль и крики мало знакомили с настоящею войною. В это время массы неприятеля обложили крепость и через день пошли на штурм. Я, как услышал выстрелы и крики «ура!» на стенах, так бросил недопитый чай (который улучился допить только через 3 дня), схватил револьвер и побежал в самое опасное место, где пробыл 9 дней; разумеется, ни один солдат, ни один офицер не работали столько. Я поспевал всюду, на всех вылазках был впереди, несколько раз схватывался в рукопашную, и только

во-время подоспевавшие солдаты выручали из верной смерти, так как накидывалось на меня иногда по нескольку человек. Когда уставшие солдаты не двигались с места, я нагружал трупы на арбы. Когда трупы убитых людей и лошадей, гнившие под самыми стенами, грозили нам болезнями и буквально отравляли воздух, почти никто даже из солдат не хотел притронуться к этим трупам, представлявшим какой-то кисель, — я втыкал штык в [....] и проталкивал мертвечину от стен. [...] Около меня было убито (второй день штурма) 40 человек, из которых некоторые залили кровью мое пальто. Я получил страшный удар камнем, которых сыпался на нас град из-за сакль, в ногу; крови вытекло не мало, но я стыдился показать себя раненным камнем, как это сделали некоторые офицеры. Я же отвязал знамя, несмотря на то, что по рукам моим, пока я отвязывал, много стреляли, и принес полковнику Назарову [4]. [....] Увы! когда Кауфман воротился, его палатка была окружена значками несравненно более плохими, чем мой трофей, но эти значки пошли в Питер, где, вероятно, украшают какую-нибудь святыню [....] Кажется, мне приписали спасение нашей пушки, по крайней мере офицеры тут же после битвы поздравляли меня с *первым крестом,* что мне было дико, *так как все это я делал для забавы.* Долго рассказывать все отдельные случаи отбития штурмов днем и ночью. Вестникам, посланным нами, т. е. комендантом, к Кауфману, всем поотрезали голову, наконец один на 7-й день добрался до него и принес ему на немецком языке записочку коменданта, извещавшую, что гарнизон в крайности, нет соли, нет воды, половина перебита и перерезана. Кауфман воротился [....] и благодарил меня перед всеми офицерами. Разумеется, мне гадко было видеть, как те же самые люди, которые за день перед тем ругали его на чем свет стоит, расстилались перед ним, и я счел своею обязанностью сказать ему, что общий голос солдат был тот, что он, *крепость не устроивши, ушел.* Говорили, будто генерал Пистолькорс [5] советовал ему расстрелять меня за это. Кроме того, после я просил Кауфмана *не награждать* меня, за что он страшно озлился и спросил: «Если государь пришлет Вам крест, что же Вы сделаете?» «Отошлю назад», — был мой ответ. «Вы оскорбляете государя тррр!.!.» и т. д. Однако мы после помирились [6]. Кауфман был человек высокой честности, умен, храбр, но болтлив. Я с *большою благодарностью* поминаю его — редкий человек (колокольного звона никакого не было, я уже писал Вам). Кауфман имел слабость рассердиться на некоторые из моих туркестанских картин и некоторым образом шельмовал меня перед всем своим штабом на приеме, дока-

зывая мне, что я налгал. Отряд-де его никогда не оставлял убитых и т. п. Стремоухов[7] окончательно вывел меня из терпенья, рассказывая о его впечатлении перед моей *клеветою* на солдат — я пожег те картины, что им кололи глаза. Я был еще в очень опасных свалках на китайской границе, где отбивался и отбивал одного офицера от целой массы таранчей — карманным револьвером. Когда-нибудь занесу всю эту чепуху на бумагу[8], покамест Вам довольно. Я много обязан истинно просвещенному вниманию Кауфмана. Гейнс, тогда еще не исподличавшийся, также помогал мне. Генерал Гомзин[9] также был добр. Главная помощь пришла от моего доброго отца, который сказал, что не хочет, чтобы дети дожидались его смерти, и разделил нам свое именье, оставшись благодаря глупости нашего приятеля Александра Васильевича почти ни с чем. На эти деньги (проданный лес) я окончил картины, привез их в Питер и выставил. Получивши деньги за картины, я уже встал на ноги. Дни питания хлебом с молоком, торчания на скамейках мальчиков или девочек, за поправкою кубиков, также и зависимости от военного начальства прошли. В конце концов не могу сказать, чтобы бабушка очень мне ворожила, чуть ли я не надорвался в 40 лет. Посмотрим.

В. В[ерещагин]

Перед штурмом, ездя по городу и за городом, я видел, как муллы перед домами и на базарах волновали народ, и предупреждал Кауфмана, но он не обратил внимания на это.

Помощник коменданта, известный в Туркестане майор Серов[10], умолял меня не ездить по окрестностям рисовать — зарежут.

Одною пулею мне перебило ружье около самой груди, другою сбило шляпу с головы; я был в рубашке и штанишках — только при этом поярковая шляпа, а после чехол от офицерской фуражки, сумы и ружье со штыком. Когда сшибло шляпу, то я надел чехол от офицерской шапки Назарова — бравого, гулящего человека — и в ней бушевал все время. Чехол этот до сих пор у меня.

Весь гарнизон звал меня *Василий Васильевич* — честь.

Мы спали у ворот, между солдатами, среди массы блох и вшей. Купцы, бывшие в цитадели, все время молились богу и в антрактах между штурмами угощали меня и Назарова борщом и чаем[11].

362. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[27 сентября/9 октября 1882][1]

Я писал Вам, что вряд ли не надорвался в 40 лет, — это не фраза, а правда и отчасти урок для тех, кто слишком рвется. Не думайте, чтобы все пройденное было лишь как с гуся вода: *все, все* оставило следы. Солнечные удары, которых я имел бесчетное число раз, — со рвотою, бредом и проч. — сделали то, что даже под зонтиком я не могу ходить по солнцу, не рискуя получить головную боль. На всем скаку курьерской тройки я выпрыгивал из тарантаса и ушибался, более или менее, но не до смерти. Бешеные курьерские же лошади на всем скаку летали со мной и экипажем под гору в воду — я мочился, ушибался, но не убивался, экипаж кривился, но не ломался.

Раз в Сибири, пустивши тройку таких зверей, которую держали во время запряжки несколько человек, *забыли завожжать коренную,* дело было глухою ночью, когда ни зги не было видно, на гористой станции. Трудно передать Вам впечатления мои, когда я летел как сумасшедший, закупоренный в тарантас, пока буквально кувырком не полетел куда-то...[2].

В поездках верхом лошадь моя, случалось, переваливаясь через голову, катилась с крутой горы, а я успевал соскочить, уцепиться за травинку и — смеялся людям, стоявшим внизу.

Лихорадки трясут меня с необыкновенной силой при всяком удобном случае, и думаю, что организм мой крепок, если еще не совсем расшатался. Маленький шрам от самаркандской раны не болит, но большой от дунайской побаливает иногда и, главное, отдается онемением в левой ноге. Правая рука моя была сломана 6 лет; указательный палец со шрамом — от *борьбы* в корпусе; средний укушен *свирепою лошадью;* кость ладони около мизинца сломана в войне с большою *собакою.* На левой руке шрам от когтей молодого *барса.* Глаза немного слабеют, голова лысеет.

Силенки в 40 лет сильно опустились, цель жизни утерялась.

Множество раз чуть-чуть не был убит, не убивался, не был растерзан собаками; всегда со всеми воевал за то, что считал справедливым, хотя, вероятно, часто ошибался; Христа уважаю, но правилам его мало следую[3].

Раз лошади вместо дороги хватили на высокую гору, донесли до половины и потом, *через экипаж,* колесом полетели вниз.

[*В. Верещагин*].

363. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Брюссель,
6/18 октября 1882 [1]

Не пишите, Владимир Васильевич, от моего имени; это заметки, про Вас писанные, не для показа [2]. Много ли, думаете, надобно послать Вам денег. Я просил брата моего Николая Васильевича послать Вам 300 руб[лей] — мало? Думаю скоро уехать *ненадолго* в Индию, только написать несколько этюдов. Мой адрес будет Bombay, poste restante [3], до тех пор, пока не сообщу другого адреса. Послать, что можно, на имя Лизаветы Кондратьевны в Maisons-Laffitte.

До свидания.

В. В[ерещагин]

На днях мне стукнет 40 лет.

364. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

9/21 октября 1882 [1]

Я родился 14/26 октября 1842 года, итого через 5 дней мне стукнет 40 лет. Каталог Собко и не дорог и хорош, не удивительно, что он хорошо продается [2].

Книжке моей [3] назначьте возможно дешевую цену, в Германии она продается $2^1/_2$ марки, во Франции будет 3 фра[нка]. Полагаю, 1,25 коп[еек] достаточно, а коли это покажется Вам дорого, то и 1 рубль. Необходимо только покрыть издержки и оставить, на то на се, кое-какой лишек.

Не знаю, удастся ли написать Вам до отъезда, на всякий случай прощайте, *до свидания* [4].

Кланяйтесь Собко.

В. В[ерещагин]

В Брюсселе, кажется, больше хвалят, чем ругают [5].

365. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

14/26 октября [1882] [1]

Да перестанете ли Вы брюзжать! Ведь я не только на вопросы, но и сверх того написал, что пришло в голову, а Вы пишете: «по Вашему обыкновению ни слова не ответили...» Или Вы письмо мое не получили?

Вещи громоздкие подержите несколько времени еще и по извещению Алекс[андра] Васильевича пошлите в Париж или к нему. Жемчужников забыл, что я просил передать альбомы Фельтену. Предупредите его, т. е. Фельтена, что когда понадобится несколько экземпляров, я или брат мой спросим у него. Давно уже просил брата Николая послать Вам 300 рубл[ей], вероятно, скоро получите, подтверждаю ему еще. Я просил уже Николая Петровича похлопотать насчет книжки, типогр[афии] и проч. Возьмите, пожалуйста, от Жемчужникова кое-какие этюды мои, принадлежащие брату Александру Васильевичу, и пришлите их ко мне с вещами. У меня с выставкою *два* этюда, подаренные мною Жемчужникову, и третий, им купленный, но не заплаченный. Первые два отдам в случае беды с ним наследникам. Ой жалко парня! Впрочем, все скоро там будем [2]. Адрес Александра: Брюссель, poste restante.

Сегодня мне стукнуло 40 лет.

Работы мои хвалят в Брюсселе.

В. В[ерещагин]

366. Е. К. ВЕРЕЩАГИНА — В. В. СТАСОВУ

[9/]21 ноября [1882] [1]

Многоуважаемый Владимир Васильевич.

Да, я получила фотографии [2]. Муж дал мне поручение отдать их, когда угодно, граверу; так я думала до сих пор, что еще слишком рано. По его указаниям нужно отдать граверу Chapon и немцу Kaeseberg [3].

Василий Васильевич обещал мне приехать из Индии через три месяца, вот в четверг будет уже месяц его отъезда. Я рада, что он там проводит зиму, потому что он очень часто жаловался на боль в груди, что причиняет ему простуда; там он и отдыхает от устройства выставок.

Что касается подробности его жизни в Мюнхене, то могу Вам сказать, что он имел мастерскую Горшельта и что он принимал очень редко художника Брандта и посещал, кроме Брандта, еще художника Коцебу.

Ходил на ежегодные выставки мюнхенских художников, музей посещали один раз вместе, не могу Вам сказать, ходил ли он раньше этого часто, не думаю.

Пожалуйста, Владимир Васильевич, если Вам еще что-нибудь нужно знать, то адресуйтесь ко мне.

Примите, Владимир Васильевич, уверение в моем уважении.

Елизавета Верещагина

Извините мое писание с ошибками.

367. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Агра,
15/27 ноября 1882[1]

О каких *сюжетах* пишете Вы, Владимир Васильевич? Уже, конечно, сюжетов не найду здесь, а только сделаю несколько этюдов. Не дикая ли это вещь, что до сих пор к *писанию* относятся так враждебно и подозрительно. В Индии меня считают (большинство) за агента русского правительства, а русское правительство, в особенности *сам*[2], считают меня за агента революционеров и поджигателей, недостает только, чтобы заподозрили во мне английского агента, несмотря на мою национальность. Кабы не наш белый террор, с каким бы удовольствием покатил я по России, сколько планов составил, но вижу, что теперь это немыслимо. Передали ли Вы Николаю Петровичу статью мою об *Обераммергау*? Он не упоминает об ней, перечисляя имеющиеся для *сборника* материалы.

Думаю еще кое-что выслать по приезде в Париж и главное справить несколько рисунков, хоть по одному к каждой статье.

Что за скука писать бессодержательные вещи, как ни красиво, а все *чуждо*.

Коли черкнете, то адресуйте в Agra, Indes Anglaises[3]. Я уже уполномочил Вас взять фотогравюру (что получше) от Гупиля, спишитесь прямо с ним. Статей теперь прислать не могу, но они целы и вышлются. Кланяйтесь Николаю Петровичу, черкну ему, как воротится из Самары. Надеюсь быть назад весною с несколькими хорошими этюдами, работаю немного — отдыхаю, боюсь лихорадки.

В. В[ерещагин]

368. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Дарджилинг,
5/17 декабря 1882[1]

Неужели книжка моя еще не издана? Бросьте в огонь рукопись или издайте[2], знал бы, не просил Николая Петровича. О верблюдах ничего не знаю и не слышал[3]. На Кавказе

я выработал 1500 рублей; об 15 000 не могло быть и речи [4]. Что за чушь говорит Минаев [5], что Сиккимское королевство простирается с севера на юг на 6 верст, когда от Дарджилинга до снегов 40 миль, т. е. с лишком 65 верст, вот-то слышал звон, да не знает, где он. Поправляет меня насчет непальского сановника Юнг Багадура, который (по приезде моем в Индию) упал с лошади в Бомбее и вскоре после того умер. Хороши у нас критики, нечего сказать. Рисунок *Кули* (с фотографии) не помещайте, пожалуйста, в книжку, он слишком дурен. Думаю не посылать моих картин в Америку, рисковать деньгами, там надо платить пошлину. Думаю выставить в Москве — как Вы полагаете? Черкните по тому же адресу в Бомбей, не бойтесь, письмо не потеряется, это только Гейнса письма терялись, так же как и его посылки, по той простой причине, что он их не посылал. Кстати, отдал ли он мраморы? Фотографии, вероятно, получены Елизаветою Кондратьевною. Уведомлю Вас.

До свиданья.

В. В[ерещагин]

Я поехал сюда, чтобы написать верхи Гималаев, да попал несчастливо на дурную погоду, снега закрыты облаками; вот уже который день сижу у моря и жду погоды.

369. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Агра,
19/31 декабря 1882 [1]

Чудес нет на свете, и напрасно Вы находите их на старости лет. У Жемчужникова несколько *обломков* мраморов и эмалей, данных ему Гейнсом с моего согласия; вся же коллекция мраморов у Гейнса или она утеряна, в чем, впрочем, сомневаюсь, так как им и черепам он хорошо знал цену; вернее, что он их кому-либо подарил. Мы вовсе не напрасно приставали к Гейнсу, и если Вы это ему сказали, то очень и очень поторопились. Я помню, что, напр[имер], от большого куска решетки из мрамора, окружавшей гробницу Тамерлана и взятой мною с согласия Кауфмана, кусок, с величину этой бумаги приблизительно, дан был Гейнсом, с моего позволения, Жемчужникову. *Гейнс, таким образом, ничего не передавал Жемчужникову,* все это Ваши догадки, очень неосновательные.

Я родился в гор. Череповце в самый день рожденья моего отца. Гости прохаживались по пикендрясам и червоточинам у отца моего, который был тогда предводителем дворянства

(он был предвод[ителем] сряду 3 выбора по 3 года), когда я явился на свет, что сейчас же, разумеется, и было спрыснуто приличным образом.

Читал я, помню, журнал «*Звездочку*», Жизни Суворова [2], Потемкина [3] и др. Захлебывался повестями *Чистякова* [4]. Позже читал путешествия Дюмон Дюрвиля [5] и др.; Тургенева прочел поздно. На «Записках охотника» забыл сон и еду; помню, что всю книгу *съел* в несколько часов, а потом принялся за нее снова. «*Отцов и детей*» считаю лучшей вещью. *Толстого* ставлю очень высоко. У *Достоевского,* кроме «*Мертвого дома*», не вижу глубокохудожественных вещей. *Гоголь* — гениальный писатель этюдов, не совладавший с высоким творчеством. *Островский* [6] односторонен. Умилялся и до сих пор умиляюсь над «Семейной хроникой» *Аксакова* [7]. Вот приблизительно все [8].

В. В[ерещагин]

Есть еще немного времени, поэтому припишу: в юношестве, т. е. по выходе из корпуса, я много читал и в Питере и, в особенности, в Тифлисе, да и после того. Проглотил большую часть изданных тогда популярных книг — *Бюхнера* [9] «Сила и материя», *Люиса* [10] «Физиология», *Дарвин* [11], *Ляйелль* [12], *Бокль* [13] и проч. Думаю, что этими книгами, которые я читал с толком, я образовал себя более, чем всем корпусным зубрением [14].

Забыл сказать Вам, что Пушкина я считаю ниже Гоголя по наблюдательности типа, но выше по творчеству, каковое есть также у Толстого и Тургенева (хотя и в меньшей степени), Грибоедов опять-таки гениальный *типист*, но не *творец*.

У Жемчужникова не мои, а брата Александра этюды, все равно можно их послать. В счет долга Жемчужников уплатил не много, хотел раз уплатить 500 руб[лей], да раздумал, взял назад; если было, не помню, сколько именно. Разумеется, отдам ему. Издайте книжку-то!

В. В[ерещагин]

Как это Вы повторяете ошибку других, полагая, что я работал в мастерской Горшельта. Зная меня, как можно думать, что, будучи *на ногах,* пойду к другим толкаться. Я нанял в Мюнхене мастерскую, но говорил Горшельту, что она очень дурна; за несколько дней до его смерти мы должны были итти смотреть, т. е. искать, мастерскую для меня, но по его болезни не пошли. «А вот такая, как эта, нравится Вам?»,— спрашивал он меня в этот последний мой приход к нему — разумеется, отвечал я, но где такую найдешь (у него была

чуть ли не лучшая мастерская в городе). Он ничего не ответил, но сказал своей жене (как она мне говорила после его смерти), что когда его назначат профессором и он получит мастерскую в Академии, то *эту* отдаст мне. Вот почему из 50 кандидатов жена его предложила мастерскую мне. В субботу, назначенный для наших исканий день, пришел его мальчик, сказал, что *папа не может итти, потому что нездоров,* а в понедельник он умер. У меня его последнее письмо, нацарапанное на карточке: *ne venez pas chez moi je suis indisposé* [15]. Он уже был назначен профессором Академии.

Сейчас прочитал Ваш вопрос Лизавете Кондратьевне.

Пишу Лизав[ете] Кондратьевне, чтобы сейчас же послала английские статьи.

Что Вы ничего не пишете об издании книжки моей, неужели еще не издана, стыдно Николаю Петровичу!

Что касается *Брандта* [16], у которого я, по словам каких-то умников, будто бы тоже занимался, то за все 3 года он был у меня раз 5, да я у него был раз 5, и уже, конечно, он больше высмотрел у меня, чем я у него; при таланте он рутиннее Горшельта и не пишет, а печатает красками.

1883

370. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Агра,
6/18 января [1883][1]

Только один [....] Боголюбов мог соврать Вам, что я сам нахожу последние мои картины неудачными, не допускаю, чтобы кто-либо другой мог так соврать. Дело не в картинах моих, а в том, что я ничего подобного не говорил и не думал. Эти картины, как и прежние, имеют и свои достоинства и свои недостатки. В Вене, Берлине и др[угих] городах они *более других* обращали на себя внимание. Менцель[2], напр[имер], которого я считаю лучшим художником в Европе, не иначе говорил о «*Перевязочном пункте*», как высоко поднявши палец кверху! (Кстати, знаете ли Вы этого художника? Преоригинальный и преталантливый[3].)

Разумеется, мраморы Гейнса совсем не то, что у Жемчужникова, у которого были только обломки самые ничтожные. Жемчужников купил лишь «*Всадника*»[4], другие 2 типа были ему подарены, и хотя он по деликатности возвращает их, но я выплачу их ему, как только будут деньги; надеюсь повидать его в Ментоне. Думаю сделать выставку в Москве[5], так как в небольших городах невыгодно выставлять, а в Америку раздумал ехать — денег *нема*, а там надобно вносить таможенные залоги, а то и всю пошлину платить. Уверен, что Вы написали интересную биографию, жаль только, что не могу просмотреть[6], при Вашей *пылкости* Вы, верно, ударитесь в какую-нибудь неверность, если она только подойдет под составленное Вами мнение.

Конечно, сюжеты индийские не интересуют меня, хотя, впрочем, есть *один,* для которого я главным образом и поехал сюда; этот, впрочем, проберет не одну только английскую шкуру[7].

Как теперь поедешь по России, ведь заедят становые да урядники: зачем это пишешь, зачем то говоришь или думаешь, почему не был у исповеди и причастия и т. п. Фармазон, студент, нигилист[8].

Беда моих картин, и в особенности последних, та, что писанные в моей огромной мастерской, они рассчитаны на большое расстояние, и смотреть их нельзя ближе, как с 5—6 аршин.

Если Вы просили Гупиля прислать оттиск, то натурально, что он не мог сделать этого, так как гравюра не окончена, но по заказу Вашему он может ее окончить (я полагаю) или дать Вам фотографии. Только фотографии деланы для гравюры и смотрят не в ту сторону. Вы скажите мне, что̀ нужно написать Гупилю, хотя я предпочитал бы дать только дозволение мое, ибо совсем измучился с Гупилями и не разошелся, а просто бросил всю эту историю с гравюрами и фотографиями, вытягивавшими мои жилы.

Этюды, Александру Васильевичу принадлежавшие, думаю, можно послать в Париж, также и туркестанские вещи, только тихонько, если можно, морем (хорошенько уложивши), чтобы было недорого.

Неужели Никол[ай] Петрович еще не издал книжку? Какой же она будет иметь интерес. (В моем разговоре с резидентом Сиккима об *Юнг Богадуре* вместо слов «Юнг Богадур уже *умер*» поставьте «*болен*».) Эк Минаев соврал, разбирая книжку, сказавши, что Сиккимское королевство простирается с севера на юг всего на 6 верст — около 40 или 50 английских миль!

До свидания.

В. В[*ерещагин*]

Не ошибитесь — это последняя страница. Кстати, что это Вы все ругаетесь, или легче? Чтобы получить снимки с моей картины или с моих картин, Вам надобно велеть *окончить* доски, т. е. заплатить за них, кажется, 3000 ф[ранков] за доску, затем за экземпляр гравюры Вы заплатите, кажется, 9 фр[анков] (если не ошибаюсь), т. е. за 1000 экземпля[ров] 9000 фр[анков]. Гравюры громадные, «*Перед атакою*», кажется, лучше, чем «*После атаки*». Эта последняя сера и монотонна. Как видите, это вскочит Вам в копейку.

371. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Агра,
11/23 февраля 1883[1]

Ваше сверх штата ругательное письмо получил. Не имею перед глазами Ваших писем, но ручаюсь, что в каждом есть распекания и не по одному, между которыми есть и фельдфебельские, есть и просто желудочно-кишечные. Я не нахожу

ничего странного в том, что при этом в Вас есть многие прекрасные качества.

До свидания, скоро буду в Москве и, может быть, в Питере.

В. В[ерещагин]

372. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[16/28 марта 1883][1]

Пожалуйста, Владимир Васильевич, велите поскорее перевести эту статью на немецкий язык. Вы говорили, что у Вас есть в виду очень хороший переводчик. Надобно будет послать потом переводы в Berlin V. d. Heidtstrasse, Herrn Paul Lindau. Это издатель «Nord und Süd»[2], просивший у меня давно уже что-нибудь для своего журнала. Если будете иметь время, пробегите статью и скажите, не бросится ли Вам в глаза что-нибудь шероховатое. Я скоро буду в России и надеюсь прочитать перевод перед его отправкою. Проеду в Москву, а потом проберусь и в Питер, где мне нужно сделать несколько этюдов.

Я писал Д. В. Григоровичу, просил его спросить П. П. Демидова, желает ли он непременно приобрести те 3 картины, которые хотел иметь. Ответа не имею; если Григорович не может почему-либо это сделать, не спросите ли Вы Демидова? Он хотел иметь «*Софийское шоссе*» (трупы, вороны, телеграф, снег), «*Пикет на Дунае*» (Казак кавказский) и «*Башибузуки*»[3]. Пожалуйста, черкните ответ в Москву, в гостиницу «Берлин».

Как буду в Питере, попрошу Вас указать знакомого фотографа, нужно мне будет снять кое-какие местности в городе[4]. В Песте[5], кажется, и пресса и публика были очень любезны, достопочтенного брата моего носили на руках, ублаготворяли и едою и телесами и проч. Зато какой-то журнал в Праге прямо обозвал меня нигилистом.

До свидания.

На всех не угодишь.

В. В[ерещагин]

373. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

1 апреля 1883[1]

Пожалуйста, Владимир Васильевич, попросите нашего немца-переводчика притти хоть завтра, после полдня, к Вам в библиотеку или ко мне в гостиницу прочитать перевод. Чем

больше он прочитает, тем лучше, тем менее придется посылать мне в Москву, а главное, тем более я переправлю по соглашению с ним, хорошо понявши дело.

Я пишу кляузы, почему и не буду сегодня у Вас [2].

До свидания.

В. Верещагин

374. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

6 апреля 1883 [1]

Тоньолати [2] рекомендован мне Владимиром Михайловичем Жемчужниковым еще в 1880 году для той продажи, которую после взял на себя Григорович. Теперь, когда Д[митрий] В[асильевич] не мог заняться этим, я вспомнил о Тоньолати, и Григорович совершенно одобрил это. После первого же моего свидания с этим молодцом я сказал Д[митрию] В[асильевичу], что физиономия эта кажется мне отталкивающе-мошеннической, на что он возразил мне, что смотреть на это не нужно, так как это *делец*. Григорович обещал по моей просьбе сказать Т[оньолати] крепко-накрепко, чтобы он не плутовал, и если Вы действительно знаете этого барина за плута, то скажите Д[митрию] В[асильевичу] еще раз, чтобы он погрозил ему. Впрочем, дело так чисто, что плутовать тут довольно трудно. Он должен получить 10% с продажи, зато я избавляюсь от необходимости торговаться с Павлом Михайловичем и другими, которые вздумали бы купить что-либо из моих картин. Не забудьте, что я никого не знаю, кроме Третьякова и проныры Боткина, — этот последний даже не серьезный покупатель картин, а просто собиратель ярлыков разных иностранных фирм.

Т[оньолати] знает всех и, надеюсь, оповестит всех о продаже [3].

Вот мои резоны, жаль, если я ошибся, напрасно Вы не посоветовали чего-либо лучшего.

В. В[ерещагин]

375. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

8 апреля 1883 [1]

Между нами: каков Николай Петрович! когда я предложил ему взять за свой труд немного денег, то он спросил меня, не сошел ли я с ума, а теперь пишет, предлагает *платить ему рисунками,* которые-де мне *ничего не будет стоить сделать.* Ой, ой, какой ловкий господин!

Если Вы утечете смотреть[2] в 10-й раз Веласкеза[3], не посмотревши в первый некоторых моих картин, то я не шутя буду думать, что Вы не интересуетесь более развитием современного искусства. Не примите это за зазывание Вас. Коли Вам все-таки не время, то стремитесь к голубым небесам и к черным полотнам.

В. В[ерещагин]

376. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

12 апреля 1883[1]

Кажется, здесь озлились на мою цену — 5 коп[еек][2]. Долгоруков[3] хотел приехать, назначил время и не приехал, когда стала известна эта обидная цена; конечно, его уверили, что тут кроется пропаганда и проч. — чорт бы побрал всех идиотов и мудрецов. Собко тоже обижен тем, что я предлагал ему на чай. Это он называет так мое предложение денег за потраченное время, а между тем он же просил у меня право воспроизвести некоторые из моих рисунков, и я дал ему это право, и он принял его — как будто это не те же деньги. Мало того, ослышавшись, он утверждает, что я обещал ему сам рисовать для его изданий, что уже чистый вздор и прибавляет предположение, что, может быть, я сказал это только для того, чтобы что-нибудь сказать — что глупо и тупо.

Пожалуйста, не просите более ничего делать для меня эту Канчингу[4] самолюбия и обидчивости, можно заболеть от его рассуждений и доказательств.

Даже прибавляет внизу

Прощайте.

Палата ума, да и только!

До свидания.

В. В[ерещагин]

377. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

13 апреля [1883][1]

Собко, изрыгнув на меня всяческую хулу и поношение, снова принялся помогать[2] мне — чудак! Покажите ему, пожалуйста, эту прибавку к каталогу. (Скажите мне Ваше мнение, уместна эта прибавка или нет.) В иллюстрированном каталоге перебиты последние №№, надобно только выкинуть 22 № «Допрос» и оставить старые 21 и 23, как они были[3].

Кажется, начинают интересоваться выставкою. Совсем новую *сцену индийскую*[4] очень все хвалят — что же Вы мол-

чите, чорт побери! Или уж теперь все думаете об одной Испании?

До свидания.

В. В[ерещагин]

Третьяков просто невозможен, просто наивен, хотя и мил.

378. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

14 апреля 1883 [1]

В прибавке к № 3 измените, пожалуйста, так начало: «Утром 30 августа 1877, еще хромой, от шалости на Дунае, я тащился с места ночлега, по дороге к нашим позициям под Плевною, когда...» и проч. и проч.[2].

В первый день у нас было днем около 1000, а вечером свет не был готов.

Второй день днем 1300 — вечером 1200. Что мне делать с вечерами — не придумаю, увеличить цену не хочу, а давка такая, даже неприятно — боюсь и думать, что будет дальше, на праздниках.

Сам слышу, как дети говорят на улице: «пойдем за пятачок», или: «побегу, всего гривенник». Не милое ли и не великое ли это дело — пятачковый вход? Когда наши художники, роющие артезианские колодцы, дороются до этого — и денег и чести будет больше. И в Париже франки за вход глупы, а здесь они преступление со стороны мыслящих людей.

«Цивилизация» [3] просто озлилась на 5 коп[еек]. Один говорил брату Николаю: «Что это за популярничанье, я понимаю, что кн[язь] Долгоруков не захотел приехать... Я пойду, но пойду не картины смотреть, а пятачковую публику...» Что и требовалось доказать! La plus belle fille ne peut donner... etc. etc [4].

До свидания.

В. В[ерещагин]

Книжек [5] Стасюлевичу [6] закажите хоть не 5[000], так 3000; в 2 дня продано 40 с лишком штук.

379. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Москва, 17 апреля 1883 [1]

Вы можете считать меня хоть полоумным, если Вам это угодно, но выдумывать на меня небылицы, пока я еще жив, не должны; когда, какой таинственный и трагический смысл

придавал я словам Собко? Ему буквально померещилось, что я обязался поставлять ему рисунки для издания, которое он хочет сделать [2], и, несмотря на то, что я уверял его в ошибке, он продолжал настаивать, мало того, написал, что я, должно быть, сказал это только для того, чтобы что-нибудь сказать — это ли не дерзость? Письмо [3] его крайне резко. Оборванное «*прощайте*» в конце письма просто нелепо, а Вы пишете мне, что я говорю нелепость. Какую такую *целую махину* хотели Вы мне прописать по поводу всего этого? Чорт меня побери совсем, если я Вам дозволю *прописывать мне махины* — ни теперь, *ни когда-нибудь при случае*, наверное. Умерьте *Ваши фантазии* и выкиньте из головы то, *что Вам мерещится.*

Я получил конец биографии моей, писанной Вами, и нахожу, что крупных ошибок тут меньше, чем в первой части, но есть некоторые просто необъяснимые, напр[имер] утверждение, что я не был 30 августа под Плевною — да где же я разыскивал Сергея? Где же я видел государя со свитою на горке? Где все мои рассказы Вам об этом дне [4].

В. В[ерещагин]

Почему Вы писали мне, не один раз, зачем я поехал в Индию, *что меня может там интересовать???*

Я обещал Собко дать право воспроизвести мои рисунки в его издании — только.

380. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[18 апреля 1883] [1]

Не только мне, даже Лизавете Кондратьевне, Вы писали: зачем я еду в Индию, что меня может там интересовать? Теперь пишите мне, что я *тычу Вам в глаза Испанией,* что *никому нет дела, куда Вы едете или не едете,* что *Вы никогда не говорили мне, зачем я еду туда или сюда!* напр[*имер*], *зачем я еду в Индию, да еще 2 раза, тогда как не надо бы было ездить туда и один раз. Ведь я этого никогда не говорил?* — пишете Вы мне. Говорили, говорили, писали, писали и не один раз говорили и писали даже, зачем я пишу ту или другую картину и проч., но я на это не сердился и не находил, что Вы мне *тычете в глаза*, хотя это было что-то близкое к тому.

Успокойся, мой бедный пионер... [2]

В. В[ерещагин]

381. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

6/18 августа 1883[1]

Получил письма от Вас и от Собко с просьбами отдать поскорее вещи Александру Васильевичу. Ваше письмо говорит об этом весьма скромно и осторожно, г[осподи]н Собко же просто требует. Вот мои объяснения только для Вас, но, если угодно, можете показать их и Собко. Александр — плут и мошенник, еще маленьким он сколачивал капитал, позволяя бить себя за деньги, по гривеннику за удар; потом в юных летах буквально обокрал отца и мать (у меня есть письмо отца, в котором тот жалуется, что обманут). Кроме того, можете узнать, что желаете, у брата Николая, очень честного человека. Я полагал, что Александр исправился, но оказалось, что он и меня хотел обокрасть, требуя проценты с продажи картин, — продажи, в которой он нимало не участвовал. Надобно иметь казачкое нахальство, чтобы при таких данных разыгрывать угнетенную невинность. Знаете ли Вы, что это животное, т. е. Александр (по словам моего брата Николая, постоянно сосущий 2 маток), уговаривал меня в Москве притти в сад «Эрмитаж», чтобы помириться с Сувориным! да как настойчиво! и это потому, что он ухаживал за Сувориным для своей будущей книжки. Он передавал мне от имени Суворина, что тот хочет писать мою биографию, «которая будет получше Стасовской», и что «со Стасовым-то потом мы справимся». Мне гадко и противно писать Вам все эти подробности; как досадно, что порядочный человек может слушать истинного негодяя. Плут Александр очень хорошо знает, что часть подаренных им мне вещей, также и Лизавете Кондратьевне, уже отослана ему, а остальная, т. е. коллекция туркменская, будет возвращена наверное, тем не менее он корчит ограбленного. Надобно Вам сказать, что вещи эти он достал специально по моей просьбе, для меня, и *я сам теперь не хочу их иметь у себя*. Не может же он думать, что из-за этого тряпья я перерою все мои 30 ящиков, сваленных в кучу, — да я рам переколочу на большую сумму. В октябре — ноябре, когда вынуты будут все мои вещи, отдадутся ему и туркестанские, которыми он, по словам его письма, «при нынешнем состоянии своих финансов не может брезгать».

Дело в том, что Александр задумал жениться на таганрогской купчихе, с которою встретился в Пеште, сделал предложение и получил обещание ответа *да* или *нет* нынешним летом. У них было условлено принести с обеих сторон по равному капиталу. но так как у Александра в таковом был силь-

ный недохват, то он просил меня дать ему денег, *показать отцу невесты*! — я не только отказал, но еще назвал его за это свиньей и прохвостом. Тогда он задумал требовать с меня проценты с продажи картин, при которой он присутствовал, тогда как я всегда выговаривал продажу картин в России из всяких условий и теперь поручил ее Тоньолати, так как Александр ничего не продал бы. Впрочем, невеста его, вероятно, осведомилась, что у него ничего нет, и отказала ему. Он корчил из себя в Пеште барича, бросал деньги и фотографии, в которых на несколько сот не дал мне до сих пор отчета; рассказывал невесте, что он имеет несколько тысяч в год, 6 или 7! и проч. — зачем!

Это истинный прощалыга, бросающий деньгами для шика, а потом ищущий, какими правдами и неправдами наверстать капитал. Из *Пешта* в *Москву* за картинами он ехал *через Париж,* чтобы там 2 дня пожуировать, — и так он делал не один раз! — а потом уверял, что не довольно получает денег с выставки. Теперь он ищет невесты с капитальцем и сам непрочь раздобыться деньжатами на мой счет. В казаках ему нельзя было оставаться, его выживали товарищи, и дело было дошло до дуэли во Владикавказе. Делать он ничего не может, при этом подл, глуп, но хитер, что, впрочем, присуще всем неумным людям. Мои отношения с ним, наверное, кончены, пусть он перенесет свою нежность на Собко, который просто грубо заступается за него.

Не можете ли послать мне собранные Собко и мною ему посланные статьи, к нему я никогда ни за что более не обращусь, так как он позволил себе счесть меня за грабителя. Пошлите по тому же адресу: Maisons-Laffitte.

До свидания.

В. В[ерещагин]

Пошлите, пожалуйста, и клише, находящиеся у Собко.

Подумайте, что я переправил всю книгу Александру и возился с ним, как с маленьким, уча его каждодневно писать без писарского шика [2].

Не знаете ли, как зовут Стасюлевича?

382. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[6/18 августа 1883] [1]

Чтобы Н. П. Собко видел, как смешно он поступил, *требуя* от меня *немедленно* вещи А[лександра] В[асильевича], дайте ему, пожалуйста, прочитать помеченные карандашом

выдержки из писем[2] честнейшего приятеля нашего, — может быть, Собко воздержится другой раз вмешиваться, да еще так настойчиво. Вы просто были обмануты А[лександром] В[асильевичем], и Ваша заметка об этих вещах очень осторожна и коротка.

Будьте добры передать Кречмеру[3] 50 рублей, полученных из редакции «Nord [und] Süd», я получил за статью 300 фр[анков] и за удержанием 50 рубл[ей] за перевод отослал остальные назад этим прохвостам, позволившим себе *переменять имена* в моей статье. На остальные 50 рубл[ей] вышлите, пожалуйста, мои деревяшки и клише, а также статьи для сборника. У меня был Матэ, который, мимоходом сказать теперь, сделался гораздо скромнее, чтобы узнать, что еще нужно гравировать, но, не зная статей, я не мог дать ему ответа. Прилагаемые выдержки писем А[лександра] В[асильевича] будьте добры прислать потом обратно. Еще после этих писем А[лександр] В[асильевич] просил дать ему рисуночков!

В. В[ерещагин]

Матэ хорошо награвировал мне.

383. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[7/19 августа 1883][1]

Владимир Васильевич, я болею, в постели, мне нужно как можно более покоя. Попросите от себя Собко не писать мне ничего, тем более об негодяе Александре.

В. В[ерещагин]

384. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

20 августа/1 сентября 1883[1]

Сколько помнится, Вы же говорили, что 50 рублей довольно за переводы: сожалею, что взял из денег Линдау так мало и, разумеется, попрошу Вас дополнить из посланных. Спросите, пожалуйста, Кречмера, не хочет ли перевести статьи сборника?

Я согласен дать 3 рисунка, ибо уже раньше говорил Собко, что в отплату за его труд, так как он не желает денег, предлагаю ему воспользоваться в случае надобности кое-каким из моих рисунков, так что если ему и еще понадобятся, то может взять, но писать ему и просить о чем бы то ни было больше не буду, ибо нахожу его дерзким и занос-

чивым. Он перенял Ваши резкие манеры, но не перенял ни Вашего таланта, ни Вашей способности к труду; без году неделю работает, а важничает не приведи бог как; иное дело расстроенные нервы от усиленных занятий и иное дело боль в спине от [...] или по наследству. И чорт меня дернул связываться с Собко, право, это Вы меня сунули ему в руки, лучше бы прямо сказали, что нет времени, на нет и суда нет. Вот уж *полгода*, что он *ищет* моих статей и, по его же словам, не все еще нашел, так как недавно открыл новые, а теперь, как Вы говорите, потерял или говорит, что потерял. Ведь, помнится, о переписке этих статей у нас шла с Вами речь чуть не 10 лет назад [2]. Есть статьи в *«Голосе» 1867—1868* года; в «С.-Петерб[ургских] Ведомостях» — *1866*; в «Р[усском] Инвалиде» — 1868, вот и все, коли не можете велеть списать (за хорошую плату), то постараюсь все сделать сам, когда приеду, хотя это и замедлит издание книжки.

Матэ бывает у меня иногда; он стал весьма скромный, гравирует хорошо, даже читает немного — это успех!

Я в больнице, у хорошего доктора, грудь сильно простужена.

Мне дают души, каждодневно моют желудок, дают электрические ванны — только держись, знай, душа в теле!

385. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург],
20 сент[ября 18]83 [1]

Как я писал и в последнем письме, для Вашего *«Сборника»* [2] списывание идет аккуратно вперед, и, вероятно, скоро все будет кончено. Эта же молодая курсистка по моему поручению пересматривает лист за листом все указанные Вами года газеты. Из *«Всемирного Путешеств*[*енника*]» мы ничего не списывали, ни единой строки [3].

«Обер-Аммергау» я тоже отдал списывать и полагаю, что надо будет также переписывать: 1) *«Всех духоборцев»*, так как там не мало вставок на полях и перемарок, 2) *«Рассказ охотника»*, потому что он писан такими выцветшими чернилами, которые трудно будет типографии разобрать. Согласны Вы?

В цензуру вовсе не нужно представлять Вашего «Сборника», так как свыше 10 листов печатается без цензуры, а мне кажется, у Вас будет больше 10 листов. А если понадобится представить, представим [4]. Я думаю, что статью, переведенную Кречмером, можно будет напечатать, выпустив

лишь кое-что. Какие у Вас есть еще статьи о Турецкой войне — присылайте или привозите, как удобнее будет.

По поводу смерти Тургенева, сукин сын и мерзавец Суворин опять «с похвалой» поминал Вас в «*Письмах к другу*» — опять, каналья, заигрывает и затушевывает [5]. Но если и во время выставки он будет опять продолжать притворяться, то выведу снова на чистую воду. Какая противная скотина!!

Я теперь довольно здоров, хотя спина все попрежнему побаливает. Конечно, я очень благодарен Вам за рекомендацию той лечебницы, где Вы теперь с Матэ, но мне не придется там быть, *во-первых,* потому, что мне теперь недурно, а *во-вторых*, потому, что больше никогда и никуда не поеду, ни здоровый, ни больной [6]. Баста! Буду до конца дома сидеть. До свиданья.

В. С[тасов]

386. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

8/20 октября 1883 [1]

Лизавета Кондратьевна просит Вам сказать, что Вас[илий] Васильевич теперь почти здоров, был сильно простужен грудью, а главное, кажется, хромал нервами.

Посылаю Вам на днях несколько статеек для сборника, в который придется взять не все из того, что у Вас есть, а *посылаемые теперь статьи — «Духоборцы», «Молоканы», «Мусульманская процессия* в Карабахе» и *2 статьи* туркестанских. Если уйдет, то *«Рассказ охотника»* также [2]; все же остальное отложите до следующей книжки, когда напишу продолжение «Дуная», теперь посылаемого, т. е. «Госпиталь», «Плевна» и проч. Пожалуйста, просмотрите мои статьи, нет ли в них чего обидного, напр[имер] для казацкого офицера Винкова, казацкого полкового командира Кухаренко, мошенника, и других. Если найдется что, то можно вместо фамилий поставить букву. Задержалась отсылка статей, потому что Матэ не доставил всех оттисков деревяшек, без чего набирать нельзя, теперь же, когда размеры всех рисунков будут приложены, то можно, полагаю, отдать Стасюлевичу.

Французы кое-что выпустили, как неприличное для детского журнала в «Le Tour du Monde», вероятно, в русском тексте вернее. Впрочем, и «Петерб[ургские] Ведомоси» и «Голос», помню, выпускали. Не понимаю Вашего зарока никуда более не ездить; так как Вы человек еще крепкий, то можете прожить долго и неужели безвыездно? [3]

В. В[ерещагин]

До чего нелеп брат мой, Александр Васильевич, не можете себе представить. Задавая шику в Пеште, около своей невесты (которая уже прислала ему отказ), он направо и налево бросал мои фотографии целыми альбомами и отчет в них *отказался дать*; теперь я получил от фотографа счет в 20 000 франков? и не знаю, что делать. Если бы не Яков, бывший свидетелем того, как всякий, поклонившийся г[осподи]ну полковнику, получал от него по альбому и по 2, то я просто подумал бы, что железная дорога потеряла мне на 6—8 тысяч фотографий. Собко прислал Лизавете Кондратьевне нелепое письмо *с жалобами на то, что я заставлял его терять время и деньги*. Это после того, что я предлагал ему плату деньгами или деревяшками.

387. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

24 октября/5 ноября 1883 [1]

Прикажите, Владимир Васильевич, начать набирать «*Сборник*» отдельными статьями, хоть теми сначала, где указаны рисунки; у меня есть еще для печати продолжение поездки в Гималаи, так что надобно будет очень торопиться печатанием [2]. Я пробуду в Питере недолго, ворочусь писать картину и собираться на Восток.

До свидания. Буду скоро.

В. В[ерещагин]

Пожалуйста, ни брата моего, ни Собко не просите делать для меня что бы то ни было.

Статьи о городе Ташкенте, школах, базарах и проч. можно тоже набирать. «Духоборцы», «Молоканы», «Религиозное торжество в Шуше» — также.

Если Вам некогда, подождите меня.

388. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[1 ноября 1883] [1]

Пожалуйста, Владимир Васильевич, узнайте в цензуре, не пришли ли клише [2], если *нет*, я посылаю при сем прилагаемую телеграмму.

До свидания.

В. Верещагин.

Яков сообщил мне, что у Вас есть счет фотографиям, розданным и разбросанным на огромную сумму, пожалуйста,

сообщите мне эти счеты [3]. Я считаю, что в одном Пеште брошено направо и налево, без всяких счетов, на *тысячи* франков.

389. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

3 ноября 1883 [1]

Клише пришли и отправлены к Бенке [2] (клише лежат здесь у Якова уже давно!). Пожалуйста, пришлите хоть с подателем те статьи, что у Вас остались в папке [3].

В. В[ерещагин]

390. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

3 ноября [1883] [1]

Владимир Васильевич. Я живу теперь в «Grand Hôtel» [2], где нашел хорошую большую комнату вместо душной, мрачной, что была у меня в гостинице «Париж»: в этой каморе, на невозможной постели, а главное без воздуха, *я не спал три ночи.* Посылал и в гостиницу «Париж» узнать, нет ли там Вашего портфеля, ни там, ни здесь нет, так что *я до сих пор не имею в руках статей,* что, Вы говорите, посланы. В ящичке клише и деревяшки пештских гравюр, но американские так и сгинули; так как «Дервиши» печатались последний раз в Дрездене, кажется, то, должно быть, А[лександр] В[асильевич] посеял их где-нибудь там.

В. В[ерещагин]

Завтра еду с О[стен]-Сакеном к иерусалимскому нашему консулу потолковать о поездке [3].

391. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[3 ноября 1883] [1]

Итак, ни Вы мне, ни я Вам — ни слова более ни про Собко, ни про моего брата, *ни про его вещи.* Это единственное средство к продолжению наших сношений [2]. Бенке только что послал Вам или посылает корректуру.

Барыня [3] ошиблась в переписке, статья от Петербурга до Ташкента № 1 — *не моя,* беды в том нет, так как другой, моей, нет. При случае черкните адрес Болдырева [4].

Боткин нашел у меня расширение сердца.

Нотовича [5], кажется, притянули в Главное управление [6] за печатание моей статьи [7], кажется, в «*Дунае*» [8] ничего нет. Если Вы что найдете неладным, подчеркните.

В. В[ерещагин]

392. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[Около 4 ноября 1883] [1]

Я смотрел уже тот лист, корректуру которого Вы держали.

[....] Годов не надобно ставить, потому что я сам их верно не знаю.

Е[го] в[еличество] можно, полагаю, оставить [2].

Если возможно, сообщите адрес фотографа, снимавшего «Перевязочный пункт» по заказу Собко. [....]

В. В[ерещагин]

393. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[Около 5 ноября 1883] [1]

Я уже говорил Вам, что более не приму ни слова от Вас ни об Александре Васильевиче, ни об его счетах, ни об его вещах, требование которых *сразу двумя письмами* [2] *от Вас и от Собко* показалось, да и теперь кажется мне просто нелепым. Уже давным-давно было мною приказано Якову отобрать эти вещи по приезде и передать, и вдруг такая нелюбезность с двух сторон, со стороны Собко даже в грубой форме.

Я уже раньше хотел предупредить Вас *кое о чем,* но сказал себе, что *не должен, не имею права* мешать Вас в разные счеты и дрязги. Вот как я рассудил. Вы же поступили иначе и пеняйте на себя, если я Вам преподнес то, что у меня накопилось.

Вы не должны были после вчерашнего посылать новый счет с более или менее исправленными цифрами того же автора, и если я не посылаю Вам Ваших вчерашних милых выражений, исправленных и дополненных (что мне ни копейки не стоит), то только потому, что не читал это новое про-

изведение досужей фантазии нашего общего знакомого — утверждаю это честным словом, — пусть оно возвратится девственным к своему источнику.

«Молоканы» я тоже исправил. Выражений новгородско-вологодских Вы, должно быть, не знаете. *Иде, быде*, хоть и не значится в Академическом словаре, у нас говорится.

Ламу тоже оставьте, это из десятых рук дошедшее название настояний ламы, самки.

«Ворожеи нам срушны» Вы поправили на сручны, что тоже не по-мужицки, мужик у нас всегда говорит «срушно». Аминь о первом; черкните, коли что, о втором [3].

В. В[ерещагин]

Псалмы я велел напечатать в приложении [4].

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ

1879

206

К письму 10/22 января 1879 г.

[1] Год «1879» установлен по содержанию письма.

[2] Верещагин писал Стасову из Парижа 25 ноября/7 декабря 1878 г., что он предполагает выехать на днях и побывать на Шипке. Из Парижа Верещагин проехал в декабре в Петербург, где пробыл некоторое время, и через Москву и Раздельную (откуда он писал Стасову 22 декабря) приехал к новому, 1879 году в Болгарию.

[3] Янков В., которого после сражения у Шейнова похоронил В. В. Верещагин.

[4] «Контуар д'эсконт» — название французского банка в Париже.

[5] Левый угол письма оторван. Вероятно, там была обычная подпись Верещагина: «В. В.», первое «В» оторвано, и осталось только второе «В».

[6] Бородин Александр Порфирьевич (1833—1887) — гениальный русский композитор, один из участников «могучей кучки» (кружок, объединявший прогрессивных, демократически настроенных композиторов новой русской музыкальной школы). Автор оперы «Князь Игорь», трех симфоний (одна не окончена), двух квартетов, романсов и других произведений. Широкий народно-эпический характер музыки Бородина сочетается с тонким лиризмом; его произведения наполнены светлым, оптимистическим жизнеощущением и глубоким психологизмом. Наряду с русским народным колоритом Бородин создал замечательные образы Востока. Стасов был дружен с Бородиным, высоко ценил его талант, оказывал композитору значительную помощь своими советами и побуждал его к дальнейшему творчеству: он предложил Бородину сюжет оперы, взятый из «Слова о полку Игореве», и написал для нее сценарий. Стасов писал о творчестве композитора: «Талант Бородина равно могуч в симфонии, как и в опере и романсе. Главные качества его: великанская сила и ширина, колоссальный размах, стремительность и порывистость, соединенная с изумительной страстностью, нежностью и красотой». Музыкальная творческая деятельность Бородина сочеталась с его повседневной работой крупного ученого-химика, профессора Петербургской медико-хирургической академии. Вместе с тем он был одним из организаторов Высших женских медицинских курсов.

[7] Музыку А. П. Бородина и М. П. Мусоргского Верещагин слушал на большом музыкальном вечере у Стасова, накануне своего отъезда в Болгарию.

В бытность в Петербурге в декабре 1878 г. Верещагин вместе со Стасовым приехал к М. П. Мусоргскому и познакомился с ним.

Даты знакомства и музыкального вечера у Стасова могут быть установлены по письмам Верещагина к Стасову и письму Мусоргского к Голенищеву-Кутузову *.

---

* Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848—1913) — поэт, впоследствии чиновник; близкий друг М. П. Мусоргского, с которым он

12 декабря 1878 г. Верещагин писал Стасову: «Отложите, пожалуйста, наше собрание до другого раза. Очень извиняюсь перед г. Мусоргским. Еду завтра, т. е. в среду, в Москву и по дороге заеду к брату в Тверь» («Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова», [т.] I, 1874—1878, М., 1950, стр. 257).

В среду Верещагин в Москву не уехал, и 14 декабря 1878 г. он опять пишет Стасову: «Я хочу сходить сегодня к доктору Боткину... так что, может быть, буду не в 8 часов, а несколько позднее — не взыщите» («Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова», [т.] I, стр. 258).

О состоявшемся знакомстве с Верещагиным М. П. Мусоргский писал А. А. Голенищеву-Кутузову: «А теперь вот что, друг: познакомился я с В. В. Верещагиным, он с Вл. Вас. Стасовым прибыл к нам, и исполнялся «Забытый» Вас. Вас. Верещагина, твой и мой. Ты отсутствовал, но близко нами чувствовался — как бы среди нас присутствуя. Это было одно из чудеснейших художественных утр. Конечно, В[ладимир] С[тасов] устроил у себя денька через два, накануне отъезда В. В. Верещагина в Болгарию, большой музыкальный вечер: Верещагин был в большом восторге. «Забытый» — текст и музыка — ему очень по душе, даже глубже: он высказывал, что местами его охватывало нервное чувство. Я надеюсь скоро познакомиться с братом В. В. Верещагина — ты мне говорил о нем. В. В. Верещагин производит на меня самое отрадное, симпатичное впечатление; сила, мощь, деликатность, восприимчивость — урожденный художник силач. Досадно, что тебя, друг, не было при этих незабвенных для меня свиданиях» (Мусоргский М. П., Письма к А. А. Голенищеву-Кутузову, М.—Л., 1939, стр 81) *.

Сопоставление этих писем позволяет предположить, что 12 декабря 1878 г. Стасов и Верещагин были у Мусоргского: состоялось упоминаемое в письме композитора «музыкальное утро». Через два дня, как пишет Мусоргский, т. е. 14 декабря, у Стасова сотоялся музыкальный вечер, по поводу которого Верещагин предупреждал Стасова в своем

несколько лет, в середине 70-х годов, вместе жил; на его слова Мусоргский написал несколько музыкальных произведений. — *Ред.*

* Цитированное письмо Мусоргского автором не датировано. В книге: Мусоргский М. П., Письма к А. А. Голнищеву-Кутузову (комментарии П. Аравина, редакция и вступительная статья Ю. Келдыша, М. — Л., 1939) составители книги датировали письмо: «[Декабрь 1879]». Эта датировка ошибочна. Верещагин уехал в Болгарию 15 или 16 декабря 1878 г. Сборник А. А. Голенищева-Кутузова «Затишье и Буря» издан в Петербурге не в 1879 г., как, тоже ошибочно, утверждается в комментарии на стр. 82, а в 1878 г. В том же комментарии указано, что после поездки с Д. М. Леоновой в 1879 г. на юг (т. е. якобы до написания цитированного письма) Мусоргский поселился у нее на даче в Ораниенбауме. В письме же Мусоргский говорит, что «летом жили в Петергофе»; никакого упоминания о поездке на юг нет.

Драма А. А. Голенищева-Кутузова «Василий Шуйский» («Смута») была выпущена в первые дни 1879 г. На книжке значится: «Дозволена цензурой. С.-Петербург, 9 января 1879». Следовательно, во время написания письма Мусоргским в декабре 1878 г. она еще не была выпущена, а только напечатана, поэтому Мусоргский и «некоторые» другие читали драму в корректурном или сигнальном экземпляре. Это и подтверждается в письме Мусоргского, где он отделяет выпуск от напечатания: «Очень порадовался за твой *выпуск* стихотворений и за *напечатание* Шуйского». Все эти обстоятельства составителями книги упущены или указаны неверно. Письмо Мусоргского о знакомстве с Верещагиным написано годом раньше — в декабре 1878 г., и так его следует датировать.

письме от 14 декабря 1878 г., что придет «несколько позднее». Это, несомненно, и был тот большой музыкальный вечер, о котором писал Мусоргский, устроенный Стасовым для Верещагина накануне его отъезда в Болгарию. На этом вечере Верещагин слушал произведения Бородина и Мусоргского. 22 декабря 1878 г. Верещагин уже писал Стасову из Раздельной (станция в 100 километрах от Одессы, пересадка на пути в Румынию и Болгарию). По дороге он предполагал заехать к брату в Тверь, — следовательно, Верещагин выехал из Петербурга в Болгарию 15 или 16 декабря 1878 г.

Произведение Мусоргского «Забытый» написано на сюжет одноименной картины В. В. Верещагина, сожженной им во время выставки в Петербурге в 1874 г.

Об истории этого произведения М. П. Мусоргского краткие сведения дает П. Ламм: «Забытый. Он смерть нашел в краю чужом». Баллада для голоса с ф[орте]п[иано] на слова А. А. Голенищева-Кутузова. Музыкальная «иллюстрация к картине» В. Верещагина имеет также подзаголовок: «С Верещагина». Баллада написана под впечатлением картины Верещагина «Забытый» (из коллекции его туркестанских картин), выставленной художником на выставке в Петербурге в 1874 г. Время сочинения, согласно перечню сочинений М[усоргско]го 1874—75 г., относится к 1874 г. (осень).

Впервые напечатана в 1874 г. В Бесселем и К° в СПБ (дозв. ценз. 23 ноября 1874 г.). Хотя это издание и было напечатано с разрешения цензуры, но к выпуску в свет допущено не было. Вновь издана в 1877 г. А. Гутхейлем в Москве и впоследствии переиздана в 1877 г. с французским переводом д'Аркура. Напечатана в 1929 г. в академическом издании Музсектора Госиздата, совместно с Универсальным издательством, с немецким переводом Д. Усова (4-й выпуск V тома, № 13). Автографы хранятся в Гос. публ. библиотеке (Ламм Павел, Список произведений и музыкальных работ Мусоргского. В книге «М. П. Мусоргский. Статьи и материалы», М., 1932, стр. 295—296).

8 Речь идет о фотографическом портрете В. В. Верещагина для предполагавшегося издания А. С. Суворина «Les contemporains russes» («Русские современники»).

Издание «Les contemporains russes», очевидно, не осуществилось, так как в книге «Издания А. С. Суворина. 1877—1887» (СПБ, 1887) оно не указано.

9 В статье «Наши итоги на всемирной выставке» («Новое время», 1878, 7 декабря, № 998; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. I, отд. 2, СПБ, 1894, стб. 632) Стасов, передавая после ряда хвалебных статей отрицательные мнения некоторых реакционных иностранных художников, писал: «...подобные люди уверяют, что у русских ничего своего и ждать нельзя, когда у них художники все с иностранными фамилиями: Ге, Коцебу, Бахман, Гун, Леман — точно будто у нас только и есть художников, что вот эти с иностранными фамилиями, или точно будто это и есть самые лучшие и оригинальные наши живописцы».

10 Называя Гуна немцем, а Бруни — итальянцем, Верещагин допускает несомненную ошибку. Основываясь при определении национальности этих художников на несущественных сведениях об их далеких предках, он игнорирует важнейшие, определяющие признаки национальной принадлежности. На самом деле Гун являлся латышским художником, а Бруни неотделим от русской культуры и русской нации.

11 Бруни Федор Антонович (1799—1875) — русский живописец, типичный представитель академического классицизма. Ректор Академии художеств (1855—1871).

Писал картины на библейские, античные и религиозные темы. Один из главных авторов росписи Исаакиевского собора в Петербурге. Автор ряда портретов, а также иллюстраций к русской истории.

Ранние работы Бруни («Смерть Камиллы, сестры Горациев») выражали идеи гражданского долга и доблести, что было связано с настроениями передовых дворянских кругов в эпоху, последовавшую за победой в Отечественной войне 1812 года и предшествовавшую восстанию декабристов. Позднее Бруни стал выразителем консервативных художественных взглядов. Самая известная картина художника — «Медный змий», — а также «Тайная вечеря» и др. являлись выражением позднего академизма и несли на себе печать, кризиса дворянской культуры эпохи разложения крепостничества. Более реалистичными были портреты Бруни.

Бруни, несомненно, обладал большими знаниями основ художественного мастерства: рисунка, перспективы, композиции и т. п. Но его художественные принципы были весьма ретроградны. Они наглядно раскрываются в воспоминаниях И. Е. Репина. Великий художник-реалист, будучи еще учеником Академии художеств, показывал однажды Бруни свой эскиз. Бруни не одобрил представленную работу из-за того, что в ней были изображены «совсем живые», необычайно реально воссозданные кусты зелени и камни, и посоветовал Репину скопировать пейзаж у Пуссена.

В условиях зарождавшегося и развивавшегося в то время в России реалистического искусства Бруни с его догматизмом, идеалистическими эстетическими взглядами и оторванным от жизни искусством представлял собой фигуру, враждебную художественным идеалам Стасова, Репина, Крамского, Верещагина и др. Поэтому Стасов неоднократно отрицательно отзывался о Бруни, о его роли в истории русского искусства. Отживавшему классицизму Бруни Стасов противопоставлял реализм Перова, Репина и других представителей критического реализма в искусстве.

Признавая справедливость критики Стасовым отрицательных сторон академизма вообще, и в частности работ Бруни, в настоящее время нельзя полностью игнорировать творчество этого художника, изучение произведений которого может дать полезные знания законов мастерства.

207

К письму 24 января 1879 г.

[1] Стасов опубликовал письмо В. В. Верещагина к нему от 10/22 января 1879 г. в газете «Новое время» (1879, 23 января, № 1043, без подписи). В публикации он выпустил просьбы Верещагина о подписке на «Новое время», о деньгах, об Орлове и прочем и изменил конец письма следующим образом: «Этюды мои, разысканные Скобелевым в Габрове (те, что были поручены доктору Стуковенко и долго не находились), еще не дошли от Скобелева. А он, милый человек, выслал мне не только казаков, но еще и своего ординарца для сопровождения в снегах по Балканам. Что было нужно для картин — сделал, хотя работал всего 5 дней... Здесь, в Мезон-Лаффитт, очень много снега, все дороги кругом меня занесены, и я чисто-начисто блокирован...»

[2] В. В. Стасов был убежденным атеистом и антиклерикалом.

[3] «Les contemporains russes» — «Русские современники».

[4] Портрет Л. Н. Толстого написан И. Н. Крамским в сентябре 1873 г. Стасов высоко ценил это произведение. «Точно по заказу, — гово-

рил он, — г. Крамской написал тут лучший свой портрет, дал тут на свет лучшее свое создание, и то, что так долго ему не давалось, мастерская краска, талантливость могучего и поразительно прекрасного колорита, тут вдруг откуда-то у него очутились и взяли такую могучую, неожиданную ноту, какие встречаешь у капитальнейших колористов XVII века» (Стасов В. В., Собр. соч., т. I, отд. 2, СПБ, 1894, стб. 581). Портрет Толстого был выставлен в Париже на Всемирной выставке 1878 г. Хранится в Третьяковской галлерее в Москве.

[5] «Декабристы» — неоконченный роман Л. Н. Толстого, над которым он работал в 1863—1879 гг.

Работа над «Декабристами» послужила поводом для начала знакомства Толстого со Стасовым. 11 марта Толстой писал Н. Н. Страхову, своему другу и сослуживцу Стасова: «Стасова... я очень прошу, не может ли он найти, узнать, как (кто решил) было дело повешения 5 [декабристов]; кто настаивал, были ли колебания и переговоры Николая с его приближенными». 28 марта Страхов передал Толстому, что, узнав о просьбе Толстого, Стасов «изъявил величайшую готовность и через несколько дней пришлет к Вам». После того, в последних числах марта 1878 г., Толстой пришел к Стасову в Публичную библиотеку.

Свои впечатления от начавшегося знакомства Стасов изложил в первом письме к Л. Н. Толстому, написанному 31 марта 1878 г. Это письмо послужило началом обширной переписки Стасова и Толстого, продолжавшейся 28 лет — до смерти Стасова.

В. В. Стасов в 1878 г. и в первые месяцы 1879 г. разыскивал и посылал Л. Н. Толстому в Ясную Поляну большое количество важных для писателя архивных материалов, а также книг, характеризующих эпоху декабристов. В числе их была копия записки Николая I «о всем военном и др. обряде, какой надо соблюсти при повешивании декабристов». В связи с ее получением Толстой писал Стасову 9 июня 1878 г.: «Не знаю, как благодарить Вас, Владимир Васильевич, за сообщенный документ. Для меня это ключ, отперший не столько историческую, сколько психологическую дверь. Это ответ на главный вопрос, мучивший меня. Считаю себя вечным должником Вашим за эту услугу».

Стасов чрезвычайно интересовался работой Толстого над «Декабристами». 12 августа 1879 г. он писал Толстому: «Тут было у нас сто нелепых слухов, будто Вы бросили «Декабристов», потому, мол, что вдруг Вы увидали, что все русское общество было не русское, а французятина!?!» («Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка. 1878—1906», [Л.], 1929, стр. 27—45).

[6] Имеется в виду пересылка В. В. Верещагину денег в счет займа, предоставленного Д. В. Стасовым.

[7] Выставка картин В. В. Верещагина открылась в Париже в помещении Художественно-литературного кружка Ст.-Арно 7/19 декабря 1879 г.

[8] В газете «Новое время» с 11 по 28 июля 1878 года, в №№ 849, 851, 852, 853, 854, 856, 860, 861, 863, 864, 865, 866, на первой странице и один раз на четвертой печаталось объявление:

«*В. В. Верещагин*, проживающий в настоящее время в Париже (Avenue Kléber, Maisons-Laffitte), покорно просит доктора *Стуковенко*, которого местопребывание ему неизвестно, доставить ему этюды с натуры (масляными красками и др.), написанные им, Верещагиным, в Болгарии и которые доктор Стуковенко еще в декабре 1877 года обязался немедленно доставить из Плевны в Систово, на квартиру Верещагина. Эти этюды крайне нужны Верещагину для его картин».

[9] Дубасов Федор Васильевич (1845—1912) — адмирал, генерал-адъютант, известный реакционер, участник русско-турецкой войны. Был

московским генерал-губернатором, свирепо подавил вооруженное восстание московского пролетариата в декабре 1905 г.

[10] Баранов Николай Михайлович (1837—1901) — сенатор, генерал-лейтенант, изобретатель, видный чиновник. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в чине капитан-лейтенанта командовал вооруженным пароходом «Веста», а потом вооруженным пароходом «Россия» и успешно действовал против турецких военных кораблей.

[11] «Веста» — пароход, оборудованный во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. для выполнения несложных боевых задач. 11 июля 1877 г. «Веста» под командой Н. М. Баранова успешно вела бой с турецким броненосцем «Фехти Буленд».

208

К письму 27 января/8 февраля 1879 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн (Париж), 9 февраля 1879 г. и Петербург, 1 февраля 1879 г.

[2] Янкова.

[3] Гамбетта Леон-Мишель (1838—1882) — французский умеренный буржуазный политический деятель-республиканец; известный адвокат и оратор, один из организаторов Третьей республики. В 1879 г. был избран президентом Палаты депутатов; в 1881 г. — глава кабинета министров.

[4] В здании законодательного корпуса в Париже.

[5] Т. е. на выставку Петербургского Общества поощрения художников, секретарем которого был Д. В. Григорович.

[6] Шутливое прозвище художника И. Н. Крамского.

[7] «Новь» — роман И. С. Тургенева, написанный в 1876 году.

209

К письму 6 февраля 1879 г.

[1] Слуцкий Яков Александрович — генерал-майор, председатель окружного суда Киевского военного округа.

[2] Вероятно, Шереметев Владимир Алексеевич (1847—1893) — адъютант наследника, ротмистр.

[3] Речь идет о картине И. Е. Репина «Царевна Софья Алексеевна через год после заключения ее в Новодевичий монастырь, во время казни стрельцов и пытки всей ее прислуги в 1698 г.», написанной в 1879 г. Картина находится в Третьяковской галлерее.

[4] Портрет певицы Е. А. Лавровской, написанный И. Н. Крамским в 1878 г., находится в Русском музее.

[5] Мамонтов Савва Иванович (1841—1918) — предприниматель, строитель железных дорог и финансовый деятель; крупный меценат, любитель-скульптор, драматург и музыкант. Вокруг Мамонтова образовался так называемый «мамонтовский кружок» выдающихся русских художников, артистов и музыкантов, собиравшихся у него в Москве и на даче в Абрамцеве, бывшем имении Аксаковых, под Москвой.

У Мамонтовых встречались, гостили и работали Репин, Серов, Врубель, Поленов, Е. Д. Поленова, В. Васнецов, Суриков, Левитан, К. Коровин, Нестеров, Антокольский, Шаляпин, Гартман и др. Ряд построек и работ по устройству Абрамцева был исполнен по эскизам крупных художников. Некоторые художники снимали дачи в живописных окрест-

ностях Абрамцева. Репин писал там этюды к «Крестному ходу в Курской губернии», Нестеров — пейзаж к «Видению отроку Варфоломею», Серов — «Девочку с персиками», В. Васнецов — «Богатырей». В «мамонтовском кружке» проявлялся большой интерес к национальной истории и народному творчеству.

Для домашнего театра Мамонтова и для основанной им в Москве Частной оперы молодые художники — участники кружка — Поленов, К. Коровин, Головин, Врубель, В. Васнецов писали эскизы декораций и рисунки костюмов; Мамонтов руководил постановками опер, они отличались высоким художественным уровнем.

В Абрамцеве Мамонтовым была организована кустарная художественная мастерская, выполнявшая изделия на стилизованные мотивы русских народных орнаментов.

Своими начинаниями С. И. Мамонтов способствовал подъему русского театрального искусства и творческой деятельности русских художников. Однако с 90-х гг. у Мамонтова проявился большой интерес к декадентскому стилю «модерн».

6 Кипсек — роскошный альбом с вкладными оригинальными рисунками художников, гравюрами или репродукциями с них.

Стасов получил сообщение о намеченном издании альбома русских художников от И. Е. Репина, который 1 февраля 1879 г. писал ему из Москвы: «У нас тут делается одна недурная затея. С. И. Мамонтов заказал некоторым русским художникам (Шишкину, Крамскому, Ярошенке, Куинджи, Репину, Маковскому, Поленову и Васнецову) по три оригинальных рисунка, из них составится альбом, который будет издан в виде изящного кипсека. Начало уже сделано — удачно, превосходно.

[....] Шишкин готов, и превосходно [....] Сию минуту получил рисунок от Крамского «Встреча войск», что это за восторг!»

Альбом под названием «Рисунки русских художников», вып. первый, был издан С. И. Мамонтовым в 1880 г. Вкладные фотогравюры были выполнены фототипией Шерер и Набгольц в Москве. В альбом вошли: В. М. Васнецов («Подружки», «Богатырь», «Княжеская иконописная»), И. Н. Крамской («Встреча войск», «Вечер на даче», «Этюд головки»), А. И. Куинджи («Лес»), В. Е. Маковский («Дети»), В. Д. Поленов («Переправа», «Охотники», «Болгарская семья»), И. Е. Репин («Во время обедни на цвинтари» (на погосте), «В театре», «Тайный доклад о боярине»), И. И. Шишкин («Сосновая роща», «Ручей», «Этюд»), Н. А. Ярошенко («Старый служивый»).

7 «Встреча войск» — рисунок И. Н. Крамского (1879), находится в Ивановском областном краеведческом музее.

210

К письму 8/20 февраля 1879 г.

1 На письме, перед датой, пометка В. В. Стасова карандашом: «Париж, 1879». К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 21 февраля 1879 г. и Петербург, 13 февраля 1879 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «8 февр[аля 18]79. Окончание дела с Hachette. Портрет Верещагина».

2 Кренке Виктор Данилович (1816—1893) — генерал-лейтенант. Участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., сначала в качестве командира дивизии, а затем начальника военных сообщений в Болгарии. Известен также как автор сельскохозяйственной энциклопедии («О сельском хозяйстве», 1863).

3 Издание «Les contemporains russes».

К письму 16 февраля 1879 г.

[1] Экскузации — отговорки (с французского).

[2] Попов Михаил Петрович (1837—1898) — скульптор академического направления. С 1867 г. — пенсионер Академии художеств за границей; с 1872 г. — академик; с 1878 г. — профессор Академии за скульптуру «Фрина». Автор ряда скульптурных портретов и статуй («Клеопатра», «Неаполитанский рыбак, играющий на мандолине» и др.).

[3] Орловский Владимир Донатович (1842—1914) — художник-пейзажист реалистического направления. С 1874 г. — академик. С 1878 — профессор, автор картин «Посев», «Разлив», «Болото», «Березовая роща» и др.

В статье «Двадцать пять лет русского искусства» («Вестник Европы», 1882—1883) В. В. Стасов дает характеристику творчества художника: «Орловский писал равно прекрасно неаполитанские и крымские, среднерусские и северорусские пейзажи, лес и берег морской, парк и покос, болото и деревню, кавказские ручьи и малороссийские хуторки; к сожалению, его картины стали, в последнее время, слишком многочисленны, а это иногда наносит ущерб искренности и поэтичности впечатления, оконченности работы» (Стасов В. В., Собр. соч., т. I, отд. 1, СПБ, 1894, стб. 589).

[4] Келер (Келер-Вилианди) Иван Петрович (1826—1899) — художник-портретист. С 1860 г. — академик за картину «Распятие»; с 1867 г. — профессор Академии художеств за портрет князя А. М. Горчакова.

О работах Келера В. В. Стасов в статье «Двадцать пять лет русского искусства» писал: «В 1867 году явился портрет канцлера Горчакова, написанный Келером, художником также не особенно даровитым, но проявившим здесь хорошую характеристику и краски очень замечательные. Последующие портреты этого художника: графа Зубова (1873), барона Фредерикса в блестящей конно-гвардейской форме и в латах (1875), Е. И. Ламанского (1876) и другие, оказались гораздо ниже по фактуре и натуральности. В них присутствует даже некоторая неприятная прилизанность» (Стасов В. В., Собр. соч., т. I, отд. 1, СПБ, 1894, стб. 585).

[5] В 1879 г. была VII выставка Товарищества передвижников, открывшаяся 23 февраля в большом конференц-зале Академии наук. В тот же день в залах Академии художеств открылась 3-я выставка «Общества выставок художественных произведений» — антагонистов-передвижников. Стасов писал об этом в статье «Открытие художественных выставок» («Новое время», 1879, 27 февраля, № 1077; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. I, отд. 2, СПБ, 1894, стб. 687—690).

[6] Выставка произведений скульптора М. М. Антокольского была устроена им в залах Академии художеств в марте—апреле 1880 г.

[7] Антрепренер, предприниматель.

[8] Матейко Ян Алоизий (1838—1893) — выдающийся польский художник, автор картин на темы из польской национальной истории. Его произведения отличаются драматизмом сюжетов, яркостью характеристик, экспрессией, динамичностью и цветовым богатством.

Картина «Сражение у Грюнвальда» написана в 1878 г. В ней художник изобразил происходившую в 1410 г. битву объединенных славян с немецкими рыцарями-агрессорами, закончившуюся полным разгромом немцев. Картина была выставлена в Петербурге в 1879 г.

[9] Макс Габриэль (1840—1915) — немецкий живописец и иллюстратор, ученик Пилоти. Писал мистические картины болезненно-сентимен-

тального и трагического содержания на евангельские и другие сюжеты, а также и портреты.

Большую известность получила его картина «Нерукотворенный образ Христа», выставленная в начале 1879 г. в Петербурге.

По поводу этой картины Стасов писал: «Помните ли вы... то чудо, что недавно еще показывали в Петербурге и что заставляло большие толпы народа с великою ревностью торопиться в залы клуба художников? Это была картина Макса «Лик Спасителя». Многим казалась скандальною и картина, и выставка, и восхищенная толпа народа: и первая, и вторая, и третья иных сильно сердили. Я все время не мог понять, отчего же? В каждом большом городе столько разнородных слоев публики! Каждому надо свое, своя великость, своя глупость. Одним нужна симфония Бетховена, другим цыганский романс; одним комедия Островского, другим пьеса Дьяченки. Что мудреного, что многим тысячам понадобилось любоваться на столько интересный, довольно плохо написанный фокус: вот, говорят, посмотрите, два закрытых глаза, а вот посмотрите, вот вам и два открытых. Не правда ли, как умно и интересно? Что же, всякий день можно увидеть вздор и ребячество еще поглупее. Что делать, когда стольким людям это еще впору!» (Стасов В. В., Собр. соч., т. I, отд. 2, СПБ, 1894, стб. 696).

[10] Опасения В. В. Стасова оправдались. В Америке в 1890 г. нашелся предприниматель, который купил на аукционе картину В. В. Верещагина «Процессия слонов в Индии» («Принц Уэльский») и выставлял ее для публики, собирая плату за вход.

[11] Берг Федор Николаевич (1840—1909) — поэт-переводчик (главным образом Гейне) и писатель (псевдоним — Боев Н.). Издатель «Сборника иностранных поэтов» (СПБ, 1860—1862). Редактор «Русского мира», «Нивы» и «Русского вестника» (1887—1891). Еженедельный журнал «Нива» давал своим подписчикам премии в виде олеографий с картин известных художников.

212

К письму 22 февраля/6 марта 1879 г.

[1] Дата «1879» проставлена на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 7 марта 1879 г. и Петербург, 27 февраля 1879 г.

На конверте пометки карандашом В. В. Стасова: «22 февр[аля 18]79. Отказыв[ается] б[ыть] ч[леном] передвижн[ой] выставки. Григорович Суворину предл[агает] издание болг[арских] картин».

[2] До этого отказа В. В. Верещагин принимал участие на выставках передвижников в качестве экспонента. В 1874 г., на III выставке, он выставил «Ташкентца» и в 1875 г., на V выставке, были его произведения «Цыган в Ташкенте», «Евнух», «Киргиз», «Башкир», «Оседлый туземец в Средней Азии», «Казанский татарин в Ташкенте», «Афганец», «Туркестанские евреи».

Стасов 10/22 августа 1877 г. обратился к Верещагину с предложением участвовать на VI выставке.

На это Верещагин ответил из Бухареста, что если бы он был в Париже, он мог бы дать что-нибудь для передвижной выставки.

[3] Имеется в виду картина И. Е. Репина, которую несколько недооценивали В. В. Стасов и В. В. Верещагин.

[4] Вранье, хвастовство.

213

К письму 4/16 марта 1879 г.

[1] Год «1879» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 4 марта 1879 г. и Петербург, 9 марта 1879 г.

На конверте пометки карандашом В В. Стасова: «4 марта 1879. Цены болг[арских] картин. Коцебу».

[2] «Пленные» — картина В. В. Верещагина из русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

В пояснении к этой картине в каталоге выставки в Москве Верещагин писал: «Дорога от Плевны, до того места за рекою Вид, где Осман-паша разбился о гренадер, до самого Дуная была буквально усеяна замерзшими турками. Морозы наступили так внезапно и такие сильные, что бравые защитники Плевны в своих оледенелых одеждах один за другим падали по сторонам дороги и, на глазах всех, тихо, без криков и стонов, замерзали. Некоторые замерзали долго, в продолжение 2—3 дней» («Каталог выставки картин и этюдов В. В. Верещагина в Москве». СПБ, 1883, стр. 5).

Картина была продана за границей. Местонахождение неизвестно.

214

К письму 6 марта 1879 г.

[1] Речь идет о состоявшемся 28 февраля 1879 г. открытии художественно-промышленного музея при Обществе поощрения художников; секретарь комитета Общества Д. В. Григорович был главным создателем музея, начатого организацией еще в 1870 г.

[2] Фальшивое добродушие.

[3] В этот период Стасов неоднократно упоминал о В. В. Верещагине в своей переписке с Л. Н. Толстым. В письме от 8 февраля 1879 г. он писал: «...скажу Вам, что поминутно нахожу все более и более сходства между Вами и Верещагиным. Та же крепость и самобытность (значит, новизна), тот же упорный и необщительный склад, отчужденность и уединенность от «знакомых». Даже в мелких подробностях сношений пропасть общего. Но по направлению талантов — еще более сходства. В заключение скажу еще, что Верещагин от ваших вещей без ума и, рисуя теперь кистью громадные (не по размерам) картины из Плевны и Шипки, поминутно читает ваш «Севастополь», которого я имел честь ему указать. «Казаков» и «Войну и мир» он прежде знал; но многое другое из вашего у него ускользнуло вследствие его вечно бродячей жизни» («Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка», [Л.], 1929, стр. 38 и 39).

В ответ Л. Н. Толстой писал В. В. Стасову 17 февраля 1879 г.: «Все, что вы говорите о Верещагине, мне не только лестно, но и очень интересно. Где он теперь? Очень желал бы с ним познакомиться» (там же, стр. 40).

4 марта 1879 г. Стасов писал Толстому: «Лев Николаевич, вам хотелось знать про В. В. Верещагина, — чтобы не повторять сказанного однажды, посылаю Вам свои статьи про него, напечатанные еще осенью, тотчас по моем возвращении из Парижа. К этому могу только прибавить, что он было все собирался продолжать свою «Индийскую эпопею», но я крепко приставал к нему, чтоб он все оставил и писал скорее свою русско-турецкую войну (совершенный pendant к Вашему «Севастополю»), — и он, кажется, согласился. Тут будут удивительные вещи, в том

числе и картины многих *безобразий* на войне и нелепостей высшего начальства и всякой поганой военной аристократии, — все это рядом со всем чудесным, что делал сам русский народ, под видом солдат и офицеров, — одним словом, многое такое, что не могло проявиться в печатном рассказе, как у вас: чего бы ему не позволили выставить здесь, то он всегда может выставить в Париже и Лондоне.

А выставки его будут — скоро — здесь и там!» (Там же, стр. 40—41).

Вероятно, Стасов сообщал Верещагину об этом в приписочке про Льва Толстого.

4 «Первая империя» — так назвал Стасов картину Ю. Я. Лемана «Дама в костюме времен Директории», выставленную на VII Передвижной выставке 1879 г.

В статье «Художественные выставки 1879 г.» Стасов, отметив элегантность исполнения портрета Лемана, писал: «Прошлым летом, на Всемирной выставке в нашем отделе, было два его портрета, оба женских, и премилых, но тот, что теперь прислан в Петербург и называется «Дама в костюме времен Директории», превосходит их всех грацией позы и улыбающегося личика, а также превосходным, очень элегантным (впрочем, без всякого сахара и преувеличения) письмом лица, шеи, груди, обнаженных рук и розового атласа на платье и старинной шляпки с громадными выгнутыми полями. Нельзя не засвидетельствовать, все члены передвижных выставок искренне радовались на внезапный, совершенно нежданный-негаданный успех сотоварища, до сих пор мало известного, и глазами учились приемам его изящной французской техники» (Стасов В. В., Собр. соч., т. I, отд. 2, СПБ, 1894, стб. 706—707).

5 «Русалки» — картина К. Е. Маковского, написанная в 1879 г.; поступила в Эрмитаж, оттуда была передана в Русский музей.

6 Стасов говорит о Всемирной выставке в Париже, где он был в августе 1878 г. О выставке Стасов написал пять статей: «Наши итоги на Всемирной выставке», которые печатались уже в конце 1878 г. и в начале 1879 г. («Новое время», 1878, 7, 14, 24 и 28 декабря, № 998, 1005, 1012, 1017; 1879, 4 января, № 1024; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. I, отд. 2, СПБ, 1894, стб. 627—672).

7 О русской скульптуре Стасов писал в четвертой статье. Об Антокольском он говорил: «...немножко побаиваюсь за нашего Антокольского. Как он начинал несколько лет тому назад, от того он теперь уже далек. На мои глаза, Италия ему не помогла, а повредила. Она мало того, что его объевропеила, но, что гораздо хуже, она его объитальянила! [....] Италия отучила его от истинной драмы, к которой он направлялся с такой оригинальностью в своем «Иване Грозном» и «Инквизиции». Но тогда он работал на почве близкой и знакомой ему: ему стоило только оглянуться вокруг себя, оригиналы стояли вокруг него готовые, он их мог видеть, мог дотронуться до них. Теперь он все это бросил, он занялся интересами «общечеловеческими», перенесся в далекие времена, в чуждые народности, где уже надо идеальничать, надо насильно переноситься туда и в то, чего не видал, чего не знаешь, чего никогда не чувствовал, надо быть — космополитом. И тут уже, зараз, г. Антокольский потерял тоже и свой бодрый, мужественный взгляд. Он как будто немножко опустил крылья и вкладывает в свои создания какую-то пассивность. Его Христос — связан и выставлен на позор, [....] он поник головой, он будто в чем-то виноват, уличен, его взор не царит над всем и всеми, у него нет никакой уверенности в самом себе и во всем им совершенном. Он только что слаб, ничтожен и кроток. А это значит вовсе не понять своей задачи, значит представлять ее бог знает как и зачем, вовсе не с настоящего конца. Точно так и Сократ: что́ нам в том, что этот человек умер и валяется на своем кресле, с опрокинутой чашей у ног, точно

последний ничтожнейший человек, ничем себя не ознаменовавший? [....] Один подумает: Сократ спит, другой — Сократ пьян, и навряд ли один из десяти тысяч догадается, что это — Сократ мертвый. Таких ошибок г. Антокольский прежде не делал. Италия и итальянская скульптура немножко разжидили его мысль и чувство. Что касается его головы «Христа распятого», то она и еще мутнее: тут уже прямо звучит Италия, нечто слабое, болезненное и условно замученное, на манер какого-нибудь Гверчино и Гвидо Рени.

Кто знает, может быть, не объевропейся г. Антокольский, его в Париже на Всемирной выставке и не признали бы тем, чем нынче признали. Сила и решительная оригинальность не всем нравятся. [....] Таковы мои претензии на новейшие создания г. Антокольского, и в этом я расхожусь с мнениями парижского жюри и многочисленных журналов, громко трубивших в честь г. Антокольского.

Но, каков он и теперь есть, г. Антокольский стоит высоко, вероятно, пойдет и еще выше, хотя бы даже и вовсе сделался общеевропейцем и потерял бы окончательно следы национальной школы. [....]

Будем довольны тою блестящей ролью, какую он доставил русской скульптурной школе на парижской выставке. А что́ дальше будет с европейской скульптурой, если только будет, — то авось будет и с нашей скульптурой. В дальних, маленьких, мало уважаемых уголках скульптуры начинает новым духом веять. Там мало-помалу накопляется материал и сила для громадного и коренного перерождения. Об этом когда-нибудь в другой раз» (Стасов В. В., Собр. соч., т. I, отд. 2, СПБ, 1894, стб. 660—662).

8 О перерыве в переписке критика и скульптора свидетельствуют письма Антокольского к Стасову. Последнее опубликованное Стасовым письмо Антокольского до перерыва было получено Стасовым 15 декабря 1878 г., и первое письмо после перерыва получено 24 августа 1879 г., т. е. через восемь месяцев. Оно явилось ответом на письмо Стасова, который предложил снова начать переписываться. Антокольский писал «...я не мог тогда отвечать вам, потому что был погружен в тяжкие работы, которые должен был кончить без любви и желания. [....] Теперь вы почти знаете причину моего молчания. А впрочем, хотя это главное, так как я почти ни к кому не писал, но есть еще кое-что. Только не думайте, бога ради, чтобы я обиделся на статью, в которой вы выразили свое мнение обо мне. Конечно, это было бы крайне нелепо [....] ведь после вашей статьи вы-то сами перестали писать и даже самую статью не прислали мне [....].

Но ни статья ваша, ни даже молчание не могли огорчить меня, а лишь только результат всего этого, а именно: что даже вы перестали совсем понимать меня; теперь я остался чисто один, один на всем свете [....]

Мы много писали уже об этом друг другу, и результат вышел тот, что вы совсем перестали писать, — значит вовсе несогласны. И только после долгого молчания вы говорите: «Что ж, давайте снова переписываться» — потому «что стали менее требовательны и теперь рады, если отыщете у человека хоть что-нибудь, и это вы готовы ценить». [....]».

В заключительной части письма Антокольский высказал свой ошибочный взгляд на задачу критика, который вместо того, чтобы направлять художника, должен, по мнению Антокольского, встать на точку зрения художника: «Все, что я делаю, все не то, чего вы желаете. Да ведь я не могу сделать то, чего другой не только желает, но даже чувствует; также и другой не может навязать мне свое чувство. Задача каждого критика — стать на точку зрения художника, т. е. брать в соображение эпоху, нацию, местность и т. д. и, наконец, личность самого художника. И тогда, только тогда оценка его будет правильна...»

(«Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи», СПБ и М., 1905, стр. 383—386).

Несомненно, что это различие во взглядах Антокольского и Стасова на задачи и цели русского скульптора и на задачи критика были главной причиной некоторого перерыва в переписке и охлаждения в отношениях между ними.

[9] Рискуя утерять дружбу Репина, Стасов все же выступил со статьей («Новое время», 1879, 15 марта, № 1093; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. I, отд. 2, СПБ, стб. 702—712), которая вызвала обиду великого художника. В ней Стасов говорил, что Репин более талантлив как жанрист, чем исторический живописец, и дал, в общем, невысокую оценку картине «Царевна Софья», хотя и признавал в ней отдельные крупные достоинства.

Стасов утверждал в этой статье, что для создания исторических личностей и сцен нужен специальный, исключительный дар. Он говорит, что в созданиях «всех этих Рубенсов, Макартов, Рафаэлей, Корнелиусов, Тицианов, Каульбахов, Пуссенов и иных» нет и тени истории, хотя и были они людьми не ничтожными. Художников, наделенных истинным даром историчности, Стасов насчитывает к тому времени очень мало — Матейко, Деларош, В. В. Верещагин, Шварц и еще три-четыре человека. Позднее Стасов стал причислять к ним Сурикова.

Несомненно, Стасов был прав, выше ценя в Репине жанриста и портретиста, чем исторического живописца, но он все же недооценивал замечательных исторических композиций Репина.

Опасения Стасова потерять дружбу Репина на некоторое время оправдались. Их переписка оборвалась более чем на полгода. Письмо Репина к Крамскому от 1 мая 1879 г. полно горечи и обиды: «Мне лично не новость, что чуть не вся критика против меня, это повторяется с каждым моим произведением. Припомните, сколько было лаю на «Бурлаков». Разница была та, что прежде Стасов составлял исключение и защищал меня. Теперь же и он лает, как старый барбос». Переписка Репина и Стасова возобновилась, повидимому, по инициативе В. В. Стасова («Репин И. Е. и Стасов В. В. Переписка», [т.] II, 1877—1882, М.—Л., 1949, стр. 258—260).

215

К письму 6 марта 1879 г.

[1] С господином де Пюсси.

[2] Имеется в виду письмо В. В. Верещагина к В. В. Стасову от 22 февраля/6 марта 1879 г.

216

К письму 10/22 марта 1879 г.

[1] Год «1879» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 22 марта 1879 г. и Петербург, 15 марта 1879 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «10 марта [18]79. Условия продажи болгарских картин».

[2] Речь идет о картине В. В. Верещагина «Пленные».

[3] По тогдашнему курсу 70 000 франков составляли 29 000 рублей.

[4] Верещагин говорит о своем письме от 4/16 марта 1879 г., которое Стасов получил 10 марта.

217

К письму 11 марта 1879 г.

[1] Ответные телеграммы Верещагина не найдены.

[2] Вопреки распоряжению Верещагина показать картину «Пленные» сначала наследнику и только в случае его нежелания приобрести картины показать Третьякову, Стасов решил показывать картину прежде всего Третьякову.

В письме к П. М. Третьякову от 11 марта 1879 г. Стасов, уведомляя о получении письма Верещагина, сообщал: «Сегодня же ночью получил от В. В. Верещагина *три телеграммы.* Результат всего тот, что *я должен показать картину* «Пленные» (на днях) *только наследнику-цесаревичу* и *Вам,* и если дело с продажей картины не устроится ни с наследником, ни с Вами, то немедленно отослать ее обратно в Париж, никому и нигде не показывая». Далее Стасов перечисляет условия продажи, указанные Верещагиным, и продолжает: «Позвольте Вас просить о немедленном ответе мне: располагаете ли Вы приехать в Петербург, посмотреть картину, как только она приедет (о чем, конечно, я не замедлил бы Вас уведомить). Если Вас это дело *сильно* заинтересует (как мне кажется, иначе *не должно и не может* быть), я бы думал показать Вам картину *первому...*» («Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова», М.—Л., 1949, стр. 39). Третьяков сдержанно ответил на горячее письмо Стасова. 12 марта 1879 г. он писал ему: «Ваше известие было совершенно неожиданно, словно вдруг *гром ударил!* Сию минуту пока ничего не могу сказать, а за желание Ваше мне *первому* показать глубоко Вам благодарен; явлюсь немедленно по Вашему вызову» («Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова», М.—Л., 1949, стр. 40).

[3] В 1878 г. была небольшая вспышка чумы в Астраханской губернии, вызвавшая карантин в пограничных с Россией странах, в том числе с Пруссией.

[4] Упоминаемая Стасовым публикация была напечатана в газете «Новое время», 1879, 11 марта, № 1089, в отделе «Хроника».

В публикации говорилось:

«Нам сообщают, что В. В. Верещагин прислал в Петербург, из Парижа, конченную им недавно большую картину на сюжет из последней войны, под названием «Пленные», и что вслед за этою скоро приедут сюда еще две картины со сценами той же войны. Как мы слышали, картины эти будут выставлены в залах Общества поощрения художников, в Большой Морской».

218

К письму 13/25 марта 1879 г.

[1] Год «1879» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Чэринг Кросс [Лондон], 25 марта 1879 г. и Петербург, 1879 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «Принц Уэльский желает задержать в Англии инд[ийские] карт[ины]. Не хочет продавать врозь. За лонд[онскую] выст[авку] намерен брать деньги».

[2] Виллевальде Богдан Павлович (1818—1903) — живописец-баталист академического направления, профессор Академии художеств. Изображал события русской военной истории XIX века по документам, собираемым на местах военных действий и по рассказам очевидцев. Его произведения отличаются внешней торжественностью и парадностью,

мастерством композиции и точностью рисунка. Вместе с тем они часто условны и театрализованы. Главные произведения — «Сражение при Париже», «Сражение под Карсом», «Охотники Шериванского полка на Гунибе», «Подвиг конного полка в сражении при Аустерлице», «Сдача Шамиля», «Разъезд улан в Болгарии» и др.

Большинство картин Виллевальде были приобретены для царских и великокняжеских дворцов.

219

К письму 16/28 марта 1879 г.

[1] Год «1879» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 28 марта 1879 г. и Петербург, 21 марта 1879 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «16 марта 1879. Не дают картин из Москвы. Хочет судом».

[2] Московское общество любителей художеств, председателем которого был Д. П. Боткин.

220

К письму 19 марта 1879 г.

[1] Речь идет об экспедиционной фирме Сегаль в Петербурге.

[2] Аничков (Аничкин) дворец в Петербурге, расположен на Фонтанке; боковой фасад выходит на Невский проспект. В его создании участвовал ряд видных архитекторов XVIII века — Земцов, Дж. Трезини, Растрелли. Перестроен Е. Соколовым в духе классицизма. Росси выстроил павильоны в саду дворца. Рядом с дворцом находится Аничков мост, украшенный известными конными группами работы П. К. Клодта. В Аничковом дворце жил наследник (Александр III).

[3] Скромность, уменье хранить тайну.

[4] Жемчужников Николай Михайлович (1824—1909) — дипломат.

[5] Цербер — по древнегреческой мифологии, многоголовый пес с хвостом и гривой из змей, охранявший вход в ад; по установившемуся толкованию — свирепый страж.

[6] Шереметев Сергей Дмитриевич, граф (род. 1844), полковник, был адъютантом наследника.

[7] 17 марта 1879 г. Стасов телеграфировал Третьякову: «Картина будет завтра в раме жду Вас понедельник утро если хотите видеть» («Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова», М.—Л., 1949, стр. 40).

[8] Обуховский мост на Фонтанке, близ которого в доме министерства путей сообщения была квартира В. М. Жемчужникова, занимавшего в министерстве должность директора департамента общих дел.

221

К письму 21 марта/2 апреля 1879 г.

[1] Год «1879» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 2 апреля 1879 г. и Петербург, 25 марта 1879 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «2 апр[еля] 1879. Не дают из Москвы картин. Продажа болгарских картин наследнику или Третьякову».

[2] В тот же день Верещагин написал об этом и Третьякову: «Я получил Ваше письмо, в котором Вы совершенно одобряете решение Общества не давать мне мои картины для выставки здесь в Париже. Гейнс обмолвился, не выговоривши у Вас право для меня и пользоваться этюдами как материалами и взять картины (разумеется, на полной моей ответственности) для выставки, когда понадобится. Вы изволите говорить, что не приняли бы такого предложения — не смею этого оспаривать; но возражаю также и на второе Ваше замечание, что «владельцу», по принятии такого условия, не остается ничего, кроме права сохранения, но со своей стороны приму меры, чтобы, пока я жив, ни одна моя картина не попадала ни в чьи руки, без специально выговоренного права выставить ее в Европе, если это понадобится» (Архив Третьяковской галлереи).

222

К телеграмме 22 марта/3 апреля 1879 г.

[1] Текст написан на телеграфном бланке с отметками: «Подана 3-го, принята 22/3 1879».

На телеграмме пометки В. В. Стасова: «23 марта 1879 (= про картину «Наши пленные», присланную ко мне, для показания наследнику цесаревичу в 1879 году 23 марта»).

[2] «При малейшем колебании немедленно возвратите картину. Верещагин».

Текст этой телеграммы является повторением заключительной части письма Верещагина от 21 марта/2 апреля 1879 г. о возврате картины в случае заминки с продажей наследнику или Третьякову.

223

К письму 24 марта/5 апреля 1879 г.

[1] Год «1879» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 6 апреля 1879 г. и Петербург, 28 марта 1879 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «24 марта 1879. Болг[арские] картины. Грозится уехать в Индию или Китай. Не может объявлять вперед свои сюжеты».

[2] Верещагин отвечает на письмо Стасова от 19 марта 1879 г. с запросом об условиях продажи картин. Содержание этого ответного письма Верещагина, касающегося продажи картин, Стасов в день получения, 28 марта 1879 г., сообщил П. М. Третьякову.

[3] Стасов сообщает в своем упомянутом уже письме от 28 марта Третьякову: «Верещагин пишет мне из Лондона». В действительности это письмо написано в Париже и отправлено оттуда Верещагиным. По-видимому, Стасов был введен в заблуждение фразой письма: «Как возвращусь из Лондона», упустив, что в конце письма Верещагин добавил: «Кстати, я уезжаю в Лондон».

224

К письму 24 марта/5 апреля 1879 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 6 апреля 1879 г. и Петербург, 29 марта 1879 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «5 апр[еля] 1879. Запрещается говорить о продаже Уэльскому».

[2] Повидимому, в ненайденном письме или телеграмме, Стасов высказал Верещагину намерение сообщить наследнику о предложении принца Уэльского.

[3] О желании принца Уэльского, чтобы индийские картины остались в Англии, Верещагин писал Стасову в письме от 13/25 марта 1879 г., указывая, что говорит это *«под секретом»*.

225

К письму 31 марта/12 апреля 1879 г.

[1] На автографе пометка В. В. Стасова: «Париж. 1879».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 12 апреля 1879 г. и Петербург, 5 апреля 1879 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «31 марта 1879. Выставка в Лондоне. Ссора с Д. П. Боткиным».

[2] Лондон, Куинс-гет Террас, Соутс-Кенсингтон отель.

[3] Верещагин устроил свою выставку в Лондоне в залах, примыкающих к Кенсингтонскому музею. Он намеревался осветить выставку «свечами Яблочкова» — изобретенными русским электротехником П. Н. Яблочковым дуговыми электрическими лампами. По этому поводу Верещагин через своего друга художника Ю. Я. Лемана обратился к Яблочкову 10/22 мая 1879 г.: «Я хотел бы осветить Вашим светом галлерею моих картин в Лондоне, помещающуюся в одном из зданий Кенсингтонского музея. Я уверен, что свет будет хорош, важно только, чтобы он и приспособление его стоили мне *возможно дешево*. Для Вас, я думаю, этот опыт будет не безвыгоден в том смысле, что послужит наилучшею рекламою, ибо самая большая моя картина представляет принца Уэльского во главе громадной процессии слонов, в Индии, и мы притащим на открытие Вашего света как принца с его семейством, так и весь «царствующий дом», а также знатный люд Лондона. Будьте так любезны, назначьте время, когда я могу с Вами переговорить об этом» (Архив Русского музея в Ленинграде).

Устроить электрическое освещение на своей выставке в Лондоне Верещагину не удалось.

[4] Совершенно не был в курсе дела.

[5] Верещагин имеет в виду, вероятно, свои письма от 21 марта/2 апреля и 24 марта/5 апреля 1879 г.

[6] Стасов в приписке к своему письму от 5 апреля 1879 г. сообщил содержание этого письма Верещагина П. М. Третьякову, выпустив из него адрес в Лондоне и сообщение о фотографе.

226

К письму 4 апреля 1879 г.

[1] Зиновьев Василий Васильевич, генерал-лейтенант. Был гофмаршалом при дворе наследника.

[2] Стасов передает здесь с некоторыми пропусками содержание адресованного ему письма П. М. Третьякова от 2 апреля 1879 г. (см. «Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова», М.—Л., 1949, стр. 41—42).

[3] Максимум; высший предел.

[4] После отправки Верещагину настоящего письма Стасов писал Третьякову 5 апреля 1879 г.: «Павел Михайлович, я *вчера вечером* получил Ваше письмо и сейчас же показал его Жемчужникову и *почти* все его целиком переписал и отправил его Верещагину в Париж.

Теперь скажу про самого себя. Не нахожу слов, чтоб выразить Вам, *каким* я нахожу это письмо. Знаете что? В деле русского искусства я его считаю «историческим», — приму меры, чтобы оно сохранилось *навсегда*, для будущих наших наследников и потомков.

«Благородство, джентльменство, широкая мысль, патриотизм, беспредельная любовь к русскому искусству и искусству вообще — все встретилось вместе в этом чудесном письме», — писал я сегодня утром Верещагину, после пространных моих выписок оттуда. Жемчужников просит сказать Вам от него, что «обнимает Вас горячо, горячо»!

Про себя ничего не прибавлю: понимайте сами» («Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова», М.—Л., 1949, стр. 43).

[5] Братья В. В. Стасова — Дмитрий Васильевич и Александр Васильевич Стасовы — были арестованы III отделением (охранкой), повидимому, в связи с покушением народовольца А. К. Соловьева 2 апреля 1879 г. на Александра II.

[6] Стасов Александр Васильевич (1819—1904) — второй, по старшинству, из братьев Стасовых; был директором пароходного общества «Кавказ и Меркурий»; жил вместе с В. В. Стасовым.

227

К письму 4/16 апреля 1879 г.

[1] Год «1879» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Лондон, 17 апреля 1879 г. и Петербург, 9 апреля 1879 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «4 апр[еля] 1879 [sic]. Шереметьев, в[еликий] кн[язь]».

[2] Здесь Верещагин отвечает на отсутствующее в переписке письмо о переговорах Стасова с Шереметевым по поводу продажи балканских картин Верещагина наследнику.

[3] Имеется в виду безрезультатное посещение наследника В. В. Верещагиным в декабре 1878 г., о чем художник сообщал Стасову в письме от 12 декабря 1878 г.

[4] Речь идет о картине В. В. Верещагина «Пленные», присланной Стасову для показа наследнику и П. М. Третьякову. Картина была перенесена в Аничков дворец.

[5] Об истории с предложением картины «Пленные» и других балканских картин наследнику, великому князю Александру Александровичу, Верещагин писал также в письме от 19 апреля/1 мая 1879 г. конференц-секретарю Академии художеств П. Ф. Исееву: «Милостивый государь Петр Федорович! Во-первых, позвольте Вам сказать, что Вы были совершенно справедливы, предупреждая меня против излишней услужливости вездесущего благодетеля нашего А. П. Боголюбова. Представьте себе, что еще до отъезда моего на Дунай он просил у меня позволение обещать е[го] в[ысочеству] наследнику мои будущие работы; с тех пор несколько раз возобновлял ту же просьбу и получал, разумеется, это право потому, что я, в сущности, ничего же не мог иметь против рук е[го] в[ысочества]. На неоднократно выраженное мною сомнение, что все мои сюжеты могли понравиться е[го] в[ысочеству], он уверял меня, что я не знаю великого князя, который будет очень рад и проч. Я послал

мою картину в Петербург и вышло то, что можно было ожидать — е[го] в[ысочество] не пожелал ни этой картины, ни других, сделанных не по его заказу.

Мне наука впредь умнее быть и за мышами не ходить, т. е. не покушаться поставлять картины во дворцы!..» (Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР имени В. И. Ленина).

228

К письму 5/17 апреля 1879 г.

[1] Год «1879» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Соутс-Кенсингтон [Лондон], 17 апреля 1879 г. и Петербург, 9 апреля 1879 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «5 апр[еля 18]79. Сердится на Шереметева. Грозится жечь картины, как татарин».

[2] Здесь, так же как и в предыдущих письмах, видно, что Верещагин, вынужденный обстоятельствами и условностями царского режима, послал свою картину наследнику.

Его, несомненно, толкало к этому также и желание оставить балканскую коллекцию в России в неразрозненном виде.

Однако намерение художника продать картину «Пленные» в России не увенчалось успехом. Как свидетельствует Ф. И. Булгаков, «одни покупатели затруднялись «сюжетами», другие деньгами, еще иные тем, что не все картины подряд одинакового достоинства...» («Верещагин и его произведения», СПБ, 1905, стр. 95).

229

К письму 16/28 апреля 1879 г.

[1] Год «1879» и «Лондон» проставлены на автографе В. В. Стасовым.

[2] Верещагин имеет в виду предложение Третьякова, сообщенное ему Стасовым в письме от 4 апреля 1879 г.

[3] В Мезон-Лаффитт малой скоростью.

[4] Эта приписка вызвана письмом В. В. Стасова от 4 апреля 1879 г., извещавшего о том, что его братья (Д. В. и А. В. Стасовы) арестованы охранкой. Она свидетельствует о том, что Верещагин был противником анархии и народнической тактики индивидуального террора, а иногда даже склонялся в чисто политических вопросах к либерально-буржуазной точке зрения. Однако, учитывая многократные другие высказывания художника, нельзя не видеть его горячей ненависти к остаткам крепостничества в России, к произволу и насилиям самодержавного строя. Не поднимаясь до социалистического революционного сознания, Верещагин в общем симпатизировал демократическому движению, горячо возмущался зверской расправой самодержавия с революционным движением, а своим творчеством участвовал в создании и развитии прогрессивного демократического национального искусства, неотделимого от демократической культуры той эпохи.

Вопреки своим некоторым политическим воззрениям, Верещагин своим творчеством выражал принадлежность к передовым деятелям русского общества, боровшимся против самодержавно-крепостнического строя.

230

К письму 19 апреля/1 мая 1879 г.

[1] Год «1879» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 2 мая 1879 г. и Петербург, 24 апреля 1879 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «1 мая 1879 г. №3. Лжепатриотизм. Социалисты. Торгованье с Третьяковым».

[2] Сделать большой жест, выражающий великодушие.

[3] Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

[4] Покушение народника А. К. Соловьева 2 апреля 1879 г. на Александра II.

[5] «Апофеоз войны» (1871) — картина В. В. Верещагина из туркестанской серии. На раме картины надпись: «Посвящается всем великим завоевателям прошедшим, настоящим и будущим». Написана по эскизам в Мюнхене. Находится в Третьяковской галлерее.

[6] Вероятно, речь идет об арестах, в том числе братьев Стасова.

231

К письму 21 апреля/3 мая 1879 г.

[1] На автографе пометки В. В. Стасова: «Париж» и «1879».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 4 мая 1879 г. и Петербург, 26 апреля 1879 г. На конверте пометки В. В. Стасова: «3 мая 1879. Письмо к Третьякову о войне и болгарские коллекции».

[2] Содержание цитированного Верещагиным его письма к П. М. Третьякову последний также передал Стасову (в письме от 3 мая 1879 г.).

После изложения содержания письма Верещагина Третьяков пишет Стасову:

«Вот видите, я был прав, сомневаясь, чтобы Верещагин был согласен с Вами относительно моего письма.

Значит, я знал его лучше. Я писал Вам по первому чувству, не обдумывая, как мне казалось, дело, так и писал о нем. Вы знаете, как понравилась мне картина, как высоко я ценю Верещагина (не в денежном смысле); я не находил ее *достойною* быть только преддверием будущей коллекции, а по содержанию она мне казалась таковою: заглавный лист иллюстрации, увертюра оперы, вступление литературного или музыкального произведения могут быть не ниже, а иногда и выше целого. И Вы и я не за войну, а против нее: война есть насилие, и самое грубое; кто же за насилие? Но эта война исключительная, не с завоевательной целью, а с освободительною; созданная самыми образованными нациями, имевшими полнейшую возможность устранить ее и не сделавшими этого из-за эгоизма, из торгашества. Изображение не блестящих подвигов, в парадном смысле, имел я в виду, а жертв, принесенных, сопряженных со всеми ужасами войны, а это ли не бич войны! Задерживая картину, можно только разбередить больное место. Верещагин решил — ну и быть по сему.

Желаю Вам всего лучшего и более всего доброго здоровья.

Преданный Вам *П. Третьяков*.

В моем письме, помнится, есть выражения: «Все, что он найдет нужным сделать, должно быть сделано», «помещая в частные руки, можно не быть связанным выбором сюжетов». Тут, кажется, разумелся полный простор и направлению и исполнению.

Голодавшие, гнившие, замерзавшие и замерзшие, но не ушедшие с Шипки и другие многие подобные эпизоды, — разве это не блестящие подвиги. В войне столько геройства, подлости, ужаса и глупости перемешанных, что еще вопрос, которые из них должны быть преимущественно изображены для бичевания ее» («Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова», М.—Л., 1949, стр. 47).

232

К письму 27 апреля 1879 г.

[1] Письмо написано в Петербурге.

[2] Речь идет о письмах В. В. Верещагина к В. В. Стасову от 4/16 и 5/17 апреля 1879 г.

[3] Стасов говорит об отсутствующем в переписке своем письме, упоминавшемся в пояснительном тексте к письму от 4/16 апреля 1879 г.

[4] Шекспир Вильям (1564—1616) — великий английский драматург и поэт.

[5] Т. е. картину В. В. Верещагина «Пленные». В тот же день, 27 апреля 1879 г., В. В. Стасов писал П. М. Третьякову по поводу высылки обратно этой картины: «Теперь про Верещагина. Я уже давно получил от него и телеграмму и несколько писем, где он настаивает на том, чтоб я *тотчас же* выслал ему картину его обратно. Я *ничего* до сих пор не сделал: и картину ему не отослал, и ему ничего ровно не отвечал, да и Вам тоже ни единого слова не сообщил.

Во-первых, потому, что за собственным своим делом мне просто было некогда.

Во-вторых, если б даже я был совершенно свободен и времени у меня было бочками, все-таки я ничего бы не сделал и *выжидал* бы.

Между нами будь сказано, со стороны Верещагина все это было так нелепо, и бестолково, и беспонятливо, что я думал: «одумается!! переменит!!» Я вполне был уверен, что на него подействовал *первый* отказ (Вы знаете?) не иначе, как сущее оскорбление; это его взорвало, и он пошел дурить, не помня себя. Если б я вздумал тогда еще ему писать, наверное, я ему насказал бы многое такое, из-за чего мы бы поссорились бы и разошлись бы. Обстоятельства сделали иначе, я ему вот и по сих пор не отвечаю целых 3 почти недели, а картина лежит свернутая и ждет. Но сегодня (вечером, тому ½ часа назад) я получил новое письмо его (от 5 мая, т. е. 24 апреля)*, где он выписывает мне главные отрывки из письма своего к Вам. Вы его уже получили, вероятно, или получите в одно время с этими моими строками. Тут Верещагин и сам высказывает Вам свои соображения (по-моему, порядком нелепые!), и мне прибавлять уже нечего.

Сегодня я пишу ему наконец обстоятельное письмо, где высказываю, как меня досадует его крайняя бестолковость (впрочем, этого слова я не употребляю), его порченье самых важных и хороших дел, в который уже это раз? а все отчего: оттого что он не понимает ни людей, ни вещей и задувает как жеребец по полю, распустивши гриву и хвост, ничего не слыша и не видя.

Это предосадно! А какой талант! Да, талант талантом, а деспотизма и бестолковости этаких я вовсе не переношу. Посмотрим, что дальше будет.

Если он не будет толковее и благоразумнее, я все к чорту брошу:

---

* Копию своего письма Третьякову Верещагин прислал Стасову в письме от 21 апреля/3 мая 1879 г.

пусть сам делает, как знает» («Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова», М.—Л., 1949, стр. 45—46).

[6] В том же письме от 27 апреля 1879 г. Стасов сообщает и Третьякову: «Кажется, моим статьям и писаньям конец: мне журнал [газета «Новое время»] Суворина так гадок стал (и уже давно), что я туда не пишу и с ними ни с кем не видаюсь, — кажется, так и брошу. А новый журнал себе отыскивать не стану. Чорт с ним со всем писаньем!!» («Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова», М.—Л., 1949, стр. 46).

Расхождение Стасова с газетой «Новое время» явилось следствием изменения либерального прежде направления газеты на оголтелое беспринципное монархическо-черносотенное прислужничество дворянским и чиновно-бюрократическим кругам и выступления газеты, в лице редактора А. С. Суворина, фельетонистов В. П. Буренина, «Жителя» (А. А. Дьякова) и др., против дорогого Стасову молодого русского близкого к народу реалистического искусства.

Последняя статья за подписью В. В. Стасова в «Новом времени» была «Ганс фон-Бюлов и русская музыка» (1879, 15 апреля, № 1124).

Позднее, уже без подписи, Стасов поместил в «Новом времени» четыре свои статьи, посвященные выставкам В. В. Верещагина 1879 г. в Париже и Лондоне, а именно: «Выставка В. В. Верещагина в Лондоне» (1879, 21 июня, № 1188); «Еще о выставке В. В. Верещагина в Лондоне» (1879, 23 июля № 1220); «Выставка Верещагина в Париже» (1879, 24 декабря, № 1374) и «Конец выставки Верещагина в Париже» (1880, 14 января, № 1393).

Повидимому, желание поместить свои статьи о Верещагине в наиболее распространенной газете, какой было тогда «Новое время», вынудило Стасова обратиться уже в последний раз к этому ставшему ему чуждым печатному органу. И. Е. Репин писал 4 января 1880 г. по этому поводу Стасову: «В «Нов[ом] времени» я читал Вашу статью о Верещагине, и если бы мне П. М. Третьяков не сказал, что ее написали Вы, я бы не поверил. Главное, я знал, что Вы в «Нов[ое] время» уже не намерены были давать статей. Или это Верещагин Вас заставил итти на компромиссы?» («Репин И. Е. и Стасов В. В. Переписка», [т.] II, 1877—1894, М.—Л., 1949, стр. 49).

Стасов возобновил свои выступления в газетах в октябре 1879 г., опубликовав в «Голосе» статью «Письмо Листа» (7 октября, № 277). Позднее, в конце октября и в ноябре 1879 г., он поместил три статьи в газете «Молва». Затем до 1883 г. Стасов печатался в разных газетах: «Голос», «Порядок», «Молва», «Новости», а также журналах: «Вестник Европы», «Художественные новости», «Журнал министерства народного просвещения», «Русская старина», «Вестник изящных искусств».

С 1883 г. Стасов уже постоянно печатался в находившейся в праволиберальном лагере газете «Новости» («Новости и биржевая газета») и сотрудничал в ней до конца жизни. Вместе с тем он периодически публиковал свои статьи в разных журналах.

233

К письму 1/13 мая 1879 г.

[1] На автографе пометки В. В. Стасова: «Париж» и «1879».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 13 мая 1879 г. и Петербург, 5 мая 1879 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «1 мая 1879. Болг[арские] картины. Торгованье с *Третьяковым*. Взбесился на программу Третьякова».

[2] Верещагин имеет в виду письмо В. В. Стасова от 27 апреля 1879 г.

[3] Несколько позднее, 15/27 мая 1879 г., Верещагин написал Третьякову обстоятельное письмо с изложением причин, вынуждающих его устанавливать на свои картины цены, сообщенные им Третьякову: «Прежде всего дайте сказать Вам то, что вряд ли нужно было бы говорить, а именно, что я Вас искренно уважаю — после этого уверен, что от слов моих у Вас не останется обидного впечатления, частичка которого как будто сквозит в ответе Вашем на мое последнее письмо.

Между праздничными картинами войны, которых Вы никогда не уважали и не желали, и картинами войны *такой, какая она есть,* разница громадная... Если бы я мог теперь же показать Вам и обществу все мои картины, вместо половины их, уже сделанными, то, разумеется, не предложил бы таких не выгодных для себя условий, как назначение цен картин сообразно их величине. Большие картины у меня все отделаны, обдуманы, можно сказать выстраданы, почему, думаю, стоят своих цен, но и между малыми есть полные трудностей исполнения, а между тем цены и по этой мерке просто ничтожны. Я должен Вам 10 000 рублей с %, да в другом месте до 15 000, да буду принужден еще занять до 10 000 для окончания работ, — все это придется уплачивать, да при этом жить и дышать, хоть и скромно, но все-таки тратить деньги, а здоровье не позволяет мне сделать более 4 больших холстов в год — рассчитайте, чем же я — художник, уже потративший не мало сил и здоровья на развитие таланта своего, — буду существовать? Совершенно понимаю Ваше желание, очень натуральное, иметь картины мои возможно дешевле, но думаю, что после они, вероятно, будут стоить скорей дороже, чем теперь... Я думаю, лишнее почти говорить Вам, Павел Михайлович, что эти рассуждения мои между нами; я позволил себе вдаться в них только потому, что Вы писали В. В. Стасову о причинах, заставляющих Вас предлагать сбавить цены; говорили, что Вы не концессионер, не подрядчик, содержите училище и проч. Со своей стороны и я позволяю себе сделать то же, высказать мои соображения, но именно только Вам и В. В. Стасову. Еще раз буду жалеть, если картины мои минуют рук такого бескорыстного любителя искусства, как Вы; но что делать: если мои условия для Вас неподходящи, то будем считать, что между нами не было никаких переговоров о ценах и оставим за собой обоюдную полную свободу на будущее время. Прошу Вас принять уверение в моем уважении» (Архив Третьяковской галлереи).

234

К письму 8/20 мая 1879 г.

[1] Год «1879» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Соутс-Кенсингтон [Лондон], 20 мая 1879 г. и Петербург, 12 мая 1879 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «20 мая 1879. Посылка картины».

[2] Картину В. В. Верещагина «Пленные».

235

К письму 4 июня 1879 г.

[1] Речь идет о присланной Стасову картине Верещагина «Пленные», которую показывали как образец великому князю Александру Александровичу в Аничковом дворце. После отказа наследника от покупки балканских картин Верещагина Стасов отправил картину обратно в Париж.

236

К письму 14/26 июня 1879 г.

[1] На автографе пометки В. В. Стасова: «Париж» и «1879».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 27 июня 1879 г. и Петербург, 19 июня 1879 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «14 июля (ошибка, следовало 14 июня. — *Ред.*) 1879. Успех в Лондоне. Leighton. Alma-Tadema. Выставка в Петербурге».

[2] На второй лондонской выставке картин В. В. Верещагина, открывшейся в июне 1879 г., были представлены 17 номеров картин и этюдов индийской серии и 8 картин из русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

[3] В стороне от движения (дороги).

[4] Кенсингтонские здания, в которых В. В. Верещагин устроил свою выставку, расположены недалеко от центра Лондона, в западной части города (Вестэнд), к югу от Гайдпарка и Кенсингтонских садов. В этой части Лондона, называемой Южный Кенсингтон (Соутс-Кенсингтон), находится большое количество музеев — целый музейный городок. Там же находилось здание Южнокенсингтонского музея, в 1899—1909 гг. перестроенное, увеличенное и названное музеем Виктории и Альберта.

[5] «Дейли Ньюс» — лондонская газета, основанная в 1846 г.

[6] Альма-Тадема Лауренс (1836—1912) — живописец, поздний представитель классицизма, нидерландец по происхождению, работал с 1870 г. в Англии. Писал картины из античной жизни.

[7] Лейтон Фредерик (1830—1896) — английский художник, с 1879 г. — президент Лондонской королевской академии; писал в академической манере картины из античной жизни, библейские, исторические и бытовые.

237

К письму 20 июня 1879 г.

[1] Дата «1879» установлена на основании ссылки на письмо Верещагина от 14/26 июня, полученное Стасовым 19 июня 1879 г. в Петербурге.

[2] Статья Стасова «Выставка В. В. Верещагина в Лондоне» с переводом статьи «Дейли Ньюс» была опубликована (без подписи) в газете «Новое время» (1879, 21 июня, № 1188; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 453—456).

Статья состояла из небольшого предисловия и перевода из «Daily News»; в ней Стасов писал:

«Месяца три тому назад в газетах наших было сообщено известие, что одна из картин В. В. Верещагина на сюжет из последней турецко-болгарской войны будет прислана в Петербург. С тех пор слухи о Верещагине совершенно замолкли, и, вероятно, многие из соотечественников художника не раз спрашивали с удивлением: что же, однако, сталось с этой картиной Верещагина и со всеми остальными его иллюстрациями великой войны? Тем, кого этот вопрос интересует, мы имеем возможность сообщить в настоящую минуту несколько любопытных сведений. Картина Верещагина «Пленные» была действительно прислана в Петербург в конце марта, как образец всей будущей коллекции, но не была куплена и потому уехала назад в Париж еще в начале апреля.

Между тем Верещагину было предложено из Лондона выставить там все находящиеся у него в мастерской, еще никому не проданные, новые его картины. Он это и сделал. В залах, прилегающих к Кенсинг-

тонскому музею, он выставил всю свою «индийскую коллекцию» картин (плод двухгодичного пребывания в Индии, с 1874 по 1876 год), а также те из картин турецко-болгарской войны, которые он до весны настоящего года успел кончить. Выставка до сих пор продолжается.

Знакомые сообщают нам из Лондона, что лучшие английские художники, наприм. Альма-Тадема, Лейтон и другие, пришли в великое восхищение от созданий Верещагина. Что же касается до мнений лондонской публики и печати, мы надеемся сообщить читателям извлечения из всех главных английских журналов, по мере того как мы будем получать их из Лондона.

В настоящую минуту мы ограничимся сообщением статьи из «Daily News», нами только что полученной и озаглавленной: «Военные картины Василия Верещагина». Здесь английский критик говорит: «Ужасы войны часто бывали изображаемы, с несколько излишней реальностью, в описаниях тех героев пера, которые рисковали своей жизнью для того только, чтобы увидеть собственными глазами и рассказать эти страшные сцены. Ко всему, что могут произвести самые глубоко-проникающие и пылающие огнем речи, живописец, с таким единственным талантом, как г. Верещагин, присоединил свое искусство. Писаная история войны пополнена теперь его картинами турко-русской войны, и их он выставил в Соутс-Кенсингтоне, где уже несколько прежде были выставлены его индийские картины. Он вовсе не принадлежит к школе Ораса Вернэ и никоим образом не может почитаться живописцем мелодраматических баталий, вроде тех, какими покрыты военные галлереи в Версале, — все это лишь сцены, созданные из крови и грома заказным живописцем регулярных баталий. Верещагин сам видел и перечувствовал то, что он пишет, с редкою способностью схватывать мельчайшие подробности; он с необыкновенною точностью пишет своею кистью не только всю ту реальность, что видит и запоминает глаз строгого наблюдателя, но передает еще и то выражение страдания и геройской выносливости храбрых солдат, которое придает его картинам глубокий интерес. В Кенсингтоне выставлено восемь картин из того собрания, которое г. Верещагин называет своею «Поэмою войны». Начинаются они с атаки Плевны: здесь представлен император, сидящий на маленьком холме; он окружен своим штабом и напрягает свое зрение, чтобы рассмотреть вдали отчаянную схватку, закутанную грозной пеленой дыма, среди криков «Ура!» и «Алла!», доносящихся из-за грома пушек и ружей, — схватку, кончившуюся большим сражением и взятием редута Гривица. За этой картиной идет перевозка раненых, день спустя после предыдущей битвы; тут длинная вереница крытых фургонов движется вниз по холму, по направлению к Дунаю; конвоируют все почти одни тоже раненые, только легко раненные: так и видишь, что это все люди, угрюмо решившиеся выполнить во что бы то ни стало долг свой до конца. Еще печальнее, еще более потрясает картина, представляющая снежную дорогу, по которой шли турецкие пленные после сдачи Плевны. Весь путь помечен турками, свалившимися с ног и лежащими на земле в ожидании смерти от голода и холода; сцена смерти становится еще ужаснее от стай ворон, носящихся в голубом небе или дерущихся из-за человеческой добычи. Но и здесь художник, полный чувства меры и художественности, усилил впечатление своей картины тем, что возбудил воображение и не оскорбил чувства отвратительными и отталкивающими подробностями. Вся сила г. Верещагина как живописца волнующейся жизни и характера высказывается в его группах [....] русских солдат из отряда генерала Скобелева на Шипке, среди зимы. Во всех этих картинах он столько же велик, как и в тех мастерских картинах в описательном роде, какими отличается его «индийская коллекция».

К письму 27 июня/9 июля 1879 г.

[1] На автографе пометка В. В. Стасова: «Получено 1 июля [18]79».
К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 9 июля 1879 г. и Петербург, 1 июля 1879 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «Июнь 1879. Руссофоб Times. Taylor. №3 Хотел бы передернуть не только *мещан*, но и *военных*, да денег нет. Хотят большую картину везти в Виндзор».

[2] «Таймс» — ежедневная английская консервативная газета, основанная в 1785 г. в Лондоне.

[3] «Пэнч» — английский сатирико-юмористический журнал, основанный в 1840 г. при поддержке известного писателя Теккерея.

[4] «Дейли телеграф» — одна из крупных реакционных буржуазных английских газет. Основана в Лондоне в 1855 г.

О выставке Верещагина газета писала: «Отборное общество собралось вчера в Кенсингтонском музее, где выставлена теперь коллекция картин г. Верещагина. Несколько новых произведений прибавилось в последнее время к прежним, и значительно возвысили интерес этой уже и так замечательной выставки. [....]. Можно сказать, что здесь на выставке присутствовало все, что́ есть в Лондоне представителей мира интеллигенции, вкуса и знания, и эта толпа собралась, чтобы посмотреть на новые произведения того русского художника, чей гений и энергия одни добыли ему могучих и влиятельных друзей как в Англии, так и у него на родине. У Верещагина впереди блестящее будущее, ему предстоит осуществить в картинах все виденное и испытанное им в его отважных странствиях, в отдаленнейших странах света. Он начал свою карьеру в качестве морского офицера, но потом бросил службу, занялся живописью и скоро достиг в ней великих успехов. Стоит упомянуть о его способе копировать природу. У него устроена мастерская на чистом воздухе, которая особым своим приспособлением дает ему возможность работать прямо на солнце: от этого-то, выставляя свои модели на весь пыл индийского зноя, он и был в состоянии достигать таких эффектов, которых иначе ни за что на свете не достигнешь. Блеск и свет многих картин его индийской коллекции, больших и малых, живо напоминают всю горячую ослепительность тропических стран. В противоположность им вы тут же видите снежные сцены, необыкновенно правдивые; а зимние эффекты иных военных его картин страшно возвышают реальность расссказываемых им событий. В этих последних русский талантливый художник, и сам нередко принимавший участие в событиях турецко-болгарской войны, отбрасывает великодушно в сторону все односторонние впечатления и рассказывает печальную истину страшной войны. Первая здесь картина из так называемой им живописной поэмы представляет нам русского императора с его штабом, сидящего неподвижно на одной из высот близ Плевны, в день третьей атаки. Вдали поднимаются темные облака дыма, словно навстречу грозным громовым тучам, и зритель точно слышит трескотню ста тысяч ружей и рев артиллерии. Следуя по порядку, едет транспорт раненых русских, на другой день после сражения. Линия телег далеко протянулась по гладкой дороге, противное состояние которой вместе с первобытным устройством повозок заставляло бедных раненых испытывать такие мучения, для которых нет имени. Далее, еще сцена — путь турецких пленных после сдачи Плевны. Вся дорога вплоть до Дуная была усеяна замерзшими трупами — и так и написана картина: тут только и есть живых, что вороны да коршуны. Таковы главные картины, но есть и другие в высшей степени замечательные, — так, например, кар-

тика, изображающая отряд генерала Скобелева и его переходы через Балканы ночью, в трескучий мороз. Это угрюмое зрелище! Вся картина освещена лишь отблеском снега, и на этом фоне ясно вырисовываются закутанные русские солдаты. Надо видеть всю коллекцию, и это по двум причинам: индийская ее часть, заключающая, между прочим, воспоминание о путешествии принца Уэльского, полна любопытных и значительных подробностей; другая же ее часть, с картинами из войны, читает каждому урок более поразительный, чем все то, что мирный путешественник способен был когда бы то ни было принести домой и передать сердцу народа» (Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 458—460).

[5] Премацци Людвиг Осипович (1814—1891) — пейзажист-акварелист; академик и профессор Академии художеств. Писал перспективные виды, пейзажи, интерьеры.

В статье «Выставка в Академии 1870 г.» Стасов писал о Премацци: «Профессор г. Премацци выставил отличные акварельные перспективы: одной залы Царскосельского дворца и двух зал из дома барона Штиглица. Лаковые полы, растворенные двери с выглядывающими оттуда комнатами, окна, из которых падают целые столбы света, — все это прекрасно и верно попрежнему, но зато свидетельствуют о значительном упадке и рутине пейзажи г. Премацци, выставленные тут же: в них ничего нет, кроме каких-то постоянных зеленых и оранжевых тонов, долженствующих одинаково выражать и Мурино и Швейцарию» («С.-Петербургские ведомости», 1870, 31 октября, № 300; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. I, отд. 2, СПБ, 1894, стб. 315—316).

239

К письму 4 июля 1879 г.

[1] Улица Ришелье, книгопродавец Фивег (бывший Франк)

[2] Бандеролью.

[3] Россика — собрание литературы о России.

[4] Стасов имеет в виду свою первую статью «Выставка Верещагина в Лондоне», опубликованную в «Новом времени» (1879, 21 июля, № 1188).

240

К письму 7 июля 1879 г.

[1] Год письма «1879» установлен по его содержанию.

[2] К письму приложен список брошюр на французском языке о Египте:

Rougé: Étude sur une stèle (памятник из целого камня) Égyptienne. Paris. 8° — 1 franc.

Brugsch: Examen critique du livre de M. Chabas: «*Voyage d'un Egyptien*» etc. 8° — 1 franc.

Déveria: Bakenkhonsou, grand prêtre d'Ammon etc. 8° — 1 franc.

Libraire Vieweg (Franck), 67, rue Richelieu *.

---

* *Руже:* Исследование об одной египетской стеле (памятник из целого камня). Париж 8° — 1 франк.

Бругш: Критический разбор книги М. Шаба: «*Путешествие одного египтянина*» и т. д. 8° — 1 франк.

Деверия: Бакнехонсу, Верховный жрец Амона и т. д. 8° — 1 франк.

Книготорговец *Фивег* (Франк), 67, улица Ришелье. — *Ред.*

241

К письму 7/19 июля 1879 г.

[1] На автографе пометки В. В. Стасова: «Париж» и «1879».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 19 июля 1879 г. и Петербург, 11 июля 1879 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «7 июля 1879. Taylor. «Руссофобство Times'a».

[2] «Глоб», «Поль Мель», «Стандарт», «Морнинг пост» — английские газеты.

[3] Верещагин имеет в виду статьи «Дейли ньюс» и «Дейли телеграф».

242

К письму 9/21 июля 1879 г.

[1] На автографе пометки В. В. Стасова: «Париж» и «1879».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 21 июля 1879 г. и Петербург, 13 июля 1879 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «9 июля. Погода мешает работать».

[2] Брошюры об архитектуре в Египте, которые Стасов в письме от 4 июля просил Верещагина ему купить и выслать. Брошюры были нужны Стасову для его работ по археологии. Он обращался к ним, в частности, в статье «Русское сочинение о египетской архитектуре», опубликованной в «Журнале министерства народного просвещения» (1880, № 10, отд. II, стр. 402—445; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 487—524). В этой статье Стасов дал критический разбор книги А. Прахова «Критические наблюдения над формами изящных искусств» (вып. 1, Зодчество древнего Египта, СПБ, 1880).

243

К письму 11/23 июля 1879 г.

[1] Год «[18]79» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 23 июля 1879 г. и Петербург, 16 июля 1879 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «11 июля 1879. Королева Виктория прислала комплименты».

[2] Бругш Генрих-Карл (1828—1894) — известный египтолог, путешественник по Востоку, дипломат в Каире, автор сочинений по египтологии, один из создателей журнала для изучения египетских древностей.

Стасов неоднократно обращался в своих статьях к сочинениям и справочникам Бругша, которые в настоящее время значительно устарели.

[3] Деверна Шарль-Теодюль (1831—1871) — французский египтолог, автор трудов по истории древнего Египта и хранитель египетского музея в Лувре.

[4] Су — монета в 5 сантимов.

[5] Руже Оливье-Шарль-Камил (1811—1872) — французский египтолог, автор многих сочинений по древнему Египту.

244

К письму 19/31 июля 1879 г.

[1] На автографе надпись В. В. Стасова: «Получ[ено] 1 авг[уста 18]79».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Петербург, 4 августа 1879 г.; штемпель отправления неразборчив; применительно ко времени нахождения письма в пути и содержанию отправка датируется 31 июля 1879 г. из Мезон сюр Сэн.

На конверте пометки В. В. Стасова: «Июль 1879. Леман. Боголюбов. Большие туркест[анские] фотограф[ии] на Парижск[ой] выставке».

[2] Московское Общество любителей художеств.

[3] В магазине Беггрова продавались большие фотографии ($16^1/_2 \times 22^1/_2$ вершка) с туркестанских картин В. В. Верещагина, исполненные Ганфштенгелем (большой фотографический альбом). Вся коллекция состояла из 18 фотографий; из альбома продавались также и отдельные фотографии.

Коллекция состояла из следующих картин (названия приводятся в соответствии с объявлением о продаже коллекции, напечатанном в альбоме: «Туркестан. Этюды с натуры В. В. Верещагина», СПБ, 1874): 1) «Смертельно раненый»; 2) «Парламентеры»; 3) «Забытый»; 4) «Высматривают»; 5) «Нападают врасплох»; 6) «Окружили — преследуют»; 7) «Представляют трофеи»; 8) «Торжествуют»; 9) «Благодарят бога (гробница Тамерлана)»; 10) «Апотеоза войны»; 11) «Дверь мечети»; 12) «Тюрьма в Самарканде»; 13) «Тсс... пусть войдут»; 14) «Вошли»; 15) «Двери Тамерлана»; 16) «С гор на долины»; 17) «Продажа невольника»; 18) «Киргиз».

Некоторые из этих же картин в количестве 11 названий были отпечатаны (в таких же размерах) Обернеттером; они составляли малую коллекцию репродукций. Цена коллекции была 80 рублей; из нее продавались также и отдельные картины. В эту коллекцию входили: 1) Забытый; 2) Нападают врасплох; 3) Окружили — преследуют; 4) Представляют трофеи; 5) Торжествуют; 6) Благодарят бога (гробница Тамерлана); 7) Апотеоза войны; 8) Дверь мечети; 9) Тсс... пусть войдут; 10) Вошли; 11) Киргиз.

245

К письму 21 июля 1879 г.

[1] Буренин Виктор Петрович (1841—1926) — по образованию архитектор, занимался журналистикой; приобрел популярность в 60-х годах сатирическими стихами, печатавшимися в «Искре» (1862), «Современнике» (1863), «Отечественных записках» (1871), «С.-Петербургских ведомостях» (1876) и др. В 1876 г. перешел в газету «Новое время» и стал одним из основных сотрудников А. С. Суворина.

После ухода Стасова из «Нового времени» первоначальные дружественные отношения Буренина с ним сменились ожесточенными выступлениями против Стасова — защитника передвижничества и новой русской школы музыки.

Буренин стал одним из ярых представителей реакционно-черносотенной прессы; его выступления были наполнены клеветой, ложью и личными нападками против всех прогрессивных представителей общественной и политической жизни; его стихотворные фельетоны были низкопробно-вульгарного характера и содержания.

Печатался под псевдонимами «Граф Алексис Жасминов», «Нин», «В. Б-н», «В. Б.», «В. П.» и др.

[2] Вторая статья В. В. Стасова «Еще о выставке Верещагина в Лондоне» была опубликована в газете «Новое время» (1879, 23 июля, № 1220; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 455—460), т. е. через день после письма Стасова Верещагину. Помимо уже приведенного из этой статьи отзыва газеты «Дейли телеграф» (письмо 238), Стасов писал в ней: «...прежде всего необходимо обратить общее внимание на любопытный факт, обнаружившийся по поводу этой самой выставки. Это — необыкновенная ненависть к России и ко всему русскому, царствующая в настоящее время в целых слоях английского общества и в их выразительнице — английской печати. Мы получили несколько любопытных сообщений о том, чего пришлось наслушаться русским, присутствовавшим на выставке, а также распорядителям ее. Картины на сюжеты последней турецко-болгарской войны служили постоянной темой для множества являвшихся на выставку личностей, к разговорам и прениям, где картины и художник оставались совершенно в стороне, и высказывалась самая страстная, самая дикая ненависть к русскому походу и к русским освободительным подвигам. При таком настроении многие газеты не напечатали вовсе никаких отзывов о выставке и картинах Верещагина, предпочитая казнить русского художника молчанием, только бы не высказаться одобрительно о предмете, для них ненавистном. Они сочли необходимым не сказать ни единого слова об открытии выставки картин на сюжеты турецко-болгарской войны, между тем как эти самые газеты не пропускают обыкновенно без внимания ни одной выставки, художественной или иной, хотя бы самой неважной и незначительной. Так поступили нынче почти все известные своим руссофобством органы лондонской печати: «Glob», «Pall Mall», «Standard», «Morning Post». Но всех их превзошел «Times», как известно стоящий нынче во главе руссофобов. Нам сообщают, что художественный критик этой газеты, Том Тайлор, один из лучших английских писателей об искусстве, давно уже сильно сочувствующий русскому искусству (еще со времени Всемирной выставки 1862 г., когда он вместе с Палгревом, другим отличным художественным критиком, очень симпатично отзывался о русских картинах), — этот Тайлор не мог добиться от редакции «Times», чтобы она напечатала его статью о Верещагине, где он выражал все свое глубокое уважение к таланту нашего художника. Другие газеты поступили очень необыкновенно: они превозносили выше небес картины Верещагина на сюжеты индийские, для них приятные, и сильно порицали гуртом картины на сюжеты из турецко-болгарской войны, точно тут был перед ними какой-то совершенно другой человек, другой художник, другая кисть и другие краски.

Это так дико, так невообразимо, что трудно было бы поверить, если бы многочисленные печатные доказательства не были налицо.

Вот, например, блестящий тому образчик. В «Chelsea News» мы читаем в начале: «В Кенсингтонском музее можно видеть в настоящее время выставку из 180 приблизительно картин, написанных одним человеком. Они доказывают громадную энергию, великую индивидуальность, соединенную с необыкновенным мастерством и, во многих случаях, с первостепенным колоритом. Нам приятно видеть, что эта значительная коллекция нашла себе место, для временной выставки, по близости наших художественных школ, и серьезно надеемся, что английские молодые художники будут посещать эту выставку. Здесь они найдут себе урок более полезный, чем всякие сухие наставления, какими их могут попотчевать члены королевской академии художеств». Таково начало статьи, и казалось, что́ может быть выше таких похвал, где английскому учаще-

муся юношеству советуется пойти поучиться у художника, мало того, что иностранного (и это уже необыкновенно для англичанина), но еще русского. Однако же критик делает неожиданный поворот в сторону: «Каталог этой во многих отношениях единственной выставки озаглавлен так: «Сцены последней русско-турецкой войны и впечатления художника в Северной Индии, Василия Верещагина». Мы сомневались, к какой национальности принадлежит художник, пока не увидали греческих букв (!) на рамах русских картин. [....] Картины г. Верещагина с сюжетами его снежного отечества, конечно, никоим образом не принадлежат к числу удачных его произведений, и мы поворотимся к ним спиной, чтобы с восхищением посмотреть на правдиво изображенные наброски и этюды, сделанные им в Индии». Не правда ли, какое чудо! Пока Верещагин пишет вещи неприятные для английского вкуса и соображения — картины его неудачны; только что он пишет приятную для англичан Индию — картины его тотчас становятся достойными восхищения. Какая неслыханная метаморфоза! Однако будем довольны и тем, что нам дают. Послушаем критика: «Мы прямо скажем, что отроду не видали собрания этюдов, будь то ландшафт, животные, человеческие фигуры, архитектурные орнаменты, в которых было бы более характерности, чем в этих. Факиры, носильщики, женщины, духовные — буддисты или муллы, переданы с реальностью более чем фотографическою. Они нарисованы великолепно, с такой схваченной на месте свежестью, которая приводит в восхищение и далека от этюдов, сделанных в мастерской, какие нам приходится обыкновенно видеть. Вот возьмем для примера № 30, «Ладакскую женщину, средних лет», замужем за пятью мужьями, братьями, по обычаю полиандрии (многомужество), соблюдаемой в иных краях Индии даже и по сей день. Мы рекомендуем эту картину учащимся художникам и художницам: это восхитительный этюд и заслуживает тщательного изучения по своей великой индивидуальности. И еще укажем на № 10 — слон, на котором ездил его королевское высочество, принц Уэльский и который послужил этюдом для большой картины «Процессия». Если бы эту выставку посетил президент недавнего парадного банкета, расточавший похвалы молодому английскому художнику, который написал некую индийскую картину, украшающую нашу академию, — он бы убедился, что наш художник со своими дешевыми, школьными эффектами не достоин подержать и свечку г. Верещагину. Стоит только взглянуть на его картины №№ 115, 122, 109 и 110, от 1 до 46, наконец, № 73 (гробница в Дели) — великолепный образчик письма — все это картины с архитектурными сюжетами. Картины, изображающие Эллорские пещеры и Элефанту, а также внутренности некоторых храмов, превосходны по краскам. Мы сильно советуем читателю посетить эту выставку. Мы видали в Лондоне столько международных выставок, что наконец приходит охота посмотреть то, что́ в самом деле свежо и прекрасно, хотя бы даже это произведено иностранцем. Должно быть, художник был сильно охвачен своим предметом, когда принимался за кисть и так реально воспроизвел виденое; нам кажется, что он в своих картинах выразил горячее стремление своих соотечественников к странам, где солнце ярко светит, где небо яркосинее, где нет мороза и где не надо целый день держать перед собой кипящий самовар, где жить поудобнее, чем у них дома. И в этом он имел великолепный успех. Наши государственные люди сделали хорошее дело, провозгласив королеву императрицей той страны, где написаны эти полные жизни картины».

Итак, читатель видит: ни одного шага без политической ноты, ни одного шага без политической ненависти и высокомерия, ни одного шага без «мороза» и «самовара», неудобств русской жизни и совершенств своей, без величия английских государственных людей и их глубокого

зрения. Однако не все повально художественные критики пели только в один тон, патриотический, или вовсе не удостаивали разевать рот по поводу русских, «горьких» англичанину картин. Иные писатели были поразумнее и посправедливее...

...В заключение приведем только еще несколько кратких извлечений из двух других лондонских газет. «Morning Chronicle» говорит, между прочим: «Процессия на слонах, с ее восточными великолепиями, среди живописной архитектуры и мириад человеческих существ полна роскоши и блеска. Картина «Мечеть в Дели» величава по эффекту, по впечатлению целомудренной и чудной архитектуры, а также по религиозности церемонии, тут представленной. Трудно выбирать отдельные замечательные вещи из числа массы остальных превосходных картин и этюдов меньшего размера, но между картинами из русской войны мы укажем на особенно превосходную картину: «Атака Плевны» и «Путь турецких пленных» (перечисляются далее и другие картины войны). Что касается индийских сюжетов, то большинство из них — столько интересные по сюжету, сколько могучие по исполнению этюды». Кончая наши извлечения из лондонских газет, мы можем прибавить, что Верещагинская выставка в Париже осенью настоящего года будет еще обширнее нынешней лондонской, потому что художник продолжает неустанно работать в своей мастерской, в окрестностях Парижа, а когда его выставка состоится наконец и в Петербурге, вероятно в начале января будущего 1880 года, то, без сомнения, вся коллекция его картин из последней войны будет уже совершенно окончена, и мы увидим то, чего еще не могли теперь видеть ни англичане, ни французы».

Кроме статей о лондонской выставке, упоминаемых Стасовым, в архивных материалах Н. П. Собко имеется статья лондонской газеты «Daily Chronicle» (10 июня 1879 г.), писавшей о выставке Верещагина в Соутс-Кенсингтоне:

«Не часто приходится испытывать на художественных выставках такую искреннюю радость, как при посещении коллекции Верещагина. Как яркое осуществление сцен, которые он изображает, так и их художественные качества являются так же замечательными, как и поучительными и интересными».

[3] Катков Михаил Никифорович (1818—1887) — журналист. Редактор газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник»; крайний реакционер и шовинист; пользовался влиянием на правительство Александра III.

[4] Булгарин Фаддей Бенедиктович (1789—1859) — служил в России лейб-уланом; затем у Наполеона I в польском легионе (1809—1814); с 1822 г. издавал в Петербурге ряд журналов и газету «Северная пчела»; написал несколько романов. Был угодливым реакционным журналистом, нападал на прогрессивных русских писателей (А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и др.).

246

К письму 25 июля/6 августа 1879 г.

[1] На автографе надпись В. В. Стасова: «Получ[ено] 30 июля [18]79».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 7 августа 1879 г. и Петербург, 30 июля 1879 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «Июль 1879. Лучшие залы для выставки — академические. Ужасно устал от 1-й картины «Телиш». Всего лучше сочинять картины, ища грибы или землянику».

[2] Маков Лев Саввич (1830—1883) — крупный чиновник. С 1879 по 1880 г. — министр внутренних дел.

[3] Укрепления местечка Телиш на дороге из Плевны были взяты русскими войсками 16 октября 1877 г. Верещагин, бывший на месте боев непосредственно после сражения, видел изуродованные трупы русских солдат, павших под Телишем во время отбитой турками атаки. Снятые с убитых егерей мундиры были найдены в траншеях турок. О виденном под Телишем Верещагин писал Стасову 17 и 19 октября 1877 г. Со своих набросков в 1879 году Верещагин написал две картины, связанные с Телишем: «Победители» («Переодевание»), где турецкие солдаты-мародеры переодеваются в снятые с убитых русские мундиры, и «Побежденные» («Панихида»), где изображено отпевание полковым священником сложенных на поле, зверски замученных турками под Телишем русских воинов. Картина «Победители» принадлежала Терещенко; сейчас хранится в Киевском музее русского искусства. «Панихида» была приобретена П. М. Третьяковым и находится в Третьяковской галлерее.

Сам Верещагин в катологе своей московской выставки 1883 г. описывает содержание этих картин так:

«*Победители*. Вместо предписанной демонстрации перед укреплением Телиш полк гвардейских егерей пошел на штурм его и был отбит с потерею половины наличного состава. Турки следом за отступившими вышли из укрепления, прикончили всех раненых и изуродовали трупы. Они облачились в одежды, снятые с убитых, и через 2 дня по сдаче крепости мы нашли между пленными несколько смуглых, глупо ухмылявшихся своей красоте фигур, затянутых в мундиры лейб-егерских офицеров...

Побежденные. Все без исключения раненые наши были предварительно прирезаны и изуродованы турками и вместе с убитыми обшарены и раздеты догола. Товарищи их, егеря, собрали разбросанные по полю битвы тела, положили их рядом перед общею могилою... Священник отслужил панихиду...» («Каталог выставки картин и этюдов В. В. Верещагина в Москве», СПБ, 1883, стр. 4 и 5; см. также письма В. В. Верещагина № 136, 137 и 138 в кн.: «Верещагин В. В. и Стасов В. В Переписка». [Т.] 1, М., 1950, стр. 196—198).

247

К письму 28 июля/9 августа 1879 г.

[1] Год «1879» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: вероятно, Мезон сюр Сэн, 9 августа 1879 г. и Петербург, 1 августа 1879 г

На конверте пометки В. В. Стасова: «28 июля 1879. Немирович, Шаховской и др[угие], все искали крестов».

[2] Статья В. В. Стасова «Еще о выставке Верещагина в Лондоне» («Новое время», 1879, 23 июля, № 1220).

[3] Каталог выставки картин В. В. Верещагина в Лондоне в 1879 г.

[4] Книга Вас. Ив. Немировича-Данченко «Год войны (дневник русского корреспондента). 1877—1878 гг.», т. I и II, СПБ, 1878; т. III, СПБ, 1879.

В 1879 г. вышло 2-е издание, в 1903 г. — 3-е издание.

В книге имеются упоминания о художнике В. В. Верещагине. Во II томе на стр. 60 автор пишет о днях после взятия Плевны: «Видели турецкие больницы? — останавливает меня доктор Стуковенко. — Нет. — Ну так пойдемте. С нами следует только что приехавший от Гурко наш известный художник В. В. Верещагин. Я нарочно называю фамилии. То,

что я расскажу ниже, настолько ужасно, что я сам бы не поверил, если бы не был очевидцем...»

Там же на стр. 106, описывая действия Скобелева зимой на Балканах, автор сообщает: «Тут же был и следующий с нашим отрядом знаменитый художник В. В. Верещагин Здесь ему часто приходится смотреть в лицо смерти, причем не знаешь, чего у него больше — таланта или мужества... В самом сильном огне он спокойно и так же обстоятельно садится на свой складной табурет и набрасывает эскизы, как бы это он делал у себя в кабинете. Он уж, как оказалось, участвовал в рекогносцировке Скобелева, а на другой и на третий день я встречал его в самой жаркой кипени боя».

На стр. 140, в упоминании про Шипкинский бой: «Турецкие батареи заговорили и с Хаскиоя... — Двигайтесь вниз. Генерал Скобелев приказал выступить в долину, — показывается издали характерная фигура В. В. Верещагина, в высокой папахе, во весь карьер приближающаяся к нам из резервов. До того это приказание было во-время, до того оно ответило на желание всех, что общее «ура» неудержимо вспыхнуло на вершине и скатах занятых нами гор...»

В III томе автор описывает на стр. 90—93 дело Скрыдлова, атаковавшего на шлюпке «Шутка» турецкий монитор: «Вместе с ним на шлюпке находился знаменитый художник, сам отставной моряк, В. В. Верещагин — волонтером, в качестве старшего офицера... При отступлении «Шутки» был ранен в бедро навылет Верещагин... В то время, когда раненая «Штука» отступала со своим раненым командиром, в свою очередь еще быстрее улепетывал от нее турецкий монитор. Когда по дому, занятому ранеными, турки стали бить из крупповских орудий, кто-то предложил перенести Скрыдлова и Верещагина в другое, более безопасное место. Скрыдлов согласился охотно... Верещагин решительно отказался оставить этот дом.

— Да почему же? — добиваются у него.

— Здесь ни одной блохи нет... Чисто все, — с улыбкой ответил наш знаменитый художник.

Кругом, разумеется, расхохотались.

— Берите меня, — посоветовал Скрыдлов, — а уж Верещагин меня не оставит!

— Послушай, ну подождем еще! — серьезно стал убеждать его Верещагин. — Ведь это случайность одна была. Ну пусть еще одну гранату разорвет, тогда и оставим этот дом... Где ты найдешь такое помещение... Ни одной блохи!

Наш художник — тип человека спокойного, хладнокровного. На лице его всегда полуулыбка. Для него нет выше наслаждения, как таскаться по свету. Он никогда, по собственным своим словам, не чувствовал себя так хорошо, как на войне, между военными. 24 мая, когда турки бомбардировали суда, стоявшие у Журжева, Верещагин стоял у самого берега, где падали и разрывались бомбы. Брызги воды и грязь осыпали его с ног до головы. Кончилась бомбардировка. Его стали упрекать:

— Сидели бы дома, чего вы на смерть напрашиваетесь с Вашим талантом...

— Если бы стреляли в мой дом, я убежал бы, — отвечал Верещагин, — я убежал бы, потому что вовсе не желаю быть бесполезно убитым, но пропустить случай так близко видеть световой эффект я не мог и, признаюсь, действительно, ничего подобного не видел в жизни...»

[5] Мамонтов Анатолий Иванович (род. 1839) — издатель, владелец типографии и книжного магазина в Москве.

[6] Т. е. военных орденов.

[7] Орден Анны; был учрежден в России в 1743 г.

248

К письму 8 августа 1879 г.

[1] Маленьким изданием Стасов называет, вероятно, изданный у Ганфштенгеля в уменьшенном формате альбом картин Верещагина.

[2] Стасов имеет в виду вновь отстроенный к тому времени дом Крестьянского поземельного банка на Адмиралтейской набережной Невы.

[3] Адмиралтейство — выдающийся памятник русской классической архитектуры в Ленинграде на берегу Невы (1806—1823). Заложено еще в 1704 году для судостроительной верфи; перестроено в 1730-х гг. Коробовым, а в первой четверти XIX в. — крупнейшим русским зодчим А. Д. Захаровым. После перестройки предназначалось для размещения административных учреждений морского ведомства. Являясь памятником позднего русского классицизма, Адмиралтейство в своем архитектурном образе отражает идею величия русского государства как могучей морской державы. Адмиралтейство с его строгими, ясными, торжественно звучащими монументальными формами, органическим синтезом архитектуры и скульптуры (исполненной скульпторами Ф. Ф. Щедриным, И. И. Теребеневым. В. И. Демут-Малиновским. С. С. Пименовым) представляет собой значительнейший композиционный центр города и составную часть ансамбля его лучших площадей — Декабристов и Дворцовой.

[4] Это был зал в доме Петербургского городского кредитного общества.

[5] Александринский театр (ныне Государственный академический театр драмы им. А. С. Пушкина в Ленинграде) построен архитектором К. И. Росси, закончен в 1835 г. Являясь одним из красивейших зданий города, театр венчает замечательный архитектурный ансамбль, созданный архитектором Росси в характерном для Петербурга классическом стиле; ансамбль состоит из площади у Чернышева моста на Фонтанке, Театральной улицы (ныне улица зодчего Росси) и площади Александринского театра (ныне площадь Островского).

[6] Здание Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, построенное К. Росси в стиле классицизма, входит в ансамбль Александринской площади.

249

К письму 13/25 августа 1879 г.

[1] Год «1879» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: отправления неразборчив, повидимому Мезон сюр Сэн и Петербург, 17 августа 1879 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «19 авг[уста] 1879. Очень устал. Выставка в Петерб[урге]».

[2] Речь идет о выставке 1874 г., устроенной в здании министерства внутренних дел.

[3] Шене — служащий в магазине художественных предметов А. Беггрова в Петербурге.

250

К письму 30 августа 1879 г.

[1] В журнале «Еженедельное Новое время» (1879, 16 августа, № 31—32, стб. 327—338) была опубликована статья Н. Вагнера «Выставка картин В. В. Верещагина в Лондоне». Автор восторгается произведениями Верещагина, удивляется широте его таланта, относит его к самым силь-

ным и деятельным среди русских художников, но в то же время неправильно утверждает, что он не вполне русский художник, а принадлежит к мюнхенской немецкой школе.

[2] Вагнер Николай Петрович (1829—1907) — зоолог, был профессором Казанского (1852—1871) и Петербургского (1871—1894) университетов. Открыл явления педогенеза (размножения личинок). Писатель, автор «Сказок Кота-Мурлыки», романа «Темный путь» и др., редактор-издатель журнала «Свет» (1877—1879).

[3] Авеню Сюффрен, 88.

251

К письму 4/16 сентября 1879 г.

[1] Год «1879» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 17 сентября 1879 г. и Петербург, 9 сентября 1879 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «4 сент[ября] 1879. Очень устал от 2-й картины «Телиш». В[еликий] к[нязь] Ник[олай] Никол[аевич] о наследнике».

[2] Верещагин неоднократно писал по поводу Боголюбова и наследника конференц-секретарю Академии художеств П. Ф. Исееву. В частности, 13/25 июня 1879 г. Верещагин пишет Исееву: «По поводу вмешательства Боголюбова скажу Вам, что он хотел пристроить к кампании (русско-турецкой) француза Невиля, но тот, узнавши, что я еду, не поехал. Тогда Боголюбов буквально вцепился в меня, чтобы я согласился *отдать все мои будущие работы цесаревичу*. Еще недавно, возвратившись из Петербурга, уверял меня, что е[го] в[ысочество] желает иметь мои картины, и поручил ему, Боголюбову, пересылать их и проч. Оказывается, что врал, е[го] в[ысочество] ничего этого не говорил».

Там же Верещагин писал о своей будущей выставке в России:

«На Ваш вопрос, много [ли] места мне нужно, скажу, что, по всей вероятности, *много*, 2 зала, если они не очень велики, и *один*, если он очень большой. Перед Москвой я хотел бы выставить их в Питере, если найду хорошее помещение и это не далее начала будущего года. Кроме места, я желаю иметь право самому развесить свои картины, не смешивая их с другими, т. е. отдельною коллекциею и в том порядке, который я им дам. Думаю, что это желание, со стороны человека, так серьезно относящегося к делу, как я, не покажется Вам чрезмерным» (Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР имени В. И. Ленина).

252

К письму 12 сентября 1879 г.

[1] Бесплатно.

[2] Ящики с картинами для выставки Верещагина в Петербурге.

253

К письму 18/30 сентября 1879 г.

[1] Год «1879» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 30 сентября 1879 г. и Петербург, 22 сентября 1879 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «18 сент[ября 18]79. Выставка в Петербурге».

254

К письму 25 октября 1879 г.

[1] Вероятно, так была адресована Верещагину бумага из капитула орденов.

[2] Капитул орденов — учреждение в царской России, ведавшее всеми орденами и знаками отличия и учитывавшее лиц, их получивших.

[3] Речь идет о книге «Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806—1858 гг.» (СПБ, 1880). Книга издана М. П. Боткиным. В. В. Стасов принимал большое участие в редактировании книги.

В книге напечатана статья В. В. Стасова «Воспоминания об Ал. Андр. Иванове» (стр. 415—424; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 4, СПБ, 1894, стб. 231—240).

[4] «Явление Христа народу» (1837—1857) — картина художника А. А. Иванова; его основное произведение, над которым он работал в Риме.

Находится в Третьяковской галлерее.

Подобно Герцену, Чернышевскому, Стасову, Репину и другим передовым деятелям русской культуры середины и второй половины XIX столетия Верещагин высоко ценил талант А. А. Иванова и его картину «Явление Христа народу». Об этой картине Верещагин писал: «Явление Христа народу» — одно из самых чудных созданий художественной кисти и по мысли и по исполнению, несколько сухому, резкому, но искреннему, наивному и полному достоинств» («Художник», 1891, № 1). Вместе с тем Верещагин отмечал недостаточность реализма в картине Иванова, передававшей Италию, а не Палестину, где Иванов не был. Вследствие этого, по мнению Верещагина, в картине недостаточно правдиво отображены ослепительное солнце Палестины, типы людей под этим солнцем и т. д.

[5] Статья Стасова «Александр Иванов» опубликована в «Вестнике Европы» (1880, январь, стр. 111—186; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 4, СПБ, 1894, стб. 57—120).

[6] В. В. Стасов написал в 1879 г. значительное количество литературных и критических статей: «После Всемирной выставки 1878 г.» («О еврейском музее в Трокадеро и еврейских художниках». «Еврейская библиотека», VII); «Открытие художественных выставок» («Новое время», № 1077); «Художественные выставки» («Новое время», № 1086, 1092, 1093).

[7] Речь идет о капитальном труде В. В. Стасова — атласе «Славянский и восточный орнамент». Издание его было выполнено отдельными выпусками в 1884—1887 гг.

[8] Отсутствие женщин в картинах Верещагина (туркестанских, индийских, балканских и серии 1812 г.) является в первую очередь следствием военного характера содержания этих произведений. Только в картине «После атаки. На перевязочном пункте» (1881, Третьяковская галлерея) видны женские фигуры сестер милосердия. В ряде областей Туркестана женщины были скрыты от посторонних людей, поэтому они также не попадали в картины Верещагина.

255

К письму 30 октября/11 ноября 1879 г.

[1] Год «1879» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 11 ноября 1879 г. и Петербург, 3 ноября 1879 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «N3 Отзывы вел[иких] князей. Надежда на понятие России. Женщины и их деятельность».

[2] Такое необычное и полуироническое обращение Верещагина является ответом на предыдущее письмо, где Стасов назвал художника по его гражданскому чину (самому низшему по «табели о рангах»).

[3] В автографе после слов «моего пенсиона» вставка В. В. Стасова: «(как георгиевско[ого] кавалера)».

[4] «На Шипке все спокойно» — картина В. В. Верещагина (триптих, 1878—1879). Картина изображает три последовательных эпизода боевой службы и гибели русского солдата на Шипкинских позициях. В предисловии к каталогу московской выставки своих картин 1883 г. Верещагин писал: «Каждый день солдаты падали десятками от турецких пуль и сотнями от мороза. Полки уменьшились до невероятной цифры», а в это время в рапорте генерала Радецкого говорилось: «На Шипке все спокойно».

Естественно, что такие острые и обличающие картины Верещагина, как «На Шипке все спокойно», вызывали резкое недовольство двора.

Нынешнее местонахождение картины не установлено.

[5] Об отзыве великого князя Владимира Александровича Верещагин писал [4/]16 декабря 1879 г. Исееву: «Между нами: меня удивляет, что е[го] в[ысочество] Владимир Александрович за бытность в Париже позволил себе так резко выражаться о моих работах, которые он даже не видел. Это совсем не рекомендует его уменья различать послушных богомазов от независимых художников». На автографе письма Верещагина пометка Исеева: «Писал 13 декабря». Верещагин снова пишет 18/30 декабря 1879 г. Исееву: «[....] Петр Федорович, дело не в сплетне, а в настоящем резком осуждении, которое, исходя от такого высокопоставленного лица, разумеется, было замечено и повторено — это так натурально!

Относительно места на московской выставке позвольте сказать Вам, что с величайшим удовольствием приму его, с условием, что дадите мне его много и избавите от подчинения разному начальству, мал мала меньше. Пусть предложат и дозволят относиться, напр., к секретарю академии, но избавят от послушания разным меценатам, вроде Боголюбова и комп[ании], неизбежных как смерть во всех художественных советах и жюри. Прошу Вас принять уверения в моем уважении. В. Верещагин» (Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР имени В. И. Ленина).

[6] Речь идет о книге: Илинский П. А., Русская женщина в войну 1877—1878 гг. Очерк деятельности сестер милосердия, фельдшериц и женщин-врачей, СПБ, 1879.

Книга составлена автором на основании его наблюдений над деятельностью организаций Красного Креста в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

256

К письму 10 ноября 1879 г.

[1] Имеются в виду отказ В. В. Верещагина принять у себя в мастерской в Мезон-Лаффитт (Париж) наследника Александра Александровича (будущего Александра III) и нежелание Верещагина посетить великого князя Владимира Александровича, президента Академии художеств.

[2] В своем письме к В. В. Стасову от 6 ноября 1879 г. Антокольский сообщал, что русские художники в Париже устроили в честь прибывших во Францию великих князей выставку и приняли покровительство наследника.

[3] Впервые письма В. В. Верещагина к В. В. Стасову в наиболее полном объеме печатаются в настоящем издании.

[4] Тогда же, 13 ноября 1879 г., Стасов сообщил П. М. Третьякову: «В. В. Верещагин устраивает теперь свою выставку в Париже, и в феврале она уже откроется и здесь. Только я написал ему, что я *один* устраивать ее не берусь — слишком много надо хлопот и времени, и потому я непременно жду его самого сюда. Дай бог, чтобы он хоть нынче меньше дурил и продал ее так, как она должна быть продана. Я, по крайней мере, весь предан этой мысли» («Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова», М.—Л., 1949, стр. 49).

257

К письму 23 ноября/5 декабря 1879 г.

[1] На автографе пометки В. В. Стасова: «Париж» и «1879».

К письму приложен конверт с пометками В. В. Стасова: «24 ноября [18]79 г. Выставка в Петербурге. «Спасители отечества».

[2] Художественно-литературный кружок (клуб) Ст.-Арно.

[3] Верещагин ошибся: среди подсудимых по делу Мирского был Николай Александрович Верещагин, студент Военно-хирургической академии; брата же художника звали Николай Васильевич.

[4] Мирский Леон Филиппович (1859—1919) — член организации «Земля и воля», покушался на начальника III отделения, шефа жандармов А. Р. Дрентельна. По делу был привлечен целый ряд лиц. Мирский был присужден к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Помогавший ему скрыться отставной прапорщик Ю. А. Тархов — к 10 годам крепости.

[5] «Спасители отечества» — ироническое название охранки.

258

К письму 27 ноября 1879 г.

[1] Речь идет о первой выставке картин В. В. Верещагина в Париже, открывшейся 7/19 декабря 1879 г.

На выставке были представлены этюды и картины индийской серии в том же количестве, как и на лондонской выставке, и 21 картина из русско-турецкой войны, а также фотографии с картин туркестанской серии, находившейся в Москве.

[2] Стасов работал над подготовкой к печати второй части своей статьи «О значении Брюллова и Иванова в русском искусстве». Первая часть — «Карл Брюллов» — была опубликована в «Русском вестнике» в 1861 г. (т. 34 и 35, №№ 9 и 10, стр. 1—48 и 341—364; см. также: С т а с о в В. В., Собр. соч., т. II, отд. 4, СПБ, 1894, стб. 1—57).

Вторая часть статьи — «Александр Иванов» — опубликована в «Вестнике Европы» в 1880 г. (январь, стр. 111—186; см. также: С т а с о в В. В., Собр. соч., т. II, отд. 4, СПБ, 1894, стб. 57—120).

[3] Стасов имеет в виду письмо Верещагина к нему от 30 октября/11 ноября 1879 г., где говорилось о книге Илинского, о качествах, проявленных женщинами на русско-турецкой войне, и о намерении Верещагина написать об этом.

259

К письму 13/25 декабря 1879 г.

[1] На автографе пометки В. В. Стасова: «Париж» и «1879».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 26 декабря 1879 г. и Петербург, 18 декабря 1879 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «13 дек[абря 18]79. Выставка в Париже. Тургенев. Claretie».

[2] Об успехе выставки Верещагина, вспоминая успех русского отдела Всемирной выставки 1878 года, писал «XIX Siècle». В. В. Стасов цитирует отзыв газеты: «Оригинальность избранных сюжетов и сила выполнения [....] вызвали тогда искреннее удивление и предвещали, что русское искусство не замедлит выразиться очень ярко и водрузить свое знамя среди произведений наших современников. Выставка г. Верещагина подтвердила это.

Этот художник обладает изумительной быстротой и легкостью работы. На выставке в артистическом кружке последние его работы (1874 до 1879 г.) образуют коллекцию из 167 нумеров, отличительной чертой которых является чарующая искренность и обаятельная сила и оригинальность таланта».

Передав затем содержание туркестанских картин, — продолжает Стасов, — рецензент «XIX Siècle» говорит, что вся серия военных впечатлений дышит правдивостью. То же самое следует сказать и о группе картин на эпизоды последней войны. Три небольшие картинки под № 163, 164 и 165, названные автором «На Шипке все спокойно!», поразили обозревателя своим простым, безыскусственным трагизмом. «На первой изображен солдат в высоких сапогах, в серой шинели, с головой, окутанной башлыком; он только что поставлен часовым на аванпост. Метель крутит снег у его ног и наметает сугроб ему по колена, все поднимаясь выше и выше. На следующей картине часовой все еще стоит на карауле, но снег, пушистый, легкий, заметает уже ему грудь; он видит, что через несколько минут наступит его конец, но верный долгу, хотя смерть уже носится над его головой в этих крутящихся хлопьях, он все стоит, такой же невозмутимый, такой же величавый. На третьей картине мы уже видим несчастного солдата мертвым, занесенным снегом, только кончик шинели говорит, что тут лежит тело героя». К числу самых замечательных произведений этой группы причисляются затем: «Третий штурм Плевны»: император сидит на вершине холма и сквозь дым шестисот орудий старается различить движения войск «Турецкие пленные»: вся дорога от Шипки до Дуная усеяна замерзшими людьми. Обессилев, они упали на землю и оставались тут двое суток без помощи, мало-помалу замерзая. «Русские раненые»: большая дорога загромождена телегами и фургонами, тянущимися бесконечными вереницами до Дуная. «Победители»: иррегулярные турецкие солдаты, наряжающиеся в мундиры убитых. «Побежденные»: 1500 человек стрелков, убитых и обнаженных, лежат рядами подле гигантской могилы, у которой священник совершает общее отпевание над покойниками.

Из этой залы, где все веет смертью, снегом и ужасом, перейдем в следующую, где все жизнь, свет, зной и веселье. Мы перед произведениями, привезенными Верещагиным из Индии. Тут он показывает нам с артистическим кокетством самые разнообразные стороны своего таланта. Здесь да простит нам, однако, художник несколько бóльшую сдержанность в наших похвалах; они принадлежат ему безусловно за исполнение русских тем. Кроме того, что в письме индийских картин оказывается слишком много сходства с манерой нашего живописца Жерома,

не всегда удачен и выбор сюжетов, весьма многочисленных, быть может, даже чересчур многочисленных.

А все же нужно сказать, что рядом с массой картин, слишком эскизных, есть картины замечательные. Например: «Въезд принца Уэльского в Джейпур» и «Великий Могол, молящийся в своей мечети Дели». Обе картины достаточно доказывают в Верещагине все качества первоклассного колориста и даровитого творца сцен. Эта выставка, абсолютно бесплатная, открыта до 4 января. Она наверное будет иметь большой успех» («Новое время», 1879, 24 декабря, № 1374; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 463—464).

[3] Газета «Франс». Об отзыве газеты «Франс» Стасов сообщал: «Но самое крупное порицание мы встретили в газете «France», и высказанное тут настолько разнится от общего хвалебного хора, настолько странно, неверно и невероятно, что мы считаем необходимым привести это мнение целиком. «Серия индийских картин Верещагина, — говорит «France», — представляет громадный интерес с этнографической точки зрения. Верещагин воспроизвел с большою верностью характер и физиономию большинства самых значительных зданий Индусской империи. Но со стороны художественной можно было бы сделать упрек этим картинам — в монотонности. Колорит жесткий и лишенный звучных нот. Манера слишком прилизанная, без энергии. Верещагин, в котором можно сразу угадать ученика Жерома, — что́ уже само по себе недостаток — еще преувеличивает недостатки, но не достоинства своего учителя.

Самая большая картина выставки, имеющая, наверное, не менее 20 квадратных метров в объеме, изображает въезд принца Уэльского в Джейпур. Это — сплошная колоссальная ошибка. Другая большая картина, сюжетом которой служит молитва Великого Могола в мечети Дели, опять доказывает, что талант Верещагина справляется лучше с маленькими, чем с крупными картинами. Дело в том, что его достоинства по преимуществу заключаются в нежности, в живописности и чувстве, качествах, рельефно выражающихся в некоторых его произведениях небольшого размера».

Впрочем, та же «France» уже совершенно иначе отзывается о прочих картинах Верещагина, именно о самых важных. «Отдел картин на сюжеты русско-турецкой кампании, — говорит «France», — по нашему мнению, гораздо удачнее вещей, привезенных им из Индии. Артиста вдохновляли не только живописные и поразительные сцены, проходившие перед его глазами, величие безграничных снеговых равнин, на которых происходили сражения, вдохновением ему служил здесь патриотизм и славянский темперамент. Лучшими из них мы считаем обозначенные в каталоге именами: «Турецкие пленные», «На Шипке (часовые в метель)», «Шипкинские казематы» и «Шипка зимой».

Настоящая выставка должна познакомить парижан с Верещагиным, бывшим для них вполне неизвестным до сих пор. Но мы сомневаемся, чтобы парижане разделили вполне мнение, составившееся о нем между его соотечественниками. Верещагин бесспорно талантливый художник, плодовитый и понимающий красоту, но выставка 1878 года на Марсовом поле открыла нам существование русских художников, превосходящих его дарованиями, что́ не исключает, однако, интереса настоящей выставки и того, что она достойна изучения» (Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 467—468).

[4] Вашон Мариус (1850—1928) — французский историк искусства и художественный критик, автор ряда книг по истории искусства («Эжен Делакруа и французская школа изящных искусств» и др.).

[5] И. С. Тургенев восторженно относился к Верещагину и заботился об успехе его парижской выставки. Верещагин воспротивился парижским обычаям и не ходил с поклонами в редакции газет. Тургенев стал сам посылать письма в газеты, высказывая в них высокое мнение о Верещагине. Одно из таких писем, к редактору газеты «Репюблик», приведено в сборнике «Тургенев и его время» (М.—П., 1923, стр. 308):

Пятница, утро *.

«Мой дорогой,

Вы были бы очень любезны, если бы объявили в «Республике» о выставке картин моего соотечественника и друга В. Верещагина, которая открывается 15-го в клубе улицы Вольней (бывш. С-т Арно) и продолжится только две недели. Есть этюды Индии — этюды и большие оконченные картины — потом значительные полотна, сюжет которых взят из последней Балканской войны (Вы знаете, что В. в ней принимал личное участие; он даже был ранен). Все это оригинально, в очень сильных красках и поразительно по правдивости и точности воспроизведения типов. В. бесспорно самая интересная артистическая личность, какая имеется сейчас в России.

Может быть, Вы пожелали бы высказать мнение о В. Выставка уже открыта — пока еще не для публики.

Я Вас заранее благодарю и жму сердечно Вашу руку.

Преданный Вам И. Тургенев».

В книге: Тургенев И. С., Сочинения, М.—Л., 1933, [т.] XII, стр. 407 приведено письмо Тургенева в редакцию газеты «Le XIX Siècle» от 20 января 1880 года, из которого видно, что в декабре 1879 г. Тургенев писал о выставке Верещагина и в редакцию этой газеты:

«Среда, 20 января 1880 г.

Дорогой г[осподин] Абу,

Вы любезно дали место в XIX-e Siècle моему письму об открытии выставки картин Верещагина. ** Успех, без колебания предсказанный мною и превзошедший мои ожидания, внушает мне смелость вторично обратиться к Вам.

На этот раз речь идет снова о произведении художника, но художника, живописующего пером...»

Далее в письме Тургенева говорится о романе «Война и мир» Л. Толстого.

Письма Тургенева написаны по-французски; даются в переводах указанных выше источников.

[6] О недоумении художников говорилось в корреспонденции «Нового времени» из Парижа от 7/19 декабря 1879 г.: «Эта замечательная выставка открывается для парижской публики сегодня. Прекрасная зала артистическо-литературного клуба Арно предоставлена в распоряжение нашего знаменитого художника с 19 декабря по 4 января будущего года по новому стилю. Эта выставка — нечто до сих пор небывалое: в ней совмещено до 300 картин одного и того же артиста, сотворившего

---

* В подстрочном примечании редакторы сборника «Тургенев и его время» неправильно относят письмо к 1881 году. Оно написано в середине декабря 1879 г. В 1881 г. Верещагин устроил выставку не в кружке Ст.-Арно, а в редакции «Голуа».

** Речь идет о статье «L'exposition Vereschagin» («XIX Siècle, 1879, 26 декабря), где приводится сообщение Тургенева о Верещагине.

их в 4½ года и успевшего в течение этого времени провести два года в Индии, год на отечественной войне, с которой, как известно, его породнила и собственная кровь. Англия только что прочла отчет одного из своих великих живописцев о полнейшей невозможности работать красками под жгучим индийским солнцем, как г. Верещагин показал ей сотни картин и эскизов, созданных под этим солнцем, в полном артистическом совершенстве... французы-художники с смущением оглядывали продукт великого труда г. Верещагина и единогласно восклицали: «все это произвел один человек? в четыре с половиной года? Это просто невероятно!» («Новое время». 1879, 12 декабря, № 1362).

260

К письму 15/27 декабря 1879 г.

[1] Год «1879» проставлен на автографе В. В. Стасовым. После даты его же пометка: «При этом письме были приложены вырезки из газет».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 28 декабря 1879 г. и Петербург, 29 декабря 1879 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «15 дек[абря 18]79. Успех в Париже. Мейссонье и т. д. Выст[авка] в Петерб[урге]».

[2] Откровение, новые горизонты и т. д.

261

К письму 16 декабря 1879 г.

[1] Речь идет о каталоге выставки В. В. Верещагина в Париже.

[2] «Ни одна из этих картин не продается».

[3] Повидимому, В. В. Стасов имеет в виду свои разговоры с П. М. Третьяковым, с которым он виделся в это время. В день получения каталога парижской выставки Стасов писал Третьякову:

«Многоуважаемый Павел Михайлович, вот Вы только что уехали отсюда, а я уже Вам тотчас же пишу. Дело в том, что я никак не могу отказать себе в удовольствии написать Вам про «каталог» парижской выставки Верещагина, только что мною полученный. Вообразите, теперь уже картин из русско-болгарской войны — 21!!! А в Лондоне в мае и июне было только 7—8. Каково он работал, значит, все лето нынешнее. Не то что гг. российские художники, которые черепахами ползут и по одной картиночке в год или два делают! Да и пишет он не à la *Айвазовский*, кое-как, а тщательно, чудесно, великолепно.

Вам, конечно, очень любопытно будет знать, какие именно это картины?

Вот они, *вкратце*:

1. После победы.
2. «Вечная память!»
3. Албанцы — башибузуки, мародеры.
4. Шипка зимой.
5. Третья атака Плевны.
6. Русские раненые.
7. Турецкие пленные.
8. Победители.
9. Побежденные.
10. Казематы на Шипке.
11. Адъютант.
12. Русские могилы на Шипке.

13. Пикет на Балканах.
14. Шпион.
15. Казацкий пикет у Дуная.
16. Снежные траншеи.
17. *«На Шипке все спокойно!»*
18. То же.
19. То же.
20. Стоянка турок.
21. Философ (солдат).

Индийских картин и этюдов — 146.

Но что меня поразило, так это на *первой* же странице печатная подпись: *«Ни одна из этих картин не продается»*.

Что это значит?! Неужели он и в России не станет продавать? Ничего не понимаю, и тотчас пишу этому жеребцу, чтобы услыхать, что такое он еще забрал в голову» («Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова», М.—Л., 1949, стр. 50—51).

262

К письму 18/30 декабря 1879 г.

[1] Год «1879» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 30 декабря 1879 г. и Петербург, 22 декабря 1879 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «18 дек[абря 18]79. Успехи в Париже. Согласен участвовать на московской выставке. Входной билет».

[2] Большой художественный обед.

[3] Исеев, вероятно, предлагал помещение в Академии художеств.

[4] На Московской художественно-промышленной выставке, подготовлявшейся в это время; она открылась в 1882 году.

263

К письму 23 декабря 1879 г./4 января 1880 г.

[1] На автографе пометка В. В. Стасова: «Париж, 1879».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 3 января 1880 г. и Петербург, 26 декабря 1880 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «23 дек[абря 18]79. Желал продать картины для того, чтобы *писать была* [возможность] *войну еще год* и послать отца за границу».

[2] Верещагин говорит о письме Стасова к нему от 16 декабря 1879 г.

264

К письму 23 декабря 1879 г./4 января 1880 г.

[1] На автографе пометка В. В. Стасова: «Получ[ено] 26 дек[абря] (Париж) 1879».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн (дата неразборчива), январь 1880 г. и Петербург, 27 декабря 1879 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «Дек[абрь 18]79. Выст[авка] в Париже. Приготовл[ения] к Петербургу».

[2] Дело (досье) выставки.

[3] Стасов аккуратно извещал Третьякова о намерениях Верещагина. В письме от 29 декабря 1883 г. он сообщал: «Верещагин пишет мне *сегодня*, что будет в Петерб[урге] сам — 15 или 20 января, а картины — к концу января».

О намерении Верещагина продать картины с аукциона Стасов пишет в таких предупредительных словах: «Но он замышляет что-то *странное* и *недоброе* с коллекциями своими. Не имею права рассказывать его секрет, но ужасаюсь вперед. Однако авось мне удастся поправить и направить что-нибудь. Только с этаким человеком надежды плохи» («Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова», М.—Л., 1949, стр. 52).

На основании сообщений о выставке в настоящем письме, а также в письме от 15/27 декабря 1879 г. Стасов опубликовал заметку («Новое время», 1879, 28 декабря, № 1376, — Хроника):

«Нам пишут из Парижа, что успех выставки Верещагина колоссальный, публика с 11 до 3 часов буквально берет с боя залы артистического Cercl'a в улице Вольней. Корифеи художественного мира спешат наперерыв выразить русскому собрату свое уважение и восторг. Мейссонье, Жером и другие сделали ему поздравительные визиты. В артистических кружках беспрестанно повторяется отзыв, что картины его — «новый горизонт» искусства (un nouvel horizon), «откровение» (révélation). Парижское «Agence Théatrale» предложило Верещагину собрать все статьи, вышедшие в Париже по поводу выставленных им картин, на что последний дал свое согласие, и на днях должна выйти в свет брошюра, составляющая нечто вроде «Dossier de l'Exposition» (протокола выставки). Как только это издание появится, мы не замедлим сообщить о том нашим читателям».

265

К письму 24 декабря 1879 г./5 января 1880 г.

[1] На автографе В. В. Стасова у дат проставлены года «1879» и «1880».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 5 января 1880 г. и Петербург, 28 декабря 1879 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «24 дек[абря 18]79. Закрытие Парижской выставки. Успех».

[2] Упомянутым уже письмом 29 декабря 1879 г. Стасов известил Третьякова о том, что выставка Верещагина в Париже закрыта и произведения укладываются.

[3] «Монд паризьен».

О высказывании газеты «Монд паризьен» Стасов передавал в своей статье «Конец выставки Верещагина в Париже»:

«Новый журнал «Monde parisien» провозглашает, что за что ни возьмется Верещагин, все у него выходит в картинах «полно жизни, тепла, движения и правды... Это реализм, как уже много раз было справедливо высказано, но реализм счастливый, без предвзятой идеи, стоящий выше кружковых распрей и спора школ. В его независимости лежит тайна того обаяния, какое имеют для нас в настоящее время произведения Верещагина и какое мы испытывали раньше, глядя на картины Реньо и Фортуни... Для всех интересующихся искусством останется событием внезапное появление в Париже нового жанра, о существовании которого еще накануне трудно было бы догадаться... Люди понимающие отведут Верещагину, без сомнения, то место, какого он

заслуживает, то-есть отведут ему одно из первых мест в живописи» («Новое время», 1880, 14 января, № 1393; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 470).)

[4] Марк Жюбиналь — художественный критик газеты «Монд. Паризьен».

266

К письму 25 декабря 1879 г.

[1] Стасов имеет в виду свою статью «Выставка Верещагина в Париже» («Новое время», 1879, 24 декабря, № 1374, без подписи; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 459—470).

В этой статье Стасов говорил о Верещагине: «Открытая им в середине декабря выставка в Париже количеством картин значительно превосходит лондонскую. Коллекция картин и этюдов ост-индских осталась, конечно, та же; но зато картины из последней турецко-болгарской войны возросли от 8 до 21. Не изумительный ли это факт? В течение лета и осени Верещагин написал целых 13 новых картин (положим, и небольшого формата) и написал их не второпях, не эскизно, не наброском, а со всею силою и мастерством, к каким только способна его зрелая ныне кисть и на какие дивится теперь весь художественный парижский мир.

Нашлись даже неверующие, подобно тому, как однажды у нас Тютрюмов, и поговаривают, что, наверное, Верещагин писал это не один: должно быть, у него были помощники!..

Что ж! тем лучше. Такие толки прибавляют новый листок к венку художника.

Выставка картин Верещагина в Париже еще до своего открытия вызвала сильный интерес».

Далее Стасов приводит в своей статье отзывы французских газет о выставке Верещагина: «Estaffette» называл ее заранее художественным событием, а теперь говорит следующее: «В обществе и в артистических кружках много толкуют о выставке картин русского живописца г. Верещагина, имеющей открыться в пятницу в «Cercle», в улице экс-Сент-Арно. Говорят, что эта выставка будет настоящим художественным откровением («une véritable révélation»). Верещагин выставляет целую серию этюдов, выхваченных живьем из действительности, и больших картин, изображающих его путешествие в Индию. В дополнение к этому он прибавил еще несколько значительных страниц, передающих эпизоды последней русско-турецкой войны.

Все означенные произведения представляют величайший интерес как по реальности производимого ими впечатления, так и по философской мысли, вытекающей из главных сюжетов, избранных художником.

Верещагин видел все сам и вблизи; он был ранен на палубе одной из первых миноносок, спущенных на Дунай. Он видел и прекрасно передал виденное. Это выставка редкая, которой, без сомнения, суждено приобрести значение события в парижской жизни».

«Indépendance Belge» самым решительным образом предсказывала успех Верещагину, о котором говорила и раньше в своих художественных обозрениях с величайшим уважением: «В. Верещагин человек необычайный, и совсем даже не современный по своей скромности, — между прочим замечает эта газета. — Мало известный во Франции, он пользуется в России громкой популярностью, а прошлым летом картины его, выставленные в Кенсингтонском музее, встретили самый лестный прием со стороны английской публики. Через месяц г. Верещагин будет знаменитостью в Париже. Впрочем, этот русский — истый парижанин,

хотя и провел большую часть жизни в путешествиях. Он участвовал в хивинском походе, жил под палаткой киргиза и проникал в самое сердце Индии. Из всех своих странствований он вывез бесчисленное множество этюдов и картин, которые наверное произведут своей оригинальностью настоящую «сенсацию» в Париже. Говорят, будто русский романист Ив. Тургенев намеревается написать историю г. Верещагина. История живописца-путешественника действительно похожа на роман. Верещагин был зрителем и даже участником балканского похода, он изучал войну не издали, а под самым огнем и в кровавом дыму поля сражения. Потому-то он и пишет войну, как никто, со всей ее правдивой жестокостью, внушающею нравственный ужас. Например, он изображает смотр войскам генерала Скобелева после взятия Плевны (Шипки. — *Ред.*), но живым он отвел второй план, а на первом у него помещены груды окостенелых трупов, которых не воскресят никакие победные клики.

В коллекции военных картин русско-турецкой кампании есть одна в особенности поразительная. Священник в сопровождении солдата, служащего ему дьячком, поет панихиду над целым полем русских трупов. Убитые, разложенные в порядке длинными рядами, выставляя напоказ проколотые груди, размозженные черепа, ужасные зияющие раны на помертвелых членах, покоятся под тропическим небом, на равнине, превращенной в необъятную трупарню, а поп с кадилом в руках флегматически читает молитву перед страшной гекатомбой. Впечатление это неизгладимо.

Вот и еще сцена с театра войны: турецкие солдаты грабят убитых после первого поражения русских под Плевной. Они режут головы, отсекают руки, со смехом наряжаются в теплые русские шинели. Один из них, здоровенный, улыбающийся детина, с курчавыми волосами и еврейским профилем, напялил зеленый мундирный сюртук русского полковника, погибшего вместе со своим полком, и важничает в эполетах, между тем как его товарищи отдают ему военную честь с хохотом. Контраст веселья победителей с фантастическими позами изувеченных мертвецов-побежденных составляет нечто совершенно изумительное.

И я не сомневаюсь относительно того впечатления, какое произведут на французских живописцев картины, которые мы увидим через несколько дней.

— И все это я видел своими глазами, — говорил мне Верещагин, — т. е. видел не самую сцену трагического маскарада, но когда была взята Плевна, и я удивлялся, встречая турецких солдат, переодетых русскими, пустился в расспросы, то слышал от них самих рассказ об этом эпизоде».

«Верещагин, — рассказывает еще хроникер, — оригинал большой руки», и в подтверждение этого он рассказывает, как во время последнего похода он однажды утром явился к нему в Париже.

— Когда вы приехали?

— Вчера.

— А думаете ехать обратно?

— Сегодня вечером. О! да мне в Париже совсем нечего делать, мне нужна была только для рисунков бумага, какую нигде не найдешь, кроме как в одной лавке в улице Пигалль — вот я за этим-то и приезжал».

«Талант Верещагина, говорит он далее, способен сбить с толку своей многосторонностью всякие классификации. Ученик Жерома, внушающий своим характером и талантом безграничное уважение своему учителю, он владеет необычайным мастерством рисовать маленькие картинки в размере каких-нибудь двух ладоней, где у него умещается целый индусский ландшафт, то пагода, отражающая свои мраморные ко-

лоннады в волнах Ганга, то буддистский храм у подножия горы или тигр, прячущийся в тростниковую заросль. И рядом с этим вдруг он выступает перед вами с колоссальным полотном, в объеме «Брака в Канне» Паоло Веронезе в Лувре, где фигурирует въезд принца Уэльского в индусский город, процессия разукрашенных слонов, зубчатые кровли домов, сияющих всеми переливами вновь выпавшего снега.

Он совмещает нежность кисти фламандца с шириной и смелостью венецианца.

Я не сомневаюсь в восторженном удивлении, какое вызовет эта выставка во многих, несмотря на всю ее непродолжительность. Картины Верещагина уже в январе отправятся в Петербург, так как художник — оригинал в полном смысле слова — решил не продавать никому ни одной картины».

Известный писатель Кларети, в предисловии к каталогу верещагинской выставки, говорит: «Василий Верещагин, русский живописец, ученик Жерома, выставляя в первый раз в Париже несколько своих произведений, очень сожалеет, что не может представить на суд публики своих туркестанских картин, входящих в состав коллекции, принадлежащей музею города Москвы. Фотографические снимки с этих картин вывешены вдоль лестницы, и их последовательная цепь образует род чрезвычайно отчетливой поэмы» (следует описание главных картин туркестанской коллекции).

Далее он продолжает: «...Верещагин желал окружить свои картины предметами, напоминающими страны, посещенные им. Потому-то там и сям он поместил возле них где ковер, тканный в Индии по образцу древнеперсидских изделий, где оружие Индии или Гималая, расставил чучела орлов, коршунов Гималайских гор и Тибета, ткани, меха, щиты и т. п. Он расставил в витринах различные священные предметы, вывезенные из буддистских монастырей: чаши из человеческих черепов, музыкальные инструменты из человеческих костей, четки, выделанные из сушеных плодов, из человеческих костей, дерева, камней, змеиной чешуи, кашемирскую утварь, маски тибетских идолов, ожерелья, талисманы, буддистские ладонки и т. п. Это коллекции, собранные путешественником рядом с жатвой художника.

Итак, как с художественной, так и с археологической точки зрения выставка произведений г. Верещагина составляет событие и заинтересует, как я в том не сомневаюсь, самым живейшим образом парижскую публику.

«Figaro» приветствовал открытие выставки приглашением, обращенным к читателям, посетить «чрезвычайно любопытную коллекцию» произведений Верещагина.

Отзывы после открытия выставки не только не понизили тона, но, напротив, в них еще сильнее звучит интерес и удивление к русскому художнику и к русской живописи».

«...«Gaulois» рассказывает очень живо про ученические годы Верещагина в мастерской Жерома (он поступил к Жерому в 1864 году), про уважение, которое он скоро заслужил своей кроткой серьезностью в кругу повес-товарищей, и про упорное отвращение от копирования которым настойчиво советовал ему заняться его приятель — старик Девериа, постоянно твердивший ему: «Копируйте с великих мастеров! Пишите с натуры только тогда, когда сами сделаетесь великим мастером!» То же повторял Верещагину и Жером, посылавший его в галлереи Лувра. Но это были бесполезные увещания, благодетельное семя советов падало на каменистую почву самого упорного и мятежного убеждения.

Верещагин долго держался карандаша и как будто боялся взяться за кисть. Напрасно Жером и Бида старались уговорить его. Из второ-

го путешествия на границу Персии он вернулся все еще исключительно с одними рисунками. Его альбом и эскизы, показанные двум только что названным живописцам, заставили их еще настойчивее приставать к нему с убеждениями посвятить свои силы живописи.

В 1866 году он уехал в Россию, но, только успев привести в порядок свои дела, снова отправился в путешествие, на этот раз как спутник отряда генерала Кауфмана, в Туркестан. Два произведения, «по своему значению выходящие из ряда вон», были результатом туркестанского похода, покрывшего его двойной славой солдата и живописца. Эти две капитальные вещи называются: «После успеха» и «После неудачи». В первой — турок режет голову пленному. Во второй — посреди опустошенного поля сражения русский солдат раскуривает трубочку.

Верещагин преследовал лично тот отряд неприятеля, к которому принадлежал изображенный им резатель голов. Когда он прибыл на место действия, сотни обезглавленных тел лежали на земле. Трупы были осматриваемы, расстегивались ворота рубашек, засучивались рукава, стараясь отыскать какой-нибудь знак, примету, с помощью которой можно было бы узнать покойников. Почти все картины великого художника написаны при подобных условиях. Он видел сам все, что́ он написал. Не удивительно после того, что от его полотен веет такой непосредственной жизнью и что все на них бьется лихорадочным пульсом истины.

После этого похода Верещагин провел три года, работая в Мюнхене. Он совершил такую невероятную, гигантскую работу, что даже вызвал подозрение недоброжелателей, пытавшихся внушить, что такая масса труда, такое разнообразие картин не могли выйти из рук одного человека и что Верещагину помогали немецкие живописцы. Клевета распространилась в Петербурге, куда Верещагин приехал в то время устроить выставку своих картин. Общество мюнхенских живописцев по его просьбе назначило формальное следствие. Получено было удостоверение, что даже никто не входил в его мастерскую. Протокол, покрытый подписями, был доставлен в С.-Петербург. Рядом с самыми лестными отзывами этот документ был ярким опровержением басни, столь же глупой, сколько и злой. Эта коллекция была приобретена московским коммерсантом, г. Третьяковым, с условием, чтобы она никогда не была разрозниваема. Напрасная предосторожность! Покупщик тотчас же подарил ее городу Москве. Шлем наш поклон Третьякову, этому человеку, употребляющему свои богатства, добытые торговлей, на составление великолепных русских картинных галлерей.

Верещагин первый между русскими живописцами передал своим соотечественникам настоящее впечатление войны и показал им нечто иное, чем заказные батальные картины, где постоянно красуются победы и никогда не видно неудач. Даже в том случае, когда он изображает победу, он не заглушает своей грусти, и, повествуя эпизод торжества, сопоставляет рядом с ним поучительный вид развалин и как бы напоминает о его непоправимых жертвах. Он для России то же, что для нас Детайль и Невилль: он воплотил ужасы войны. В его манере есть что-то тацитовское, никто сильнее его не будит мрачного чувства quidquid amavibus. Я не могу отделаться, словно от тяжкого кошмара, от видения страшной пирамиды нагроможденных черепов этих тысяч угасших жизней, встреченной им где-то на пути и превращенной в одну из самых потрясающих картин. Он подписал под ней: «Посвящается завоевателям!»

В 1874 году Верещагин предпринял путешествие в Индию, плодом которого явилось большинство тех трехсот картин, что выставлены в настоящее время в Париже».

«...Мы редко видели, говорит «Liberté», выставку более разнообразную, чем настоящая. Все сюжеты: морские ландшафты, сцены домашнего быта, сражения, портреты, поочередно проходящие перед глазами, написаны мастерской рукой. Жаль только, что выставка продлится не более двух недель, и время не позволит достаточно изучить произведения такого высокого значения» (Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 460—466).

² Полишинель — комическое лицо в итальянской народной комедии. «Секреты Полишинеля» — всем известные вещи, не составляющие секрета.

³ «Тан», «Сьекль», «Деба».

⁴ Эта выставка совершенно бесплатная.

⁵ Каталоги предоставлялись безвозмездно.

⁶ Дворец на Благовещенской площади (ныне площадь Труда) у Николаевского моста, позднее «Ксениинский институт».

⁷ Здание Думы на Невском проспекте.

267

К письму 29 декабря 1879 г./10 января 1880 г.

¹ На автографе год «1879» проставлен В. В. Стасовым. Письмо датировано В. В. Верещагиным 30 декабря/10 января, одна из этих дат ошибочна. Вероятнее, что, находясь в Париже, Верещагин мог сделать ошибку в старом стиле; следующее письмо датировано им 30 декабря/11 января. Поэтому для датировки данного письма вместо 30 декабря указано нами «29 декабря».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн (дата неразборчива), январь 1880 г. и Петербург, 3 января 1880 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «30 дек[абря] 1879. Сердится на меня за печатание *порицательн[ых]* статей».

² «Ви модерн».

³ Событие.

⁴ Верещагин имеет в виду статью Стасова «Выставка Верещагина в Париже» («Новое время», 1879, 24 декабря, № 1374), в которой критик, кроме положительных отзывов, привел и отрицательные отзывы газет.

268

К письму 30 декабря 1879 г./11 января 1880 г.

¹ На автографе год «1879» проставлен В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 11 января 1880 г. и Петербург, 3 января 1880 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «30 дек[абря 18]79. Нападки на меня за статью об индийских картинах».

² Отзывы газет «Франс», «XIX Сьекль» и «Репюблик франсез», приведенные в статье В. В. Стасова, единодушно отмечали достоинства выставки балканской серии Верещагина. Об индийских картинах и этюдах отзывы были более сдержанные.

Отзывы газет «XIX Сьекль» и «Франс» уже приведены нами ранее. Об отзыве газеты «Репюблик франсез» Стасов сообщал: «République Française» присоединяет тоже свой голос к хору общего удивления и восхищения парижан. Обозреватель этой газеты относится с полным

уважением к таланту Верещагина, но он признает также, что кисть его сохранила влияние Жерома, его учителя. Вот что́ он говорит: «В Верещагине виден след его влияния в манере понимать сюжет: Жером передал ему очень определенное пристрастие к этнографическому типу, точному воспроизведению подробностей и превосходную привычку доводить с математической аккуратностью до возможного совершенства всякую работу, начатую с природы». Лучшими вещами он считает «Молитву Великого Могола в частной молельне Дели», «Расстреляние шпиона», «Смотр войска Скобелевым после взятия Плевны» и «Третий штурм Плевны». Относительно размещения картин он делает заметку, которую ни у кого из остальных рецензентов мы не встречаем. Он жалуется, что многие важные и лучшие вещи повешены слишком высоко, «чуть не у потолка», по его выражению, и, следовательно, совсем пропадают.

Мы видели выше, что не все парижские газеты рассыпаются в одних только похвалах Верещагину. В иных слышится и нотка (хотя и очень маленькая) порицания. Примеры тому мы видели в некоторых строках «XIX Siècle» и «République Française» (Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 466—467).

[3] Сообщая о статье критика Кларети в газете «Фигаро», Стасов писал: «В заключение возвратимся к «Figaro», где Кларети поместил большой биографический и критический очерк о Верещагине. Очень жаль, что недостаток места не позволяет нам привести эту любопытную статью всю целиком.

Он, между прочим, рассказывает, как в 1870 году Верещагин, странствуя по горам на китайской границе, два или три месяца спустя после объявления франко-прусской войны узнал от начальника округа об открытии военных действий между двумя державами и о несчастном исходе Виссенбургского сражения. Верещагин — душой и сердцем, по симпатиям своим француз, — говорит критик. — Известие об этом поражении потрясло его до того, что лишило сна. Эта горсть русских, затерянных в глуши Азии, с трепетом задавала себе вопрос: «Был ли отомщен день Виссенбурга? Удалось ли Мак-Магону взять реванш?» Только долгое время спустя пришлось им узнать бедственный конец этой войны. Этот промежуток времени прошел для Верещагина в сражениях с джунгарами, нападавшими на них с дикими криками и вооруженными пиками, между тем как европейцы отражали их выстрелами из револьверов.

Время Верещагина делилось между перестрелкой [.....] и рисунками всего, что́ попадалось замечательного на глаза, между тем как во Франции дрались на Луаре и ночью гремели орудия парижской осады. Горсть людей вела маленькую войну одновременно с тем, что шла гигантская борьба двух наций!

Сколько светлых часов провел я перед этими сокровищами, облитыми солнечным светом, играющими всеми переливами, как выставка ювелира! Типы и пейзажи, индусские всадники в пышных костюмах и факиры с окаменелыми в одной позе руками и ногами, обросшие песком, ламы, духовные сановники Тибета, красные и желтые, архитектурные здания с зубцами и кружевом, как в Агамбре, удивительно рельефно выходящие у живописца посредством густого его письма, висят бок о бок с этюдами животных, лошадей и яков. Верещагин привез из Азии целый мир света и красок.

И каждый из его этюдов (не один пропал у него в дороге) напоминает ему какую-нибудь опасность, впечатление или грезу. «Вот здесь я убил медведя, — скажет он, показывая на ландшафт. — Этот индиец хотел купить у меня свой портрет за десять мелких монет, которыми решался пожертвовать». И все эти произведения, которым и цены нет, он

не хочет продавать в розницу. Они составляют целую галлерею, галлерею, которая должна продаться целиком, не раздробляясь на клочки. А жаль. Сильное искушение испытываешь перед каждым из этих великолепных лакомых кусочков.

Нельзя не сознаться, что вот личность, выходящая из ряду вон и чуждая всякой вульгарности. Я не знаю между живописцами второй такой даровитой натуры. Верещагин столько же избегает шума, как другие его ищут. Он избегает публичных выставок, ненавидит художественное торгашество, заставляющее искусство садиться за базарный прилавок. Он думает, мечтает, пишет и живет в уединении; он чувствует себя счастливым за городом, в «Maisons-Laffitte», в мастерской, в обществе своих тибетских собак, своих воспоминаний, проектов и грез. Такой человек редкое исключение в эпоху, подобную нашей, и такая натура, конечно, заслуживает быть поставленною в достойную рамку» (Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 468, 469 и 470).

[4] Нараставший успех выставки Верещагина и подавляющее преобладание отзывов, превозносящих творчество художника, вызвали естественное для Верещагина недовольство статьей Стасова, уже не отражавшей в надлежащей мере этот успех.

269

К письму 31 декабря 1879 г./12 января 1880 г.

[1] На автографе год «1879» проставлен В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 12 января 1880 г. и Петербург, 4 января 1880 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «31 декабря 1879. Вырезки. Жером».

[2] Комаров Виссарион Виссарионович (1838—1907) — буржуазный журналист, основал газету «Русский мир» (1871); арендовал газету «С.-Петербургские ведомости», затем основал газету «Свет» (1882). Был в 1876 году начальником штаба генерала М. Г. Черняева в Сербии.

1880

270

К письму 1/13 января 1880 г.

[1] На автографе год «1880» проставлен В. В. Стасовым. Письмо написано на бланке с отпечатанным штампом: «Cercle Artistique et Littéraire, 7, Rue Volney» (Художественный и литературный кружок, 7, улица Вольней).

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: отправления (неразборчив) и Петербург, 6 января 1880 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «1 янв[аря 18]80. Себя причисляет к школе Жерома и Мейссонье. Возня с журналами. Америк[анский] журнал».

[2] Коро Камилл (1796—1875) — выдающийся французский живописец, преимущественно пейзажист-лирик, близкий к барбизонцам. Работая среди природы, он сделал крупный шаг в развитии западноевропейской реалистической пейзажной живописи. Особенно удаются ему картины с избражением природы в туманные и дождливые дни. Однако в ряде своих произведений Коро не избежал некоторой условности трактовки природы.

[3] Верещагин причисляет себя к школе Жерома весьма условно. Однако даже такое условное причисление великого русского художника к последователям Жерома неверно. Творчество Верещагина было вполне самобытным и оригинальным, наполненным глубокими демократическими идеями, которые были абсолютно чужды и Жерому и его последователям.

[4] Верещагин перечисляет посланные Стасову французские газеты и журналы: «Ви модерн», «Ревю де з'ар», «Шаривари», «Монитор юниверсель», «Ле Конститюсионель», «Ле Парлеман».

На основании полученных им новых отзывов Стасов опубликовал вторую статью о выставке Верещагина в Париже в 1879 г.: «Конец выставки Верещагина в Париже» («Новое время», 1880, 14 января, № 1393, без подписи; см. также: С т а с о в В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 469—472). В этой статье приводятся преимущественно благоприятные отзывы о таланте и произведениях Верещагина. «Из сообщенных уже прежде в «Новом времени» извлечений из парижских газет, — пишет Стасов, — читатели могли видеть, как много толков, самых разнообразных и горячих, вызвали в Париже эти картины, таких толков, какие являются не иначе, как в силу лишь самого живого и глубокого впечатления. Сам Верещагин приедет раньше своих коллекций, и его приезд решит вопрос о выборе помещения для петербургской выставки, устройство которой пока тормозится разными затруднениями. Но пока мы готовимся к встрече дорогих гостей и ожидаем их с нетерпением, их напутствует и летит им вдогонку громкий и разноголосый концерт похвал и осуждений парижской прессы, резюмирующий ее приговор тому, что она продолжает называть «событием» улицы Вольней. Любопытно вслушаться в эти приговоры.

В результате оказывается два главных течения мнений: одно отдает предпочтение собранию индийских картин, другое сильнее высказывается в пользу картин на темы русско-турецкой войны. Численный перевес критиков на стороне последних. Любопытно то, что в этих мнениях также ясно обозначилось различие двух лагерей: классиков и натуралистов. Но в общем, слышится признание за русским живописцем и за русской живописью права на полноправное гражданство в художественном мире: русское искусство заняло почетное и видное место и заняло его прочно.

У Верещагина французская художественная критика признала самобытную и оригинальную физиономию, хотя и сравнивает его поминутно с корифеями французской школы, а это в устах француза, как известно, следует принимать за высшую похвалу. Он столько же популярен, говорят теперь французы, в России, как популярны Невилль и Детайль во Франции.

...«Мы не хотим сказать, чтобы талант Верещагина возносился до головокружительных высот (vertigineux), на которых немыслимо никакое сравнение, но говорим, что это талант цельный, очень сильный и глубоко оригинальный...» («Siècle»).

...«Иностранный живописец, иностранная живопись! (peintre étranger et peinture étrange!), — острит «Télégraphe». — У этого русского порывы, достойные Курбэ... Сколько ни наводил на него лака Жером и наша школа, он все-таки калмыком так и остался...»

...Газета «Gil Blas» рядом с забавным отзывом, что Верещагин в ином не пошел дальше искусной декоративности, тут же говорит, что он обнаруживает «качества серьезного и превосходного живописца», особенно в военных картинах. Я не знаю картин, говорит критик, передающих с такой силой впечатление войны».

«Талант Верещагина, говорит «Constitutionnel», не поражает, как гром, и не может быть назван глубоко оригинальным, так как в нем можно указать некоторое сходство с тремя манерами — и уже бесспорно с двумя — с манерой Ораса Вернэ и молодой французской школой, но он обладает тем не менее в высшей степени «индивидуальностью». Разбирая картину «После победы» (турецкий солдат, нарядившийся русским офицером в кругу смеющихся товарищей), критик «Constitutionnel» говорит: «Конечно (?), эта картина очень талантлива и напоминает манеру Ораса Вернэ; но не с подобными соперниками тягаться Верещагину».

Тот же критик находит в кисти Верещагина родственные черты с живописцами голландской школы, называет его «азиатским Ван-дер-Гейдом за тонкость и законченность кисти, доходящей по временам до мастерства Рембрандта, внезапными переходами света и тени, преобладанием эффекта».

Маленькие картины вызывают наиболее похвал: «Небольшие по размеру, они очень велики по производимому впечатлению». В заключение ставится вопрос: «Сказал ли, однако, ими (маленькими картинами) последнее свое слово Верещагин?» У него есть попытки к переходу на другую манеру. Удастся ли ему перешагнуть от «жанра» к большой живописи?

«Charivari» против обыкновения почти вовсе не ругается, хотя высказывает кое-какие упреки иным картинам Верещагина «за фотографические их качества», любовь к деталям и крайнюю точность, но прибавляет, что «ощущаешь расположение к снисходительности перед массой этюдов, писанных с натуры и исполненных с таким глубоким уважением к неумытной правде... Главные качества Верещагина: чуткость и уважение к природе в соединении со смелостью комментатора».

«Parlement», объявив, что «русской школы еще не существует» (заметим, что это совсем одиночное мнение, не встретившее отзвука ни в одной из остальных газет), соглашается, однако, что Россия обладает несколькими примечательными живописцами. За Верещагиным, в частности, благодаря успеху, заслуженному его выставкой в Париже, газета признает право на исключительное внимание критика. «С удовольствием следуешь за Верещагиным в его исследованиях, составляющих ряд этюдов, отмеченных печатью правды, и это до такой степени, что их настолько же можно назвать документами, насколько произведениями искусства».

В дополнение к приведенным выпискам, которые можно было бы увеличить множеством других, надо еще сказать, что во время двухнедельной выставки Верещагина в Париже там появилось множество его биографий, портретов; были даже личные воспоминания, напечатанные в газетах. Интереснейшие между этими последними, — во-первых, заметки Клареси, уже давно одного из ревностнейших поклонников и пропагандистов Верещагина, а во-вторых, напечатанное в «Монитере» воспоминание Дика де-Лонэ, бывшего в Болгарии во время последней турецкой войны в качестве корреспондента которых-то французских газет и потому видевшего Верещагина не только в мастерской, но и в лагере и на боевом поле. Эти последние воспоминания в высшей степени интересны».

Кроме заметок, о которых здесь мельком упоминает Стасов, критик Жюль Кларети опубликовал большую статью на французском языке «Выставка произведений г. Василия Верещагина» («Газет де бо з'ар»*, 1880, 1 февраля, т. XXI, вып. 2, стр. 164—167). Автор статьи рассказывает о предыдущих выставках Верещагина и сообщает, что, выступив впервые в конце 1879 г. в Париже в кружке Сент-Арно, художник представил около 150 индийских работ. Чрезвычайно высоко оценивая индийские этюды и картины, автор говорит, что «впервые живопись с неповторимой тщательностью приступила к изображению фантазий, капризов архитектуры, соблазнительных и варварских, этих храмов, этих дворцов, почти фантастических в белизне мрамора и снега, в розоватых и голубоватых красках. Рядом с Индией фантастической и неправдоподобной мы имеем здесь Индию правдивую, привезенную в этих маленьких картинках путешественником, выполнившим свои этюды на месте так прекрасно и так охотно».

Затем критик рассказывает о бывших на выставке картинах русско-турецкой войны, где художник поместил живых на втором плане и на первом плане мертвых. «Он изображал войну во время действий под огнем врага, рядом с умирающими и мертвыми, и его картины являются наиболее интересными документами, которые следует изучать нашим баталистам», — заканчивает критик.

К статье даны два индийских рисунка: «Женщина из Бомбея» и «Махратт» (голова индийца).

[5] Речь идет о рисунках для американского ежемесячного «Журнала Скрибнера» («Scribner's Monthly Magazin»), в котором в 1880 г. печатались статьи Ю. Скайлера «Петр Великий» («Peter the Great», т. XIX и XX) и «Петр Великий как правитель и преобразователь» («Peter the Great as ruler and reformer», т. XXI). Обе статьи иллюстрированы многочисленными рисунками русских художников — Репина, Шварца, Маковского, Нестерова и др.

[6] Собко.

---

* Claretie Jules, L'exposition des oeuvres de M. Basile Vereschagin, «Gazett des Beaux-Arts», 1880, 1 févr., t. XXI, livr. 2, p. 164—167.

271

К письму 5/17 января 1880 г.

[1] На автографе год «1880» проставлен В. В. Стасовым. Письмо написано на бланке с отпечатанным по-французски штампом: «Художественный и литературный кружок, 7, улица С[ен]т-Аман».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 17 января 1880 г. и Петербург, 9 января 1880 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «6 апр[еля] 1880. Франц[узские] газеты. Дорогая перевозка картин».

[2] «Телеграф» — французская газета. Отзыв «Телеграфа» и газеты «XIX Сьекль» приведен в статье Стасова «Конец выставки Верещагина в Париже».

[3] У этого русского порывы, достойные Курбэ.

[4] «Тан» — наиболее распространенная французская буржуазная газета, выходила в Париже с 1861 по 1942 г.

272

К письму 6/18 января 1880 г.

[1] На автографе пометки В. В. Стасова «Париж» и «1880».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 18 января 1880 г. и Петербург, 10 января 1880 г.

На конверте пометка В. В. Стасова: «6 янв[аря 18]80».

[2] «Жиль Блаз» — французская газета; отзыв ее приведен в статье Стасова «Конец выставки Верещагина в Париже».

273

К письму 20 января 1880 г.

[1] Год «1880» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовым штемпелем: *Петербург*, 20 января 1880 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: *«20 янв[аря] 1880. Выст[авка] в* Петерб[урге]».

Письмо написано в *Петербурге, куда В. В. Верещагин приехал* 13 января *из Парижа для устройства выставки своих картин.*

О приезде Верещагина Стасов писал 14 января 1880 г. П. М. Третьякову: «...вчера вечером приехал из Парижа Верещагин и, конечно, сегодня же утром был у меня в библиотеке. Выставку его, как кажется нам, не удастся открыть раньше 20-х чисел или конца *февраля*. С местом мы еще, конечно, не успели решить, но у меня есть в виду несколько. Вот как быть с этим в Москве — не знаю; Верещагин говорит, что если будут затруднения, то он в Москву так и не повезет. Картины придут сюда не раньше как недели через 4, а пожалуй, и 5—6. Вот-то возни нам будет и с залами, и с каталогом, и с фотографиями, etc. etc. Но я объявил Верещагину, что *обещал* Вам показать картины — первому! Потому Вы этого во *всех отношениях* заслуживаете Вашим действием и благородством высоким в деле русского искусства — больше всех в России; и потому, когда придет день и час, я Вам пошлю телеграмму» («Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова», М.—Л., 1944, стр. 53).

[2] Вероятно, это управляющий домом наследников Маттиссена, бывшего Безобразова, на Фонтанке у Симеоновского моста, где Верещагин решил открыть выставку своих картин.

[3] «Периодик» — французский журнал.

[4] Пожалуйста.

274

К письму 27 января 1880 г.

[1] Год «1880» установлен по содержанию письма.

[2] Жемчужников Л. М. — художник и гравер, жил в это время в Москве, где был секретарем Совета Московского художественного общества, при котором состояло Училище живописи, ваяния и зодчества.

[3] Недоразумения происходили летом 1876 года, когда Жемчужников около двух месяцев не мог возвратить переданных ему на сохранение денег В. В. Верещагина, полученных от П. М. Третьякова за проданные верещагинские картины. Это обстоятельство осложняло платежи Верещагина за постройку мастерской в Париже. После двухмесячной задержки деньги были Л. М. Жемчужниковым полностью возвращены.

275

К письму от 27 января 1880 г.

[1] На автографе проставлены В. В. Стасовым: «СПБ» и год «[18]80». К письму приложен конверт с почтовым штемпелем: Петербург, 28 января 1880 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «27 янв[аря 18]80. Отказыв[ается] видеть Льва Жемчужн[икова]».

[2] Верещагин высказывает Стасову этот незаслуженный упрек во второй раз. Незадолго до этого Стасову уже пришлось выслушать от Верещагина упреки в «сводничестве» из-за неудавшейся встречи художника в Публичной библиотеке у Стасова с Л. Н. Толстым, который еще в письме от 17 февраля 1879 г. выражал желание познакомиться с Верещагиным. Эти упреки послужили причиной временного расхождения Стасова с Верещагиным, о чем подробнее рассказывают письма Стасова и Толстого.

Стасов писал П. М. Третьякову 17 февраля 1880 г.:

«Павел Михайлович, Вы отгадали — я с В. В. Верещагиным *разошелся* уже недели с три тому назад. Я не перестану уважать и глубоко ценить его талант, но не в состоянии выносить его сумасбродство и некоторое дерзкое нахальство (arrogance), иной раз превосходящие всякую меру. Уже и прежде я с ним несколько раз ссорился и расходился — в последний раз в Париже и Лондоне в 1878 году. Он, повидимому, и сам не сознает своего *ефрейторского* отношения ко всем и ко всему. Нынче, в январе, он опять отколол несколько подобных «штучек». Раз-два я кротко снес, предварив его, однако, чтоб он был осторожен со мной. А потому при новом повторившемся случае (и каком же — по поводу графа Льва Толстого и Льва Жемчужникова) я потерял терпение и послал Верещагину сказать, что я прошу его *больше ко мне не приходить.* С тех пор мы более не видались» («Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова», М.—Л., 1949, стр. 56).

Верещагин письмом от 30 января 1880 г. запросил у И. Н. Крамского адрес Л. Н. Толстого («Иван Николаевич! Дайте, пожалуйста,

адрес писателя графа Толстого?»). Получив адрес, он написал Толстому недружелюбное письмо.

После получения письма Верещагина, в начале февраля 1880 г., Л. Н. Толстой писал В. В. Стасову: «Сейчас получил от Верещагина письмо. В письме его выражено враждебное ко мне чувство. Мне это было очень больно и теперь больно. Я бы написал ему, но не помню его имени [и] отчества, да и боюсь как бы чем-нибудь в письме не усилить еще в нем этого ужасно больного мне чувства враждебности. Скажите ему, пожалуйста, что на меня сердиться нельзя, потому что у меня теперь одно желание в жизни — это никого не огорчить, не оскорбить, никому — палачу, ростовщику не сделать неприятного.... Но, видно, я отрицательно нечаянно сделал ему больно тем, что не пришел и не написал, и прошу его простить меня не на словах только, а так, чтобы и не иметь ко мне никакого неприязненного чувства» («Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка. 1878—1906», [Л.], 1929, стр. 49).

На это письмо Толстого Стасов ответил только 6 марта 1880 г.: «Лев Николаевич, Н. Н. Страхов передал мне Ваш вопрос насчет Вашего письма ко мне. Я получил письмо, но не передал оттуда ни слова В. В. Верещагину, потому что с самого отъезда Вашего отсюда — разошелся с ним. Я не перестаю уважать глубоко его талант и энергическую натуру, но уже давно начал все более и более тяготиться его беспредельным (и бестолковым) деспотизмом, унаследованным от матери-полутатарки: вот как сильна сила наследственности. Уже в 77 и 78 годах, в Париже и Лондоне, я расходился с Верещагиным, объявлял ему, что не намерен терпеть его ефрейторского обращения, упреков, взыскиваний и «распеканий». В те разы он поторопился затушевать дело; теперь возобновилось опять прежнее, и я принужден был послать ему сказать, что покорно прошу его *ко мне более не ходить*. На нынешний раз в числе причин размолвки были невинным образом между прочим и Вы: жестоко рассерженный тем, что Вы уехали, не предуведомив его, что не придете на назначенное Вами свидание с ним в Библиотеке, и поэтому, прождав Вас понапрасну часа 3—4, Верещагин вдруг ни с того ни с сего вскинулся на меня и начал уверять меня, что, видно, Вы никогда и не думали видеться с ним, а все выдумал и сочинил я, и что стыдно мне «сводничать людей». Я было вначале попробовал урезонить его, — нет, не верит, и стоит на своей нелепости. Тогда я бросил «оправдываться», — чего терпеть не могу, — а тут вдруг подвернулось еще другое дело, несколько сходное, где Верещагин опять написал мне: «Когда Вы перестанете *сводить людей?»* — и я не захотел терпеть долее подобного вздора, напраслины и чепухи, — разошелся с ним. Вот почему я не мог передать ему Ваших слов. Но теперь прошло несколько времени, время прошло холодной струйкой по раскаленной занозе, — и я могу спокойно и не сердясь написать Верещагину какое угодно деловое письмо. Так и сделано на днях. Впрочем, он теперь в Москве (на несколько дней), чтоб устроить там на апрель свою тамошнюю выставку» («Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка. 1878—1906», [Л.], 1929, стр. 50—51).

Несомненно, что нападки Верещагина на Стасова являлись следствием повышенной нервозности художника, обострившейся хлопотами и осложнениями с устройством выставок его картин в Петербурге и Москве. Он добивался возможности продать свои серии картин неразрозненными и оставить их в России, но не находил для этого ни поддержки, ни покупателей.

Не осуществилось и предположение Верещагина продать неразрозненной индийскую коллекцию в Англии, о чем он писал Стасову 27 июня/9 июля 1879 г. Картина «Принц Уэльский в Индии» (процессия

слонов) также не была куплена. Стасов писал об этой картине: «...носился даже слух, что принц Уэльский желал оставить ее за Англией, но Верещагин не согласился, именно имея в виду свой ряд исторических картин» (Стасов В. В., Василий Васильевич Верещагин, «Вестник изящных искусств», 1883, вып. 2, стр. 271; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 4, СПБ, 1894, стб. 325).

К цитированному выше отрывку Верещагин добавил на полях статьи: «Принц Уэльский хотел купить большую картину «Слоны», но, кажется, английские художники забили в набат — *зачем у чужих»* (Отдел рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде).

Разрыв Верещагина с Л. М. Жемчужниковым через некоторое время прекратился.

Из письма Л. М. Жемчужникова В. В. Верещагину от 18 мая 1883 г., находящегося в Архиве Третьяковской галлереи, видно, что их отношения уже наладились. Об этом же свидетельствуют письма В. М. Жемчужникова.

В конце письма от 12/24 сентября 1883 г. В. М. Жемчужников пишет: «Я писал брату Льву об исполнении данного Вам обещания: он, представляя себе, насколько лучше мог бы работать, если бы в молодости не отстал от живописи, стыдится и робеет выставлять свои теперешние работы. Я возразил ему против этого, но еще не имею ответа...» (Архив Третьяковской галлереи).

276

К письму 29 января 1880 г.

[1] Дата письма установлена по содержанию его и по сопоставлению с письмом Стасова от 27 и 31 января того же года.

[2] Шейман и Шпигель — экспедиционная контора в Петербурге.

[3] Эйдткунен — пограничная тогда с Россией германская станция железной дороги.

[4] Объявление для таможни с перечнем перевозимого через границу груза.

[5] Верещагин, брат художника.

277

К письму 31 января 1880 г.

[1] Год «1880» установлен по содержанию письма.

[2] В. В. Стасов, видимо, хорошо знал, какова роль иностранных военных корреспондентов; он доволен тем, что даже его близкий знакомый Дельмар Морган не получит дозволения сопутствовать русскому отряду в Средней Азии.

[3] Вероятно, Цертелев Александр Николаевич (1848—1883) — управлял консульствами в Адрианополе и Филиппополе. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

В книге «Очерки, наброски, воспоминания» (СПБ, 1883) Верещагин, рассказывая о жизни в 1877 г. в Журжеве, до перехода через Дунай, упоминает о Цертелеве: «Сам начальник дивизии помещался в небольшом домике, на набережной, куда мы собирались ежедневно к обеду. Здесь присоединился к нам кн. Цертелев, бывший секретарь посольства в Константинополе, теперь поступивший урядником в Кубанский полк и состоявший при Д. И. [Скобелеве]» (стр. 104—105).

[4] В этом, так же как и в предыдущем письме, Стасов ограничивается только передачей Верещагину сообщений, связанных с приездом художника в Петербург и устройством выставки.

На этом письме переписка прерывается почти на два месяца.

278

К письму 20 марта 1880 г.

[1] Во время размолвки со Стасовым Верещагин занимался устройством своей выставки, включавшей индийскую серию и картины русско-турецкой войны 1877—1878 гг. (балканская серия). Непосредственным помощником художника в устройстве выставки был его брат А. В. Верещагин, прибывший для этого в Петербург с Кавказа.

В организации продажи картин вместо Стасова стал помогать Верещагину В. М. Жемчужников. Он участвовал в переговорах Верещагина с П. М. Третьяковым.

Верещагин поручил Жемчужникову написать приглашение Третьякову *первым* приехать для осмотра картин на устраиваемой выставке. Жемчужников писал по этому поводу 12 февраля 1880 г.:

«Милостивый государь Павел Михайлович! В. В. Верещагин, окончив устройство своей выставки (на Фонтанке, у Симеоновского моста, в бывшем доме Безобразова), просил меня известить об этом Вас — с тем, что не пожелаете ли Вы повидать его выставку теперь, ранее других, пока она не открыта еще для публики. Если Вы можете для этого приехать, то известите меня, и мы отправимся в Безобразовский дом вместе, где он уже будет находиться. Ему положительно желательно, чтоб эта коллекция балканских картин (индийские тоже выставлены) поступила именно к Вам, но, кроме того, теперь он желает показать Вам свою выставку отдельно от других собственно по личному к Вам сочувствию и в ответ за Ваше внимание к его произведениям и искреннюю любовь вообще к искусству и к русскому в особенности. Полагаю нелишним сообщить для Ваших соображений, что хотя ему очень хочется поместить эту свою галлерею именно к Вам, но все же он решился выручить за нее определенную сумму и для этого даже «пустить ее с молотка», как он выражается, если бы не мог выручить своей суммы иначе, — словом, он просто предпочтет того, кто даст больше. По его словам, это необходимо ему для покрытия значительных долгов и исполнения заранее предположенных им работ. Пока никому еще эта выставка не показывается, царскому семейству также сообщится о ней только на днях» (Архив Третьяковской галлереи).

Вскоре после открытия выставки картин Верещагина В. М. Жемчужников передал Третьякову ответ художника о том, когда можно притти на выставку: «Павлу Михайловичу можно притти, когда он хочет, но предупредите, что свет лишь с 1 [ча]су. В. В[ерещагин]».

К этой записке Жемчужников сделал приписку: «22 ф[евраля 18]80. Сообщаю Вам в подлиннике эту ответную записку Верещагина: Я спрашивал, можно ли с 9 час[ов] утра или с какого иного часа. Это предоставляется Вам самим. Здесь говорится о «свете» электрическом *, с часу, в одной зале, как я Вам объяснял».

Покупка картин Третьяковым не осуществлялась. Верещагин досадовал и выразил это в письме к В. М. Жемчужникову от 4 марта

* Электрическим светом, устроенным П. М. Яблочковым, по вечерам освещалась вся выставка, а днем один темный зал. — *Ред.*

1880 г.: «Владимир Михайлович. Скажите, пожалуйста, Павлу Михайловичу, что, по всей вероятности, многие годы, пока я жив, я не продам мои этюды. Напишите еще П[авлу] М[ихайловичу], что мне нужно оправдаться в том, что я его пригласил посмотреть мои новые работы раньше других и как бы с видами на его любовь к искусству. Прилагаемый № «L'art» пусть будет моим оправданием. Француз, который меня, конечно, знать не знает, ведать не ведает и который, разумеется, повозился со всякими художниками и картинами и изумляется этим работам и признает, что они составляют эпоху в развитии миросозерцания художников. Я знал, что говорю не только *живое* слово, но и *новое* слово, и полагал, что П[авел] М[ихайлович] своим тонким чутьем поймет это — нет, не понял — так пусть не состоится распродажа моих военных картин; в материальном отношении она мне будет только выгодна, а П[авел] М[ихайлович] пусть казнится тем, что не понял того, что показалось ему незначительным только по причине своей близости к нему.

«В своей земле и проч...»

Даже пошлите это письмо П. М.; как порядочный человек, он не обидится кое-чем резким, а если поймет, что мне досадно на него, так только угадает, а особенно если прибавить, что *за него самого.*

Пошлите ему и № «L'Art» — я чист и не боюсь упреков в зазывании в свою лавочку. В. Верещагин».

Жемчужников переслал 4 марта 1880 г. письмо Верещагина Третьякову со своей припиской: «Сегодня я послал Вам, Павел Михайлович, № «L'Art», о котором здесь говорится, и посылаю это письмо в подлиннике, согласно желанию В. В. Верещагина. Это ответ на Ваше письмо от 2-го, переданное ему тоже в подлиннике. Искренне Вас почитающий В. Жемчужников».

Переписка Верещагина с Третьяковым во время выставки продолжалась. 19 марта 1880 г. художник уже непосредственно отвечал Третьякову на его вопрос, как будут продаваться картины: «Конечно, *по размерам* картины продавать не буду; сбитый с толку уверениями прохвоста Боголюбова, что наследник желает заранее приобрести все мои будущие работы, я назначил *размер* картин Коцебу *полразмера* и *четверть* его. Запродать таким образом мои работы я был непрочь и по необходимости иметь деньги для окончания картин «Телиш», «Шенова» и др., а также (Вам скажу) для того, чтобы отправить за границу моего отца, теперь уже покойного. Теперь, значит, в этом *размере* уже нет смысла и нет никакого вероятия, чтобы все мои работы могли пойти за 200 000 франков, т. е. за сумму, за которую сильный художник сделает Вам как раз одну картину (Ведь Вы же хорошо знаете, Павел Михайлович, что наши упавшие бумаги не представляют денег даже тех, которые мы знали до войны).

Ваши 10 000 руб[лей] с % отдам, когда заработаю их в Европе, — не взыщите; здесь же, на аукционе, скорее пожгу мои работы, чем отдам Вам или другому *по размеру.* Вам бы попомнить, что такого сумасшедшего, который, как я, бросался во все битвы для *подмечания* там разных разностей, нет другого в Европе, а может быть, и еще целое столетие не будет! Как знать, чего не знаешь, поживем — увидим. Машинкою, которая *не отдохнула* бы на некоторых картинах, я быть не могу, и в этом смысле неверно замечание Ваше о *ненужности* некоторых картин. Вы скажете, что я самохвал, который все-таки не заставит Вас заплатить 10 000 лишних — не бойтесь, надобности в этом положительно нет; я повернусь деньгами, а это все, что нужно, так как банкиром я не буду наверное.

Почему бы и не обратить Ваше внимание на «L'Art», он только что был прислан и подвернулся под руку; это не для сбивания Вас, против

чего Вы достаточно самостоятельны. Ведь нет же в этом обиды? (Кстати, пришлите, пожалуйста, «L'Art» назад для этой статьи). Громы и молнии, как видите, на Вас не обрушились (!?), а на аукцион Вас приглашаю, он будет 22 и 23 марта. Вас уважающий В. Верещагин.

Аминь! не будем более говорить о *продаже коллекций;* признаюсь, мне очень тяжелы эти разговоры».

20 марта 1880 года В. М. Жемчужников писал Павлу Михайловичу: «В ответ на телеграмму Вашу, многоуважаемый Павел Михайлович, я известил Вас и о том, что В. В. Верещагин решил *вовсе не продавать военных картин* и, напротив, *пустить в продажу все индийские* (кроме принца Валлийского). Так как это противно тому, что Вам было прежде известно, то считаю нужным подтвердить это известие, на случай желания Вашего прибыть к распродаже индийских картин, которая должна начаться в будущую субботу (4-й недели поста)... Выставка для публики откроется в *эту* субботу, послезавтра (22 марта) с платою за вход в пользу разных учебных заведений; и будет продолжаться 6 дней. Военные картины изъяты из продажи, как слишком близкие по содержанию к современному настроению общества, которое, все более и более раздражаясь, разделилось на 2 партии, судящие не с художественной стороны, а по своему политическому настроению. Это действует раздражительно и на Василия Васильевича, который хотел бы поскорее убрать все к себе в парижскую мастерскую. Сердечно больно за этого поэта среди прозаиков-деспотов!

Сам Вас[илий] Вас[ильевич] не был, сказался больным, но предупредил через Васильчикова, что «вовсе не продает военных картин». Горячее всех, даже бешено нападал на Верещагина иностранец, прусский военный агент, генерал Вердер...» (Архив Третьяковской галлереи).

В письме от 22 марта Жемчужников сообщает Третьякову о стоимости индийской серии.

Военные картины художник отказался продавать вследствие намерения отвезти их в Париж для дальнейших работ (письмо находится в Архиве Третьяковской галлереи).

Жемчужников спешит предупредить Третьякова новым письмом от 22 марта 1880 г.: «...в дополнение к моему письму считаю нужным сообщить еще, что Демидов Сан-Донато *назначил уже сегодня, оставив за собой, в случае аукциона, множество лучших вещей из индийской коллекции.* Верещагин положительно предпочел бы оставить свои работы в Ваших руках, Павел Михайлович. Это я знаю наверное. Поэтому, если примете решение, дайте, пожалуйста. знать поскорее...» (Архив Третьяковской галлереи).

Перед открытием выставки в ее устройство и развеску картин вмешивается президент Академии художеств великий князь Владимир Александрович. Через конференц-секретаря Академии П. Ф. Исеева он передает Верещагину свое желание, чтобы с картин были сняты надписи с текстом художника, заострявшим идейное содержание картин.

Верещагин не согласился выполнить желание великого князя. Также он не соглашается на перенос картин в Зимний дворец для показа их Александру II. Он написал свой ответ Исееву 20 февраля 1880 г.: «Милостивый государь Петр Федорович. По совести, не нахожу возможным исполнить желание е[го] в[ысочества] относительно снятия надписей и буду ждать его *приказания.* Что касается показывания картин его величеству, то позвольте поблагодарить Вас за доброе желание: не видя возможности переносить мои картины во дворец, я принужден вовсе отказаться от этой чести.

Прошу Вас принять уверения в моем уважении. В. Верещагин» (Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР имени В. И. Ленина).

После отказа Верещагина великий князь отдал распоряжение о снятии надписей с картин.

Со злостью, не употребляя даже обычного в письмах обращения по имени и отчеству, пишет Верещагин Исееву 21 февраля 1880 г.: «Снимаю надписи, но пусть на душе е[го] в[ысочества] будет грех того, что люди, протестующие против зол войны, приравниваются к отрицающим государство. Вас уважающий Верещагин» (Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР имени В. И. Ленина).

Выставка Верещагина открылась 20 февраля в семи залах дома бывш. Безобразова, на Фонтанке, у Симеоновского моста. Плата за вход была назначена 5 копеек. Верещагин много усилий приложил к тому, чтобы его выставка освещалась электрическим светом Яблочкова, тем более, что тогда же, весной 1880 г., в Петербурге открывалась «Первая электротехническая выставка». Газеты уделяли большое внимание «электротехнической выставке», являвшейся демонстрацией поразительных успехов русского изобретательства. Газета «Голос» (1880, 19 апреля, № 110) писала: «Наибольший интерес на [электротехнической] выставке возбуждает электрическое освещение, которое своими практическими успехами обязано изобретательности русского ума. Системы гг. Лодыгина, Яблочкова, Репьева, Чиколева и видоизменения других изобретателей: Хотинского, Булыгина, Алексеева и др. нашли много подражателей и за границей. Электрическое освещение Эдиссона, заслуг которого для науки нельзя, конечно, отрицать, не что иное, как видоизменение системы Лодыгина».

Александр II пожелал осмотреть картины Верещагина, относящиеся к русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

Великий князь Владимир Александрович в записке на имя Исеева потребовал, чтобы 14 марта 1880 г. к нему явился Верещагин или кто-либо из его уполномоченных.

Извещенный об этом распоряжении Исеевым, Верещагин в тот же день, 13 марта 1880 г., отвечает ему: «Милостивый государь Петр Федорович! Завтра, в пятницу, в 10 часов утра я буду у его высочества. Прошу Вас принять уверения в моем уважении. В. Верещагин».

На следующий день, 14 марта 1880 г., Верещагин встретился с великим князем. После встречи он в тот же день написал Исееву, что просит разрешения на присутствие при показе картин Александру II своего брата А. В. Верещагина, помогавшего в устройстве выставки.

Исеев представил письмо Верещагина Владимиру Александровичу со своей докладной запиской (без даты и без подписи):

«ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Имею честь представить на благоусмотрение письмо Верещагина. Какой ответ можно дать ему относительно просьбы и брата. Я обещал ему сообщить резолюцию вашего высочества сегодня.

— дня 188 — года
От конференц-секретаря
Императорской Академии
художеств».

На этой докладной записке великий князь сделал характерную надпись, рисующую отношение к Верещагину правительственных кругов: «В качестве устроителя выставки, пускай будет, а главное для того, чтобы ублажить тронутого творца выставленных картин».

Верещагину было предложено выставить балканские картины для осмотра царем в Зимнем дворце.

Во дворце художнику предоставили для выставки отделанный в белом цвете Николаевский зал; белый фон зала искажал цвет снега зимних балканских картин, это приводило художника в отчаяние; 17 марта 1880 г. он писал Исееву по этому поводу: «Милостивый государь Петр Федорович. Я просто в отчаянии от совершенно белой Николаевской залы Зимнего дворца — поминал недобром *всех* и себя, разумеется, в том числе, за то, что пошел туда. Вас уважающий В. Верещагин» (Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР имени В. И. Ленина).

На период выставки балканских картин в Зимнем дворце, с 17 по 21 марта 1880 г., выставка Верещагина в доме Безобразова была закрыта — «по случаю новой перестановки картин», как извещали об этом объявления в газетах («Голос», 1880, 15 марта, № 75).

Балканские картины солдаты перенесли на руках во дворец.

Верещагин демонстративно отказался присутствовать при осмотре его картин императором Александром II и великим князем Александром Александровичем (будущим Александром III). О причинах этого художник пишет 19 марта 1880 г. Исееву: «Милостивый государь Петр Федорович! Я поставил мои картины во дворце, но сам не счел возможным показывать их его величеству, и в особенности наследнику цесаревичу, потому что избегал возможности быть в неловком положении, намеки на которое ясно довелось увидеть. Думаю, что его высочество Владимир Александрович не будет на меня сердиться. Позвольте поблагодарить Вас, Петр Федорович, за Ваше желание быть мне полезным и попросить Вас принять уверение в моем уважении. В. Верещагин» (Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР имени В. И. Ленина).

Придворные круги враждебно отнеслись к верещагинским картинам на темы войны 1877—1878 гг. Даже такие либерально-дворянские деятели, как военный министр Д. А. Милютин, отзывались отрицательно об его произведениях; последний писал в своем дневнике в 1880 году:

«*18 марта. Вторник.* — После доклада моего и доклада вместе с Гирсом зашел я в Николаевский зал Зимнего дворца, где выставлены для государя картины Верещагина, наделавшие столько шума и возбудившие ожесточенные споры между поклонниками его таланта, большею частью ультра-реалистами, и противниками, признающими эти картины не воспроизведением сцен минувшей войны, а профанацией войны, злобною карикатурой того, чтó составляет гордость и святыню для народного чувства. Действительно, Верещагин, неоспоримо талантливый художник, имеет странную наклонность выбирать сюжеты для своих картин самые непривлекательные; изображать только неприглядную сторону жизни и, вдобавок, придавать своим картинам надписи в виде ядовитых эпиграмм с претензиями на остроумие. Так, например, изобразив на трех картинах часового, занесенного снегом и замерзающего, он над всеми этими изображениями пишет: «На Шипке все спокойно». На картине, изображающей государя и свиту его под Плевной, в виду кровопролития *, он надписывает «Царские именины». Впрочем, эта надпись, красовавшаяся в Париже, здесь, конечно, исчезла. Не имев возможности быть на выставке, привлекавшей массы народа, я рад был удобному случаю, чтобы лично проверить слышанные мною бесконечные толки об этих картинах; и должен сознаться, что, обойдя весь ряд картин, вынес грустное впечатление. Самого художника не было в зале; государь, по-

* Речь идет о картине В. В. Верещагина «Император Александр II под Плевной». — *Ред.*

желав видеть картины, не желал видеть самого автора» («Дневник Д. А. Милютина», т. III, М., 1950, стр. 235).

Выставка произвела огромное впечатление и привлекла тысячи посетителей из всех классов общества. В выставочных залах была давка; за 40 дней перебывало 200 000 человек. Сразу же после открытия выставки объявились в реакционном лагере лжепатриоты, старавшиеся умалить великое значение произведений Верещагина; тщательно выискивали в них мнимые недостатки, обвиняли художника в отсутствии патриотизма, в искажении эпизодов войны, в клевете на русского человека. Они задались целью опорочить все возрастающую популярность Верещагина, сломить мужество художника, ослабить воздействие его произведений, разоблачающих захватнические войны.

В то же время передовая демократическая часть зрителей и простой народ восторгались картинами Верещагина.

Большинство было на стороне Верещагина, и его популярность еще более укрепилась.

Раскол мнений о художнике и его произведениях вылился в резкую газетную полемику, главным образом между реакционной газетой «Новое время», издававшейся и редактируемой рупором черносотенных реакционных кругов А. С. Сувориным, и В. В. Стасовым, горячо и страстно выступившим в газете «Голос» в защиту В. В. Верещагина, его таланта и его произведений. Только важнейшие выступления в этой полемике составляют обширный перечень в 15 статей:

1) 26 февраля, «Новое время», № 1436, «Художник-сатирик», без подписи;

2) 27 февраля, «Новое время», № 1437, «Неправда в картинах Верещагина», подпись: «В. П.» (вероятно, В. П. Буренин);

3) 27 февраля. «Голос», № 58, письмо В. В. Верещагина (в ответ на обвинение в тенденциозности);

4) 28 февраля, «Новое время», № 1438, перепечатка письма Верещагина с послесловием;

5) 29 февраля, «Голос», № 60, второе письмо В. В. Верещагина;

6) 7 марта, «Новости», № 62, «В. В. Верещагин как художник и как патриот» А. А. Головачева;

7) 9 марта, «Новое время», № 1447, «Недельные очерки и картинки» Незнакомца (А. С. Суворина);

8) 12 марта, «Голос», № 72, «Оплеватели Верещагина» В. В. Стасова;

9) 13 марта, «Новое время», № 1451, «Снисходительный ответ» Незнакомца (А. С. Суворина);

10) 15 марта, «Голос», № 75, «Еще кое-что г. Суворину» В. В. Стасова;

11) 16 марта, «Новое время», № 1454, «Картины Верещагина, индийский отдел» В. Буренина;

12) 17 марта, «Голос», № 77, заметка;

13) 18 марта, «Новое время», № 1456, «Два слова г. Верещагину» Незнакомца (А. С. Суворина);

14) 19 марта, «Голос», № 79, «Новые выходки г. Суворина» В. В. Стасова;

15) 26 марта, «Новое время», № 1464, «Еще снисходительный ответ, или разоблаченный г. Стасов» Незнакомца (А. С. Суворина).

Начало нападкам на В. В. Верещагина положила статья «Художник-сатирик» («Новое время», 1880, 26 февраля, № 1436, без подписи). Автор этой статьи, издеваясь над Верещагиным, говорит, что выставка его картин — редкое и замечательное явление, потому что этот художник умеет не только писать картины, но и умеет «прославиться», что Вере-

щагин пишет не как Лев Толстой, дающий живые типы войны, а как сатирик, т.-е. крайне тенденциозно, и старается отнять всякое «утешение» у русского человека, показывая ему только одни трупы. Клевеща на Верещагина, критик доходит до отвратительных утверждений, что в картинах художника вместо человека изображено животное. Этим якобы Верещагин достигает своей цели — поразить зрителя варварством войны. «...но это не вся правда. Правда только в эпическом, вполне художественном произведении, вся правда в человеке, а не в животном», — заканчивает автор провокационной заметки. «Новое время» не ограничилось этой злобствующей статьей. На следующий день в новой статье — «Неправда в картинах Верещагина (Голос из публики)» («Новое время», 1880, 27 февраля, № 1437, подпись «В. П.») автор, продолжая нападки предыдущей статьи, утверждает, что Верещагин в своих произведениях дает якобы не правдивую, реальную картину войны, а сатиру на войну. В картине «Панихида» художник представил только массу человеческого мяса, неправдиво исключая из картины живых товарищей павших. В картине «Победители» Верещагин показал сугубо подчеркнутое поражение русских, что делает эту картину достойной украшать стены турецкого дворца Дольма-Бахче. В картине «Пленные» автор находит дышащее укором и также подчеркнутое страдание турок, попавших к нам в плен. Картину смотра войск Скобелевым под Шейново, где весь эффект сосредоточен на развороченных телах русских и турок на переднем плане, автор считает неправдоподобной. Он приписывает Верещагину посмеяние над тенденциозно усугубляемым страданием. За эту правду, говорит автор, глубоко обидится русское простое мужицкое или солдатское сердце.

Одновременно с первой статьей «Нового времени» резко противоположную, благоприятную для Верещагина, патриотическую рецензию о выставке опубликовала газета «Молва» (1880, 26 февраля, 2 марта, № 57, 62, без подписи). Эта статья, с некоторыми сокращениями, приводится ниже.

Напомнив о выставке 1874 г. и сообщив о деятельности художника после нее, автор статьи переходит к выставке 1880 г.; он пишет, что «продуктом весьма незначительного времени являются выставленные: 139 картин и этюдов по индийскому отделу;

21 картина турецкой войны,
25 набросков, деланных во время кампании, и
30 этюдов, которые еще не доставлены на выставку.

«Из выставленных картин, — говорит автор, — значущаяся в каталоге под № 79, одна по нашим приемам потребовала бы не менее пяти лет времени. Наброски и этюды причудливой, богатой орнаментации индийской архитектуры, цветистость, пестрота и богатство сбруи в слоновом уборе и людской одежды требуют почти фотографической точности и мелочности рисунка, прибавим к тому же, что работа под палящими лучами индийского солнца или в балканских снегах, среди боевой обстановки, вовсе не то, что занятия в спокойных, просторных мастерских нашей Академии....

У такой крупной художественной личности, как г. Верещагин, — продолжает автор, — да еще в целой серии картин, весьма нетрудно определить взгляд, направление, — словом, чем и как задавался художник-баталист. Нет в его картинах ни победно шумящих знамен, ни сверкающих штыков, ни блестящих эскадронов, несущихся на пылающие огнем батареи; не видно торжественных шествий, поднесения трофеев, ключей и пр. Вся та парадная, увлекающая обстановка, которую человечество измыслило для прикрытия пагубнейшего из своих деяний, чужда кисти г. Верещагина; перед вами голая действительность. Ежели

не воздержать вовсе, то, по возможности, отвратить цивилизованное общество от проявлений, возмущающих все человеческое естество, — такова общечеловеческая задача художника, весьма резко обозначившаяся как в прошлой его выставке, так и в нынешней.

Станем ли мы упрекать его за это? Можно, конечно, предпочесть другое направление, но, во всяком случае, зрителю необходимо усвоить руководящую мысль художника, без чего невозможно понимание его картин, а следовательно, и верная их оценка».

* * *

«Первая картина военного отдела при входе направо, — продолжает автор, — имеет надпись «Телиш» *. Эффект производит она потрясающий, но скомпонована до невозможности просто. В левой стороне картины, почти у самой рамы, на краю только что вырытой могилы, священник в траурной ризе и причетник в мундире лейб-гвардии егерского полка справляют службу по воинам, живот свой на брани положившим. Необыкновенно просто, можно сказать обыденно, поставлены эти две стоячие фигуры, только несколько как бы судорожно склоненная набок голова священника намекает на внутренний тяжелый духовный процесс. В этой простоте сказывается глубокий художественный такт. Каким видимым наружным движением или какою изысканною постановкою может быть выражено впечатление этого великого поля человеческих скорбей! Легли, ибо так было нужно, или, как выражается наш древний летописец, «тут кровавого вина недостало, воров напоивши, полегли храбрые руссичи за Русскую землю».

Ничего подобного не доводилось нам перечувствовать ни перед какою другою картиною. Не чувство ужаса или отвращения, которое, казалось, должно было бы внушать громадное пространство, покрытое изувеченными трупами, присутствие которых вы чувствуете, но не видите, так как художник опять-таки с замечательным тактом скрыл от вас телесные страдания, но чувство благоговения перед свято исполненным тяжелым долгом. А как написаны эти две фигуры! Тут и речи не может быть о каких-нибудь технических приемах; напротив, тут простота, доходящая, до творчества. Тщетно будем искать каких-либо особых приемов в этих воздушных тонах лиц и обнаженных головах, в этом потертом бархате и помятых галунах ризы, кажется закапанных воском. Опять-таки простота, доведенная до совершенства.

Простота составляет самую резкую черту нашего национального характера; нет выше похвалы в устах русского человека, как эпитет «простой». Все великие деяния русского народа совершались просто, без звонких фраз, без каких-либо наружных эффектных обстановок. Тысячи жизней, миллионы достояний отдавались за одно задушевное слово.

Простые слова, обращенные Святославом к своей дружине под Доросхолом: «не посрамим земли русския, ляжем костьми ту, мертвие бо сраму не имут», через десять веков перешли в ряды теперешней нашей армии.

Подметить эту крупную нашу особенность, провести и выдержать ее в высоких драматических моментах есть заслуга громадная, достоинство неоцененное. Где бы ни жил и ни обретался г. Верещагин, он всегда останется русским художником.

Эта сторона его художественного сознания настолько в нем созрела,

---

* «Панихида».

что она резко проглядывает в любой из его картин. Возьмем для примера № 11 «Пойманный и уличенный шпион». По лестнице дома сводят шпиона, на первом плане несколько фигур караульных. Какой счастливый случай поместить тут старых усачей, прокопченных порохом гренадер; но художник воздержался по той причине, что этих типов при нынешнем коротком сроке службы в русской армии, за весьма редкими случаями, не имеется...

Правда, не изящной формы сосуд вмещает в себе дух русского героя, тем не менее эта правдивая простота не исключает у художника возможности порыва и одушевления там, где это нужно. Вглядитесь в картину № 14: Шипка — Шейново. Сколько воодушевления в этом сером строе, пред которым летит со словами привета и благодарности излюбленный боевой вождь; тут же в правом углу сложена штыковая работа...

Петр Великий в кожаном фартуке кузнеца, Суворов в прародительской шинелишке, Кутузов на деревянной скамеечке, Нахимов с шапкою невообразимого покроя на затылке... «На Шипке все спокойно», №№ 18, 19 и 20, — не те ли же это самые высшие проявления, присущие русскому духу, простоты, не терпящей ничего звонкого, резкого, сверкающего?

Обзор мой далек до конца, но я уже чувствую бессильность слова перед такою массою художественного богатства, да вряд ли существует и потребность в навязывании своего взгляда.

Я высказал то, что чувствовалось русским человеком перед произведениями, затронувшими самые чуткие струны его души. Подробный каталог, которым советуем каждому посетителю запастись, объясняет весьма подробно содержание этих крайне простых, но потрясающих композиций. Затем каждый, имеющий очи, да видит...

В первой зале индийского отдела выставки В. В. Верещагина, — продолжает автор статьи, — помещается 5 картин, из коих две: № 79, «Процессия слонов», и № 77, «Великий Могол в своей мечети в Дели», — весьма крупных размеров. Несколько непонятным показалось нам, почему художник избрал такие большие размеры лишь для своих жанровых картин, не имеющих особого значения и не представляющих между собою никакой связи. Вместо того, чтобы теряться в бесплодных догадках, мы предпочли обратиться к самому художнику, по большей части присутствующему на выставке и никому не отказывающему в самых любезных и толковых объяснениях. Задался он так: целая серия картин подобного размера должна была изображать постепенный переход этой колыбели человеческой цивилизации в руки всемирных эксплоататоров-англичан. Первое полотно, зачерченное уже художником, было им оставлено по случаю отбытия его на театр военных действий в Турцию. Оно изображает двор Великого Могола, во всей своей сказочной пышности восседающего на своем древнем престоле. Самая фигура Могола почти что невидима; обозначаются только бриллиантовое перо головного убора, малая часть лица и конец туфли, перед закрученным носком которой изгибаются фигуры английских купцов, просящих позволения поторговать в Индии. Окончание колоссального английского гешефта изображено на полотне № 77. У серенькой коленопреклоненной фигурки, окруженной весьма незначительным штатом придворных, ничего более не оставалось, кроме этой домовой мечети и гарема, все остальное перешло в руки тех, которые ползают у туфли на первой картине. Въезд принца Уэльского в «процессии слонов» есть одно из промежуточных звеньев, связующих начало с концом... С полным сочувствием относимся к подобной мысли нашего соотечественника и желаем ей скорого и блестящего воплощения...

Остается пока не тронутою ничем не ограничиваемая и ничем не насытимая торговая эксплоатация англичан, вносящая повсюду не цивилизующий элемент, а разрушающая, стирающая с лица земли целые нации. Возьмется же когда-нибудь за ум человечество и положит конец наглому эксплоататорству. Время этого расчета не за горами, и многим из нашего поколения, может быть, суждено его увидеть.

Из картин, выставленных в той же зале, особенно нам понравился пейзаж своеобразной индийской природы, так называемой Джонгли, с одиноко высящейся стройной пальмой, у подножия которой прекрасный экземпляр королевского тигра пожирает туземца. Эти гастрономы кошачьей породы, раз вкусивши человечьего мяса, затем уже настолько предпочитают его всякому другому, что делаются ужасом той местности, где появляются.

Переходя в другие залы, переглядев еще и еще всю эту массу художественных богатств, приходишь к убеждению, что в пределах газетной статьи нет никакой возможности даже всю ее перечислить...»

После описания содержания других индийских картин, которые он называет «привлекательными донельзя», автор заканчивает свой обзор: «В заключение поделимся с публикой некоторыми сведениями, любезно сообщенными нам Василием Васильевичем Верещагиным. Высадившись в Бомбее, он направил путешествие свое прямо на север до Больших Соленых озер, лежащих на границе Тибета, и затем вернулся другим путем, но в том же направлении, следовательно, в 2 года он не объехал и половины Индии. Дальнейшее его там пребывание было прервано военными событиями и разрушительным влиянием тропического климата на северных жителей. Самый организм, по его выражению, «высыхает» и, несмотря на тщательную и соответственную обстановку, истощается до такой степени, что желудок в состоянии переваривать только самую легкую пищу. По английскому строю жизни, выработанному для Индии, ранее 5 часов пополудни выходить на улицу полагается только сумасшедшим, для написания же сильных солнечных эффектов художнику приходилось поступать так: прибыть в закрытом рыдване к заранее установленной палатке, покрытой такою толщею ковров, какую может только вынести ее остов, затем во все время его там пребывания вся эта толща беспрерывно поливалась водой...»

В связи со статьей «Нового времени» «Художник-сатирик» В. В. Верещагин опубликовал в письме в газету «Голос» (1880, 27 февраля, № 58) свои объяснения:

«М. г. Позвольте мне сказать несколько слов в ответ на обвинение меня одною большою газетою в «тенденциозности» и «старании отнять всякое утешение именно у русского человека».

Я представил обратную сторону *русской* войны, а не *австрийской* или *английской,* потому что *эту войну довелось мне видеть, а те — нет.* Не считая русского человека «зверем», я не приписываю ему никаких исключительных, только ему присущих кровожадных инстинктов, и полагаю, что так это и было понято, например, в Париже, где из всех голосов критики, признававших за моими работами осмысленное философское направление, ни один не обвинил меня в тенденциозности, которую, кажется, слишком часто бросают у нас в лицо независимо мыслящим людям.

Могу только пожалеть, что отвлеченно-философское указание на ужасы войны (ужасы, о которых наше и другие европейские общества имеют весьма смутные представления) могло быть понято в узком смысле укора *именно* русскому человеку. В. Верещагин».

Газета «Новое время» перепечатала (1880, 28 февраля, № 1438) письмо Верещагина в газету «Голос». Но в послесловии к этому письму

«Новое время» повторило свои укоры Верещагину за тенденциозность его картин, заявляя, что французы не так бы снисходительно приняли картины Верещагина, если бы он в таком виде показывал в них французов, а не русских, о которых можно было сказать, что они варвары, морозящие своих пленных, и что в картинах Индии Верещагин остерегался колоть глаза англичанам.

Вслед за этим Верещагин опубликовал в «Голосе» (1880, 29 февраля, № 60) новое письмо:

«М. г.! Со стороны одной большой газеты новые укоры мне в клевете и недостатке патриотизма! Что касается клеветы, то замечу только, что это обвинение обоюдоострое. Относительно же преподавания мне патриотизма, я, ввиду очевидной неопытности в этом ремесле моего преподавателя, снизойду до небольшого ему объяснения. В каталоге выставки сказано, почему из многих задуманных больших картин, относящихся до Индии, исполнены только две и потом еще одна начата, да так и не кончена. Так как я сам видел «процессию слонов», то эта картина и исполнена первою — по прямому впечатлению. Конечно, я мог бы, ввиду избежания упреков в недостатке гражданского чувства, поместить на слоне вместо английского принца особу какой-нибудь другой национальности, но, признаюсь, не решился этого сделать. Если в таком случае патриотизм мой был недостаточно силен, зато он и не пересаливал, а главное — не заявлял о себе с шумом.

Примите и проч. *В. Верещагин*».

После выступлений «Нового времени» с нападками и ложными обвинениями появилась статья в защиту Верещагина «В. В. Верещагин как художник и как патриот» («Новости», 1880, 7 марта, № 62). Автор ее (А. Головачев) говорит, что «Новое время» в своей «неопрятной» статье «Неправда в картинах Верещагина», обвиняя художника в непатриотизме, тенденциозно подошло к его картинам и при разборе их содержания преподносило читателям то, чего в картинах не было. Головачев называет автора статьи «Нового времени» клеветником и сыщиком.

В фельетоне «Недельные очерки и картинки» («Новое время», 1880, 9 марта, № 1447), подписанном «Незнакомец», автор фельетона (А. С. Суворин) высмеивает выступление критика газеты «Новости» Головачева, «который назвал Верещагина великим художником, а статьи «Нового времени» охарактеризовал как «сыскные». Автор перенес затем свои убогие насмешки также и на Верещагина.

Нападки и клевета «Нового времени» и его лагеря на Верещагина заставили Стасова забыть все размолвки с художником и выступить в его защиту. Он опубликовал в газете «Голос» три яркие, вдохновенные статьи, в которых разбивал гнусные выходки нововременцев против художника.

В своем первом выступлении в защиту Верещагина, озаглавленном «Оплеватели Верещагина» («Голос», 1880, 12 марта, № 72; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 471—478), Стасов критикует статьи «Нового времени» («Художник-сатирик» и «Неправда в картинах Верещагина»). Он говорит, что нашлись оплеватели, которым нужно доказать «дрянность, тупость и глупость Верещагина, злобу его на Россию и искажение им всего самого лучшего и высокого в русском народе»... люди, которые утверждают, что картины Верещагина — «ложь, сатира, неправда и злостное подчеркивание», а самого Верещагина характеризуют как человека, который умеет «обделывать свои делишки». Критикуя обвинения «Нового времени», Стасов показывает их полную несостоятельность и тенденциозность; он сравнивает выступление

авторов «Нового времени» с такими же тенденциозными обвинениями Верещагина Тютрюмовым в 1874 г. в период туркестанской выставки художника. Критикам Верещагина, продолжает Стасов, не нужна правда о войне, им нужны припрятывания и подкрашивания, трубы и барабаны, а в картинах Верещагина, к неудовольствию его критиков, этого нет. «Но кто же у нас не чувствует, — восклицает Стасов, — всей великости Верещагинской выставки, не имеющей себе ничего подобного (в том же роде) не только у нас, но и во всей Европе? Ведь лучшие современные живописцы войны, Невилли и Детайли, как ни высоко стали в сравнении со всеми своими предшественниками (Орасами Вернэ и всеми остальными без конца), но стоят еще далеко от нашего Верещагина по глубокости и смелости реализма. Что касается техники, то недаром лучшие английские и французские живописцы заговорили в один голос, увидев картины Верещагина, что у него должна учиться вся их школа... кто у нас не был потрясен и тронут до самых корней души этими чудными представлениями самой великой из наших войн, у кого не захватывало дух перед этими изумительными сценами, подобных которым не видывало еще европейское искусство? Кто не думал про себя сто раз: вот картины, которые должны были бы стать народным достоянием... и занять первое место в русском народном музее вместо всевозможных чужестранных мадонн и Агамемнонов; вот картины, которыми наше отечество имело бы право гордиться перед целым светом как оригинальнейшим созданием своеобразного русского таланта и ума».

Горячая статья Стасова в защиту Верещагина вызвала новое выступление Суворина. В фельетоне «Снисходительный ответ» («Новое время», 1880, 13 марта, № 1451) «Незнакомец» (А. С. Суворин) отвечает Стасову на его статью «Оплеватели Верещагина». Он говорит, что своими возражениями Стасов лишь подкрепил критические замечания «Нового времени». Одновременно «Незнакомец» старается отклонить от себя упреки Стасова и говорит, что Стасов его неправильно понял, что он не обвиняет Верещагина в стремлении к наживе. «Незнакомец» переходит далее к нападкам на Стасова: «Вы лжете, что я обвиняю Верещагина в наживе, вы лжете, говоря, что вся Европа приходит в восторг от его картин, что она будто бы ничего подобного никогда не видала — бедная Европа! — вы лжете, говоря, что я ставлю в вину ему, что он «вырисовывает каждый этюдец и ставит его в красивую рамку», вы лжете, говоря, что я будто поклонник «казенной» живописи». В заключение Суворин пытается обвинить Стасова в подтасовке в пользу Верещагина отзывов европейских газет.

Вслед за Сувориным выступил Буренин. В фельетоне «Картины г. Верещагина. 1. Индийский отдел» («Новое время», 1880, 16 марта, № 1454) В. Буренин издевается над критиками, выступающими благожелательно к Верещагину (В. В. Стасов, А. А. Головачев, Григ. Градовский и Amicus). Далее он заявляет, что «большая часть крупных и мелких холстов индийского и военного отделов выставки представляют собою только *иллюстрации,* но отнюдь не *картины*». Буренин говорит, что во всех индийских картинах Верещагина видны только отдельные этнографические типы, здания, местности, но нет *картин жизни Индии,* ее быта, ее нравов. «Если, — резюмирует Буренин, — таковы приемы нашего нового художественного реализма, далеко опередившего реализм Европы, по словам В. В. Стасова, то чорт с ним с таким шарлатанским реализмом...»

Вторая статья Стасова за Верещагина и против «Нового времени», озаглавленная «Еще кое-что г. Суворину» («Голос», 1880, 15 марта, № 75; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 477—484), является возражением на суворинский «Снисходительный

ответ». В ней Стасов говорит о Суворине: «Я не желаю быть с ним снисходителен, я жалеть его не стану ни теперь, ни после. Г. Суворин давно уже слишком для меня омерзителен, со всем своим образом мыслей, со всеми своими взглядами, понятиями, со всею своею беспредельною фальшью и дрянностью, со всем своим расторопным «усердием». С такими субъектами нет никакой надобности быть снисходительным». Далее вскрывается лживость утверждений Суворина по поводу высказываний Стасова относительно К. Брюллова, композитора А. Н. Серова, А. Иванова, о письмах Репина из-за границы, о Буренине, о Тютрюмове и о Верещагине. «...г. Суворин бессовестно выдумывает и лжет, — говорит Стасов, — уже не только в отношении меня и моих прежних статей, но даже и относительно фактов, мною буквально выписываемых из печатного... Не угодно ли посмотреть «Русский мир» 1874 года № 265-й?.. Неужели посылать вам газету в редакцию, чтобы лоб ваш, г. Суворин, попробовал покраснеть? Напрасный труд, я думаю... Потом еще г. Суворин уверяет, что я выбирал из лондонских и парижских статей наиболее лестные отзывы о Верещагине и печатал их в «Новом времени» и утаивал те, которые для Верещагина были нелестны. Новая ложь и новая гадость! Я ничего не выбирал лестного и не утаивал нелестного (всякий негодяй всегда подозревает других людей в какой-нибудь низости)...» Упрекая далее Суворина за порицание реализма в картинах войны Верещагина, Стасов сравнивает Суворина с Булгариным, также выступавшим против реализма Гоголя. «Мне кажется, — заканчивает Стасов, — то же и г. Суворина ожидает, как и Булгарина с товарищами, — одна из самых скверных и позорных страниц в будущей истории нынешнего времени».

В защиту Верещагина выступила газета «Молва» (1880, 5 марта, № 64); отвечая ей, Суворин писал, что французский журнал по искусству «L'Art» не отметил никак выставки Верещагина.

Это утверждение Суворина вызвало заметку в газете «Голос» (1880, 17 марта, № 77, без подписи), в которой сообщалось:

«По поводу возникшей в печати полемики о значении выставки картин В. В. Верещагина нам доставлена сегодня следующая заметка: «Нельзя не обратить внимания на то легкомыслие, чтобы не сказать более, с каким некоторые публицисты позволяют себе говорить о предметах, им вовсе незнакомых. В заметке, посвященной ответу «Молве», издатель газеты «Новое время» г. Суворин, например, утверждает, что авторитетные Revues совсем умолчали о выставке Верещагина в Париже. Очень авторитетный «L'Art», обыкновенно не пропускающий выдающихся явлений в области живописи, скульптуры и проч. и воспроизводящий их на своих страницах, не говорил до сих пор о выставке Верещагина.

Если даже не считать журналы «L'Artiste», «La Gazette des Beaux Arts» и др. компетентными Revues, то и тогда выйдет, что трудно удачнее попасться в противоречии истине, потому что именно авторитетный журнал «L'Art» напечатал о картинах Верещагина (и преимущественно о картинах из событий русско-турецкой войны) *высокопохвальный отзыв*».

В ответном фельетоне «Два слова г. Верещагину» («Новое время», 1880, 18 марта, № 1456, подпись «Незнакомец») Суворин признает свою вину в напечатании неправильного утверждения о том, что в «L'Art» не было отзыва о картинах Верещагина, но тут же благодарит за указание ему этого далеко не похвального отзыва и старается доказать, что французский критик отрицательно относился к Верещагину и в «L'art» порицал у него то же самое, против чего восставало «Новое время».

«Если этот отзыв г. Верещагин или его друзья, — пишет Суворин, — называют «высокопохвальным», то наш отзыв о его картинах — восторженный. Что значит Париж для г. Верещагина, «истого парижанина», как называет его г. Кларети! Г. Верещагин не только был в редакции «L'Art», но нарисовал даже для нее два рисунка, которые и воспроизведены журналом, как его факсимиле. Замечательно, однако, не это, а то, что отзыв «L'Art» совершенно сходится как в подробностях, так и в идее с нашим отзывом...»

В третьей своей статье «Новые выходки г. Суворина» («Голос», 1880, 19 марта, № 79; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 483—486) Стасов разоблачает подтасовки и передержки Суворина в «Новом времени», допущенные при напечатании цитат из статьи о творчестве Верещагина парижского критика Гюгонне в журнале «L'Art», из которой Суворин выпустил наиболее важные места, восхваляющие правдивость и реальность картин Верещагина и утверждающие «могучесть» и огромное значение его творчества для французских художников.

В фельетоне Суворина «Еще снисходительный ответ или разоблаченный Стасов» («Новое время», 1880, 26 марта, № 1464, подпись «Незнакомец») напечатаны оправдания Суворина против обвинений Стасова и описание подробностей разрыва Стасова с «Новым временем». По утверждению Суворина, Стасову пришлось уйти из этой газеты вследствие «необузданности» его статей, вычищавшихся Сувориным перед печатанием, и несогласия Стасова с этим суворинским редактированием. Тут же Суворин напоминает Стасову его якобы разноречивые отзывы о статуе «Петр I» Антокольского.

О кампании «Нового времени» против Верещагина Стасов позднее писал: «Я опровергал вначале печатно всю эту ложь, клевету и невежество, потом бросил... На русскую публику, впрочем, этот вопль «Нового времени» не произвел ни малейшего впечатления. Новые Тютрюмовы остались в постыдном одиночестве, как и прежний» (Стасов В. В., Василий Васильевич Верещагин, «Вестник изящных искусств», 1883, вып. 2, стр. 272; см. также: Собр. соч., т. II, отд. 4, СПБ, 1894, стб. 325).

Характерно, что примыкавший к лагерю либеральной буржуазии П. М. Третьяков отрицательно отнесся к яростной защите Стасовым Верещагина. Он писал Репину 19 марта 1880 г.: «Читали Вы две ругательные статьи Стасова (в «Голосе»)? Отвратительно! Стыдно быть знакомым с ним.

Имею известие, что Верещагин решил вовсе не продавать военных картин; на аукционе будут продаваться индийские картины и этюды. Что это значит, не понимаю. Завтра сбираюсь в Петербург — узнаю».

Репин ответил Третьякову 20 марта 1880 г.: «Статей Стасова в «Голосе» я не читал, читал только одну ответную Суворина в «Новом времени...» (Репин И. Е., Переписка с П. М. Третьяковым, М.—Л., 1946 стр. 45).

14 марта 1880 г. Репин писал Стасову: «Читал я Ваши препирательства с Сувориным из-за Верещагина. Жаль, что Верещагин не выставляет здесь своих вещей».

В период устройства выставки художник И. Н. Крамской по поручению П. М. Третьякова предпринимал попытки написать портрет Верещагина, последний, однако, отказывался от его приглашений. 31 января 1880 г. Верещагин писал Крамскому: «Никак не можно сидеть теперь. Только что пришли ящики с моими картинами и надобно открывать и уставлять их — оставим до более удобного времени. *В. Верещагин.* Если будет время, когда открою выставку, то сейчас же подставлю Вам мою харю на столько сеансов, сколько Вам понадобится — идет?»

Тогда же Крамской давал советы Верещагину в связи с устройством выставки и восставал против предполагавшегося исполнения на выставке музыкальных пьес. На это Верещагин писал ему 11 февраля 1880 г.: «Человек, который так добросовестно относится ко всякому делу, как я, себя не уронит, да и другие его не легко уронят, как Вы того опасаетесь. О Вашем совете не допускать музыку на выставку и проч. скажу Вашими же словами: «Чорт знает что Вы говорите».

Желание Ваше предупредить меня доброе, но я Вас не послушаюсь и буду делать по-своему».

Во время выставки художники-передвижники во главе с Крамским имели намерение устроить банкет в честь Верещагина. Крамской послал Верещагину приглашение, но художник отклонил его письмом от 11 марта 1880 г., в котором он писал: «Иван Николаевич. Позвольте поблагодарить Вас за приглашение почавкать в компании, только позвольте также с полной откровенностью отклонить его; выразите, пожалуйста, самое искреннее, самое глубокое мое уважение к членам Вашего высокоталантливого товарищества. Вас искренно уважающий *В. Верещагин.*

Когда посижу? Не ведаю...»

8 апреля 1880 г. Верещагин пишет Крамскому полуизвинительное письмо о том, что сеансы художника с ним не удаются: «Не кажусь я Вам, чтобы не слышать укора Вашего — захлопотался, некогда было.

Сегодня же утекаю, значит, до другого раза» *.

[2] Стасов обращается к Верещагину с ходатайством показать его выставку приезжим из Москвы, вследствие того что залы в доме б. Безобразова были в эти дни закрыты по случаю переноса балканских картин в Зимний дворец.

[3] В письме к Л. Н. Толстому от 6 марта 1880 г. Стасов говорил, что, несмотря на размолвку, он через некоторое время будет писать Верещагину деловые письма.

Возможно, что настоящее письмо — первое после начала размолвки. Приписка «я тоже» подтверждает эту вероятность.

279

К письму 26 марта 1880 г.

[1] Автограф представляет собой записку карандашом. Повидимому, Стасов еще не встречался с Верещагиным после начала их размолвки в конце января 1880 г.

---

* Попытки Крамского написать портрет Верещагина возобновились через три года — во время выставки Верещагина в Петербурге в конце 1883 г.

Верещагин писал Крамскому 12 ноября 1883 г.: «Многоуважаемый Иван Николаевич! Постараюсь быть у Вас завтра, если не в 11, то в 12 часов».

Тогда же, 17 ноября 1883 г., Верещагин писал: «Нездоров, в лихорадке, в постели, значит, никак не могу притти; постараюсь быть еще раз перед отъездом». (Письма Верещагина к Крамскому хранятся в Архиве Русского музея в Ленинграде.)

Второй раз Верещагин к Крамскому не пришел. Незаконченный портрет, датируемый 1884 годом, находится в Третьяковской галлерее. Был приобретен Третьяковым на аукционе после смерти Крамского.

Подробности об этом портрете Верещагин сообщил в статье «Иван Николаевич Крамской («Русская старина», 1889, т. 61, март, кн. 8, стр. 633—634).

В этот день в «Новом времени» (1880, 26 марта, № 1464) была напечатана на первой странице заметка «Аукцион картин Верещагина». В заметке сообщалось, что в субботу и воскресенье, 29 и 30 марта, будут продаваться индийские картины художника, а работы о русско-турецкой войне останутся неразрозненными. В отличие от основных статей газеты, в заметке говорилось, что среди картин Верещагина есть решительные шедевры, и дело патриотизма русских — их купить. «Такие художники, как г. Верещагин, еще в значительной степени в будущем: он будет еще расти, и всякая его вещь никогда не потеряет своей цены».

«Новое время» прикрывалось иногда маской благожелательности. Однако эта фальшивая благожелательность постоянно сменялась дискредитацией художника. Несомненно, что и в этой якобы доброжелательной к Верещагину заметке «Новое время» преследовало все ту же цель — ослабить концентрированную в единой серии силу таланта Верещагина и распылить его произведения по многим частным покупателям, где они снизятся до роли украшений в гостиных.

Стасов, вероятно утром, прочитал эту заметку вместе с фельетоном Суворина «Еще снисходительный ответ, или разоблаченный Стасов», опубликованным в том же номере.

Стасов увидел, что намерение Верещагина продать картины в одни руки осталось безрезультатным. П. М. Третьякову не удалось приобрести индийскую серию. Царское правительство также ее не купило.

Стасов понимал, что произведения единой направленности, единой мысли представляют наибольшую ценность и значение именно в своей совокупности и неразрозненности. Только при условии неразрозненности индийских этюдов Верещагин мог продолжать писать свою «Историю заграбастания Индии англичанами». Сейчас все это рушилось. Индийские этюды должны разойтись в разные стороны, скрыться — и от художника, и от публики, и от рвущихся к ним масс народа — в замкнутых особняках недоступных частных собирателей или в богатых гостиных. Стасов тяжело должен был переживать трагедию Верещагина, вынужденного пойти на аукцион и на распродажу по частям своего единого создания — индийской серии. Трагедия Верещагина была и его трагедией.

Вероятно, под влиянием этих событий он отбросил в сторону все обиды и размолвки и написал Верещагину спешную записку с просьбой о встрече. Может быть, он еще надеялся повлиять на Верещагина и предотвратить аукцион.

280

К письму 26 марта 1880 г.

[1] На автографе надпись В. В. Стасова: «26 марта 1880. СПБ».

К письму приложен конверт, адресованный В. В. Стасову в Публичную библиотеку, без почтовых штемпелей.

На конверте пометка В. В. Стасова: «26 марта 1880. Обещается *не показывать более свои картины в России*».

[2] Верещагин отказался видеться со Стасовым. Он, вероятно, не хотел слушать советов и убеждений Стасова в тяжелом деле распродажи своих картин.

[3] Решение распродать на аукционе индийскую коллекцию стало для Верещагина неизбежным после того, как показ картин в Зимнем дворце Александру II не дал никакого результата.

Еще 15/27 мая 1879 г. Верещагин писал Третьякову из Парижа о своих безотрадных денежных делах при долге в 25 000 руб. и необходимости занять еще 10 000 руб. для окончания работ.

Устройство лондонской и парижской выставок, на которых картины не продавались, а только показывались, отправка картин в Россию и устройство выставки в Петербурге прибавили новые значительные затраты.

Нищета, о которой говорит в своем письме Верещагин, была совершенно реальной. Это были его огромные долги, висевшие над художником, и отсутствие перспектив на их покрытие, так же как и на покрытие затрат на существование и писание картин в будущем.

Верещагин еще не хотел сдаваться. Он отказался продавать картины балканской войны, надеясь после потери индийской серии закончить эту наиболее близкую русскому народу эпопею и оставить ее неразрозненной.

Все эти обстоятельства, неудачи, разрушавшие самые сокровенные планы художника, несомненно, довели его до болезненно-нервного состояния. Еще до начала выставки он лишился помощи В. В. Стасова; он не был в состоянии сам вести переписку о продаже картин с Третьяковым и вместо Стасова передал это дело В. М. Жемчужникову. Он отказался присутствовать при осмотре картин Александром II. Отказался встретиться со Стасовым. Не присутствовал на аукционе своих картин.

Все это вылилось в кратких словах ответного письма Верещагина Стасову.

281

К письму 26 марта 1880 г.

[1] На автографе надпись В. В. Стасова: «СПБ, 26 марта 1880».

К письму приложен конверт, адресованный В. В. Стасову в Публичную библиотеку или на Сергиевскую, 79; без почтовых штемпелей.

На конверте пометки В. В. Стасова: «26 марта 1880. *Суворин.* В[асилий] В[асильевич] не был *ни в одной* франц[узской] редакции».

[2] В. В. Верещагин возмущается уже упоминавшимся ранее фельетоном А. С. Суворина «Еще снисходительный ответ, или разоблаченный Стасов» («Новое время», 1880, 26 марта, № 1464, подпись «Незнакомец»), в котором Суворин лживо утверждал, будто Верещагин ходил с поклоном в редакцию парижского журнала «L'Art».

[3] После этого письма переписка Верещагина и Стасова опять прерывается на два месяца.

Тем временем 29 и 30 марта 1880 г. состоялся аукцион картин Верещагина.

Аукцион производился Обществом поощрения художников.

Характерную картину аукциона рисует А. В. Верещагин в упоминавшейся уже книге «У болгар и за границей» (СПБ, 1896):

«Посреди зала за столом расположились аукционисты. Возле них я вижу откинувшуюся в кресле, заложив нога на ногу, представительную фигуру Григоровича... Рядом с ним сидит известный художественный критик Владимир Васильевич Стасов, друг и приятель брата моего. ...Вон в сторонке, скромно сложив руки на груди, стоит в черном сюртуке Третьяков Павел Михайлович... Вон сидит Базилевский Федор Иванович... князь Львов, Лопухин, Демидов, Д. П. Боткин, князь Воронцов, князь Меншиков, Нарышкин, граф Строганов, Зиновьев, Ханенко, Терещенко...»

Хранящиеся в Центральном государственном литературном архиве СССР документы о проведении 29 и 30 марта 1880 г. аукциона картин

Верещагина (расчет по продаже картин и квитанции аукциона) свидетельствуют, что картины приобрели следующие лица:

Третьяков	53	произведения на	60 623	руб.	85	коп.
Нарышкин	8	„ „	1 267	„	80	„
Ханенко и Терещенко . . .	4	„ „	3 442	„	95	„
Меншиков	3	„ „	1 597	„	05	„
Зиновьев	3	„ „	3 067	„	05	„
Анненков	1	„ „	421	„	05	„
Демидов	3	„ „	13 282	„	50	„
Базилевский . . .	3	„ „	13 652	„	10	„
Боткин	2	„ „	4 106	„	55	„
Дитмар	3	„ „	1 508	„	85	„
Строганов	3	„ „	1 367	„	10	„
Воронцов	4	„ „	2 870	„	70	„
Шереметев	1	„ „	946	„	05	„
Нобель	1	„ „	432	„	60	„
Подмекер	1	„ „	211	„	05	„
Васильчиков . . .	1	„ „	421	„	05	„
Бок	2	„ „	422	„	10	„
Нейгарт	1	„ „	1367	„	10	„
Жемчужников . . .	3	„ „	2846	„	55	„
Григорович (Дурнова)	1	„ „	222	„	60	„
Киселев	2	„ „	581	„	70	„

Вся продажа 126 658 руб. 35 коп.

За вычетами осталось вырученных В. В. Верещагиным 117 155 руб.

В число проданных на аукционе картин, как это видно из сохранившихся квитанций аукционной продажи, входили следующие произведения:

Базилевскому .	№ 132	Тронный зал	2001	руб.	29/III
	„ 7	Тадж	6000	„	„
	„ 2	Зал одного из приближенных Великого Могола	5001	„	„
Анненкову . .	№ 133	Женщина из Бутана	401	„	„
Григоровичу .	№ 135	Вечером	212	„	„
Дитмар	№ 95	Посмертный памятник	410	„	„
	„ 118	Берег реки Джумна	326	„	„
	„ 39	Стены вокруг гробницы	701	„	30/III
Зиновьеву . .	№ 102	Соленое озеро	510	„	29/III
	„ 128	Лошадь	401	„	„
Меншикову .	№ 56	Лошадь	801	„	„
	„ 89	Озеро в Кашмире	410	„	„
	„ 93	Утро на Кашмирском озере	310	„	„

Нарышкину	. № 21	Дверь буддистской церкви	2500	„	„
	„ 78	Ночь в Шрингапуре	2501	„	„
	„ 90	Караван яков	1600	„	„
	„ 110	Женщина низшей касты	502	„	„
	„ 131	Главная мечеть	302	„	„
Демидову Сан-Донато	№ 5	Главная мечеть	7000	„	„
	. . . „ 22	Джаинский храм	3100	„	„
Ханенко	. . . № 49	Лама	301	„	30/III
	„ 65	Наружный вид	2001	„	„
	„ 94	Совар	801	„	„
	„ 109	Молодая девушка	176	„	29/III

В этот перечень вошла только часть проданных картин; стоимость указана без аукционного сбора, — в ней видны рубли, набавлявшиеся к первоначально назначенным ценам конкурентами, собравшимися на аукцион.

Об аукционе картин, продолжавшемся два дня, 29 и 30 марта, пространные отчеты напечатаны в газетах «Новое время» (1880, 30 и 31 марта, № 1468 и 1469), «Голос» (1880, 30 и 31 марта, № 90 и 91), «Молва» и в других периодических изданиях.

После аукциона «Голос» (1880, 8 апреля, № 99) писал:

«Мы узнали, что В. В. Верещагин немедленно после аукциона своих картин представил в распоряжение устроителя художественно-промышленного музея, существующего при здешнем *Обществе поощрения художников,* Д. В. Григоровича, двадцать тысяч рублей на проведение и развитие с специальной целью в провинции того же самого дела, которое с таким успехом совершено г. Григоровичем в Петербурге. ...делая свое пожертвование, он задавался мыслью только помочь по возможности снабжением образцами и содействием компетентных рук тем земствам и городам, которые пришли бы к убеждению в необходимости ассигновать известную сумму на устройство художественно-промышленных рисовальных школ и при них музеев образцов прикладного искусства, обеспечив, как следует, поддержку этих учреждений в будущем».

Некоторые подробности об аукционе В. В. Стасов сообщил своему брату Д. В. Стасову:

«Суббота, 5 апр[еля 18]80.

...Да, в конце концов оказывается, что Верещ[агин] получил от двух дней аукциона не 117 или 118 тысяч, как мы думали еще в воскрес[енье], а целых 140. Это он мне сам сказал, и случилось это потому, что в воскрес[енье], когда уже *все* ушли и остался один Третьяков, он забрал вдруг — уже без аукциона, решительно все оставшееся еще не купленным. Вот-то человечек! А наш-то Васюта, тоже мальчик не последний, говорит мне, что так как получил, *неожиданно,* гораздо более чем рассчитывал, то излишние деньги и раздаст туда и сюда. Наприм[ер], теперь уже объявлено официально, что он дает 20 000 на рисовальные школы, только не здешней, Григоровича (которая и так богата, говорит он), а на заведения маленьких школ в разных местах России, и именно дать эти деньги тем земствам, которые объявят условия получше и посолиднее. Третьего дня тоже вдруг вытаскивает из кармана 500 рублей и говорит мне: «А вот это передайте, пожалуйста, Римскому-Корсакову, на их музыкальную школу — им ведь нужно!» Будущая неделя будет неделей всяческих отъездов: вот поскачем в разные

концы и я, и Антокольский, и Верещагин. Элиас уже уехал, Анток[ольский] же только воротился из Москвы и никакой там выставки делать не намерен — слишком затруднительно, говорит. Но на Пасхе целую неделю будет показывать все свои вещи при огненном освещении: так как меня тогда уже не будет здесь, то на днях мне покажут *пробное*, которое, говорят, удивительно. А как тебе понравится: корреспондент Кларк послал подробную телеграмму об отъезде и проч. в «Daily News». Верещагин уезжает тоже на днях в Париж и принимается писать начатые уже прежде картины из болгарско-турецкой войны. Но очень может быть, что этих картин нельзя уже будет выставить здесь, и тогда они так и останутся на веки веков за границей. А сам, говорит, в конце лета или по крайней мере скоро махну на Дальний Восток — Тибет, Китай, Японию, по крайней мере ни за что не поедет в Ахал-Текинскую или какую бы то ни было экспедицию. Баста, говорит, ездить по войнам! И давно пора так. Уж как давно я ему это проповедую...» (Архив Института русской литературы Академии наук СССР).

В биографической статье «Василий Васильевич Верещагин («Вестник изящных искусств», 1883, вып. 1 и 2, стр. 271) Стасов писал об аукционе его картин:

«...Верещагин переменил вдруг намерение и объявил, что вовсе не продает, *никому* и *ни за что*, болгарских картин и сделал (в апреле*) аукцион из индийских этюдов. В два дня аукцион дал 140 000 рублей — на 40 000 рублей более того, что́ он назначил за продажу этих картин (также не состоявшуюся) в одни руки. Самые дорогие покупки на этом аукционе были: «Главная мечеть в Футепор-Сикри» (= 7000 р., купил Демидов князь Сан-Донато), «Тадж-Магал» (= 6000 р., куп[ил] г. Базилевский, «Зал одного царедворца Великого Могола, близ Агры» (= 5000 р., куп[ил] г. Базилевский), «Мраморная набережная в Одепуре» (= 5000 р., куп[ил] П. М. Третьяков), «Хемис» (= 3030 р., куп[ил] г. Нарышкин). По количеству всего более приобрел П. М. Третьяков, на сумму свыше 75000 р. **. Из полученных им денег Верещагин тотчас пожертвовал часть в разные общественные воспитательные учреждения (женские медицинские курсы, бесплатную музыкальную школу и т. д.) и всего более пожертвовал, 10000 рублей, на вспомоществование рисовальным классам в разных местах России, через посредство Общества поощрения художников. «Деньги нужны мне, — писал он мне 16 апреля 1878 года, — не на лакеев, не на экипажи, а на школы, которых я положил себе добиться».

Таким образом, план написать «индийские поэмы» был разрушен, кажется, навсегда....».

И. Н. Крамской особенно был огорчен распродажей картин Верещагина. Он писал об этом Третьякову 24 апреля 1880 г.: «Верещагина с аукциона не видал, а спустя неделю получил от него записочку, в которой он объявляет, что не заходил и не зашел ко мне потому, что ему было совестно после обещания и после того, как он не сдержал слова. Уезжая, извиняется и просит отложить портрет до другого раза. Так и кончилось.

Дай Вам только бог перенести до конца то тяжелое положение, которое называется «любовью к искусству». Не о награде и благодарности речь — на это нечего рассчитывать — люди неумолимы и жестоки. Я говорю о Верещагине: я ему его аукциона простить никогда не

---

* Как видно из предыдущего, Стасов ошибся — аукцион был в последних числах марта. — *Ред.*

** Включая покупку после аукциона. — *Ред.*

могу. Одна надежда на всесправедливое время. Но эта надежда для личности, как Вы знаете, малоутешительна» («Крамской И. Н. Письма», т. II, 1876—1887, [Л.], 1937, стр. 203).

Верещагин еще 9 апреля 1880 г. извещал Третьякова: «Письмо Ваше с моею распиской получил. Сидеть перед Крамским теперь не могу — не взыщите».

282

К письму 17/29 мая 1880 г.

[1] Стасов выехал за границу 12 апреля 1880 г. для собирания материалов к своему изданию «Славянский и восточный орнамент».

[2] Стасов говорит о своем пребывании в Париже на Всемирной выставке, куда он приехал 22 июля/3 августа 1878 г. и вернулся обратно в Петербург 7/19 сентября того же года.

В бытность в это время в Париже Стасов выполнял несколько больших литературно-критических работ.

Он писал там «Письма из чужих краев» («Мастерская Верещагина», «Театральная выставка в Париже», «Орган и два русских концерта»), статьи «Наши итоги на Всемирной выставке» и выполнял ряд других работ.

О своей жизни и работе в Париже В. В. Стасов писал брату Д. В. Стасову 17/29 августа 1878 г. Письмо, написанное довольно пространно — «вместо дневника», как говорил Владимир Васильевич о своих письмах к брату, — с упоминанием мелких подробностей, дает правдивую картину того, как жил и работал за границей Стасов:

«Париж, четверг $\frac{17}{29}$ авг[уста 18]78.

Я, конечно, давным-давно написал бы тебе отсюда, да все был уверен, что ты очень скоро и сам сюда приедешь. Но этого нет, да и из дому мне пишут, что навряд ли ты пустишься в дорогу, вот я и принимаюсь кое-что наскребать. Жаль, жаль будет, если ты не поедешь: выставка, хотя я никак не скажу, что она первая и самая высокая из всех бывших, но действительно *самая капитальная* наравне с выст[авкой] 1867 года — та ведь была, есть и будет незабвенная, ни с чем несравнимая! Даже я готов сказать, что она для меня лучше всех остальных, какие только я видел, а я видел кажись все, кроме 1855 года. И я, признаться сказать, не жалею о той: в то время я только что воротился после 3—4 лет из-за границы, да и ногой бедствовал сильно, и места какого-нибудь себе отыскивал. Притом, сколько по всему видно, в 1855 году ничего особенного, кажется, не было. Вот 67 г. и нынешняя — дело другое. И не быть мне на них, зная, что такое они были, — это можно было бы просто хоть взвыть!! От этого-то я еще раз рекомендую тебе (style procureur!)* непременно и непременно побывать здесь, хотя бы даже в сентябре или октябре. Дела тут капитальные происходят, и кое-какие истории первого сорта понаделаны. А я как нынче тут живу, этого даже порядком, во всем параде и со всеми онерами, и не расскажешь, так оно хорошо вышло. Мне даже кажется, я так *ладно* никогда еще не жил за границей, особенно в Париже. [....]. Чтоб тебе хорошенько увидать, как мы тут славно живем, мне стоит только рассказать весь мой хоть вчерашний день. Просыпаюсь немножко пораньше 6 часов, марш дверь на террасу на распашку — ах, какая скверность на дворе! Небо серое и темное, терраса вся мокрая, должно быть еще недавно

---

* Стиль прокурора! — *Ред.*

дождь шел. Писать статью *про орган* так не хочется, не хочется; она начата уже давно что-то, написано 6 страниц, я их не перечитывал, но должно быть что-то плохое, тянется так вяло, мне самому надоело хуже горькой редьки. Ах, какая тоска! Значит, все это надо разорвать и бросить, ах как не хочется, ах не хочется писать сегодня! Уж не лечь ли опять в постель, завернуться хорошенько и проспать, как сурок, до 9 часов, а там — марш в библиотеку Публичную, на выставку. Нет, нет, не надо себе спуску давать, даже в дождь и сырую погоду — да притом же я припомнил тут, что уже целый день лежит у меня, без движения, новая корректура «Руслана», первая половина V акта, а Людмила * человек строгий, одними письмами и понуканьями зарежет. И я храбро вскакиваю, развожу красную краску, хватаю перо, и скоро, через $^1/_2$ или $^3/_4$ часа, корректура кончена. А так как всякая работа тотчас же производит аппетит к другой, то через секунду я уже пишу свою статью, всю сызнова, не ленясь и перечеркнув без жалости все прежние 6 страниц. Верно, в награду за мою храбрость и тучи расходятся, солнце умильно проглядывает, на террасе от ветерка ходят тени дыма из труб, поперек теней палок решетки. Все становится вокруг меня ужасно красиво и аппетитно, перо начинает само как-то летать по бумаге, мне не нужно ни думать, ни припоминать, ни соображать, ни стараться, кто-то меня так и толкает, так и толкает, точно не я пишу, а кто-то неизвестный за меня. И среди которой-то, второй или третьей страницы моей, вдруг бряк! налево, вниз стекла дверного летит и ударяет что-то: это палочка для выбиванья платья, валяющаяся у нас по террасе, и ее Собко всякий раз бросает мне от себя, через решетку, в стекло, когда хочет позвать меня на террасу. Он спрашивает, что мы сегодня предпримем. Я отвечаю, что ни за что не пойду со двора, работа у меня тронулась с места и идет, и я остаюсь дома, а вот не хочет ли он, чтоб мы пили кофей свой дома, да еще как! Вот тут, на террасе нашей любезной. Конечно, эта штука ему понравилась, даже кельнер *Johann* ** (у нас три немца в доме), и тот, придя с подносом, и чашками, и кофейником, сказал, что вот чудесная выдумка, просто «famos» ***, и как это никому до сих пор у них в голову не приходило? — Еще бы не *famos*, разумеется, великолепно, да еще как! Однако мы поскорее кончили свой кофей, Собко ушел в Публ[ичную] б[иблиоте]ку, и я остался один; солнце сияло, небо сделалось голубое, я вынес всю свою канцелярию на террасу, и прописал там, не вставая, не отрывая руки от пера, до 7 часов вечера! Вот-то был денек чудесный! Никто не приходил ни мешать, ни говорить [....]. Да, никто мне во весь день не мешал, а этот шум Парижа снизу, это солнце, верхушки деревьев, ветерок, летающие над головой облачка в голубом небе, как бывало иной раз взглянешь вверх, пока страница сохнет и боишься рано ее перевернуть — все это было чудесно, так прелестно, что охота писать все только прибавлялась и прибавлялась, и страницы мелькали одна за другою. К 7 часам вечера их вышло всего — 19 (это много, я думаю, *более печатного листа*); тогда я оделся, сошел вниз, и тотчас же бросил письмо в ящик. Мне кажется, в этой статье (*об органных концертах в Париже и Лондоне* и об органе) — наверное есть несколько хороших вещей. Потому что всегда после чего-нибудь изрядного чувствуешь вдруг как будто что-то теплое, и хорошо так. Зато же и устал я как жестоко! В голове немножко болело от прилива крови, а правую руку я с трудом потом развертывал. Потом мы себя награди-

---

* Людмила Ивановна Шестакова, сестра М. И. Глинки. — *Ред.*
** Иоганн. — *Ред.*
*** Отлично. — *Ред.*

ли отличным *choux-fleurs au gratin** с пармезаном, у *Désiré et Beaurain*** и лососиной *braisé**** и персиком, а вечером, позже, — «гранитом» в Café de l'Opéra****. Бродил потом еще по сияющим бульварам, с великолепными матовыми шарами Яблочкова*****, у Оперы, смотрели и покупали фотографии Judic, Sarah Bernhardt, Kléo****** и проч. для коллекции Бонжура и около 11 часов лежал уже в постели. Чтó, худой день! Ведь просто восхищение. Даже Mr Henri, когда Собко заходил домой часов в 5—6 и не желая помешать мне невзначай, спрашивал внизу, дома ли я или ушел уже, мой сосед (по комнате вверху), Mr Henri отвечал ему: «O non! il est chez lui, il écrit toute la journée, il est là, sur sa terrasse, comme un pacha*******. Почему я был вчера паша, того я никак не догадаюсь, но дело в том, что денек был великолепный, и мне ужас как хочется поскорей его возобновить — завтра или послезавтра, хочу навалять еще одну статью: *«Мастерская Верещáгина»*. Только вот чтó неизвестно: пойдет ли она ладно, выйдет ли? Как знать? Писанье, расположение духа — дело такое капризное, чорт знает от чего зависящее! Кстати, о Верещагине. Мы было совсем разошлись с ним, и вследствие некоторых его грубостей и глупостей я ему написал, что больше с ним дела не имею и расхожусь с ним навсегда. Что ж ты думаешь? Не только не принял моей *отставки,* но тотчас писал мне нечто вроде оправдания или извинения. Ему я снова отвечал, что пускай все это тàк, но то, что он говорил и делал, не может и не должно быть терпимо, и я все-таки с ним больше не буду. Тогда он еще раз писал мне, и тут, как бы прощаясь, говорил: «Как до нашего знакомства, так и теперь я вас знал и знаю за талантливого, честного и весьма независимого писателя и человека. На том и покончим». Но вследствие всех последних его писаний, и ко мне, и даже к Собко, пришлось не *кончить,* а *продолжать,* и хотя у меня теперь сердце к нему больше не лежит, на целых $^9/_{10}$ против прежнего, все-таки я снова поеду к нему, в воскрес[енье], да еще повезу с собою не только Собку, но и Ропета и Ровинского, который теперь здесь иногда бывает с нами вместе и тоже восхищается не только выставкой, но многим другим отличным и превосходным здесь, наприм[ер] русским *рестораном* у Opéra Comique********, куда мы иной раз толпой ходим. Я при помощи Ропета нарисовал в Париже и Лондоне пропасть орнаментов из рукописей сирийских, эфиопских, коптских и арабских (прибавка к прежним моим коллекциям), это все для большого сочинения об орнаментистике и архитектуре стиля, которое мне обещается издать Строганов в будущем году. На будущей неделе думаю начать статьи собственно о Всемирн[ой] выставке. А проживу здесь еще капельку. Выеду не 15 или 17, как прежде думал, а 24 или 26. Если нехватит денег, займу у Ровинского рублей 50: он же сам много раз предлагал. Но в Вену все-таки не поеду, и денег у него на нее не возьму, как он настаивает: чем же, наконец, потом платить? Этак все книжки свои протранжиришь. Такая досада, что Ораса Гинцбурга все еще здесь нет: не увижу, пожалуй, ни бюста милой

---

* Цветная капуста с сухарными крошками. — *Ред.*

** Дезире и Борен, ресторан. — *Ред.*

*** Жареной. — *Ред.*

**** Кафе «Опера». — *Ред.*

***** Электрические дуговые лампы, изобретенные П. Н. Яблочковым, русским электротехником. — *Ред.*

****** Жюдик, Сара Бернар, Клео — французские актрисы. — *Ред.*

******* О нет! он у себя, он пишет целый день, он там на террасе, как паша!! — *Ред.*

******** Комическая Опера (Опера Комик). — *Ред.*

моей *Анны* *, ни старика Гинцбурга **. Ну, больше нéкогда. Поезжай же, поезжай же в Париж. *Непременно* тебе надо!!! В. [Стасов].

Если ты еще не распорядился, пожалуйста, поскорее пошли Верещагину деньги, оставленные для него его братом. У него протекла и почти провалилась крыша мастерской (все подлое надувательство подрядчиков и архитекторов), и ему деньги *стали нужны* теперь.

И Лихачевы, и Самарские очень расспрашивали и про тебя и про Полину. *Самарских* мне удалось видеть всего *раз*, а те уехали в Диепп, на 2 недели. Каково! Теперь всего 10 ч. утра, а мне привелось отмахать 13 страниц писем: вот эти 6 тебе, 4 Анток[ольскому] и 3 Суворину — о делах! О Полине я постоянно имею известия, но скверно то, что ни разу не поспел написать ей. На днях постараюсь» (Архив Института русской литературы Академии наук СССР).

283

К письму 2/14 июня 1880 г.

[1] Год «1880» проставлен в автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт, адресованный В. В. Стасову: «Париж, до востребования». Почтовый штемпель отправления: Московский почтамт, 1 июня 1880 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: *«2 июня 1880*. Приглашение меня в Париж на лето».

[2] Из переписки видно, что после окончания выставки и аукциона картин Верещагин оставался несколько месяцев в России; он побывал в Москве.

Выставки в Москве в 1880 г. Верещагин не устраивал. Еще 20 марта 1880 г. он писал Третьякову: «Я оставил намерение выставить мои картины в Москве».

Из Москвы Верещагин уехал 24 мая 1880 г. С пути, из Рыбинска, он написал 25 мая 1880 г. о своих денежных делах П. М. Третьякову, в ответ на его просьбу о пожертвовании на школу глухонемых: «Вчера только перед отъездом из Москвы получил Ваше письмо, адресованное в Париж и сделавшее, таким образом, два конца. Не могу теперь пожертвовать на школу глухонемых, как ни сочувствую этому Вашему делу, как и другим, потому что уже роздал много денег и могу только пожалеть, что не знал об этой надобности раньше. Чтобы Вы верили моей искренности, скажу Вам, что даже помощь школе, устраиваемой в память покойного отца моего, я отложил до другого раза, до следующего случая продажи моих работ. То, что имею теперь, необходимо мне для занятий, поездок и т. п., что все, как Вы знаете, очень кусается. Засвидетельствуйте мое искреннее уважение супруге Вашей и передайте ей мое сожаление, что не могу теперь же записаться в число «жертвователей». Прошу Вас, Павел Михайлович, принять уверение в моем уважении. *В. Верещагин*.

Дело, о котором я с Вами говорил при свидании, даже не потребует больших затрат, потому что здание, находящееся теперь на известном Вам месте, отлично годится, с небольшою переделкою, для известной цели. Может быть и дешево и сердито» ***.

---

* Баронесса Анна Гинцбург. — *Ред.*

** Барон Иезевлий (Осип) Гинцбург. — *Ред.*

*** Возможно, что речь идет о помещении для верещагинской туркестанской коллекции картин, находившейся у Общества любителей художеств. — *Ред.*

[3] Вероятно, в необнаруженном письме Стасов указал Верещагину свой адрес в Тюрингии, куда он заезжал из Италии по пути в Париж.

284

К письму 2/14 июля 1880 г.

[1] На автографе пометка В. В. Стасова: «Париж, 2/14 июля 1880».

К письму приложен конверт, адресованный: «Mr Stassoff, 3 boulevard Montmartre, Paris, Hôtel Doré», без почтовых штемпелей. Верещагин сам передал письмо в гостиницу Стасову вместе с вырезками своих статей, которые он принес Стасову.

На конверте пометки В. В. Стасова: «2 июля 1880. 1866 г[ода] статья о молоканах».

[2] Статья о молоканах была опубликована в «С.-Петербургских ведомостях» в 1867 году (№ 228), а также в книге Верещагина «Очерки, наброски, воспоминания. С рисунками» (СПБ, 1883, стр. 36—48) и в его книге «Духоборцы и молокане в Закавказье» (М., 1900).

[3] Молокане — религиозная христианская секта.

[4] О неудачах при своих попытках встретиться с Верещагиным в Париже В. В. Стасов рассказывает жене брата П. С. Стасовой в письме от 22 июля из Петербурга, куда он вернулся из Парижа 19 июля 1880 г.: «...Знаете, в чем я провел свое 15 июля? В том, что *не пришел* Верещагин, который, однако же, телеграммой о том уведомлял, и *пришел* Тургенев, который, однакоже, точно так, как и тот, заблаговременно уведомлял телеграммой. Верещагин накануне написал: «Serai chez vous demain matin avant midi» *. Вот я, поработав все утро, для последнего раза, в Публ[ичной] б[иблиоте]ке, и все-таки не дорисовав кое-чего, скачу, лечу домой, зная великую торопливость, бестолковость и забывчивость Верещ[агина] даже ко всему тому, что он сам назначает. Так, наприм[ер], он однажды назначил мне, у меня в *Hôtel-Doré* rendez-vous ** в 6 часов. Я, после закрытия б[иблиоте]ки, по обыкновению в 4 часа, бродил по улицам, там и сям, до 5½, в 6 подхожу к своему дому: смотрю — Верещагин сидит на углу нашего Café, у самой нашей двери, и издали делает мне отчаянные сигналы руками. Подхожу: «Что это вы наделали? Как Вам не стыдно?» — «Как? Что такое?» — «Да вот я жду Вас здесь с 4 часов, даже от нéчего делать пообедал тут в Café, теперь вот пью кофей; и теперь сделалось уже так поздно, что я сейчас, с поездом в 6½, должен ехать скорее домой». Я, ни слова не говоря, только вынул его вчерашнее письмо из кармана и развернул ему перед глазами. «Ах, чорт возьми, и в самом деле правда!» — закричал он. «А ведь мне казалось, что я Вам назначил 4 часа!» И от этого *«казанья»* мы в тот раз пробыли вместе всего лишь несколько минут. Я его немножко проводил по улицам, и на одном повороте, за Grande Opéra ***, услыхав, что часы бьют *четверть*, он только закричал мне, в ½ оборота: «Да этак я опоздаю! Мне достанется от Лизаветы Кондратьевны!», и во все лопатки бросился бежать, как маленький мальчик точь-в-точь, поперек Avenue Haussmann ****. Так вот, на нынешний раз, опасаясь опять прежней неприятности его торопливости, я очутился дома в 11½. Но меня встретил «секретарь» отеля с письмом Верещагина, что он очень *сожалеет*,

---

* Буду у Вас завтра утром до полудня. — *Ред.*

** В отеле Доре свидание. — *Ред.*

*** За Большой Оперой. — *Ред.*

**** Авеню Осман. — *Ред.*

что опять не застал меня дома, и дольше не мог ждать. Оказалось, что он опять приходил на *те же самые два часа раньше*, и был у меня в 10 часов утра, вместо 12!!!! Неисправим, хоть брось! Или неужели мне надо было из-за его визита, конечно в несколько минут по-всегдашнему, бросить свое дело и целое утро сидеть дома? Довольно того, что я с $11^1/_2$ ч., и даже немножко раньше, перестал работать в Париже, и больше ничего уже не мог сделать...» (Архив Института русской литературы Академии наук СССР).

285

К письму 1/13 августа 1880 г.

[1] Год «1880» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 14 августа 1880 г. и Петербург, 6 августа 1880 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «*1 авг[уста] 1880*. Матэ».

[2] Вероятно, Верещагин просил выслать план Московского Кремля для подготовки к работе над картиной-панорамой «Кремль в Москве», которую он написал в 1882 году в Москве.

[3] Малой скоростью.

286

К письму 8/20 августа 1880 г.

[1] Год «1880» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн (дата не ясна) и Петербург, 12 августа 1880 г.

На конверте карандашные пометки В. В. Стасова: «8 авг[уста] 1880. Матэ».

[2] Паннемакер Адольф (род. 1822) — известный гравер-ксилограф; имел мастерскую в Париже.

[3] В. В. Матэ писал В. В. Верещагину:

«[Boulevard] d[e] Vaugirard № 11.

[август 1880] *

Премногоуважаемый Василий Васильевич.

Второй раз ничего не удалось сделать с г[осподи]ном Richner. Показав работы мои, он их побросал, а вовсе не рассматривал, так что мне и невозможно было сказать: чтобы он Пушкина да голову Иоанна показал г[осподи]ну Templier. После чего он побежал, принес мне два маленьких портрета и тонко факсимиле нарисованных, при этом сказал: что он, ради просьбы Василия Васильевича, мне дает работу, за что я его поблагодарил.

Срок он вдруг назначает один к 20-му, а другой портр[ет] к 25 августу. На что я ему сказал: что я не так скоро работаю, ибо я пока еще у Паннемакера. А если можно, то я один сделаю к 20 числу; а там и посмотрим, чтобы скорее работать. Даже и другой в 5 дней сделать. Он почему-то захотел, чтобы оба взять или ничего. Затем он мне говорит: если я пришел у них просить работу, то чтобы Паннемакеру и для России не работать. Под такими строгими правилами я никогда не работал и, вероятно, не стану.

---

* Датировка проставлена В. В. Стасовым. — *Ред.*

Я завернул мои доски и оттиски да пошел домой.

Ваше письмо я получил.

А к Вам как-нибудь вечерком все-таки позвольте мне приехать отдохнуть у Вас. А еще больше набрать у Вас энергии и духу! Я ужасно воодушевленно и очень самостоятельно несколько дней после свиданья с Вами работал. Но вот постепенно пал, — — пал — — духом, и теперь не годен никуда.

Отчего и почему это?

Знаю только то, что это ужасно скверно испытать.

Начал работу для России «Картина Гуна *«Одалиска»*. Ничего не выходит. Зато начал читать Гоголя в первый раз в моей жизни. Это меня сильно питает. Остаюсь всегда Вам преданный — Вас почитающий

В. Матэ»

(Архив Института русской литературы Академии наук СССР).

[4] Платье доктора требовалось Верещагину для писания картины «После атаки», изображавшей русский госпиталь под Плевной в 1877 году.

287

К письму 18/30 августа 1880 г.

[1] Год «1880» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 30 августа 1880 г. и Петербург, 23 августа 1880 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «18 августа 1880. Матэ».

[2] Высказывая это мнение, Верещагин ошибался. Деревянная гравюра не утратила своего значения. Матэ добился блестящих успехов в области деревянной гравюры и высоко поднял этот вид искусства в части деревянной тоновой гравюры. Его достойным учеником и продолжателем, еще выше поднявшим в советское время искусство деревянной гравюры, и в частности цветную гравюру на дереве, является ныне здравствующий русский советский график, народный художник РСФСР, действительный член Академии художеств СССР лауреат Сталинской премии И. Н. Павлов.

[3] Работать в офорте Матэ стал значительно позднее, со второй половины 90-х годов, после назначения на должность профессора в Академии художеств. Он и в этой области гравюры дал ряд замечательных произведений высокого художественного достоинства. Как в деревянной гравюре, так и в офорте он овладел искусством передачи бесконечного разнообразия поверхности, мазков, формы и впечатления оригиналов, над которыми работал.

Стасов, много изучавший гравюру в Эрмитаже вместе с известным гравером академиком Н. И. Уткиным, со свойственным ему даром и прозорливостью в определении талантов в искусстве, еще в самом их зародыше, познакомившись с Матэ в конце 70-х годов сразу же признал его блестящее дарование. Он взял его под свою опеку и много ему помогал. В 1880 г. Матэ уехал в Париж; летом того же года в Париж приехал Стасов. Он познакомил там Матэ с Верещагиным, дал возможность познакомиться с Тургеневым и содействовал сближению с русскими художниками. Про заботы Стасова о нем в Париже Матэ писал: «Вы знаете, как он обо мне заботился в Петербурге, а здесь так и во сто крат больше. Родной отец не может так заботиться о сыне». Через

некоторое время и Верещагин изменил свое мнение о Матэ и требовал, чтобы его картины гравировал только Матэ. Для своих литературных работ он также пользовался репродукциями Матэ и хвалил их Стасову.

В Архиве Третьяковской галлереи хранится письмо к Матэ от 7 сентября 1882 г., в котором Верещагин дает указания о гравировании его рисунков.

Там же имеется письмо Верещагина к И. Р. Матэ от 21 ноября 1883 г., из которого видно, что холодность в отношениях его к В. В. Матэ исчезла; «мой приятель В. В. Матэ, милый и талантливый молодой человек», — говорит в этом письме художник о молодом гравере.

[4] Список вещей, находящихся у Гейнса, написан на отдельном листке, приложенном к письму Верещагина.

После этого письма в публикуемой переписке идет полугодовой перерыв, являющийся, несомненно, следствием потери писем этого времени.

В октябре 1880 г. Верещагин опять ездил в Болгарию. В ноябре он был уже вновь в Париже. Об этом говорит его письмо к П. М. Третьякову от 5/17 ноября 1880 г.: «По возвращении из Болгарии я не нашел дома, против ожидания, маленькой картины «Мечеть в Дели вечером», которую Вы хотели выслать мне, — пожалуйста, не замедлите это сделать, адресуя: «Maison-Laffitte, Seine et Oise...» (Архив Третьяковской галлереи).

В начале 1881 г. Верещагин стал готовиться к выставке картин в Париже. На этой выставке он предполагал показать часть картин туркестанской коллекции, купленной Третьяковым в 1874 году и пожертвованной им Москве. Коллекция находилась у Московского общества любителей художеств. Также наметил Верещагин выставить некоторые из этюдов, принадлежавших П. М. Третьякову. Об этом он писал ему 22 февраля/6 марта 1881 г.: «Позвольте попросить Вас прислать мне некоторые из принадлежащих Вам этюдов моих. Теперь же желательно бы иметь №№ 11, 12, 15, 55, 59, 85, итого 6.

Еще прошу Вас употребить Ваше влияние на то, чтобы мне были даны Обществом, в конце года, некоторые из моих туркестанских работ для выставки в Париже. Сочту за обиду, если такая простая, натуральная просьба не будет обществом уважена.

Картины приму на полные мои риск и ответственность и пришлю отсюда человека для укладки; свертывать на вальки не буду; рам совсем не возьму.

Пожалуйста, Павел Михайлович, дайте мне ответ и примите уверения в моем искреннем уважении.

В. Верещагин

Мой поклон супруге Вашей.

Хорошо бы получить также *№ 83,* находящийся у С. М. Третьякова, если не ошибаюсь» (Архив Третьяковской галлереи).

Боткин прислал Верещагину отказ выдать его работы для парижской выставки.

Художник снова обращается к Третьякову и пишет 24 февраля/ 8 марта 1881 г.: «Дмитрий Петрович Боткин уведомил меня, что *они* не разрешают мне выставить мои работы в Париже, хотя, разумеется, ответственность за всякую порчу, могущую случиться при перевозке, я принимаю на себя.

Я уведомляю Дмитрия Петровича прилагаемым в копии письмом, что должен буду обратиться за разрешением вопроса к суду, так как помню хорошо, что при продаже все права автора были за мною выговорены г-м Гейнсом.

«М[илостивый] г[осударь] Дмитрий Петрович!

Спешу протестовать против Вашего заявления, что Вы не признаете удобным дозволить мне выставить мои работы в Париже. Я дал свое согласие господину Гейнсу на продажу картин *Вам,* как представителю в Петербурге, кроме Вас самих, еще гг. Павла Михайловича и Сергея Михайловича Третьяковых.

Какие бы ни были причины, побудившие Павла Михайловича оставить всю коллекцию за собою одним, я остаюсь при выговоренном за мною пользовании правами автора, из которых одно из первых, разумеется, право выставлять свои работы (с принятием ответственности за целость и сохранность их).

Очень буду сожалеть, Дмитрий Петрович, если Общество не найдет возможным снять такой несправедливый запрет с моих картин, ибо принужден буду обратиться за разрешением этого недоразумения к суду.

Примите и проч.».

Я уверен, Павел Михайлович, что Вы найдете законным мое скромное требование.

Прошу Вас принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин

Я лично для того и хлопотал о продаже всей коллекции в одни руки, чтобы иметь возможность пользоваться при всякой надобности» (Архив Третьяковской галлереи).

Немного времени спустя, 15/27 марта 1880 г., Верещагин опять обращается к Третьякову по поводу отказа Боткина в выдаче картин туркестанской коллекции: «На всякий случай пишу Вам еще раз просьбу мою дать мне возможность выставить здесь в Париже некоторые из туркестанских работ моих. Д. П. Боткин писал мне, что Общество не решилось выдать картины, ввиду того, что они могут подвергнуться порче, а также и потому, что Вы, жертвователь, *не высказывались.* Первое недоразумение совершенно устраняется тем, что я обязуюсь выдать засвидетельствованное в консульстве здешнем удостоверение в том, что возьму картины на мой полный риск (с обязательством исправить все самые незначительные порчи, если бы таковые случились).

Против второго затруднения, т. е. Вашего согласия, легко можете подействовать Вы.

Не забудьте, Павел Михайлович, что только по непростительной ошибке Гейнса условие *дать мне картины для выставки* не было включено в продажную запись; попомните также, как справедливо желание художника познакомить до смерти своей со своими произведениями.

Я уверен, что Вы не откажетесь исполнить такую горячую просьбу мою, не захотите обидеть меня» (Архив Третьяковской галлереи).

В конце концов туркестанская коллекция из-за отсутствия у Общества любителей художеств помещения для ее хранения перешла обратно к П. М. Третьякову, который дал согласие Верещагину на отправку картин на выставку. О сроках отправки Верещагин писал Третьякову 17/29 апреля 1880 г.: «Картины понадобятся, как я говорил, зимою, около 15, 20 ноября нашего стиля они должны быть уже в Париже; в конце февраля могут быть назад в Москве.

Коли можно будет оставить их дольше, хорошо, а нет, так нет; исполню условие в точности. Может быть, будет писать Вам насчет подробностей В. М. Жемчужников: нужно ли присылать человека для укладки отсюда или найдется знающий дело и в Москве. Рамы посылать не нужно, картины же положить в ящики, *не свертывая,* на подрамках

лишь ослабивши полотна. Если, несмотря на старания, что-либо повредится, попортится в полотнах, *я исправлю.* Картина «Дели вечером» пришла благополучно — она теперь висит в комнате у жены моей, которая ни за коврижки не расстается с нею. Помните, Павел Михайлович, что для московского глаза или петербургского, — все равно, — краски и свет южных широт просто невыносимы. Я уверен, что перенесенный в Бомбей хотя, Вы не могли бы без серьезной боли в глазах смотреть на тамошние синие, зеленые, красные, желтые цвета. Наши многомудрые художники, не видавшие ничего дальше Валаама и Крыма, не затрудняются, однако, произносить приговоры над тем, о чем не могут иметь понятия. Замечательно, что упреки в красочности идут от чисто северных жителей даже здесь, более освещенные солнцем и более его видевшие у других не находили этого» (Архив Третьяковской галлереи).

Стасов в конце 1880 года был занят публикацией автобиографического очерка «Училище правоведения сорок лет тому назад» («Русская старина», 1880, № 12 и 1881, № 2, 3, 6).

В начале 1881 г. он писал статью «Художественная выставка за 25 лет» («Порядок», № 119—126). 16 марта 1881 г. умер Мусоргский. Его кончина, похороны и биографический очерк «Модест Петрович Мусоргский» («Вестник Европы», 1881, май, июнь) поглотили внимание Стасова в первой половине 1881 г.

1881

288

К письму 19/31 мая 1881 г.

[1] Год «1881» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 1 июня 1880 г. и Петербург, 24 мая 1881 г.

На конверте пометка В. В. Стасова: «19 мая 1881».

[2] После слова «статьи» на автографе пометка В. В. Стасова: «(«Худож[ественная] выст[авка] за 25 лет» в «Порядке»)».

Упомянутая статья была опубликована в газете «Порядок» (1881, 2 и 9 мая, № 119 и 126; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. I, отд. 1, СПБ, 1894, стб. 469—488).

В этой статье Стасов описывал открытую в Академии художеств выставку произведений живописи, скульптуры и архитектуры, предназначавшихся на Всероссийскую выставку 1882 г. в Москве.

О Верещагине в связи с этой выставкой Стасов писал:

«Что у нас было налицо по части живописи во второй половине 50-х годов? Во-первых, великое множество военных картин Зауервейда, Виллевальде и Коцебу, но все больше из далеких прежних времен — [....] они кончались счастливо, а победы ласкают небо, как конфетка. Крымскую кампанию все наши военные воспеватели, однако, забыли начисто, так и не трогали. Никому из них не приходило в голову рисовать такие правдивые потрясающие картины, как граф Лев Толстой прежде, как Верещагин нынче. Им бы все торжества, многотысячные свалки, развевающиеся знамена, гремящие трубы, внешняя декорация. Глубокая истина, правда интимная, внутренняя, щемящая сторона войны — им это отроду и в голову не приходило...»

«Но вот чего я не могу отгадать, — пишет далее Стасов, — как будет с собраниями картин Верещагина? Вот вопрос. Ведь в истории нового русского искусства эти картины играют одну из самых, что ни есть, капитальнейших ролей. Без них обойтись нельзя. И эпохи они трактуют такие важные из русской жизни, и так они изображают настоящего русского человека с разных характернейших его сторон, что пропустить Верещагина на выставке за последние 25 лет — это то же, что, рисуя лицо, пропустить глаза. А между тем Верещагинских картин и этюдов так много, они составляют такие неразрываемые группы! Право, мудрено отгадать, как с ними распорядятся московские собственники художественных коллекций. Но уже наверное иначе, чем петербургские. Те заблагорассудили ни единого Верещагинского холста не дать на ту выставку, что была недавно в залах Академии. Так что, не будь надежды на москвичей, надо было бы благодаря петербуржцам подумать, что на свете нет никакого Верещагина, — того самого, которого так высоко поставили у себя на весах в последние годы и Париж и Лондон».

Верещагин не хотел участвовать своими картинами на большой выставке в Москве (как он называл предстоящую Всероссийскую выстав-

ку). Он писал по этому поводу Третьякову 30 ноября/12 декабря 1880 г.: «Помнится, Вы говорили мне, что находящиеся у Вас работы мои Вы не будете выставлять на большой выставке, что меня порадовало... Я просил Вас тогда отстоять и туркестанские мои работы, коли не так делается, как мы с Вами говорили...» (Архив Третьяковской галлереи).

Упоминая о туркестанских работах, Верещагин имел здесь в виду картины, находившиеся у Общества любителей художеств.

289

К письму 15/27 июля 1881 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 27 июля 1881 г. и Петербург, 19 июля 1881 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «15 июля 1881».

[2] А. В. Верещагин поехал в Москву с доверенностью брата за картинами, находившимися в галлерее Третьякова, для намечавшейся в Париже выставки В. В. Верещагина.

13 июля 1880 г. он получил от Третьякова и отправил за границу 45 номеров картин и 73 рисунка. Список отправленных картин составляют следующие произведения: «1) Смертельно раченный; 2) Парламентеры, 4) б) Нападают врасплох, ж) Торжествуют, з) У гробницы святого — благодарят Всевышнего, и) Апофеоз войны, 5) У дверей мечети, 6) Самаркандский зиндан, 9) Двери Тамерлана, 11) Продажа ребенка-невольника, 13) Киргиз, 21) Солон, 22) Калмык, 24) Киргизы, 29) Афганец, 32) Узбекский сотник, 35) Китаец, 36) Китаянка, 37) Сарт поющий, 38) Сарт продающий, 39) Индеец, 43) Солон, 44) Солонка, 46) Большая кочевая дорога в Алатавских горах, 52) Гур-Эмир, 60) Хор Дуванов, 61) Политики в опиумной лавочке, 62) Развалины театра в Чугучаке, 63) Садовая калитка в Чугучаке, 68) Тамерлановы ворота, 76) Головной убор калмыцкого архиерея, 77) Калмык, 78) Портрет калмычки, 84) Дети солоны, 90 и 91) Развалины в Чугучаке, 92) Пограничное китайское войско, 104) Дуваны в праздничных одеждах, 105) Нищие в Самарканде, 106) Мечеть Шахи-Зинде, 109 и 110) Перекочевка, 111) Внутренность юрты богатого киргиза, 118 и 119) Перевал Барскаул.

Всего масляных картин отправлено 45, из которых 32 в рамах и 13 без рам.

Нумерация картин проставлена по каталогу выставки 1874 г.» (Архив Третьяковской галлереи).

[3] Речь идет о намерении Верещагина сначала выставить до парижской выставки свои картины в Вене. Это намерение осуществилось — в середине октября 1881 г. открылась выставка Верещагина в Вене в здании венского Общества художников — Кюнстлерхауз.

О решении устроить выставку в Вене Верещагин сообщил Третьякову письмом от 12/24 августа 1881 г. и тогда же просил выслать ему еще несколько этюдов. 23 августа/4 сентября 1881 г. Верещагин вторично пишет об этом Третьякову: «Я уже писал Вам, что буду делать выставку в Вене от 3/15 октября до 3/15 ноября; просил при этом Вас послать прямо в Вену некоторые этюды: № 1, 8, 9, 10, 12, 13, 17, 18, 23, 24, 26, 27, 28, 31, 40, 51, 54, 57, 58, 60, 84, 97, 121, 125.

Все это должно итти в самые верные руки Secretariat des Künstlerhauses, Lothringenstrasse N. 9, Herrn Walz, Wien *.

---

* Секретариат Дома художников. Лотрингенштрассе, № 9, господину Вальц, Вена. — *Ред.*

Конечно, работы эти только выиграют от известности, тем более, что будут помечены, как принадлежащие Вашей галлерее.

Думаю, что достаточно послать их малою скоростью, если они могут поспеть в Вену к концу нашего сентября.

Некоторые, т. е. 2 или 3 туркестанские картины, позвольте оставить до лета? остальные пришлю к февралю или марту. Ведь на большую выставку достаточно и нескольких, если уже непременно захотите их таскать туда, — пожалуйста, разрешите?

Не откажите и этюды для Вены; другие владельцы уже обещались послать им принадлежащие работы.

Вас уважающий

В. Верещагин

После Вены туркестанские мои работы вместе с 4 новыми картинами из последней войны будут выставлены в Париже» (Архив Третьяковской галлереи).

Третьяков прислал Верещагину просимые им этюды.

На выставке в Вене были представлены 88 картин Верещагина, в том числе 34 туркестанских от Третьякова, 33 индийских и 21 болгарская, а также около 50 рисунков. Выставка продолжалась 28 дней. Она имела поразительный успех. За все время перебывало на ней 110 000 посетителей, а в последний день около 20 000 человек.

290

К письму 27 октября 1881 г.

[1] Автограф этого письма хранится в Архиве Третьяковской галлереи.

[2] Перерыв в письмах Верещагина продолжался около трех месяцев.

[3] Имеется в виду заметка о выставке Верещагина в Вене (без заглавия и подписи), опубликованная в газете «Новое время» (1881, 25 октября, № 2033): «Верещагинская выставка в Вене производит сильное впечатление. Тамошние газеты обращают внимание на своеобразный талант нашего соотечественника и посвящают целые столбцы описанию его картин». Далее идет пересказ сообщения газеты «Neue Freie Presse».

[4] Заметка В. В. Стасова в газете «Порядок» (1881, 26 октября, № 295, без заглавия и без подписи) гласила:

«Венские газеты наполнены известиями об *огромном успехе Верещагинской выставки в Вене*. Нам сообщают по телеграфу, что в конце прошлой недели Верещагину был дан торжественный обед в мастерской знаменитого профессора Макарта всеми венскими художниками. В произнесенных при этом многочисленных речах собратья по искусству приветствовали Верещагина «как великого художника и друга человечества». Главная доля оваций приходится, как и надо было ожидать, на долю неподражаемых по правде, оригинальности и силе картин из последней болгарской войны. Последняя из написанных — «Перевязочный пункт», картина огромных размеров, по отзывам русских, видевших ее в прошлом году в мастерской художника, даже еще в неоконченном виде, быть может превосходит даже и все предыдущие по трагичности и силе. Недавно в парижской газете «Temps» была напечатана следующая заметка (кажется, автор ее — Кларети): «Верещагин выставляет теперь в Вене свои картины из последней турецкой войны, произведшие в России скандал. Художника обвинили в том, что он будто бы преувеличил ужасы этой бойни. Нашлись газетчики, обвинявшие его в недостатке патрио-

тизма. «У моего патриотизма то преимущество перед вашим, — отвечал в газете художник, — что я выставил его турецким пулям и ядрам на испытание!» Верещагин не только художник, но и философ. Спросите-ка Жерома, как он его ценит. Русский художник недавно кончил в своей мастерской в Мезон-Лаффитт (близ Парижа) большую картину: «Перевязочный пункт», полную трагической реальности, производящую могучее и правдивое впечатление. Она, конечно, составит главный предмет изумления на венской выставке. «Я далек от французской сантиментальности», — говорил нам Верещагин по поводу именно этого поразительного создания. Да, здесь война в своем ужасе, и если иные люди стали бы упрекать Верещагина в оклеветании перевязочного пункта и в выставлении его слишком ужасным, Верещагин мог бы ответить: «Да, но это оттого, что я там был сам!»

Эта заметка оставалась, повидимому, неизвестной библиографам В. В. Стасова и не вошла ни в полное собрание сочинений (СПБ, 1894), ни в список трудов В. В. Стасова в сборнике «Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову» (СПБ, [1908]).

291

К письму 28 октября/9 ноября 1881 г.

[1] Художественный и литературный кружок, 7, улица Вольней.

[2] На автографе пометки В. В. Стасова: «Получено 1 ноября 1881, Париж».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 9 ноября 1881 г. и Петербург, 1 ноября 1881 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «1 ноября [18]81. Венская выставка».

[3] *За* и *против*.

[4] Матушинский Аполлон Михайлович (1828—1885) — художественный критик газеты «Голос»; выступал под псевдонимом «Эм». Опубликовал о выставке картин Верещагина в Петербурге фельетон в общем с положительной оценкой творчества художника («Голос», 1880, 23 апреля, № 112).

Сотрудничал в журнале «Русский вестник» (издание реакционера М. Н. Каткова), а также в официальных художественных органах («Вестник изящных искусств»); почетный вольный общник Академии художеств; член комиссии по устройству русского отдела на парижской Всемирной выставке 1878 г.

Крамской писал в 1881 г. о Матушинском: «...в «Голосе» сидит весьма прочно г. Матушинский — человек лайковых перчаток, духов, помады и прочих парфюмерных принадлежностей».

[5] Кюнстлерхауз — Дом художников.

[6] О небывалом успехе выставки Верещагина в Вене в петербургских газетах печатались подробные сообщения.

Газета «Порядок» (1881, 1 ноября, № 301, подпись В. П.) сообщала:

«Нам пишут из Вены по поводу *Верещагинской выставки:* «Выставка картин В. В. Верещагина представляет собою небывалое до сих пор в Вене зрелище. С 9 часов утра и до 10 часов вечера сплошная масса народа не только что наполняет собою все здание Künstlerhaus'а, в котором помещается выставка картин, но и на улице у подъезда в течение целого дня вы видите несколько сот человек, ожидающих входа на выставку. И если вам удастся наконец пробраться как-нибудь в зал

верещагинских галлерей, — вы не без удивления увидите здесь представителей аристократических фамилий рядом с рабочими, чинов высшей бюрократии, важных осанистых генералов вперемежку с мелким бюргером и рядовым линейным солдатом. В Вене это явление небывалое, ибо ни в одном из европейских больших городов классы общества не обособлены так, как в Вене. Но выставка Верещагина произвела как бы нивелирующее действие: и князь, и крестьянин, и миллионер-банкир, и простой рабочий — все наперерыв друг перед другом спешат внести в кассу 30 крейцеров (а по воскресным дням 10 крейцеров), чтобы поскорее взглянуть на произведения могучего таланта. Выставка состоит из трех отделов: 1) картины среднеазиатской войны; 2) индийские виды и типы и 3) наконец, эпизоды из русско-турецкой войны за освобождение Болгарии, воспроизведенные так реально и сильно художником. Последний отдел привлекает главное внимание публики. Сотни людей одновременно, словно заколдованные, по целым часам, не двигаясь с места, не спускают глаз с картины и при этом вокруг царит внушительная тишина. Кажется, если бы были написаны целые томы сочинений против войны, — они не произвели бы и сотой доли того впечатления, какое производят картины В. В. Верещагина на зрителя, и в этом-то, именно, следует искать ключа для разгадки того небывалого для Вены явления, какое представляет собой выставка знаменитого русского художника, поднявшего своим появлением, так сказать, на ноги всю Вену».

Та же газета опять сообщала (1881, 10 ноября, № 310):

«В журнале «Gegenwart», одном из лучших немецких периодических изданий, напечатана в последнем нумере восторженная *статья о г. Верещагине*. Разбирая «великие произведения гениального русского художника», автор статьи, г. Зигмунд Фельдман, сообщает, между прочим, следующее: *«Выставка картин* г. Верещагина в Вене, заключающая в себе 147 нумеров, привлекает такую массу любопытных, какой еще *не бывало* в летописях венских художественных выставок. Каждый вечер, когда зажигают электрические огни, перед кассой выставки происходит такая давка, что приходится ставить загородки, чтобы регулировать движение публики. Верещагин сделался настоящим «львом сезона» в Вене... Тайна его необыкновенной силы заключается прежде всего в оригинальности. Все видят в нем «характер, преследующий новые цели и располагающий новыми средствами, и в этом случае оправдывается старая аксиома, что тот, кто имеет что-нибудь сказать, всегда найдет слушателей, каковы бы ни были их предубеждения».

Упоминаемая газетой «Порядок» статья: Feldmann Siegmund, «Basil Vereschagin» — была опубликована в журнале «Gegenwart», 1881, т. 20, стр. 335.

[7] В 1881 году Стасов путешествовал за границей с братом Дмитрием Васильевичем, его дочерью Варварой Дмитриевной*, окончившей в этом году гимназию с золотой медалью, и ее подругой М. Д. Грязевой. Дневник Стасова «Путешествие 1881 года» подробно освещает этапы этой поездки.

Стасов выехал 11 августа из Петербурга в Вену, где пробыл 13 и 14 августа; 16-го приехал в Милан, там встретился со своими спутниками; на следующий день вместе уехали в Венецию, 20-го прибыли во Флоренцию, оттуда 23-го в Пизу, 24-го в Сиену и 25 — в Рим, где прожили до 1 сентября. Оттуда переехали в Неаполь, оставались до 8 сентября, выезжая в окрестности — Помпеи, Сорренто, Капри и др. На па-

---

* В замужестве Комарова, писательница, псевдоним Влад. Каренин, автор монографии «Владимир Стасов» ([Л.] 1927).

роходе выехали в Палермо (Сицилия), пробыли там 2 дня и вернулись в Неаполь. 12 сентября через Рим и Пизу по железной дороге приехали в Геную. Из Генуи выехали 14 сентября по железной дороге вдоль побережья Средиземного моря (через Сан-Ремо, Вентимилья — на границе Франции, — Ментону, Монако, Ниццу, Тулон, Марсель, Арль, Ним, Сет, Нарбонн, Перпиньян, Порт-Боу — на границе Испании) в Барселону, куда приехали 16 сентября. В Барселоне осматривали готические церкви и общественные здания, картины Фортуни, рукописи и костюмы. На другой день уехали в Мадрид, куда прибыли 18 сентября. Осматривали церкви с деревянными раскрашенными статуями и иконостасами, были в музее дель Реи, осматривали город; 20-го уехали в Толедо; 21-го осматривали город — его церкви и музеи, фабрику стальных изделий — и 22-го уехали в Гранаду. Осматривали сады Генералифа с фонтанами, Альгамбру, сад банкира Кальдерона, посещали цыган, живущих в пещерах, развалины арабских бань, базара, собор; 25-го приехали в Севилью; в музее — множество Мурильо; посещали Альказар, церкви, собор, дома Мурильо и герцога Альба, народный праздник в Кастильяне; 24-го — приезд в Кадикс, — соборы, апельсиновые аллеи, море; 29-го — Кордова; 30-го — Мадрид, — выставка американских древностей, музей археологии. 1-го октября в Бургосе; 3-го в Париже.

Из Парижа Стасов дважды писал Верещагину. Встретиться им не пришлось, так как художник был в Вене, откуда он прислал Стасову телеграмму. В Париже Стасов встретился с приехавшим из Ниццы Матэ, с которым посещал Лувр и Публичную библиотеку, и Антокольским и расстался со своими спутниками. 11 октября Стасов с Антокольским уехали в Голландию, где пробыли до 15 октября. Главной целью поездки были розыски портретов Спинозы, над статуей которого работал Антокольский. Вместе с тем осматривали работы Рембрандта, Веласкеса, Франца Гальса и голландских художников. Побывали в Гааге, Гарлеме, Амстердаме. У фон Флоттена нашли редкий портрет Спинозы. Смотрели Сару Бернар в «Даме с камелиями».

16 октября Стасов приехал в Берлин, где осмотрел ратушу и Национальную галлерею, и 18 октября 1881 г. вернулся в Петербург.

Краткие заметки Стасова в дневнике его «Путешествия 1881 года» не только отмечают города, общественные здания, музеи, дворцы, церкви, соборы, площади, рестораны, кафе, улицы, гостиницы и проч. и проч., где проезжал, осматривал и жил Стасов; в этих заметках он перечисляет, что читал, кому писал и над чем работал. Время его путешествия не было временем отдыха. Оно было насыщено его литературными и другими занятиями и пополнением литературных, археологических и архитектурных знаний и обширной перепиской. В упомянутом дневнике записано 17 августа: «В постели читаю «Roman expérimental» Зола»; 18-го: «В постели читаю Зола»; 19-го: «В постели читаю газету «Italia» и Зола»; 20-го утром: «В постели Зола...» «Все время я читаю в вагоне Зола»... «я читаю в постели «Биографию Белинского» Пыпина»; 21-го: «В 7 ч. утра я пишу письма: к Голенищеву (египтологу), в Берлин (на ориентальный конгресс), про мою статью об Ибн-Фадлане; к Алишану; в Венецию, в монастырь мехитаристов, на островок S. Lazzaro; к Наде...» «Читаю в постели Белинского»; 22-го: «В постели читаю Белинского»; 23-го: «В постели читаю Белинского»; 24-го: «Всю дорогу читаю газеты: «Italia» и «Fanfulla» и сочиняю в голове статью для Ахматовой»; 25-го: «Доро́гой все читаю Зола...» «На почте получаю письма: от Собки, Репина и Алишана»; 26-го: «С утра пишу и отправляю письмо к Собко (с картинкой Marco Polo из «Fanfulla»)»; 27-го: «Утром (7 ч.) начинаю писать статью для Ахматовой»; 29-го: «Читаю и утром и днем

Белинского, как и предыдущие все дни»; 30-го: «Весь вечер я читаю Белинского»; 1 сентября: «Я пишу письма: к Голенищеву и к Собке...» «В постели читаю Белинского»; 2-го: «В постели и утром и вечером читаю Белинского»; 3-го: «Пишу статью для Ахматовой...» «Вечером читаю в постели Белинского»; 4-го: «Пишу письма к Собке и Ахматовой»; 5-го: «Кончаю и отсылаю статью для Ахматовой к Собко»... «В постели читаю Белинского (всю ночь комары не дают спать)»; 6-го: «Утром читаю на пароходе: «l'Intransigeant» и «l'Italia». Вечером пишу письмо к Ахматовой... потом читаю Белинского»; 7-го: «Вечером — Белинский»; 9-го: «В постели Белинский»; 11-го: «Читаю Белинского. Пишу письмо к Бэру, во Франкфурт, с отсылкой наших книг. После обеда пишу письмо к Собко»; 15-го: «В постели я почти доканчиваю книгу Пыпина о Белинском»; 16-го: «Рано утром окончательно оканчиваю письма Белинского и пишу письмо Пыпину. На почте я получаю 2 письма от Собки... Вечером пишу письмо к Репину»; 17-го: «В 6 часов утра пишу письмо к Собко с поправками конца для статьи о Леклерке... Дорогой пишу, в вагоне, карандашом, письмо к Собко о *Репине*»; 18-го: «Читаю Маколея... *. После обеда читаю в постели Macaulay»; 20-го: «Ночью пишу вступление для статьи о Леклерке и письмо к Собке. Ночью же отправил его»; 21-го: «Доро́гой *Маколей»;* 22-го: «Всю дорогу читаю *Маколея* (id. в постели вечером)»; 23-го: «В постели — Macaulay»; 24-го: «Вечером пишу письмо к С. А. Давыдовой»; 25-го: «Все время читаю Macaulay и 2 №№ «Руси»; 26-го: «В постели — Macaulay»; 27-го: «Вечером читаю *«Macaulay»*; 5 октября: «Все утро странствую по книгопродавцам за Сеной. У почты встречаю Голенищева, который дает мне свою египетскую брошюру... *пишу* письма: Балакиреву, Л. Ив. Шестаковой и Тургеневу...» (Архив Института русской литературы Академии наук СССР).

292

К письму 3/15 ноября 1881 г.

[1] Среди писем В. В. Верещагина имеется конверт с почтовыми штемпелями: Берлин, 15 ноября 1881 г. и Петербург, 6 ноября 1881 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «3 ноября [18]81. *Венская* выставка».

Автограф датирован В. В. Верещагиным: «2/14 или 3/15 ноября». В соответствии с берлинским почтовым штемпелем и пометкой В. В. Стасова оставлена датировка 3/15 ноября.

[2] Вестибюль, обширное переднее помещение в общественных зданиях.

[3] О банкете, устроенном Верещагину венскими художниками в мастерской Макарта, газета «Новое время» (1881, 29 октября, № 2037) сообщала: «Венцы продолжают восторгаться Верещагинской выставкой и чествовать нашего знаменитого художника. Удивление к таланту Верещагина разделяется и венскими художниками. Доказательством слу-

---

* Маколей Томас Бабингтон, лорд (1800—1859) — английский писатель, историк и политический деятель; адвокат. Его главный труд: «История Англии от восшествия Иакова II» (1840—1861); затем «Критические и исторические этюды»; «Речи». Русский перевод сочинений издавался в 1860—1865 гг. — *Ред.*

жит банкет, устроенный в честь Верещагина тамошним Обществом художников. Банкет происходил в обширной и прекрасной мастерской знаменитого Макарта. Провозглашено было много тостов и произнесено несколько речей, свидетельствующих о симпатии, которою пользуется наш соотечественник среди своих венских собратов. Наибольшею задушевностью отличалась речь архитектора Штрейта, председателя помянутого общества. Штрейт приветствовал Верещагина не только как выдающегося из ряда вон художника, но и как апостола человечности и мира».

[4] Амерлинг Фридрих, фон (1803—1887) — австрийский художник-портретист; писал представителей знати; иногда занимался пейзажем.

[5] Рембрандт ван Рейн (1606—1669) — гениальный голландский живописец, рисовальщик, офортист, работавший в области жанра, пейзажа, портрета, библейской и мифологической тематики.

Творчество Рембрандта, являющееся одной из вершин реализма, характеризуется глубоким, полным демократических идей содержанием, драматизмом и проникновенным раскрытием душевной жизни человека. Строя свои произведения с помощью непревзойденных по мастерству колорита, композиции, светотени, он воссоздал широкую картину общественной жизни целой эпохи. Отображая с исключительной глубиной окружающую жизнь, он бесконечно возвысился над буржуазной ограниченностью своего времени и раньше подавляющего большинства современников изобразил разъедающие язвы и нарастающие противоречия еще молодого буржуазного общества.

Стасов и крупнейшие русские художники-реалисты считали Рембрандта одним из самых крупных явлений мирового реалистического искусства.

[6] В статье «Венская печать о Верещагине» Стасов приводит выдержку из газеты «Моргенпост» о приветствии Амерлинга: «Поразительно было видеть... как старик Амерлинг (один из лучших венских художников) подошел к русскому живописцу и с энтузиазмом стал высказывать ему свой восторг; но, наконец, слов у него нехватило, он бросился к Верещагину на шею и горячо поцеловал его» («Порядок», 1881, 2 и 9 декабря, № 332 и 339; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 540).

[7] Верещагин приехал в Берлин искать помещение для своей выставки.

293

К письму 5/17 ноября 1881 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Берлин, 17 ноября 1881 г. и Петербург, 8 ноября 1881 г.

Письмо датируется 5/17 ноября 1881 г. на основании почтового штемпеля.

На конверте пометки В. В. Стасова: «6 ноября [18]81. Музыка на выставке в Берлине».

[2] Бортнянский Дмитрий Степанович (1751—1825) — композитор церковной музыки; директор певческой капеллы с 1796 г. Занимался обработкой древних мелодий церковного пения. Автор 35 духовных концертов, 8 трио с хором, литургии, 7 херувимских и ряда других духовных сочинений.

[3] Фисгармония — клавишный музыкальный инструмент, приводимый в действие струей воздуха, накачиваемой ножными педалями.

[4] Верещагин нанял помещение театра Кролля (Krolls-Theater).

294

К письму 7/19 ноября 1881 г.

[1] На автографе пометки В. В. Стасова: «Париж», «1881». «Получено 11 ноября».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 19 ноября 1881 г. и Петербург, 11 ноября 1881 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «*7 ноября [18]81.* Статьи о Вене».

[2] «Фло» — иллюстрированный венский журнал; писал о выставке Верещагина:

«Верещагинская выставка в самом деле — явление такое необычайное, что совершенно понятным становится громадное стечение венской публики у здания выставки». Вслед за тем (13 ноября) газета продолжала: «В Вене гениальный и великодушный художник был принят с энтузиазмом. И мы гордимся этим, так как это доказывает, до какой степени глубоко коренятся в сердце у венцев гуманитарные понятия. Конечно, есть также и такие люди, которые морщат нос, толкуют о недостатке эстетики в Верещагинских картинах. Те кружки, которые не чувствуют тут моральной точки зрения, говорят: нельзя же вести войну в лайковых перчатках. Ну хорошо. Так нечего и взыскивать с художника, если он пишет войну не в лайковых перчатках. Представлять бешенство войны с налепными мушками — вовсе не идеализм, а просто безвкусие, да еще безвкусие гораздо большее, чем изображение этого бешенства во всей его отвратительности. И мы остаемся при этих «безвкусных» картинах, коль скоро их основа — благородная, человеческая, культурная» (Стасов В. В., Венская печать о Верещагине; «Порядок», 1881, 2 и 9 декабря, № 332 и 339; см. также: Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 537—552).

[3] Во время кампании против Верещагина в период его выставки в Петербурге в фельетоне «Недельные очерки и картинки» («Новое время», 1880, 9 марта, № 1447, подпись «Незнакомец») Суворин, стремясь подорвать растущую славу художника, клеветнически писал по поводу картин балканской серии: «...он очень ловко и мило делает по полотну мазки кистью, обмоченной в красную краску, и говорит, что все это трупы и кровь, хотя при ближайшем рассмотрении это оказывается какими-то кочками и кучами навоза».

295

К письму 7/19 ноября 1881 г.

[1] Художественный и литературный кружок, 7, улица С[ен]т Арно.

[2] На автографе пометка В. В. Стасова: «Получ[ено] из Парижа 11 ноября [18]81».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 19 ноября 1881 г. и Петербург, 11 ноября 1881 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «*11 ноября 1881.* Статьи».

[3] Верещагин уехал из Вены, не желая посещать устраивавшиеся в его честь вечера и банкеты. Широко популяризируя свои произведения и заложенные в них антимилитаристские идеи, в отношении самого себя Верещагин был скромен и избегал всяких чествований и награждений.

[4] Верещагин пишет о каталоге «Ausführlicher Katalog der Gemälde und Zeichnungen von W. Wereschagin...» 4 Auflage, Wien, 1881, 20 стр., с портретом и биографией художника, написанной Р. Ф. Хемпелем.

296

К письму 10/22 ноября 1881 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 22 ноября 1881 г. и Петербург, 15 ноября 1881 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: *«10 ноября* [*18*]*81.* Суворина оставить в покое. Статьи парижские о выставке В[асилия] В[асильевича]».

[2] В статье «Венская печать о Верещагине» Стасов писал о массовом наплыве на выставку жителей форштадтов Вены и крестьян подгородных деревень: «Масса народа громадно увеличилась, тронулись с места и появились на выставке сами форштадты, отдаленнейшие захолустья города, отроду не бывавшие на выставках перед картинами, да еще вдобавок — русскими. В последние дни выставки, по рассказам почти всех газет, стали появляться толпы поселян из подгородных деревень Вены, и число их с каждым днем, до самого закрытия выставки, все только увеличивалось. Конечно, этим исполнялось одно из самых заветных желаний Верещагина, чтоб его картины видел весь народ, сам народ» (Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 539)

[3] О сравнении Верещагина с Пилоти Стасов говорит в статье «Венская печать о Верещагине»: «Сами художники ставили Верещагина так высоко, что еще в начале выставки сделали ему торжественную овацию, а после окончания выставки почти не хотели смотреть на новую картину Пилоти: «Мудрые и глупые девы», только что приехавшую из Мюнхена, и говорили, что при сравнении с Верещагиным проигрывает даже сам Макарт, а Пилоти и Макарт — это одни из величайших народных слав немецкого художества нового времени, и нужно было немцам быть потрясенными в самом деле до глубины души, чтобы решиться вдруг пожертвовать высшими своими национальными художественными идолами в пользу какого-то, бог знает откуда взявшегося, чужого художника, да еще русского!» («Порядок», 1881, 2 и 9 декабря, № 332 и 339; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 539).

[4] Суворин, обезоруженный успехом и славой Верещагина, в попытках дискредитировать моральный образ и достоинства произведений художника, переменил до поры до времени свою тактику и стал помещать в «Новом времени» хвалебные заметки о венской выставке Верещагина. 11 октября 1881 г. (№ 2019) в «Маленьком фельетоне» появилось сообщение: «Выставка картин Верещагина в Вене производит впечатление. Нашего художника венские критики называют мудрецом...»

В данном случае Верещагин, вероятно, упоминает уже цитированную в пояснительном тексте к письму от 3/15 ноября 1881 г. заметку о банкете венских художников.

Суворин продолжал в «Новом времени» и дальше помещать благоприятные для Верещагина заметки. 17 ноября 1881 г. (№ 2056) газета сообщала: «Из Вены, где выставка его имела такой большой успех, Верещагин предполагает отправиться в Берлин».

18 ноября 1881 г. (№ 2057) была опубликована заметка о банкете славянских студентов в честь Верещагина, в которой после описания

торжества говорилось, что «наибольшее внимание обратила речь русского студента, который исчислил заслуги Верещагина как художника и патриота».

19 ноября 1881 (№ 2058) помещена заметка о необыкновенном успехе и посещаемости выставки и о скромности и щедрости художника, который для себя ничего не требовал.

Верещагин был введен в заблуждение этим заигрыванием Суворина, притаившегося до поры до времени со своими выпадами против художника.

[5] Стасов говорит в статье «Венская печать о Верещагине» о высказываниях газеты «Трибюне» и приводит их:

«Берлинская «Tribune» (30 октября) говорит, что Верещагин пишет свои картины «кровью своего сердца»...

«Впечатление, произведенное Верещагиным в Вене, — беспримерно, — пишет венский корреспондент в берлинскую «Tribune» (15 ноября)... Этим всего более художник обязан своим картинам из русско-турецкой войны... Изображенные здесь моменты так выбраны, как будто их создавал не живописец, а драматик, и впечатление, производимое ими на зрителя посредством реализма, не отступающего ни перед какими крайностями, так глубоко, что они представляются громким протестом против войны, красноречивым предстательством за вечный мир. С другой стороны, эти картины являются апофеозом русского войска в войне за освобождение угнетенных славянских братьев... Верещагин один из многостороннейших живописцев, каких мы только знаем. Он трактует пейзаж столько же виртуозно, как фигуры; он пишет архитектуру столько же превосходно, как животных. Особливо (по части техники) совершенны у него пейзажи со снегом, где воздух так чист и прозрачен, но и так холоден, что, право, самому зрителю становится холодно» (Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 551—552, 544).

[6] Вероятно, речь идет о сборе денег на сооружение памятника на могиле М. П. Мусоргского.

297

К письму 12/24 ноября 1881 г.

[1] На автографе пометка В. В. Стасова: «Париж».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 24 ноября 1881 г. и Петербург, 16 ноября 1881 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «12 ноября 1881. («Народная тропа»). Телеграмма славянских студентов. Масса картин в голове».

[2] Верещагин передает Стасову содержание телеграммы Товарищества славянских студентов в Вене:

«Чествуя Вас как русско-славянского гениального художника, великого сподвижника на поприще развития человечества, славянские студенты Вены устраивают в пятницу 25 ноября в залах Цум Грюнен Тор Лерхенфельдерштрассе в честь Вашу торжественный вечер, на который покорнейше пригласить Вас честь имеет Комитет».

Приглашения на вечер были разосланы в редакции многих венских периодических изданий.

Телеграмма славянских студентов и ответ Верещагина были опубликованы в газете «Порядок» (1881, 18 ноября, № 318).

[3] Пилоти Карл-Теодор (1826—1886) — известный немецкий исторический живописец позднеакадемического направления, являвшийся главой целой школы живописцев. Его произведения отличаются мастерством передачи материального мира, театральностью и эффектностью, яркостью красок. Однако глубокого воссоздания исторических эпох его картины не давали.

О Пилоти Стасов писал, что «у него нет ни настоящего исторического смысла, ни истинного драматизма, и он пишет все только огромные машинищи, где присутствует мейерберовский элемент декоративности и внешности, но с потухшим огнем и шириною (иногда бывающими у Мейербера) и с беспощадною его же сушью, так целиком и выдвинувшейся наружу» (Стасов В. В., Нынешнее искусство в Европе, Собр. соч., т. I, отд. 2, СПБ, 1894, стб. 434—435).

[4] О сравнениях Верещагина с Пилоти уже было упомянуто в пояснительном тексте к предыдущему письму.

[5] Веронезе (Калиари) Паоло (1528—1588) — знаменитый венецианский художник, автор большого числа картин и монументально-декоративных росписей. Произведения Веронезе, даже в религиозно-мифологических сюжетах, отображают преимущественно жизнь, типы, празднества, архитектуру родины художника. Они замечательны по жизненности изображения, мастерству композиции, блестящему колориту.

[6] Как уже указывалось в пояснительном тексте к предыдущему письму, Стасов в статье «Венская печать о Верещагине» привел выдержки из газеты «Трибюне».

[7] Еще в 1877 г. в статье «Прискорбные эстетики» («Новое время», 1877, 8 января, № 310; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 373—384) Стасов резко выступал против Матушинского, нападавшего на Репина за недооценку и отрицание в письмах к Стасову некоторых «общепризнанных» образцов старого искусства.

В настоящем письме Верещагин, вероятно, отвечает на упоминание о Матушинском и Суворине в одном из неизвестных нам писем Стасова к Верещагину.

Матушинский привез статьи о выставке, посланные Стасову Верещагиным, и сообщил ему сведения о новых произведениях художника, которые Стасов поспешил передать П. М. Третьякову в письме от 15 ноября 1881 г.:

«Многоуважаемый Павел Михайлович!

Художественный критик «Голоса», Матушинский, воротившийся недавно из Вены, рассказывает мне, что в числе новых картин, написанных Верещагиным в последнее время, есть две новых — индийских: обе представляют по индийскому воину верхом, небольших размеров, но так написанных (особливо материи, лошади и освещение), как даже редкие из прежних. Спешу сообщить Вам это на тот случай, если бы Вы вздумали пополнить этими двумя небольшими chef d'oeuvre'ами Вашу индийскую коллекцию.

А что эти 2 вещи написаны, пожалуй, еще лучше прежних или по крайней мере наравне с наилучшими прежними, я этому верю, читаю множество отзывов венской прессы (штук 50 у меня под руками — из них делаю теперь статью для газеты), где все в один голос говорят, что Верещагин делает все новые и новые успехи, и последние три его картины (натурально, еще не бывшие в Петербурге), «Перевязочный пункт», «Турецкий лазарет» и «Перед Плевной», кажется, еще выше по письму, чем все прежние. Про вторую из них пишут, что это *сущий*

Рембрандт, по волшебному ночному освещению. Первую же, «Перевязочный пункт», я собственными глазами видел в прошлом году в мастерской Верещагина. Хотя вещь была еще не совсем кончена, но и тогда представляла изумительный *chef d'oeuvre*. К сожалению, нынче осенью я приехал в Париж (из Испании), когда Верещагин увез уже все картины в Вену, а в Вену я не мог попасть из Голландии, куда ездил с Антокольским, потому что из газет не мог узнать, когда открывается выставка, письма Верещагина нигде в Европе меня не поймали (я их получил позже), и притом мне пора было в Петербург на службу. Такая досада!! Я так выставки Верещагина и не видал теперь, а в Россию он бог знает когда приедет (кажется, больше не хочет), и теперь покажет все свои картины в *Берлине, Гамбурге*, может быть в *Праге*, а потом у него еще плана никакого нет. Знаю только, что он напишет еще несколько *заключительных* картин из болгарской войны, а потом примется за другое.

Весь Ваш *В. Стасов*».

(«Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова», М.—Л., 1949, стр. 61—62).

[8] О последнем дне выставки Стасов опубликовал заметку в газете «Порядок» (1881, 20 ноября, № 320, отдел «Дневник», без подписи):

«В последний день выставки Верещагина в Вене залы «Künstlerhaus» были переполнены такой массой народа, какой не было ни разу ни в один из всех предыдущих 24 дней выставки. Венские газеты сообщают, что в этот день перебывало на выставке, по одним известиям, — свыше 13 000, по другим — даже около 20 000 человек, — цифра, какой не достигала никогда никакая выставка в Вене. Оно и не мудрено, когда вспомнить, что в последние дни выставки стали приезжать в Вену, по железным дорогам, специально для выставки целые массы окрестных жителей из небольших городов и даже деревень. В последний день вся широкая набережная перед «Künstlerhaus» буквально была запружена народом на протяжении от Elisabethenbrücke до самого дома выставки, от самого утра и до вечера. Ни запертые двери, ни многочисленная полиция, ни выставленные объявления о том, что залы переполнены — ничто не помогало. Все было смято, сломано, стоптано. Архитектор и секретарь «Künstlerhaus'a» положительно опасались за целость полов и потолков, которые уже накануне дали трещины, так что штукатурка валилась на головы семействам, живущим в нижнем этаже».

298

К письму 13/25 ноября 1881 г.

[1] В автографе год «1881» проставлен В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 25 ноября 1881 г. и Петербург, 17 ноября 1881 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: *«13 ноября* [*18*]*81. Жалобы* на рутину парижск[ого] кружка».

[2] Будапештская газета «Пестер Ллойд» писала 1 ноября 1881 г.: «Верещагин теперь герой дня в Вене... Иные упрекают Верещагина в том, что он слишком предается ужасному. Но он отвечает, что его картины — только легкие намеки на ту действительность, поднимающую в ужасе волосы на голове, которой он был свидетелем. Его упрекали в том, что он изображает войну как страшное несчастье человечества, а

между тем есть и другие столько же худые вещи, например большая эпидемия, разрушающее города землетрясение и тому подобное. На это он очень справедливо отвечает: «Я живописец и пишу то, что видел. Войну я видел и потому пишу войну. Покажите мне эпидемию или землетрясение, и я буду писать их» (Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 539 и 550).

299

К письму 15/27 ноября 1881 г.

[1] На автографе пометка В. В. Стасова: «Из Парижа получено 19 ноября [18]81».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 27 ноября 1881 г. и Петербург, 19 ноября 1881 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: *«19 ноября 1881.* Студенты венские. Смерть матери».

300

К письму 15/27 ноября 1881 г.

[1] На автографе пометки В. В. Стасова: «Париж» и «1881».

Письмо без конверта.

[2] Доктор Мунди, австрийский врач.

[3] Канон Ганс (Иоганн фон Стражирипка, 1829—1885) — венский живописец академического направления; подражал манере Рубенса. Его картины «Современная Юдифь», «Современный Диоген», «Современная Магдалина», «Бахус», «Баядерка», «Семейное счастье» и т. п. уже своими названиями говорят о малозначительности содержания произведений противника Верещагина. В статье «Венская печать о Верещагине» («Порядок», 1881, 2 и 9 декабря, № 332 и 339; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 548—552) Стасов привел выдержки из газет о выступлении Канона против Верещагина и статьи в защиту русского художника.

В журнале «Художественные новости» (1886, 1 февраля, № 3, стб. 84—85) опубликована рецензия о посмертной выставке Канона, открытой в январе 1886 г. в залах «Кюнстлерхауза» в Вене.

[4] Гете Иоганн-Вольфганг (1749—1832) — великий немецкий поэт.

[5] Рубенс Петер-Пауль (1577—1640) — великий фламандский живописец и рисовальщик, работавший в самых различных жанрах. Творчество Рубенса полно жизнеутверждающего оптимизма; он изображает главным образом красоту здорового человека, сильное, красивое человеческое тело, мощный пейзаж, богатство природы. В его творчестве, отличающемся реалистической убедительностью изображения материального мира, колористическим богатством, парадностью и исключительным мастерством в показе движения, порыва человеческого тела, отражены идеи современной ему эпохи и жизнь, пульсирующая и разливающаяся в своем изобилии. Рубенс, являющийся одним из виднейших представителей барокко, не смог преодолеть в своем творчестве условности, театральности и пышности, присущих этому направлению в искусстве

Стасов считал Рубенса великим художником, важнейшей ступенью в развитии реалистического искусства. Однако тут же он указывал и

на черты ограниченности в реализме Рубенса, на наличие у него условности, частого игнорирования реальной натуры, наличие надуманной пышности.

Свою характеристику живописи Рубенса Стасов высказал в письме к Репину от 24 июня 1887 г. На замечание Репина, видевшего картины Рубенса в венском Бельведере и решившего, что Рубенс — это Шекспир в живописи, Стасов отвечал: «...в 1883 г., когда мы ездили за границу вместе, мне было удивительно и досадно, зачем Вам (и в Мадриде, да и везде) Рубенс не нравится. Я его всегда обожал за силу, за красоту и мужественность краски. ...Но ведь Рубенс тут же зараз весь неестествен, условен, полон вечной своей собственной *отсебятины,* игнорирует настоящую натуру, наплевал на нее, затоптал ее в грязь, рисуя все только свой собственный нелепый и топорный вкус, своих — не людей, а китов каких-то, не женщин, — а все одну и ту же для всех жирную мясную лавку, все какой-то *небывалый, выдуманный* мир... какой же это Шекспир... Рубенс — это что-то вроде карет XVII и XVIII века: колеса раззолочены, всюду живопись, завитки, иногда изящные и художественные — но какой груз, какие пуды, господи! Страшно смотреть на эту *неуклюжесть,* а главное — на *ненужность* этой барской колымаги!!! Рубенс только *бар* и знает, он весь — барский живописец, он живописец выдумок и парадов грузных. Настоящей *жизни* (как у Шекспира, как у Льва Толстого, как у Бородина и Мусоргского, как у Репина) в лучших, высших его созданиях — нет, не было ни единой крупинки» («Репин И. Е. и Стасов В. В., Переписка», [т.] II, 1877—1894, М.—Л., 1949, стр. 115).

Верещагин высказал свои мысли о Рубенсе в рассуждениях по поводу живописи и религии в статье «Реализм» (в книге: Булгаков Ф. И., В. В. Верещагин и его произведения, СПБ, 1905, стр. 123): «...А Рубенс, который преступил все границы современного приличия в качестве не только художника, но и как мыслитель? Надеюсь, никто не станет подвергать сомнению тот факт, что его мощный, но односторонний гений перемешал типы личностей христианской религии с типами языческой мифологии; что его бог-отец — то же, что и его Юпитер Олимпийский; что они суть портреты одного и того же краснощекого натурщика; что его богородица и его Геба — можно даже сказать, его Венера — все это личности одного и того же типа; все они одинаково краснощеки, красивы, самодовольны. Кто решится отрицать, что Рубенс, населив христианские небеса тяжеловесными, здоровенными, весьма и весьма нескромными барынями и мужланами, перевернул вверх дном все традиции и, таким образом, явился даровитым мощным реалистом своего времени? Нет сомнения, что он изумил и скандализировал массу своих благочестивых современников».

[6] Мужество, храбрость.

301

К письму 17/29 ноября 1881 г.

[1] На автографе пометки В. В. Стасова: «Париж» и «1881».
Письмо без конверта.

[2] Театр Кролля, господину Энгель (для господина Верещагина).

[3] Нарышкин Василий Львович — коллекционер картин; почетный член Академии художеств.

[4] Вероятно, это Орлов-Давыдов Владимир Петрович (1809—1882) — автор описаний путешествий, почетный член Академии наук.

[5] Имеется в виду этюд «Церковь в монастыре Добди» (см. письмо В. В. Верещагина от 23 ноября/5 декабря 1881 г.); кроме того, у царской семьи находились в то время туркестанские картины Верещагина «После удачи» и «После неудачи», поднесенные царю в 1869 году на туркестанской выставке А. К. Гейнсом, которому их подарил Верещагин.

[6] После слова «приблизительно» в автографе идет линия со стрелкой, идущей на правую страницу. На правой странице нарисован прямоугольник размером 86 × 134 *мм.* Фразы: «Надобно это сделать поскорее» и «Не даст ли жена *Никол[ая] Николаевича принадлежащий ей* этюд *«Опиумоеды» — пишу об этом Дмитрию Вас[ильевичу] Григоровичу»*, написаны внутри этого прямоугольника.

[7] Жена великого князя Николая Николаевича (старшего) — Александра Петровна — получила картину «Опиумоеды» в подарок от генерала Кауфмана после туркестанской выставки 1869 г.

302

К письму 18/30 ноября 1881 г.

[1] На автографе пометки В. В. Стасова: «Париж» и «1881».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 30 ноября 1881 г. и Петербург, 22 ноября 1881 г. На конверте пометки В. В. Стасова: *«16 ноября 1881.* Венские триумфы».

[2] Верещагин, повидимому, прислал Стасову газетное сообщение о «торжественном вечере» в честь Верещагина, устроенном славянскими студентами в Вене 13/25 ноября.

[3] Ригер Франц-Ладислав (1818—1903) — чешский политический деятель и журналист, с 1879 по 1891 г. член парламента.

[4] Верещагин писал Стасову об этом в письмах 12/24 и 15/27 ноября 1881 г.

303

К письму 19 ноября/1 декабря 1881 г.

[1] Год «1881» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 2 декабря 1881 г. и Петербург, 24 ноября 1881 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: *«19 ноября [18]81.* Ноты для выставки».

[2] Русской народной меланхолической музыкой и унылыми заупокойными церковными мотивами Верещагин хотел, несомненно, усилить впечатление, получаемое зрителями от его балканских картин, являвшихся, по мысли художника, средствами пропаганды против войн.

304

К письму 22 ноября/4 декабря 1881 г.

[1] На автографе надпись В. В. Стасова: «Из Парижа. 4 декабря [18]81».

Письмо без конверта. Судя по тому, что в настоящем письме Вере-

щагин пишет: «брат мой Александр в Берлине, скоро будет сюда»; в письме же от 29 ноября/11 декабря он сообщает: «Александр Васильевич здесь», следует считать дату «4 декабря», указанную на автографе В. В. Стасовым, датой отправки письма из Парижа, по новому стилю.

[2] Письмо редактора венской газеты «Винер Тагблат» Лаузера.

Это письмо, как видно из приводимой ниже цитаты, было использовано Стасовым в его статье «Венская печать о Верещагине».

[3] Лаузер Вильгельм (1836—1902) — немецкий писатель и публицист, журналист.

Позднее, во время организации венской выставки в 1885 г., Верещагин писал о Лаузере жене, Елизавете Кондратьевне, 17 октября 1885 г.: «...не был ни у кого; уже приходили заявлять претензии Лаузер и Ранцони» и 25 октября: «Лаузер ни то ни се, сердит, что я до сих пор не был у него, но где же было итти, когда я был так уставши все время» (Архив Третьяковской галлереи).

[4] О выступлении Канона против Верещагина Стасов в статье «Венская печать о Верещагине» сообщает: «Нападки на Верещагина произошли в Вене после закрытия его выставки. В заседании «Научного клуба» 24 ноября держал речь против Верещагина *один из венских живописцев*, Канон, художник-академик, *ничем особенно не отличающийся, кроме дарования самого ординарного и крайней нелюбви к людям талантливым*...

Одно письмо из Вены (*писанное редактором одной тамошней газеты*) сообщает, что на заседание «Научного клуба» *собрались все «парики и все завистники с целой Вены»*.

Чего надо было ожидать от речи Канона, это можно было уже заранее предвидеть: защиты академических взглядов и нападений на Верещагина во имя старины и всего прежнего. Так и случилось. «Wiener Allgemeine Zeitung» (от 26 ноября) в статье, озаглавленной «Против нынешней живописи», следующим образом передает содержание высказанного в «Научном клубе»: «Войдя на кафедру, живописец Канон сказал: «В искусстве мы всегда должны обращаться к нашим великим учителям, грекам. А что́ они говорили про искусство: «В мере заключается красота», или, как полагает Платон, «красота есть многообразие в единстве», или, как говорит Аристотель: «Очищение страстей есть задача искусства». Известно, как греки соблюдали эти идеальные правила; примером тому может служить картина «Падающие воины»: мы видим, как они падают, даже как они умирают, но они умирают героями; страдание не обезображивает черт их лица в ужасном виде и не изображается тем натуралистическим грубым способом, который теперь так любят. То же самое надо сказать про группу Ниобеи. Даже самые времена христианства наблюдали это правило. Разве есть смерть ужаснее смерти на кресте? Но есть ли что-нибудь ужасное в изображении распятого? Мы видим его страдание и смерть, но нисколько не принуждены отворачиваться в отчаянии от картины: напротив, мы можем чувствовать всю глубину страдания Христова. Но как, напротив того, относится к своему предмету новое искусство? Оно тоже изображает героев: солдат. Конечно, к задачам нынешних художников принадлежит также изображение храбрости наших солдат. Но не надо забывать, что истинная храбрость презирает не только страх, но также и боль. А нынешние изображения воинов представляют только жалкий страх». Далее Канон брал на свое рассмотрение какие-то две-три картины австрийских живописцев, нам здесь неизвестные (почему мы их и пропускаем). В заключение он сказал, что «все подобные картины можно сравнить с трупоразъятиями, которые стали бы производиться на глазах у всей публики». Передавая

содержание этой речи, «Fremdenblatt» (26 ноября) говорит, что живописец Канон начал с положения: «Серьезна жизнь, весело искусство (Ernst ist das Leben, heiter die Kunst)». В самой же речи он, между прочим, сказал: «В мере заключается красота, а также и добродетель, а между добродетелями мужская добродетель — есть храбрость. Художник должен всегда представлять героя победителем и никогда ни жертвой, ни клиническим препаратом. На что это надобно, изображать ужасы войны еще страшнее, чем они есть на самом деле? Есть столько красивого на свете, подлежащего изображению искусства, что художник просто-напросто не должен писать в своих картинах того, что отталкивает добродушного и добросердечного человека. Художник должен брать себе задачею только то, что умаляет страдание и возвышает все достойное удивления».

Чувствуя, конечно, всю карикатурность подобных отсталых понятий, но в то же время твердо веруя в «законы искусства», столь священные для каждого немца, хорошо выдрессированного в школе, «Deutsche Zeitung» (26 ноября) пробовала миролюбиво защитить Верещагина против нападок Канона. Она говорит: «Конечно, с художественной точки зрения нечего отвечать Канону, одушевленному духом «благороднейшей традиции». Но наше многообразное время, наша бесконечно разбогатевшая культурная жизнь вывела на сцену и то новое направление, против которого вооружается Канон, и, кажется, без него нельзя будет уже обойтись впредь. Можно даже поставить вопрос: сам Верещагин, со своими реалистическими картинами, не даст ли косвенно полного оправдания великому изречению Аристотеля «об очищении страстей посредством искусства»? Изображая страшную действительность такою, какова она в натуре, Верещагин пробуждает отвращение к одной из самых диких страстей: страсти к войне, приведшей на Балканском полуострове к таким неслыханным ужасам».

Переходя к высказываниям других газет, Стасов продолжал:

«Другие венские газеты не прибегали к оправданию того, что не требует оправдания, да еще вдобавок такому слабому и легкому оправданию...»

«Neuigkeits-Weltblatt» (20 ноября) писал, что в случае сочувствия к нему Европы Верещагин вышел бы «величайшим апостолом мира в XIX веке», и одного только боится, как бы только его голос не оказался голосом вопиющего в пустыне!..»

«Floh» нарисовал на своих страницах целую, довольно больших размеров и очень недурно выполненную картинку, где Верещагин представлен грозным, вдохновленным; левой рукой он держит громадную палитру, на которой лежат вместо красок главные его картины из болгарской войны, а правою, вооруженною громадною кистью, он попирает отвратительную гидру войны, распростертую над шаром земным и потрясающую ему навстречу кинжал, чадный факел и плеть из человеческих костей и жил. За плечами у Верещагина развернутые крылья, на которых написано: «Человечность»...

«Вот каковы, относительно Верещагина, понятия и симпатии большинства масс. Верное чувство громко говорит, что такое наш художник, так сильно поразивший Европу, и какое глубоко-историческое значение имеет могучая, самобытная художественная деятельность. Что против этого значат отсталые академисты, Каноны с братией? Говорит же пословица: «в семье не без урода» («Порядок», 1881, 2 и 9 декабря, № 332 и 339; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 548—552).

[5] Аристотель (384—322 до н. э.) — великий древнегреческий философ.

[6] «Винер альгемейне Цейтунг» (Венская всеобщая газета).
[7] Польские студенты отказались присутствовать на вечере в честь Верещагина.
[8] И. Н. Крамской в письме от 8 января 1880 г. к В. В. Стасову говорил: «Во мне уже несколько лет сидит гвоздем в голове мысль: что такое Верещагин? Не есть ли это Иванов, умудренный опытом, что с людьми надо поступать, как с «подлой *толпою*»? Он как будто говорит: «Нет, шалишь! Я не намерен умирать на соломе. Я тебя (публику) поставлю сразу на свое место. И вот разница в результате. Иванов за 300—400 этюдов и картин едва наскоблил 20 000 рублей, а Верещагин... Ну, да может быть, тут есть пункты разногласия?! Оговариваюсь для правильного понимания меня: многие вещи в действиях Верещагина лично мне несимпатичны, но я себя спрашиваю: имеет ли право Верещагин употреблять силу? Я отвечаю: *имеет*. Ну, а коли имеет, то, следовательно, и хорошо, что он ее употребляет. Гению позволено многое, даже все, — иное дело лягушкам. Как Вы полагаете?» («И. Н. Крамской. Письма. 1876—1887», т. II, [Л.], 1937, стр. 194—195).

305

К письму 22 ноября/4 декабря 1881 г.

[1] На автографе подпись В. В. Стасова: «Париж, 1881».
К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 4 декабря 1881 г. и Петербург, 26 ноября 1881 г.
На конверте пометки В. В. Стасова: «*22 ноября [18]81.* С и б и р ь. Картины войны. Выставка по всей Европе».
[2] «Записки из мертвого дома» — очерки из жизни каторги Ф. М. Достоевского (1861—1862).
[3] Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) — знаменитый русский писатель.
[4] Демидов Павел Павлович (1839—1885) — уральский горнозаводчик, коллекционер, потомок рода уральских заводчиков Демидовых. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. — главноуполномоченный Красного Креста. Наследовал заводы и титул князя Сан-Донато от своего дяди Анатолия Николаевича Демидова (1812—1870), купившего титул вместе с поместьем близ Флоренции. В. В. Стасов работал у А. Н. Демидова в 1851—1854 гг. в качестве его личного секретаря по части археологии и искусства. Он жил это время в Италии в имении Сан-Донато, близ Флоренции, посещая и изучая памятники искусства Италии и других зарубежных стран и знакомясь с их жизнью и обычаями и передовыми деятелями искусства, науки и литературы.

306

К письму 23 ноября/5 декабря 1881 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 5 декабря и Петербург, 27 ноября 1881 г.
На конверте пометки В. В. Стасова: «*23 ноября 1881 г.* Снимки фотограф[ические] из галлереи Третьякова».

На автографе против № 34, 49, 52, 69, 71, 74, 95, 99, 109, 133 и 134 пометки В. В. Стасова: «Нет»; против № 99 его же пометка: («Строганов»).

[2] Альбомная карточка.

[3] Третьяков Сергей Михайлович (1834—1892) — московский купец-меценат, собиратель картин и скульптуры. Был московским городским головой. Его художественное собрание вошло в коллекции Третьяковской галлереи, а потом частично в другие художественные музеи Москвы.

[4] Перечисленные в письме этюды принадлежат к индийской серии картин Верещагина.

Стасов послал П. М. Третьякову письмо от 15 декабря 1881 г., в котором уведомлял его, что отправил фотографам Шереру и Набгольцу заказ на фотографические копии для Верещагина, и перечислил номера и названия этюдов по старому каталогу, указанные Верещагиным в настоящем письме.

В ответ Третьяков написал Стасову 16 декабря 1881 г.:

«Спешу сообщить Вам, что №№ 34, 49, 52, 69, 71, 74, 95, 99, 109, 133 и 134 у меня нет; некоторые из них, мне кажется, если не ошибаюсь, находятся у В. М. Жемчужникова (принадлежащие В. В. Верещагину); кому были проданы другие на аукционе, не знаю. № 24 находится у В. В. Верещагина, я ему послал его в числе других этюдов. У меня есть № 3 также Буддийский лама, и я с него сделаю фотографию» («Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова. 1874—1897», М. — Л., 1949, стр. 62).

307

К письму 25 ноября/7 декабря 1881 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 7 декабря 1881 г. и Петербург, 29 ноября 1881 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «*7 дек[абря 18]81*. «Моя выставка — собрание верующих — в совесть».

[2] Речь, несомненно, идет о подготовлявшейся Стасовым статье о Третьяковской галлерее.

Стасов увидел галлерею впервые только в бытность в Москве в конце сентября 1880 г. Он написал тогда П. М. Третьякову: «...очень желаю видеть знаменитую *«Третьяковскую галлерею»*, которой еще отроду не видывал».

Вслед за посещением галлереи Стасов написал о ней статью, которую посылал для просмотра П. М. Третьякову. В ответ на замечания Третьякова (в необнаруженном до сих пор письме от 7 апреля 1881 г.) Стасов пишет: «Много-премного благодарен за симпатию. Поправку насчет *музея* и *города* вполне готов принять: эта ошибка, если она у меня и есть, мне, кажется неважна, у меня в голове было только то, что[бы] выразить, как чудесно так дарить *отечеству*, как Вы дарите.

Не признаю неловким говорить в печати про то, что важно, и, кажется, никогда в этом не переменюсь. Личности тут уже второстепенны: делаемое ими — на первом плане как нечто историческое, принадлежащее Родине!!!» («Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова. 1874—1897», М.—Л., 1949, стр. 57 и 60).

Третьяков в 1881 г. не хотел, чтобы Стасов опубликовал статью об его деятельности и картинной галлерее.

Стасов вернулся к статье о галлерее Третьякова в 1893 году. Третьяков и тогда не был доволен намечавшимся опубликованием статьи о нем и затруднял это. Например, он запретил Репину передавать Стасову свои письма к Репину. Все же Стасов написал и опубликовал статью «Павел Михайлович Третьяков и его картинная галлерея» («Русская старина», 1893, декабрь, стр. 569—608). Он излагал биографию П. М. Третьякова, историю создания его галлереи, а также историю коллекций картин других московских собирателей — К. Т. Солдатенкова, В. А. Кокорева, Г. И. Хлудова, С. А. Мазурина, Д. П. Боткина.

В статье Стасов говорил о равнодушии москвичей к дарам П. М. Третьякова, об отказе Совета московского Училища живописи, ваяния и зодчества от купленной Третьяковым и переданной Училищу в дар туркестанской коллекции картин Верещагина, а также о том, что никто не поблагодарил Третьякова за передачу его галлереи Москве.

Статья Стасова произвела неблагоприятное впечатление в московских городских кругах. П. М. Третьяков выступил с возражениями Стасову в опубликованном им в газете «Московские ведомости» (1893, 12 декабря, № 324) «Письме к издателю». По поводу статьи между Третьяковым и Стасовым возникла обширная переписка (см. «Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова», М.—Л., 1949, стр. 171—187).

Недовольство П. М. Третьякова В. В. Стасовым за его статью продолжалось долго. Еще 16 августа 1894 г. он писал Стасову:

«Вы пишете, что я еще недавно был на Вас крепко сердит и что Вы «без вины виноваты».

Я и теперь так же сердит и никогда не перестану. Я не желаю никаких похвал, но только не желаю и выдумок, но, разумеется, я не могу никому запретить говорить, что вздумается.

Вы другое дело! Вы близкий человек, могли бы из простого приличия показать то, что написали, что Вы и обещали сделать, но не сделали.

Было бы смешно и глупо из-за того, что я на Вас сердит, отказать Вам в какой бы то ни было услуге, что я всегда и сделаю...»

308

К письму 29 ноября/11 декабря 1881 г.

[1] Год «1881» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 11 декабря 1881 г. и Петербург, 3 декабря 1881 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: *«29 ноября [18]81. Статьи».*

[2] «Кельнише Цейтунг». Стасов упоминает об этой газете в статье «Венская печать о Верещагине»: «Корреспондент «Kölnische Zeitung» (7 декабря) говорил: «Как ни страшно все, что мы видим в картинах Верещагина, ни одна из этих картин не отталкивает, не оскорбляет меня, — до того своеобразно трактовал художник свой материал. Даже самая «кровавая» из всех Верещагинских картин, «Перевязочный пункт», едва ли выходит, по моему мнению, за пределы того, что должна запрещать реализму эстетика. Что же надо было бы сказать про знаменитую картину Рубенса: «Исцеление зачумленных и бесноватых»? там наверное гораздо больше вещей, оскорбляющих чувство, чем в любой картине Верещагина, а между тем эта картина одно из величайших украшений Венской картинной галлереи»...

«Верещагин — агитатор, страшный агитатор против всяческого варварства и произвола!» (Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 551—552).

309

К письму 9/21 декабря 1881 г.

[1] На автографе надпись В. В. Стасова: «Получено из Парижа 13 дек[абря 18]81».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 21 декабря 1881 г. и Петербург, 13 декабря 1881 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: *«13 дек[абря 18]81.* Венские овации».

[2] «Бурлаки» — картина, задуманная Верещагиным в 1866 году. В настоящем письме художник имеет в виду несколько этюдов к этой картине, подаренных им в туркестанский период его работы А. К. Гейнсу. Позднее этюды были приобретены П. М. Третьяковым, а затем попали в Русский музей.

В Третьяковской галлерее находится также карандашный эскиз этой картины. Эскиз маслом хранится в Киевском музее русского искусства.

Хотя сама картина «Бурлаки» осталась невыполненной, но и подготовительные работы к ней в виде упомянутых этюдов и эскизов являются важным этапом в творчестве Верещагина и дают возможность судить о том, какие темы влекли художника еще в молодости.

В 1866 году летом Верещагин жил у отца в селе Любец на берегу судоходной реки Шексны. Бурлаки многолюдными ватагами тянули по реке баржи. Бессмысленный животный труд, выполняемый огромным количеством людей, находившихся в ужасных условиях, их быт и состояние произвели большое впечатление на художника. Верещагин решил отобразить на полотне беспросветную жизнь и труд этих людей в ярме, разбросанных по берегам беспредельных рек России. «В «Бурлаках», — говорит Стасов в статье «Василий Васильевич Верещагин», — должна была предстать у Верещагина страшная, гнетущая участь русского человека — возового животного, идущего ступня в ступню берегом реки, под палящим солнышком, с веревкою поперек груди».

В упоминавшихся нами ранее собственноручных заметках Верещагина на полях отдельного оттиска (из «Вестника изящных искусств» 1883) статьи В. В. Стасова «Василий Васильевич Верещагин», хранящегося в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, имеются неизвестные в литературе заметки, касающиеся и картины «Бурлаки».

Верещагин не закончил картину из-за необходимости выполнять работы для заработка на жизнь. «Я порывался кончить ее, — пишет художник в упомянутых заметках, — она была уже нарисована в большом виде, но нечем было жить, приходилось рисовать на дереве за деньги». «Жил исключительно своим трудом, рисунками в «Tour du Monde». «Не кончил, потому что все время ушло на добывание денег — с родителями рассорился опять». Сопоставляя свою идею «Бурлаков» с позднейшей картиной «Бурлаки» И. Е. Репина, Верещагин там же пишет: «У Репина вовсе не понята *суть* Бурлаков; 5—6 человек разношерстного люда, хотя и очень типичного, не дают понятия о *полкé* бурлаков, топчущихся

по песку на солнце из-за одной барки. У меня на эскизе шло 3—4 таких полка».

«Во-первых, — продолжает Верещагин, — я задумал своих «Бурлаков» задолго до Репина, во-вторых, в моих *«Бурлаках»* каждую барку тащило не менее *200—250* человек, целые полки народа, что составляет *всю суть* дела; и во Франции, и в Германии, и в Египте, и в Испании тащут барки бичевою, но *тысячи* народа тащат их только у нас, в XIX в.

Несмотря на мои указания на эту капитальную разницу в представлении сюжета, В. В. Стасов не обмолвился об этом ни одним словом, а казалось бы стоит!»

В тех же заметках, возражая против утверждения Стасова, что Верещагин в течение этого периода как будто не думал о собственном создании, о собственном творчестве и что все сотни и тысячи его рисунков — только сырой материал, Верещагин заявляет: «Вовсе неверно; «Бурлаки» мои были задуманы так глубоко, как и не снилось Репину или кому-либо другому. Но естественно, что *при перемене места* приходилось схватывать все новое, которое при этом *не достаточно интересовало меня,* так что приходилось ограничиваться набросками. Как только *война* заинтересовала меня, я стал писать картины, *творить».*

³ Верещагин говорит о первой части статьи В. В. Стасова «Венская печать о Верещагине» («Порядок», 1881, 2 декабря, № 332). В заключительных строках ее, относящихся к состоявшемуся 13/25 ноября 1881 г. вечеру славянских студентов в честь русского художника, Стасов писал: «Во время самого торжественного вечера (где, впрочем, не мог присутствовать Верещагин) была получена в Вене следующая телеграмма из Праги, от чешских студентов: «Великому Верещагину, помогающему в борьбе против преданий лжи и условности, — слава!»

Такое энтузиастическое сочувствие молодых поколений, любовь и удивление громадных масс народных — какая доля может быть завиднее для художника?»

Позднее, в 1883 г. в статье «Василий Васильевич Верещагин», Стасов привел дополнительные данные об этом вечере: «Народу присутствовало всего до 2000 человек, одних студентов было свыше 800 человек... «Львовская газета», отдавая пространный отчет о торжестве, говорила, что можно без преувеличения сказать, что здесь «все славянство воздавало честь великому гению» и что Верещагин двинул значительно вперед славянскую жизнь, славянский дух и славянское самопознание». При этом она с гордостью ссылалась на слова самих немцев, которые, невзирая на все свои антипатии, вынуждены были признаться (между прочим, устами писателя «Neues Wiener Tageblatt»), что идеал славянства — реализм».

⁴ В первой части своей статьи «Венская печать о Верещагине» Стасов между прочим писал: «Наша печать сообщила несколько отрывочных сведений о том, что говорилось и печаталось в Вене по поводу Верещагина. Но, мне кажется, нам следовало бы знать тут больше. Верещагин занял в последнее время такое первенствующее место не только в русском, но во всем европейском искусстве; его картины до того затронули современность и важнейшие вопросы художества; впечатление, произведенное его созданиями во всех почти главных европейских центрах, было так громадно и необычайно; наконец, успехи его недавней выставки в Вене до того выходят из ряду вон, что было бы, мне кажется, необходимо свести вместе все то, что было высказано в последнее время австрийскою прессою по поводу этой последней выставки, превзошедшей, повидимому, во мнении публики даже все предыдущие. У меня есть в руках все к тому материалы. По моей просьбе, знакомые и приятели доставили мне из Вены около 50 газетных статей, напечатанных про Вере-

щагина и его картины, за и против, во время его выставки. Навряд ли много венских статей за это время осталось мне неизвестными.

Первое впечатление было такое: «Как так? Может ли быть? Вероятно ли, чтоб что-то совершенно необычайное пришло к нам из России?»... «Vorstadt-Zeitung» наивно замечала, что ведь у русских так мало порядочных живописцев и скульпторов, что они стоят по художеству даже позади шведов и датчан! Венский кружок художников, к которому Верещагин должен был обратиться за помещением, явно не доверял вначале слишком значительному успеху нашего художника. Несмотря на необыкновенный его триумф в Париже и Лондоне в прошлом и позапрошлом годах, несмотря на личное, может быть, знакомство их с созданиями Верещагина если не по настоящим оригиналам, то хоть по колоссальным фотографиям, находившимся в 1873 году на Всемирной венской выставке, — несмотря на все это, кружок венских художников побаивался и пожимался, когда речь зашла о том, чтоб принять на свой счет все расходы по перевозке из России и Парижа картин Верещагина, а также все расходы по устройству выставки и затем уже пользоваться всею выручкою платы за вход. Однако страхи их были напрасны: только что доставленный мне из «Künstlerhaus'а» официальный отчет их художественного общества за истекший год доказывает, что в течение 26 дней Верещагинской выставки платящей публики перебывало на выставке 94 892 человека (по годовым билетам с уменьшенною платою, так называемым «Kunstliebhaberbillets», имели вход на выставку еще несколько тысяч человек), а каталогов за это время продано 31 670 экземпляров. Чистого барыша общество получило 15 500 флоринов (расходов было свыше 8000 флоринов), и цифра этого барыша была бы, конечно, еще выше, если б Верещагин не настоял на том, чтобы сбор за целых 3 дня в конце выставки пошел в пользу бедных города Вены, а сбор еще за один день — в пользу пенсионного капитала прислуги, состоящей при этом художественном обществе. Кроме того, Верещагин настоял еще на одном непременном условии выставки: чтоб плата за вход была доведена до возможного минимума. Художники долго не соглашались: они считали, что это будет нарушением всех привычек венской публики, если публике позволят платить за вход меньше того, что она много лет уже платит; некоторые даже прибавляли, что, кажется, лучше было бы держать полную плату повыше, «а то наползет на выставку много всякой дряни». Но Верещагин публично объявил в заседании, что он вовсе не желает показывать свои картины только графам да графиням, а лучше нескольким десяткам тысяч венцев бедных и вовсе не знаменитых. Сверх того, он требовал, чтоб хоть училищам и солдатам позволено было ходить на его выставку даром. Последнее было сочтено уже окончательно невозможным, а первое — крайнее удешевление платы — устроилось, как он хотел. Но некоторые газеты (особенно «Neue freie Presse», 1 ноября) проведали это и напечатали про заботливость Верещагина насчет неимущих классов: это удесятерило к Верещагину всеобщие симпатии... Что за толпа, что за давка была при всем этом в залах «Künstlerhaus'а» — легко себе представить. Свыше 12 000 человек перебывало на выставке в последний день; в остальные дни бывало от 5 до 8000, иногда больше. Военных всегда бывала целая масса, и хотя газеты одно время сообщили было сведения, будто военный министр запретил австрийским солдатам бывать на Верещагинской выставке из боязни ослабить их боевой дух, но этот слух оказался злостной выдумкой чешских газет («Neue freie Presse», 14 ноября), и солдаты продолжали до конца выставки посещать ее такими же густыми массами, как и остальное городское и сельское население Вены и ее окрестностей. «Ничего подобного отроду не видано в Вене», — в один голос твердили все газеты...

Уже с самого первого дня выставки газеты были наполнены самыми восторженными отчетами. Сначала они рассказывали о необыкновенно художественном, даже внешнем, впечатлении от общего убранства выставки: вся лестница и разные места выставки были увешены индийскими, тибетскими, кашмирскими, туркестанскими, самаркандскими и киргизскими коврами и материями, привезенными Верещагиным из его путешествий, по стенам и в витринах была расположена, можно сказать, целая восточная этнографическая выставка, служившая иллюстрацией туркестанским и индийским картинам и этюдам Верещагина: тут были идолы, одежды, оружие, орудия, всяческая утварь, музыкальные инструменты, даже чучела птиц, шкуры и рога диких животных — весь художественный аппарат, служивший художнику при исполнении его картин. «Такой изящной, полной вкуса и интереса внешней обстановки на художественных выставках у нас, в Вене, отроду не видано», говорили газеты. Но что следовало за этой внешней обстановкой, было, по единогласному отзыву венских газет, уже совершенно необыкновенно...

«Таких картин, как Верещагинские картины из болгарской войны, еще отроду нигде не писали», восклицал «Fremdenblatt» (29 окт.). «Это что-то от самых корней новое и в высшей степени современное, XIX столетие, хотя и русское, по форме и содержанию. Никакой прежний период искусства не осмелился бы на что-нибудь подобное. Такую живопись способно производить на свет только время телеграфов, телефонов, которое вдобавок и освещает-то такую выставку по-новому — электричеством. Готовые эстетические правила и рецепты тут не годятся; художник эмансипируется от них, и его право здесь состоит в том, что его зритель совершенно забывает себя перед его картинами. Вечно что-нибудь новое из Африки, говаривали римляне; мы можем теперь сказать нечто подобное про Россию. Какие еще неожиданности культурной жизни скрывает от нас европейская Сибирь? Какие еще новые формы жизни и искусства проявит она?.. Техническое мастерство Верещагина — изумительно».

«Vorstadt-Zeitung» (4 ноября) находила, что картины Верещагина — это «совершенно новое изучение истории. Ничего подобного его сценам из турецко-русской войны еще никогда не бывало! Во все времена существовали на свете кровавые изображения военных сцен и картины со сценами самыми зверскими, но редко они производили поразительное действие. Напротив, картины Верещагина захватывают тебя всего и с непобедимою силою, потому что они правдивы. Реализм всегда правдив и понятен, а картины Верещагина реальны до последней крайности».

Один из лучших венских художественных критиков, Ранцони, заявил («Neue freie Presse», 1 ноября): «что́ ни рассказывай про картины Верещагина — никакого понятия о них не дашь. Надо самому итти смотреть их».

Подобных отзывов о неслыханном и невиданном впечатлении, произведенном выставкою Верещагина, было так много, что мудрено было бы их все здесь выписать, и я принужден ограничиться несколькими приведенными примерами.

Но с самого же начала все газеты (и, повидимому, вся публика) сходились на том, что всего важнее, всего поразительнее на целой выставке — картины из болгарской войны. Не было, конечно, ни одной критической статьи, которая не отзывалась бы с восторгом про первые две серии верещагинских картин и этюдов: туркестанскую и индийскую; но, просматривая все венские газеты за все время выставки, не остается сомнения в том, что, присутствуй в «Künstlerhaus'е» только две эти коллекции, они не произвели бы и половины того впечатления, какое произвели картины болгарской войны. Те картины всеми были признаны в высшей степени мастерскими (разумеется, в разных степенях, не все же

могли быть совершенно одного и того же достоинства); все восхищались мастерством фактуры глубоким поэтическим настроением, веющим от них, удивительною передачею природы и людей, но бесспорное преимущество все отдавали последним.

«В картинах и эскизах из Средней Азии и Индии обнаруживается необыкновенное мастерство Верещагина в индивидуализации и характеризовании», говорит «Vorstadt-Zeitung» (25 окт.). Его «Поющие дервиши», его «Среднеазиатские политики» представлены великолепно. Точно так же его колоритное дарование значительно. Его ландшафт — «Утро в Кашмире» — действует как-то странно своим необычайным колоритом. Но главный интерес составляют постоянно его сцены и эпизоды из русско-турецкой войны: они производят поразительное впечатление, потому что они правдивы, потому что они пережиты самим автором».

«Между верещагинскими картинами на сюжеты индийские и туркестанские, говорил «Tageblatt» (27 окт.), есть художественные произведения необыкновеннейшей красоты, и, несмотря на это, военные картины производят более всех впечатления: более всех других созданий оригинального русского живописца они поражают и привлекают к себе каждого. Кто увидит их вечером (при электрическом освещении), наверное проведет беспокойную ночь: даже во время сна будут его преследовать ужасы войны, как они здесь изображены с поразительною виртуозностью».

«Morgenpost» (27 окт.) находила, что восточные картины Верещагина великолепны по краскам, что они chef-d'oeuvre'ы и возбуждают справедливое удивление, что картина «Великий Могол в мечети», раньше остальных встречающаяся зрителю, когда он по лестнице поднимается к залам выставки, «тотчас же влечет его симпатии к гениальному русскому живописцу», но главное на выставке — картины из русско-турецкой войны, сильно действующие не только по своему поразительному содержанию, но и по истинно художественному выполнению».

Та же «Morgenpost» несколько дней спустя (3 ноября) прибавляла: «Рассматривая картины русско-турецкой войны, почти забываешь, что так недавно видел другие еще произведения этого необыкновенного русского мастера: солнечные картины Индии, и даже туркестанские сцены, тоже довольно-таки ужасные, отступают на дальний план в нашем воображении, лишь только наши глаза остановятся на изображениях русско-турецкой войны. Они овладевают всем нашим чувством и мыслью: бедствия, злополучия целого мира оживают в нашем сердце, и если намерение художника состояло в том, чтобы иллюстрировать во всей правде ужасы войны и лихорадочно потрясти каждый нерв в груди человеческой, — он вполне достигнул своей цели... Верещагин создает свои картины совершенно иначе, чем великие живописцы: он не хочет производить впечатления художественным прилаживанием своего материала, он даже и не пробует ничего в этом смысле, зато он разумеет деталь, как немногие. Каждая его фигура есть маленький chef-d'oeuvre сам в себе, и каждая складка нарисована характеристично. Так, например, в его великой картине — «Перевязочный пункт» — мы не считали, сколько там бесчисленных фигур, но каждая виденная нами выражает иным образом новое страдание. Застывшая кровь проступает на белых перевязках с почти отталкивающею правдою; черты раненых, умирающих, выражены с самым неоспоримым мастерством, и группа примыкает к группе с глубокой правдой и безыскусственностью. Какое-то, говорят, важное лицо, в России, воскликнуло перед этими картинами: «Да, Верещагин революционер!» (в искусстве, конечно). Да, он революционер, против свирепостей войны и против правил искусства. Его картины действуют, как огненная проповедь, против тех, кто разнуздывает все военные ужасы»... Про некоторые из

этих картин критик замечает, что они, без сомнения, «гениально созданы и выполнены».

«Верещагин, говорит он, научился видеть и писать в двух странах света, в Европе и Азии, в путешествиях и на войнах. Он рос, словно какой-то художественный ландскнехт; его копьем была кисть, его щитом — палитра. Он и мерз, и горел, и исходил кровью с товарищами на войне, он лежал с ними в палатках, среди туркестанских степей и в замерзлых рвах Шипки и Плевны. Вот где он добыл себе горячее, сочувствующее им сердце, он с ними слился воедино. Но он остался человеком природы. У него острый глаз степняка и стальные когти казака. Он не задумывается ни о каких, живых или мертвых, «образцах». Он учился писать у Жерома, и это влияние, очевидно, в некоторых туркестанских его картинах (т. е. картинах первой его эпохи), но у него есть сверх того какая-то своя собственная азиатская свежесть; какая-то нецивилизованная первобытность, от которой, как небо от земли, далек его несколько гладкий и прилизанный учитель... Его рука слушается только глаза: ландшафты, боевые сцены, архитектура, этнографический жанр, портреты, неодушевленные предметы аксессуаров — все слетает с полнейшею непринужденностью с его кисти. Само собою разумеется, он такой же талант по части колорита... Верещагинские картины из Индии и Туркестана принадлежат к наилучшему, что только произвела на свет по части восточных картин наша новейшая, объезжающая весь мир живопись... Верещагин, вообще, величайший мастер в схватывании эффектов света и тени. Его clair-obscur навряд ли может быть превзойден кем-либо... Но наибольшее впечатление произвел он своими картинами из русско-турецкой войны. «Я не изображаю милую, красивую войну, говорит Верещагин: я видел безобразную войну, и пишу только то, что видел; может быть, несколько поменьше, но никак не больше». Его искусство — совестливое, правдивое; он считает своим долгом показать миру те страдания, в которые он сам себя ввергает, принимаясь за войну. Тут уж нет помина о блестящих кавалерийских атаках, об усеянных орденами штабах».

Описав с энтузиазмом все главные картины Верещагина из русско-турецкой войны («Перед Плевной», «Дорога от Плевны», «Перевязочный пункт» и другие), «Tageblatt» (20 окт.) говорит, что «картина «После сражения под Телишем» есть что-то уподобляющееся видению Иезекииля. Нечто еще более безотрадное, чем эти 1300 трупов, над которыми священник поет в открытом поле панихиду, показывает нам Верещагин в своем «Турецком госпитале». Сквозь расшибленные оконницы едва проникает свет, так что с трудом можно различать нагроможденные груды мертвых, из которых одни уже почти сгнили, другие только недавно покончили с жизнью».

Заметим при этом случае, что все вообще ученые и неученые венские художественные критики постоянно указывали на необычайное мастерство Верещагина в изображении «снега», — такое мастерство, до какого до сих пор ни одному живописцу не удавалось еще доходить.

«Из этого апостола должен был выйти мститель!» — так, наверное, думают многие, проходя перед ужасающими картинами Верещагина, восклицает «Deutsche Zeitung»... И мститель этот не какой-нибудь единичный фанатик, цель его — не какое-нибудь мнимое мщение, преследующее единичного виновного, — нет, здесь налицо иная мощь, гораздо более высокая и далее хватающая — великое, неуловимое искусство. Должен был явиться художник «божиею милостью», для того чтобы поставить перед глазами всему цивилизованному, — или, нет, всему чувствующему и мыслящему человечеству, те ужасные события, которые совершались в полумраке на Востоке, и он должен был, для того чтобы сделаться понятным, изобразить их со всею силою правды, со всем

реализмом коренного первобытного русского. Неужели мы были бы очень благодарны русскому живописцу Верещагину, если бы он представил нам возмутительные картины сражений в салонной идеализации, если бы он представил нам блестящие кавалерийские атаки и натиски штыками вместо ужасных сцен крови и грабежа и наполняющих нас ужасом полян, усеянных черепами, — конечно, нет! Его слава и значение исчезли бы тогда подобно славе и значению стольких придворных живописцев, и будущее поколение узнало бы о нем разве только в какой-нибудь полузабытой придворной галлерее»... Свою обширную и подробную статью критик кончает так: «Можно и должно было бы еще многое сказать о художественном значении этого русского, но в одном пункте наверное сойдутся все товарищи по художеству и критики: перед нами налицо характерный, самостоятельный субъект, да еще настоящий русский».

Таковы были главнейшие отзывы венской печати. Привести все было бы невозможно» (Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1898, стб. 537—545).

310

К письму 12/24 декабря 1881 г.

¹ На автографе пометка В. В. Стасова: «Париж».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 24 декабря 1881 г. и Петербург, 16 декабря 1881 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «12/24 дек[абря] 1881. Figaro. Voltaire».

² «Голуа».

³ Верещагин выставил в Париже 3 новые картины, написанные в 1881 году после выставки в Петербурге: «Перед атакой. Под Плевной» (третья Плевна); «После атаки. Перевязочный пункт под Плевной» (после третьей Плевны) и «Турецкий лазарет».

Кроме того, в Париже были выставлены некоторые индийские этюды.

Картины «Перед атакой» и «После атаки» находятся в Третьяковской галлерее.

Картина «Турецкий лазарет» (турецкий госпиталь в Плевне) хранится в фондах Артиллерийского исторического музея в г. Ленинграде. Ее местонахождение, повидимому, не было до сих пор известно исследователям Верещагина.

Чтобы понять обстановку, в которой пришлось Верещагину работать над картиной «Турецкий лазарет», приводим выписку из II тома книги Вас. И. Немировича-Данченко «Год войны»:

«Мы вошли в дверь болгарского дома. Пахнет свежераскопанной могилой, точно моровая язва в воздухе. Входим вверх по лестнице, где запеклись кровавые лужи, на балкон, весь пол которого покрыт органическими остатками самого отвратительного свойства, клочьями прогнивших тряпок. Отворяем первую дверь: пятеро мертвых на полах, без подстилки, в ряд лежат. Один, видимо, к двери полз — так и умер, не достигнув дверей. Головы на полу, глаза открыты. В ранах копошатся черви. В другой комнате двое мертвых и двое живых. Один стоит прислонясь к стене и смотрит на нас блуждающими глазами. Видимо, он уже помешался, не понимает ни по-турецки, ни по-болгарски. Другой лежит между двумя трупами. Вся жизнь у него сосредотачивается во взгляде. К нему наклоняется проводник; губы мертвеца шепчут что-то: «воды просит» — четвертый день не ел и не пил ничего.

« — Нет, господа, — желчно останавливает нас Стуковенко, — у нас

любят во время сражений летать на конях, восхищаться атаками и геройством. Пойдемте до конца, посмотрим эту изнанку войны.

«Идем за ним опять.

« — Недалеко — на этой улице, в каждом доме.

«И действительно, куда ни заглянешь! Вот, например, дом, две комнаты: в одной — пять трупов, в другой — двенадцать; эти рядышком лежат, плотно один к другому. Глаза одного из темных орбит смотрят на нас — точно живой; словно и голову-то повернул к нам. Запах чумный... Верещагин бросается к окну и отдирает ставень. В темную комнату врывается свет. Один из трупов шевелится и приподнимает голову, хочет сам приподняться, но в бессилии падает, и опять его не видно в этой массе лежащих тел...

«На другой день мы с Верещагиным отбивали двери запертых на произвол судьбы, по приказанию Османа-паши, турецких больниц, отдирали заколоченные ставни.

« — Как вам не стыдно оставлять людей умирать так? — озлился Верещагин, обращаясь к одному из болгар, у которого в доме нашелся такой склад гнилых трупов и умирающих живых...»

«Для В[асилия] В[асильевича] не существовало видимых неудобств, — говорил впоследствии Немирович-Данченко, — он и в этой чумной обстановке занялся тотчас же работою, рисовал, собирал тряпье, по целым получасам оставался среди этих трупов, вглядывался в мертвые, неподвижные, с синими подтеками лица, в положения тел, раскинувшихся на полу...» (Булгаков Ф. И., В. В. Верещагин, СПБ, 1905, стр. 94).

311

К письму 15/27 декабря 1881 г.

[1] На автографе надпись В. В. Стасова: «Дек[абрь] 1881».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 27 декабря 1881 г. и Петербург, 19 декабря 1881 г.

На конверте пометка В. В. Стасова: «12 дек[абря 18]81».

[2] Цион Илья Фаддеевич (1842—1912) — физиолог и публицист реакционного характера. Был профессором Петербургского университета и Медико-хирургической академии (1872—1874); вследствие требований студентов уволен в отставку; уехал в Париж, где был агентом русского министерства финансов, также отстранен от должности. Опубликовал за границей ряд памфлетов против русского финансового управления. Отказался приехать в Россию для объяснений и считался «изгнанным» из России. Автор «Курса физиологии». Совладелец и директор парижской газеты «Голуа», сотрудник журнала «Нувель ревю».

Военный министр Д. А. Милютин характеризует в своем докладе волнения студентов, происходившие с 17 по 24 октября 1874 г.: «Не было решительно никакого другого побуждения, кроме неудовольствия студентов на профессора Циона, не столько за его преподавание, сколько за экзамены и личное обращение его со студентами» («Дневник Д. А. Милютина. 1873—1874», т. 1, М., 1947, стр. 234).

[3] Газета «Новое время» в заметке «Маленький фельетон» (1881, 19 декабря, № 2088) напечатала искаженное сообщение об инциденте с Ционом. На другой день в газете «Порядок» (1881, 20 декабря, № 350) Стасов опубликовал на основании настоящего письма Верещагина заметку, восстанавливающую истину.

[4] Статья Стасова «Венская печать о Верещагине». Художник получил в это время вторую часть статьи, опубликованную в газете «Порядок» (1881, 9 декабря, № 339).

[5] Н. П. Собко собирал вырезки из газет со статьями о В. В. Верещагине для подготовлявшегося им «Словаря русских художников», который вышел только тремя томами: т. I (буква А, СПБ, 1893), т. II (буквы И, І, СПБ, 1895) и т. III (буква П, СПБ, 1899).

Собранные Н. П. Собко остальные обширные материалы для «Словаря русских художников», в том числе и по Верещагину, остались неопубликованными. Они хранятся в рукописном отделе Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

312

К письму 20 декабря 1881 г./1 января 1882 г.

[1] Письмо вместо 20 декабря ошибочно датировано Верещагиным 19 декабря.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 1 января 1882 г. и Петербург, 24 декабря 1881 г.

На конверте пометка В. В. Стасова: «19 дек[абря] 1881/1 января [18]82». Стасов повторил ошибочную датировку Верещагина.

[2] Газета «Пари» отнеслась весьма тенденциозно и резко отрицательно к картинам Верещагина, находя отдельные из них («Апофеоз войны») «скучными» и «банальными» по сюжету, другие — слабыми по колориту и рисунку. «Может быть, — писала газета, — этот художник и в самом деле великий живописец у себя в России, русский Мейссонье, но наш Мейссонье все-таки останется для нас художником без сравнения». По явно фальшивому мнению газеты, картины Верещагина «никогда не в состоянии понравиться французской публике».

[3] Газета «Пресс» заняла более справедливую и объективную позицию, отдавая должное искусству Верещагина. По адресу немногих нападающих на художника эта газета говорила, что они «богохульствуют против созданий грандиозных».

[4] «Тан» писала: «Верещагин теперь стал парижской знаменитостью; у него на выставке такая давка, какой не бывает на бирже в самые капитальные финансовые дни».

[5] Детайль Эдуард (1848—1912) — французский живописец-баталист: Детайль был по духу своего творчества официальным живописцем французского государства, зараженным национализмом. Его картины, однако, не были лишены внешнего мастерства в передаче военных эпизодов, выразительности и правдоподобности в изображении деталей.

[6] Вероятно, Ковалевский Павел Осипович — художник, профессор батальной живописи Академии художеств.

[7] Де Цион; приставка «де» перед фамилией у французов означает принадлежность к дворянству.

[8] Французский орден Почетного легиона.

[9] «Таймс» и «Пэль Мэль газет» — английские газеты.

«Таймс» давала творчеству Верещагина высокую оценку, а его самого называла значительнейшим и даже гениальным художником современности.

«Пэль Мэль газет» сообщала восторженный отзыв о Верещагине и его картинах, говоря, что по правдивости он не уступает Гогарту, а оригинальность его несравненна, что его картины — сенсационное событие в художественной жизни и проч.

[10] В венском Ринг-театре 26 ноября/8 декабря 1881 г. был пожар, при котором, вследствие беспечности пожарной охраны сгорело более 900 человек.

[11] Позднее, 5/17 января 1882 г., Верещагин писал о своем пожертвовании П. Ф. Исееву:

«Многоуважаемый Петр Федорович,

Я послал Д. В. Григоровичу картину с просьбою продать ее *в пользу венских погорельцев.* Я ценю эту картину в 5000 р., если Вы найдете покупателя приблизительно в эту цену, то я уполномочил бы Вас сказать Д[имитрию] В[асильевичу], что аукциона делать нет надобности и картину можно передать Вам — сообщаю Вам *между нами* и прошу Вас верить моему уважению. В. Верещагин» (Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР имени В. И. Ленина).

313

К письму 20 декабря 1881 г./1 января 1882 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 2 января 1882 г. и Петербург, 26 декабря 1881 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: *«20 дек[абря 18]81. №№ фотографий для снятия. Цион».*

[2] Имеется в виду предполагавшаяся статья Стасова о Третьяковской галлерее.

[3] Неронов Федор Петрович — чиновник; вице-директор департамента общих дел министерства путей сообщения; замещал В. М. Жемчужникова в должности директора департамента.

314

К письму 24 декабря 1881 г./5 января 1882 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 5 января 1882 г. и Петербург, 28 декабря 1881 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «24 дек[абря 18]81. Парижск[ая] выставка».

[2] Французское телеграфное агентство Гаваса.

[3] Новый список этюдов для снятия фотографий.

[4] Снимки с индийских этюдов нужны были Верещагину для издававшейся в Лейпциге на немецком языке книжки «Reiseskizzen aus Indien. Von Herrn und Frau Wereschagin. Band I — Ost-Himalaya, Leipzig, 1882.

В том же году книжка была издана в Париже на французском языке: «Esquisses de voyage dans les Indes par M. et M[me] Vereschagine», I-re partie, L'Hymalaya orientale, Paris, 1882.

На русском языке книжка появилась позднее: «Очерки путешествия г-на и г-жи Верещагиных. Часть I. Сикким» (СПБ, 1883). Часть II. Кашмир — Ладак (СПБ, 1884). Обе части отпечатаны в типографии М. М. Стасюлевича.

315

К письму 24 декабря 1881 г./5 января 1882 г.

[1] На автографе надпись В. В. Стасова: «24 дек[абря] 1881».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 5 января 1882 г. и Петербург, 28 декабря 1881 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «24 дек[абря] 1881. Цион».

К письму 25 декабря 1881 г./6 января 1882 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: [Париж?], 6 января 1882 г. и Петербург, 30 декабря 1881 г.

[2] Речь идет о выступлении против Верещагина газеты «Новое время» («Маленький фельетон. Верещагинская выставка в Париже», 1881, 19 декабря, № 2088, без подписи). Окончательно скатившееся в болото крайней политической реакции, «Новое время» прибегало ко всяческой, иногда открытой, а часто завуалированной дискредитации передовых деятелей русской культуры, в том числе И. Е. Репина, В. В. Стасова, М. М. Антокольского, М. П. Мусоргского, В. В. Верещагина и др. Не имея возможности хоть как-нибудь принизить и развенчать в глазах русского общественного мнения Верещагина, эта газета прибегала к самым грязным методам бульварной печати: она, с одной стороны, создавала клеветнические версии о мнимом «неуспехе» верещагинской выставки в Париже (а ведь Париж для «Нового времени» — безапелляционный судья художественных ценностей!), а с другой стороны, раздувала сенсационные сплетни о Верещагине. При этом «Новое время» рядится в одежду беспристрастного свидетеля, который приводит только чужое мнение и услышанные факты. Необходимо иметь в виду, что, несмотря на всю явно клеветническую сущность «Маленького фельетона», он сыграл свою отвратительную роль, дезориентировал и вводил в заблуждение общественное мнение и отравлял ядом клеветы многие головы.

Стасов не оставил без ответа новую клевету «Нового времени». На следующий же день, в упоминавшемся уже (в связи с инцидентом Циона) его письме в редакцию газеты «Порядок» (1881, 20 декабря, № 350) Стасов писал:

«Позвольте мне, при этом случае, сказать несколько слов по поводу сообщенных в нашей печати странных сведений о результатах происходящей теперь в Париже Верещагинской выставки. Наша публика может, конечно, притти в совершенное недоумение: как это так недавно она читала во всех газетах телеграммы об открытии этой выставки и о том, что публика валит туда толпой, и вдруг — сообщение из некоторых парижских газет, что Верещагина в Париже как будто теперь не признают, что художественное достоинство его было преувеличено в Вене, что ему советуют поучиться у французских художников и т. д. Но это недоумение, я надеюсь, уменьшится, когда я напомню, что теперь выставлена в Париже вовсе не вся коллекция Верещагина, а всего только три *новые, последние* картины нашего художника. Про Верещагина парижские художники произнесли свое мнение уже давно, более полутора года тому назад, в начале 1880 года, когда в Париже происходила большая выставка Верещагинских картин и этюдов, индийских и болгарских. Тогда были напечатаны в русских, газетах извлечения из массы французских статей, где про Верещагина писано было почти то же, что теперь, недавно, в Вене. К этому надобно прибавить другую массу подобных же статей — английских (тоже переданных в русской печати), напечатанных в лондонских газетах, по поводу прошлогодней Верещагинской выставки. Все это, каким-то чудом, перезабыли те наши газеты, которые отличались и отличаются особыми симпатиями к Верещагину и прекрасным художественным пониманием. Итак, в Париже теперь дело идет всего только о трех новых картинах Верещагина. В Вене они были объявлены самыми капитальными — каким же образом «некоторые» газеты нашли именно их такими слабыми и неважными? Это целая история, которую я надеюсь подробно разъяснить в самом непродолжитель-

ном времени, как только получу некоторые, мне еще недостающие парижские статьи о Верещагинской выставке, в дополнение к имеющимся уже в моих руках. История будет, надеюсь, курьезная. Я представлю в одном своде все, что теперь говорится в Париже за и против Верещагина, и покажу мерилы того и другого. Одним из таковых явится, между прочим, ненависть многих газет к газете «Gaulois», в залах которой, к сожалению, помещена выставка. Но толпа народа ежедневно все-таки громадна там».

Для своего выступления против Верещагина в «Маленьком фельетоне» Суворин воспользовался статьей парижской газеты «Телеграф», которую Верещагин и прислал Стасову при настоящем письме.

Хотя в этом же письме Верещагин предлагал подождать отвечать Суворину до выставки в Берлине, т. е. до конца января 1882 г., Стасов не стал долго ждать и опубликовал статью «Парижская выставка Верещагина» («Голос», 1882, 11 января, № 6; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 559—562), в первой части которой продолжал разоблачать клевету «Нового времени» против Верещагина. Стасов писал в этой статье:

«В № 350-м газеты «Порядок» от 20 декабря 1881 года я заявил, что наведу в Париже справки по поводу более чем подозрительного известия ретроградной нашей печати, будто Верещагин не имел, со своею выставкою, успеха в Париже и подвергся все только одним почти порицательным отзывам французской печати.

Меня предупредили сами иностранные газеты. «Indépendance Belge» в нумере от 8 января напечатала следующее:

«Верещагин был отлично принят парижскою публикою, что не помешало некоторым петербургским газетам напечатать, *вопреки всякой истине,* будто бы Верещагинская выставка не имела здесь заслуженного успеха. В этом заключается явное заблуждение, я и полагаю, *заблуждение намеренное.* Истинная же правда та, что эти картины произвели огромное впечатление — нет другого выражения. И при этом не только сюжеты, но и способ выполнения их приобрели г. Верещагину сочувственное одобрение художников темперамента самого разнообразного, например, гг. Нёвиля и Каролюса Дюран».

Так вот как! Дело было совсем наоборот против того, что предательски и злорадно распространяла ретроградная печать!

Однако мои справки шли своим чередом, и теперь у меня в руках есть около 20 статей парижских газет про выставку Верещагина. И что же оказывается? Всего три — против Верещагина, остальные все — за него. Неправда ли, как это похоже на уверения ретроградной печати, будто и критики и художники французские нашли только «мистификацию» в венской славе Верещагина? И, что всего превосходнее было в заявлениях нашей ретроградной печати, это — что она знала всего *одну* только статью про Верещагина, именно статью газеты «Télégraphe», и, переведя оттуда отрывки, выдавала их за отрывки из *разных* парижских газет. Не правда ли, какая примерная честность? Как вам нравится это «множественное число» (*они,* газеты; *они,* художники), подстановленное вместо все одной и той же единственной газеты «Télégraphe». Не угодно ли опровергнуть меня? Предваряю, что если понадобится, я напечатаю (в два столбца) французский текст «Télégraphe», и русское оттуда извлечение ретроградной печати. Во всем тут столько честности и правды, сколько в распускаемых недавно ложных слухах и искаженных фактах про Сару Бернар».

«Однако ж я хочу быть милостив и протяну гг. ретроградам руку помощи. Я объявляю им, где были еще напечатаны в Париже две статьи против Верещагина. Это — в новой шовинистской газете «Paris» и в не-

известной мне другой газете (в присланной мне из Парижа вырезке отрезано заглавие, видно только, что редакция помещается Rue Bergère, 20, и лист этот носит № 351). Но что мы находим в них? Последняя основывается на том, что «живопись имеет назначение — нравиться и прельщать, и ее область есть область поэзии», а потому очень «тяжело видеть, как она (у Верещагина) вдается в политику и философию». После такого смехотворного заявления не стоит, конечно, приводить ни одного слова более и остальной статьи. Газета «Paris» исходит из другого принципа: из принципа лжепатриотизма и шовинизма. «Как! французских живописцев ставят ныне ниже какого-то русского! Да разве это возможно? Ни за что! Этому не бывать!»

Далее Стасов приводит цитаты из этой газеты, уже упомянутые в пояснительном тексте к письму от 20 декабря 1881 г./1 января 1882 г.

«Третья газета, «Télégraphe», — продолжает Стасов, — повидимому, хорошо известная нашим ретроградам, есть та самая, которая два года назад нападала на парижскую выставку Верещагина и объявила, мило играя словами, что он — иностранный живописец, а его картины — странная живопись (peintre étranger et peinture étrange) и что, как ни наводили на него лак Жером и французская школа, все-таки он так калмыком и остался». Но тогда «Télégraphe» говорил по крайней мере, что «у Верещагина есть порывы, достойные Курбэ», ныне критик уже отнимает все подобное у Верещагина и только говорит, что он ни рисовать, ни писать не умеет, и только должен учиться и учиться у французов.

Но как два года назад этот жалкий писк никого не остановил и ни на одну иоту не убавил восхищения парижской публики, критики и художников, так точно и ныне не убавились ни громадные толпы народа на Верещагинской выставке в Париже, ни энтузиастические оценки его со стороны критиков и художников. Правда, некоторые газеты решительно не хотели писать про выставку, «чтоб не делать тем рекламы» газете «Gaulois» (в залах которой Верещагина уговорили сделать свою выставку, по удобству и центральности положения, на Boulevard des Italiens), но все-таки число симпатичных или восторженных отзывов о Верещагине было очень значительно».

В остальной части статьи Стасов сообщает благоприятные отзывы газет о выставке Верещагина. Они цитируются в пояснительном тексте к письму от 17/29 января 1882 г.

[3] Не беспокойтесь о мыслях, высказанных глупцами!

[4] По существу.

[5] В газете «Эвенеман» 6 января было опубликовано письмо Верещагина к писательнице Эдмонд Адан о пожертвовании картины.

[6] В газете «Новое время» (1881, 28 декабря, № 2095) в отделе «Хроника» сообщалось: «В непродолжительном времени на постоянной выставке Общества поощрения художников будет выставлена на продажу с публичного торга новая картина известного нашего художника В. В. Верещагина. Сбор с картины предназначается в пользу погоревших в Ринг-театре в Вене. О дне аукциона будет объявлено особо».

[7] Адан Жюльетта (Ламбер, род. 1836) — французская писательница и политический деятель; издательница (с 1879 г.) журнала «Нувель ревю»; бывала в России, содействовала русско-французскому сближению, общалась с Н. В. Стасовой. Автор книг по женскому вопросу, романов и политических статей. Писала и о России («Общество Петербурга» и «Святая Русь» — на французском языке).

Редакция журнала «Нувель ревю» была инициатором сбора в пользу венских погорельцев.

В парижских газетах было опубликовано следующее письмо г. Ве-

рещагина к Эдмонд Адан: «Будьте любезны принять на себя посредничество в передаче от меня в виде приношения одной из моих картин, которую я намерен продать в пользу пострадавших от катастрофы в Ринг-театре. Я желал бы этим засвидетельствовать венцам, как признателен я за прием, более чем симпатичный, какой мне был оказан с их стороны» («Новое время», 1881, 29 декабря, № 2096).

317

К письму 29 декабря 1881 г./10 января 1882 г.

[1] На автографе надпись В. В. Стасова: «Париж, декабрь (конец) 1882». Год «1882» указан Стасовым ошибочно, следовало написать «1881».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 10 января 1882 г. и Петербург, 2 января 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «Конец декабря 1881. Невиль. Детайль. Мейссонье. Жером и пр. Невиль только *начинал* работать во время туркестанских картин В[асилия] В[асильевича]».

[2] Верещагин возмущается упоминавшимся уже выступлением Суворина против него в «Маленьком фельетоне» («Новое время», 1881, 19 декабря, № 2088).

318

К письму 31 декабря 1881 г./12 января 1882 г.

[1] На автографе надпись В. В. Стасова: «Получено 4 янв[аря] 1882».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 12 января 1882 г. и Петербург, 4 января 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «Отсутствие «composition» в картинах В[асилия] В[асильевича]. Что такое *«композиция!»* Брюсс[ельская] выставка».

[2] Композиции.

[3] Т. е. чтобы не делать рекламы редакции парижской газеты «Голуа», в залах которой была выставка картин Верещагина.

Редакция газеты «Голуа», со своей стороны, после инцидента с Ционом устраивала затруднения Верещагину.

См. заметку в газете «Порядок» (1882, 3 января, № 2).

1 8 8 2

319

К письму 2/14 января 1882 г.

[1] На автографе год «1882» проставлен В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 14 января 1882 г. и Петербург, 6 января 1882 г.

На конверте пометка В. В. Стасова: «2 янв[аря 18]82».

[2] «Раппель».

[3] Прот Марио (1832—1891) — литератор, художественный критик, редактор журнала «Раппель», сотрудник многих французских газет. Редактор журнала «Шаривари».

320

К письму 2/14 января 1882 г.

[1] На автографе пометка В. В. Стасова: «Париж».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 15 января 1882 г. и Петербург, 7 января 1882 г.

На конверте пометка В. В. Стасова: «2/14 янв[аря 18]82».

321

К письму 4/16 января 1882 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 16 января 1882 г. и Петербург, 8 января 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «*Индия*. Первая вещь по возвращ[ении] в Европу — снега».

[2] Речь опять идет об упоминавшейся уже статье «Нового времени» против Верещагина — «Маленький фельетон» (1881, 19 декабря, № 2088).

[3] Малый комитет, т. е. кружок враждебных Верещагину парижских газетчиков из состава редакций «Телеграфа» и «Пари».

322

К письму 5/17 января 1882 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 18 января 1882 г. и Петербург, 10 января 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «В морду «плюнуть». 5 янв[аря 18]82».

[2] Речь идет о брошюре И. Ф. Циона: «La guerre à Dieu et la mora-

le laïque. Reponse à m. Paul Bert * par E. de Cyon», Paris, Aux bureaux du journal le Gaulois, 1881, 31 p. (Война богу и светская мораль. Ответ И. де Циона г. Полю Бер. Париж, в бюро газеты Голуа, 1881. 31 стр.).

[3] В расположение, в благосклонность.

[4] Сеченов Иван Михайлович (1829—1905) — знаменитый ученый-материалист, основатель школы русских физиологов. В знак протеста против неутверждения профессором Мечникова ушел из Медико-хирургической академии, после чего был профессором Одесского, Петербургского и Московского университетов.

Труды Сеченова: «Рефлексы головного мозга» (1863), «Физиологические очерки» (1884) и «Физиология нервных центров» (1891) — сыграли огромную роль в развитии физиологии, в утверждении материалистического мировоззрения, в популяризации науки.

Имя Сеченова товарищ Сталин назвал в числе имен лучших представителей русской нации.

323

К письму 12/24 января 1882 г.

[1] Письмо ошибочно датировано Верещагиным 24/22 января.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Берлин, 25 января 1882 г. и Петербург, 12 января 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: *«24 янв[аря 18]82.* Музыка для выставки».

[2] Речь идет о картине Верещагина «Дервиши», пожертвованной им в пользу погорельцев Вены.

324

К письму 17/29 января 1882 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Берлин, 21 января 1882 г. и Петербург, 17 января 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: *«17 янв[аря 18]82.* Цены картин».

[2] «Пленные» — картина В. В. Верещагина. Была послана В. В. Верещагиным в марте 1879 г. из Парижа в Петербург как образец произведений Верещагина на темы из русско-турецкой войны (см. письма Верещагина Стасову от 4/16 и 10/22 марта 1879 г.).

[3] Картину «Дервиши».

[4] На автографе В. В. Стасов пометил: «в «Голосе». Верещагин пишет о статье В. В. Стасова «Парижская выставка Верещагина» («Голос», 1882, 11 января, № 6; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 561—562).

Первая половина статьи уже процитирована в пояснительном тексте к письму от 25 декабря 1881 г./6 января 1882 г. В остальной части ее Стасов передает благоприятные отзывы газет о Верещагине и его выставке: «Газета «Presse» рассказывает, среди бесконечных похвал, — пишет Стасов, — что Мейссонье много часов провел в глубоком молчании перед картинами Верещагина (recueilli), изучая их, и что те немногие, которые нападают на русского художника, — «богохульствуют» (blasphêment) против созданий грандиозных.

---

* Бер Поль (1833—1886) — французский ученый и буржуазный политический деятель, приверженец Гамбетты, министр просвещения (1881—1882), боролся с влиянием духовенства в школах. — *Ред.*

Газета «Temps» говорит, что Верещагин стал теперь знаменитостью парижскою, что у него на выставке такая давка, какой не бывает на бирже в самые капитальные финансовые дни, и что нечему тут удивляться, когда в Верещагине встречается такое соединение громадного таланта и могучего духа.

Газета «Illustration» рассказывает про восторг Жерома перед картинами Верещагина и прибавляет от себя, что Верещагин — художник могучий, с высоким значением. Заметим, что выше знаменитых Невиля и Детайля французские критики, например, в газете «l'Artiste» считали Верещагина еще в 1880 году, во время парижской его выставки.

Пропускаю множество подобных же отзывов в газетах «l'Artiste», «Paris-artiste», «Clairon», «Revue littéraire et artistique», «Figaro», «Gaulois» и проч. и укажу на корреспонденции из Парижа, помещенные в английских и немецких газетах. Берлинская «Tribune» напечатала, что на картины Верещагина нельзя довольно насмотреться — так они поразительны и такая в них изумительная техника. Лондонская «Pall-Mall Gazette» говорит, что Верещагинская выставка — «великая художественная сенсация Парижа в настоящую минуту» и что русский художник «смотрит, как Гамлет, на постыдные вещи, держащие мир в плену; он глядит на них с горестью, иронией и воспроизводит их потом на холсте с неподражаемою правдой и достоинством. Его манера в высшей степени своеобразная и не условная».

«Times» (26 декабря) называет Верещагина гениальным живописцем и значительнейшим современным художником.

Одна из приведенных выше французских газет прибавляет, что «против Верещагина могут быть только те, кто любит одну правильность и условность и кто враг правды и природы».

Не правда ли, как все это похоже на то, в чем нас хотели уверить милые, глубокознающие и доброжелательные петербургские ретрограды?

Верещагин так мало имеет успеха на Западе, что его засыпали предложениями из Гамбурга, Брюсселя, Праги, Львова, Лондона и других городов выставить там свои картины. Вот-то ретроградам!»

Стасов послал эту статью Репину. В письме от 20 января 1882 г. художник отвечал ему: «Спасибо Вам за последнюю Вашу статью об успехе Верещагина в Париже. Ведь в самом деле все поголовно и здесь думали благодаря этим шавканьям дворняжек, что Верещагин не имеет там успеха. Особенно протухлым на капусте московским самобытникам это приятно было повторять, как будто им что-нибудь прибыло от его неуспеха, точно они именно в этот момент успели в чем-то необыкновенно» («И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка», [т.] II, 1877—1894, М.—Л., 1949, стр. 73).

325

К письму 1/13 февраля 1882 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Берлин, 13 февраля 1882 г. и Петербург, 1 февраля 1882 г.

На конверте пометка В. В. Стасова: *«1 февр[аля 18]82.* Симпатии в Берлине. Портрет В[асилия] В[асильевича]».

[2] Открытие выставки картин Верещагина в Берлине состоялось 24 января/5 февраля 1882 г.

«Берлинер Цейтунг», сообщая 10 февраля 1882 г. об открытии выставки Верещагина в театре Кролля, писала, что возник огромный интерес к тому, как русский художник, кистью и палитрой, ведет войну

против ужасов войны и деяний деспотизма. Никто еще не дал такой услуги культуре и свободе своим гением.

Вскоре после открытия выставки петербургская газета «Голос» (*1882, 31 января, № 26*) сообщила своим читателям об огромном успехе картин Верещагина в Берлине.

«*Выставка картин Верещагина в Берлине,* — писал «Голос», — открылась в прошлое воскресенье, 24 января, и с первого же дня толпа народа там огромная, несмотря на то, что выставка помещается в Kroll's Theater, т. е. почти на краю города. Газета «Berliner Presse» говорит, что в первый уже день театр Кролля был наполнен «нескончаемым потоком людей» (ein nichtendenwollender Menschenstróm). К этому газета прибавляет, что наплыв народа на верещагинской выставке в Берлине оказался никак не менее подобного же наплыва в Вене и Париже... Картины размещены в большой зале театра, квадратной, имеющей по 50 шагов длины во все стороны; в другой же, меньшей зале, находящейся ближе ко входу, размещены этнографические коллекции Верещагина (туркестанские, ост-индские и турецко-болгарские); стены увешаны тут драгоценными восточными коврами... Каталогов два: один простой, другой иллюстрированный, по рисункам самого Верещагина (картинки резаны на дереве в Париже Паннемекером)... Выставка постоянно освещается электрическим светом, так как залы, предназначенные для вечерних собраний публики, почти вовсе лишены дневного света. В продолжение всего присутствия публики на выставке из боковой залы слышится хор, исполняющий с аккомпанементом фисгармонии русские музыкальные сочинения религиозного и национального характера... Повидимому, берлинская публика довольна этим нововведением. Вообще же говоря, во множестве берлинских газет высказаны чувства энтузиазма и удивления к таланту и произведениям Верещагина».

[3] «Дейчес Тагеблат» — ретроградная, консервативная газета.

О выступлении против Верещагина газеты «Дейчес Тагеблат» Стасов писал: «Не взирая, однако, на всеобщий энтузиазм и единодушные похвалы, в Берлине появились противники у Верещагина. Их было, конечно, немного, но все-таки они были, и нам нехудо иметь сведения и о них. Что же говорили эти противники? Они говорили почти то же, что говорили против Верещагина кое-какие рутинные, мало рассуждающие люди в Вене и Париже (по счастью, таких людей в этом случае оказывалось немного), и почти то же самое, что говорили и русские печальные рутинеры и ретрограды. У всех у них какое-то семейное сходство, какой-то общий одинакий пошиб недомыслия. Бедность собственных соображений так велика у этих господ, что они даже иной раз просто повторяют друг друга, и «Vossische Zeitung» (одна из крупнейших и лучших берлинских газет) принуждена была уличать ретроградный и консервативный «Deutsches Tageblatt» в том, что он прямо скопировал все свои нападки на Верещагина с венской «Presse».

Но вдобавок к своему копированию «Tageblatt» написал при этом случае и нечто свое: например, что Верещагин — это такой же беспощадный (а значит, и никуда негодный) реалист, как Зола, и что «великий Лессинг», наверно, его не похвалил бы; что Верещагин «хочет помешать искусству быть родным братом религии и утешать человека». «Но мы, немцы, продолжает «Tageblatt», не послушаемся этого нового лжепророка; мы останемся при нашем, при прежнем евангелии искусства, при его главной задаче — воспевать богов и все великое... Г. Верещагин — не настоящий художник. Его картины недолговечны; они пропадут вместе со всяческими панорамами, диорамами и проч. Париж и Вена потому так восхищались ими, что это две развратные столицы, давно потерявшие понятие о настоящей нравственности, о добром и хо-

рошем... Если б понадобился Верещагину герб, мы предложили бы ему нарисовать себе: мертвый череп в кровавом поле... Он только — русско-татарский художник».

Нужно ли говорить, что эту дикую «нравственность» и еще более дикое понимание прочие газеты тотчас же поднимали на зубок и смеялись над ними столько же и в том же приблизительно роде, как у нас, в Петербурге, публика и газеты смеялись над уморительными охранителями истинной исторической «нравственности», поднявшими было свой жалкий писк и вой против Верещагина?

В другой своей статье газета «Tageblatt» уверяла, что, выходя с выставки Верещагина, каждый чувствует, точно счастливо избавился от ссылки в Сибирь...» («Голос», 1882, 21 апреля, № 104; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 566).

326

К письму от 7/19 февраля 1882 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Берлин, 20 февраля 1882 г. и Петербург, 11 февраля 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: *«7 февр*[*аля 18*]*82.* Оценка последних вещей. Крамской. Третьяков».

[2] Вероятно, имеется в виду отзыв И. Н. Крамского о картинах Верещагина, сообщенный Стасовым в одном из необнаруженных его писем этого времени к Верещагину.

Крамской высоко оценил картину Верещагина «Дервиши». Он писал о ней П. М. Третьякову в начале 1882 г.:

«Многоуважаемый Павел Михайлович!

Я Вам телеграфировал о картине Верещагина, потому что мне казалось необходимым ее удержать, тем более, что она относится к Ташкенту.

Это не более, как этюд двух фигур, но так изумительно написанный, что мне кажется, что он превосходит по технике все, что я у Верещагина видел. Дело было так: Верещагин прислал эту картину, чтобы продать с аукциона, а деньги назначил в помощь погоревшим в Венском театре, как бы в признательность за радушный прием. (Оно немножко бестактно, как Вы видите.) Картина только что приехала, простояла день на выставке. На другой день я пошел ее посмотреть, а вместе взглянуть и на Куинджи, а мне говорят, что картина уже уложена, так как Верещагин утром в тот день потребовал ее телеграммой, но видеть можно, так как ящик открывали для Демидова С.-Донато, который нашел, что день такой темный, что он когда-нибудь заедет посмотреть еще.

Этюд до такой степени поразил меня, что я, нимало не медля, дал Вам знать, думая, что, быть может, успеем еще остановить картину, чтобы и Вы могли посмотреть, но, разумеется, картина уехала, даже в тот же день. Что случилось, почему Верещагин потребовал картину, — не знаю. А жаль! Очень уж хорошо. Извините великодушно за медленность ответа, но я не был в Петербурге, а на Сиверской...» («И. Н. Крамской. Письма. 1876—1887», т. II, [Л.], 1937, стр. 221—222).

[3] Стасов 11 февраля 1882 г., т. е. в день получения этого письма Верещагина, написал о нем П. М. Третьякову: «Многоуважаемый Павел Михайлович! В. В. Верещагин пишет мне (в числе многих любопытных

вещей), что никак не считает новых «Дервишей» одною из очень сильных своих вещей, не то что уже всего лучше написанною. Он говорит: «Хоть бы та картинка, что я подарил наследной принцессе, по словам берлинцев, лучшая вещь из всего выставленного». В другом месте, в ответ на мои слова, зачем он не Вам (т. е. национальной русской коллекции) отдает хорошие или лучшие свои вещи, он говорит также: «П. М. Третьякову легко было бы узнать, *что у меня есть* нового и хорошего. Для него моя дверь открыта (...), и все-таки он не заглянул в нее. В Вене он тоже не был... Мой «Кремль» тоже уже подарен, и второй этюд подарю. Еще одну картинку, что теперь скоро кончу, подарю на днях принцу Уэльскому. Он не хочет без денег, а я не хочу за деньги... Большинство картин распродам в Европе и Америке (если не продам в России)... Прежде всех я желал, чтобы мои картины остались в России...»

Вот самые свежие новости из Берлина, Павел Михайлович.

Конечно, они Вам будут интересны. Черкните, пожалуйста, что они до Вас дошли. А то я ничего так и не буду знать, все равно как про мое длинное и обстоятельное письмо насчет Верещаг[ина] «Дервиши», Шерера и Набгольца и проч., — письмо, пропавшее на жел[езной] дороге или в Москве.

Ваш всегда *В. С[тасов]*».

П. М. Третьяков, также в день получения письма Стасова, 13 февраля 1882 г., отвечал ему:

«Многоуважаемый Владимир Васильевич, только что получил Ваше письмо и, исполняя Ваше желание, извещаю о сем немедленно. В. В. Верещагин несправедливо упрекает, что я не заглянул к нему. До отъезда из Москвы я справлялся, когда будет выставка в Вене, и нарочно замедлил отъездом, чтобы попасть в Вену к открытию ее, но, приехав туда, не нашел выставки, а оставаться там с больной женой, в дурную погоду, невозможно было; я должен был спешить в теплый климат; поехать на выставку из Сицилии и оставить там жену одну тоже невозможно было; на возвратном пути я старался как можно скорее провезти поправившуюся жену в теплых вагонах, никуда не заезжая; да и не мог я знать в Сицилии, где находится В[асилий] В[асильевич] в начале декабря, и, уже возвратясь сюда, узнал об открывшейся выставке в Париже, чего ранее из известий В[асилия] В[асильевича] никак не предполагал. Так как брат мой должен был оставить службу и уехать за границу, то мне и думать нельзя было выехать из России, пока он не вернется. Стало быть, несмотря на пламенное желание видеть берлинскую выставку, для меня это было совершенно невозможно. Жаль, что совсем не придется увидать подаренных вещей. Вот ведь есть какие счастливцы. Вы говорите, что спрашивали В[асилия] В[асильевича], почему он не мне (т. е. национальной русской коллекции) отдает свои лучшие вещи? Но разве я могу все приобрести, что сделает он лучшего? Нужно знать средства человека, иногда и даже часто изменяющиеся, семейное положение, да и мало ли что может надевать узду на наши желания. О «Дервишах» я писал не в Берлин, а в Париж, так как Вы сказали, что В[асилий] В[асильевич] в Париже. Я не говорил, что эта вещь лучше всего написанного, это не мои слова, но Вы знаете, что я поражен был солнечным светом, разлитым по всей картине, и виртуозностью письма.

Ваш искренно преданный *П. Третьяков*».

(«Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова», М.—Л., 1949, стр. 64—65).

К письму 13/25 февраля 1882 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 25 февраля 1882 г. и Петербург, 17 февраля 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «13 февр[аля 18]82. Цены картин. Оценка их».

[2] О пребывании Верещагина в Берлине Стасов писал в статье «Выставка Верещагина в Берлине» («Голос», 1882, 21 апреля, № 104; см. также Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 564): «В Берлине Верещагин произвел точно такое всеобщее и глубокое впечатление, как пред тем в Вене и Париже, и, как много раз повторяли берлинские газеты, в несколько дней он сделался «львом» и «первым человеком» Берлина. Толпы публики стремились на выставку, а в то же время в аристократических домах и в среде художников поминутно устраивали в честь Верещагина банкеты и вечера, которые, впрочем, по его независимому образу мыслей и некоторой нелюдимости, мало приходились ему по вкусу. «Г. Верещагин расстался с Берлином совершенно оригинально, — писала газета «Gegenwart», — он уехал из Берлина внезапно, больной и усталый, потому что вовсе не по нем были те любезности, которыми принялось осыпать его берлинское общество. Бедный живописец! его до смерти замучили приглашениями и почтениями! Он простодушно воображал себе, что он тут только для выставки своих картин, но оказалось, что его самого собираются сделать выставочным предметом, показываемым по вечерам в наших гостиных, при газовом освещении, при аккомпанементе фортепьяно. Этому сильно пораженному человеку одно только и оставалось: искать спасения в бегстве...»

[3] На автографе у слова «картинку» пометка В. В. Стасова: «Дервиши» (=новая)».

[4] Верещагин упоминает свое письмо Третьякову от 11/23 февраля 1882 г., в котором он писал: «Спешу успокоить Вас, многоуважаемый Павел Михайлович, тем, что никаких особенных бед с картинами, Вам принадлежащими, не случилось. Все, что может быть поцарапано в дороге в Москву (чего, надеюсь, не будет), обязуюсь исправить, заправить и выправить. Если бы что-либо незначительное и осталось, то, с другой стороны, напр[имер], в «Самаркандской тюрьме» я переписал воздух (и Вам придется только тронуть его немного лаком), переписал не потому, чтобы была там порча, а потому, что старую струю воздуха я нашел недостаточно сильною.

Думаю, если успею, тронуть перед отправкою и некоторые другие холсты — чуть-чуть.

Имя Ваше произносится с таким уважением, чуть не благоговением, что Вам смешно сделалось бы, если бы Вы услышали. Картины будут стоять в Берлине до начала нашего апреля.

Если у Вас есть несколько дней свободных, то не грешно приехать посмотреть выставку, порядочно перебудоражившую Берлин. Если скажете, когда приедете, то я приеду туда, ненадолго. Кстати, увидите премилую картинку, которую я подарил здешней наследной принцессе, и еще некоторые, которые, вероятно, в Россию не попадут.

До свидания. Вас уважающий

В. Верещагин.

Картинку за 3000 не отдам, потому что, по моему мнению, она стоит больше — очень сожалею» (Архив Третьяковской галлереи).

[5] В автографе Верещагин написал: «живо-писать».

[6] Обе двери — это, вероятно, туркестанские картины В. В. Вереща-

гина, купленные П. М. Третьяковым в 1874 г.: «Двери Тамерлана» и «У дверей мечети».

[7] Картина В. В. Верещагина «Самаркандский зиндан» куплена Третьяковым в 1874 г.

328

К письму 16/28 февраля 1882 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 1 марта 1882 г. и Петербург, 21 февраля 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «16 февр[аля 18]82. Пич похож на меня. Прощание в Берлине».

[2] Брат художника, А. В. Верещагин, оставшийся в Берлине до конца выставки. Он сообщал В. В. Стасову некоторые подробности о выставке картин В. В. Верещагина в Берлине в письме от 6/18 марта 1882 г.: «Отвечаю Вам непосредственно по получении письма Вашего. В Вене выставка продолжалась 26 дней и было 96 тысяч. Здесь же она уже продолжается 40 дней, и до сих пор было 80 тысяч полных платных билетов; к этому приложите около 5 тысяч билетов так называемых студенческих и общественных (для рабочих обществ), которые продаются за 1/2 цены. Кроме этого, есть еще билеты совершенно бесплатные, но этих так мало, что об них нечего и писать.

Теперь объясню Вам причины, почему у нас здесь меньше народу, чем в Вене: во-первых, в Вене выставка помещалась в центре города, во-вторых, там при самом начале выставки было объявлено, что выставка продолжится самое короткое время; здесь этого мы не могли сделать, так как, кроме 40 дней, что она уже открыта, она еще продолжится один месяц, а потому публика не так торопится; а главная причина та, что Kroll's Theater помещается, как уже я Вам писал, совсем на краю города, и во время плохой погоды могут быть на выставке только те, кто в состоянии взять извозчика; поэтому в дурную погоду у нас экипажей стоит масса, а народу мало. Каталогов продано по сегодняшнее число 26 314 штук; из оного количества 1/3 иллюстрированных в 50 пф[еннигов]. Будь эта выставка в центре города, то количество народа, без сомнения, было бы двойное.

До свидания. Ваш *А. Верещагин.*

Конечно, вы скажете, так на кой же чорт было брать помещение на краю города, а я вам отвечу: попробуйте найти такое помещение в центре, чтобы оно могло вместить одновременно 4 тысячи народу; а ведь по воскресеньям у нас и в этом громадном зале такая давка, что двигаться трудно. Не забудьте то, что выставка открыта всего 6 часов в продолжение дня; в Вене можно было смотреть в продолжение 12 часов, т. е. с 9 до 9. А ведь это опять разница». (Отдел рукописей Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде).

[3] «Я так думаю, что все одна фальшь», — говорит дядя Ерошка в повести Л. Н. Толстого «Казаки» (Толстой Л. Н., Полн. собр. соч., т. VI, М.—Л., 1929, стр. 56).

[4] Пич (Питч) Людвиг (1824—1911) — известный немецкий художественный критик, художник и литограф. Печатал свои статьи в «Фоссише Цейтунг» — одной из самых крупных буржуазных берлинских газет. Пич многократно писал о Верещагине. В журнале «Норд унд зюд» (1833, июнь, стр. 359—375) он опубликовал рецензию на берлинскую выставку, биографию Верещагина и рассказ о посещении мастерской художника в Мезон-Лаффитт.

[5] Верещагин просит Стасова подписаться на журнал «Русская старина» и газету «Голос».

329

К письму 3/15 марта 1882 г.

[1] Конверта к письму нет. Письмо написано в Париже.

[2] «Перед атакой. Под Плевной» (третья Плевна) и «После атаки. Перевязочный пункт под Плевной» (после третьей Плевны) — картины В. В. Верещагина из русско-турецкой войны 1877—1878 гг.; написаны в 1881 г. и в том же году были на выставке Верещагина в Париже. Находятся в Третьяковской галлерее.

[3] Заметки для биографической статьи В. В. Стасова, которую он впоследствии опубликовал в журнале «Вестник изящных искусств» (1883, вып. 1 и 2).

[4] Валадон — служащий фирмы Гупиль.

[5] Стасов упоминал об отзыве газеты «Европа» в своей статье «Выставка Верещагина в Берлине», опубликованной в газете «Голос» (1882, 21 и 28 апреля, № 104 и 111; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., том II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 563—572), и привел выдержку: «Верещагин занимает между живописцами такую же роль, какую историк культуры занимает среди историков, описывающих только политические события. От этого-то он всего чаще и изображает оборотную сторону войны, оставляя в стороне ее блестящую парадную сторону... Будущие эпохи, наверно, будут его ценить еще более, чем современные...» (стб. 571).

[6] Господин Ден — художественный критик немецкой газеты «Европа».

330

К письму 3/15 марта 1882 г.

[1] Письмо датировано Верещагиным ошибочно «4/16 марта 1882».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 15 марта 1882 г. и Петербург, 7 марта 1882 г.

Вследствие этого неправильная дата письма изменена на правильную, соответствующую времени его отсылки.

На конверте пометки В. В. Стасова: *«3 марта [18]82.* Невозможность путеш[ествовать] по России. Намерение путеш[ествовать]».

[2] Об упоминаемом здесь письме Стасова Верещагин 10/22 марта 1882 г. написал также П. М. Третьякову: «Многоуважаемый Павел Михайлович! Пишет мне Стасов — зачем отдаю картины в руки иностранцев и проч. С Ваших как будто бы слов; но надо Вам сказать, что, получивши приглашение прислать для продажи мои картины от торговцев всей Европы (буквально), я не решался еще продавать, так желательно мне оставить картины мои в Вашем, например, или в чьем-либо подобном владении, — видите, как я говорю откровенно. Если Вам «Дервиши» нравятся, пошлите мне за них 10 000 франков; покамест они еще не включены в каталог, я могу ими располагать.

Из Берлина надеюсь картины послать прямо к Вам в Москву — с некоторых индийских этюдов (что были посланы в Париж, 4) делаю картины и их пошлю, может быть, чуть-чуть позже, но надеюсь не опоздать.

Я послал бы их и раньше, как хотел, но нечаянные выставки не дают мне работать.

Черкните относительно «Дервишей» Ваше «да» или «нет» (Архив Третьяковской галлереи).

[3] Вероятно, великий князь Михаил Николаевич (1832—1909) — наместник Кавказа; в войну 1877—1878 гг. главнокомандующий кавказскими войсками. С 1881 г. председатель Государственного совета.

331

К письму 13/25 марта 1882 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Берлин, 25 марта 1882 г. и Петербург, 16 марта 1882.

На конверте пометка В. В. Стасова: «25 марта 1882».

[2] Стасов просил у Верещагина заметки для биографической статьи о нем.

332

К письму 20 марта/1 апреля 1882 г.

[1] Письмо не датировано. На автографе пометка В. В. Стасова: «Берлин, март 1882».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Берлин, 1 апреля 1882 г. и Петербург, 23 марта 1882 г.

На конверте пометка В. В. Стасова: «марта 1882».

[2] Верещагин пишет свои биографические заметки для статьи Стасова о нем.

[3] Паскевич Иван Федорович (1782—1856) — генерал-фельдмаршал, участник многих войн: турецкой, Отечественной 1812 года, персидской, польской, венгерской и крымской.

[4] Хатов Иван Ильич (1785—1875) — генерал-лейтенант, военный писатель. Занимался военно-педагогической работой. С 1834 года был директором Александровского малолетнего кадетского корпуса.

[5] Вероятно, Кокорев Иван Васильевич (р. 1800) — живописец-портретист, учился в Академии художеств с 1809 по 1820 г.

[6] Каменев Валериан Константинович (1823—1874) — академик пейзажной живописи, писал виды Петербурга и его окрестностей. С 1858 по 1864 г. преподавал рисование в Морском кадетском корпусе; с 1869 г. был учителем рисования в Гатчинском институте и в Гатчинской женской гимназии.

[7] Калам Александр (1810—1864) — известный швейцарский пейзажист, изображавший главным образом горные виды Швейцарии; рисовальщик и офортист. Многочисленные офорты Калама, отличавшиеся твердым, правильным рисунком и предельной законченностью, служили учебными пособиями в художественных школах. Его реалистическому, в общем, творчеству присущи элементы романтизма.

[8] Гернер — смотритель рисовальной школы на Бирже Общества поощрения художников.

[9] Львов Федор Федорович (1820—1895) — секретарь Общества поощрения художников (1859—1863), конференц-секретарь Академии художеств (1859—1865) и позже директор московского Строгановского художественно-промышленного училища. Был попечителем рисовальной школы на Бирже.

[10] Моллер Федор Антонович (1812—1875) — живописец, представитель академического направления; профессор Академии художеств; с 1857 по 1860 г. руководил рисовальной школой Общества поощрения художников на Бирже. С 1858 по 1861 г. ведал пенсионерами Общества поощрения художников.

[11] Однако он делает это очень красиво.

[12] Колиньон — директор иностранного Общества железных дорог в России, имевшего концессию на их постройку и эксплоатацию.

В своих неопубликованных заметках на отдельном оттиске статьи Стасова «Василий Васильевич Верещагин» («Вестник изящных искусств», 1883, вып. 1 и 2) художник пишет о визите к Колиньону: «До Львова, которого я долго не решался беспокоить, я ходил к известному железнодорожному деятелю Колиньону (как теперь, его помню) и просил у него занятия по чертежной и рисовальной части; тот, оглядевши меня с ног до головы и пересчитав мои галуны и видимые отличия, сказал, чтобы по выходе из корпуса, т. е. по окончании курса, я пришел к нему — обещал поместить меня у себя и дать рисовать и раскрашивать разные планы и т. п. Только после этого первого шага отец стал меня ценить, увидел, что я с голоду не умру. Брат Николай меньше одобрял перспективу черчения и раскрашивания; и только после многих исканий и, можно сказать, ломаний головы я решился беспокоить Львова, откровенною просьбою совета — только» (Отдел рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде).

[13] Гагарин Григорий Григорьевич, князь (1810—1893) — археолог и художник. С 1859 по 1872 г. вице-президент Академии художеств.

[14] Епанчин Алексей Павлович — контр-адмирал, был директором Морского кадетского корпуса в бытность там В. В. Верещагина. Позднее начальник Морской академии.

[15] Воинов Иван Александрович (1796—1861) — живописец, воспитанник Академии художеств с 1811 по 1812 г.; с 1848 г. — академик. Был с 1817 г. в Академии художеств учителем рисования и с 1848 г. — адъюнкт-профессором.

[16] Басин Петр Васильевич (1793—1877) — живописец религиозной, портретной и исторической живописи, представитель искусства классицизма, пенсионер Академии художеств за границей, с 1830 г. — академик, с 1836 по 1869 г. — профессор Академии художеств. Пользовался известностью за правильный и строгий рисунок, гармоничный колорит. В религиозных композициях (картины для Исаакиевского собора, образ для Казанского собора и др.) сказывается холодная театральность, основанная на внешних достоинствах эклектической живописи.

Небольшая жанровая картина «Чердак с прачками в Академии художеств» и некоторые портреты отличаются большей непосредственностью и правдивостью.

[17] Марков Алексей Тарасович (1802—1878) — живописец исторической и религиозной живописи; воспитанник Академии художеств с 1812 по 1824 г.; с 1836 г. — академик; с 1841 по 1872 г. — профессор Академии.

[18] Уткин Николай Иванович (1780—1863) — выдающийся русский гравер, профессор гравирования в Академии художеств, хранитель гравюр Эрмитажа, автор многих получивших широкую известность гравюр. Произведения Уткина отличаются строгостью и четкостью рисунка, классической ясностью формы, благородством тона.

В. В. Стасов дал характеристику его творчества в статье «Николай Иванович Уткин, его жизнь и произведения. Исследование Д. А. Ровинского, С.-Петербург, 1884», напечатанной в журнале «Художественные новости» (1884, 1 августа, № 15, стр. 391—405; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 792—802). Стасов говорит в этой статье об Уткине: «Он не был одарен высшими художественными дарами: творчеством и самостоятельностью, он совершенно ничего не значит с точки зрения национальности, самобытного почина, он не только не был основателем новой русской граверной школы, но

и в ту, которая уже существовала, не внес никакого нового оригинального элемента... но зато... он обладал чувством красоты, грации, элегантности, тонкости, живописности, и в этом он явился достойным учеником и соперником разных хороших иностранных художников XVIII и XIX веков... Уткин в этом превзошел всех остальных своих товарищей, русских художников александровского времени. Он несравненно выше, талантливее, художественнее и живописнее не только наших граверов, но и всевозможных наших живописцев и скульпторов первой четверти настоящего столетия».

Уткин руководил занятиями В. В. Стасова при изучении гравюрных коллекций Эрмитажа.

Верещагин, поступив в Академию художеств в 1860 году, встретил там Уткина, бывшего уже в возрасте 80 лет, одряхлевшего, и этим объясняется его отрицательное суждение об Уткине.

[19] Почти одинаковые с Верещагиным мысли об Академии художеств высказывал и Стасов в статье «Просветитель по части искусства» («Новости и биржевая газета», 1 издание 1897, 21 и 25 ноября, № 321 и 325; см. также: «Репин И. Е. и Стасов В. В. Переписка», т. III, 1895—1900, М.—Л., 1950, стр. 18—19): «Да, я враг, непризнаватель и преследователь Академии художеств. Но которой? Ведь только той, которая понапрасну хочет вмешиваться всюду и везде, которая желает все направлять, постановлять, обо всем решать, всюду накладывать свою руку, всюду распространять свой вкус и дух. На Академию, как высшее училище, я никогда не нападал с тех пор, как она стала приближаться к давним заветным мечтаниям лучших и интеллигентнейших русских художников...»

Верещагин высказывал свои мысли об Академии также в недатированном письме к конференц-секретарю Академии художеств П. Ф. Исееву, хранящемся в отделе рукописей Гос. библиотеки СССР имени В. И. Ленина. С Исеевым Верещагин встречался во время приезда в Петербург для устройства выставки в начале 1880 г. Датировка письма установлена по следующим признакам: оно имеет обращение, присущее письмам к Исееву, написанным в 1880 году, — «Милостивый государь»; в позднейших письмах форма обращения уже изменена на «Многоуважаемый». В письме от 1 марта 1880 г. Верещагин уже посылает привет супруге Исеева. Повидимому, Верещагин встретился с Исеевым в феврале 1880 г. и, заканчивая устный разговор, пишет ему тогда же:

«Четверг [февраль 1880].

Милостивый государь Петр Федорович.

Я договорю то, что не успел сказать Вам: мне кажется, Вы поторопились дать моим словам не тот смысл: не позволяя себе решать, что *нужно* и что *не нужно,* я полагаю, что Академия не может взять на себя с одинаковым авторитетом учить *сочинять* и *рисовать;* рисованье усваивается преимущественно в стенах Академии, т. е. школы, искусство же сочинения, творчество, преимущественно вне ее, по окончании школы. Рисованье, если оно не задалось в школе, в 9/10 случаев не дается никогда. Творчество же сплошь и рядом проявляется довольно долго спустя по окончании школы. Отсюда — мне кажется — неравенство важности для академий классов рисования и классов сочинения, т. е. обучения творчеству. Мне кажутся неосновательными известные мне случаи приговоров профессоров над учениками по поводу рисованья («бросьте рисовать, займитесь другим, — Вы никогда не выучитесь» и т. д.). Чистым грехом были бы такие решения в деле оценки способности к творчеству.

Что касается лично Якоби, то я думаю, что его влияние скорее благотворно в Совете Академии, в том смысле, что он, вероятно, будит тех, которые засыпают при всяком удобном случае; ничего против него лично не имею, хотя и называю отпетым царедворцем, молодящимся старичком и т. п.

Прошу Вас принять уверения в моем уважении.

В. Верещагин

Надеюсь, Вы не будете на меня в претензии за откровенно высказанное мнение — не стоит говорить иначе, как прямо, без церемонии».

[20] «Избиение женихов Пенелопы возвратившимся Улиссом» было последним классическим сюжетом в живописных работах В. В. Верещагина. Композиция выполнялась в 1862 г. на медаль. За эскиз была присуждена 2-я серебряная медаль. Тогда же Верещагин стал выполнять этот сюжет в виде огромного картона в 5 аршин шириной. Совет Академии объявил ему похвалу, но сам Верещагин был недоволен сюжетом и сжег картон в печке. В этом проявился протест Верещагина против оторванного от жизни, условного академического искусства.

[21] Флаксман Джон (1755—1826) — английский скульптор, работавший в манере античного искусства, автор эскизов к «Илиаде» и «Одиссее».

333

К письму 28 марта/9 апреля 1882 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 9 апреля 1882 г. и Петербург, 1 апреля 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «*9 апр*[*еля 18*]*82*. Мольтке недоволен картиной: *«Плевна»*.

[2] «Забытый» — картина В. В. Верещагина, бывшая в 1874 г. на выставке туркестанских картин в Петербурге. Уничтожена художником во время выставки вследствие нападок на художника за эту картину со стороны высших военных и придворных кругов. Стасов, видимо, советовал Верещагину сделать повторение уничтоженной картины.

Сюжет «Забытый» Верещагин использовал еще раз, написав забытого английского солдата. Картина была выставлена в Лондоне в 1887 г. По поводу этой картины Верещагин сообщал жившей в Лондоне писательнице О. А. Новиковой из Москвы 2/14 января 1900 г.: «У меня есть картина, которую Вы знаете, так как она была уже на выставке в Гровенор-Гальри, — представляющая «забытого» английского солдата в его красной униформе меж кустов в горах, с дерущимися над ним, изза него птицами. Не думаете ли Вы, что это полотно можно было бы выставить? Непременно *одно,* в небольшой высокой комнате (5 метров вышины при 2—3 ширины). («Московские ведомости», 1904, № 249).

[3] Спасович Владимир Данилович (1829—1906) — известный адвокат и писатель по вопросам права. Профессор Петербургского университета.

[4] Мольтке Гельмут, граф (1800—1891) — фельдмаршал, начальник генерального штаба прусской, затем германской армии (1858—1888). Крайний консерватор и милитарист. Ярый выразитель взглядов прусской реакционной военщины, Мольтке не мог одобрить картин Верещагина, несмотря на внешнюю вежливость, проявленную им при посещении выставки верещагинских антимилитаристических картин в Берлине. Прямым следствием посещения Мольтке явилось то, что после него офицеры и солдаты, которым, видимо, был дан секретный приказ, перестали посещать выставку.

[5] Речь идет о картине В. В. Верещагина «Император Александр II под Плевной 30 августа 1877 г.» (1878—1879). Картина представляет па-

смурный день третьего штурма Плевны. Александр II сидит в кресле на вершине холма и смотрит на затянутое дымом от 500 орудий поле битвы. Сзади него стоит группа военных в блестящих мундирах. Штурм Плевны был отбит.

Л. М. Жемчужников в своих воспоминаниях о третьем штурме Плевны пишет: «Неизгладимый позор и грех легли на совесть императора за преступное дозволение штурмовать Плевну в день своих именин. Отбитый штурм кончился кровавым истреблением тысячей храбрецов в то время, когда именинник со своими приближенными опустошал дюжины бутылок шампанского... Факт передан был мне художником В. В. Верещагиным, который изобразил императора наблюдающим за событием. Пирамиду, сложенную из шампанских бутылок, ему пришлось в картине уничтожить» (Л. М. Жемчужников, Мои воспоминания из прошлого, выпуск второй, [Л.], 1927, стр. 117). На картине была надпись «Царские именины», которую после прибытия картины из Парижа в Петербург в 1880 г., на выставку, художника заставили снять. Верещагин посетил еще раз Плевну в октябре 1880 г. По возвращении он написал о своем впечатлении при объезде полей сражения под Плевной в упомянутом уже ранее письме к Третьякову от 5/17 ноября 1880 г.: «...Не могу выразить тяжесть впечатления, выносимого при объезде полей сражения в Болгарии, в особенности холмы, окружающие Плевну, давят воспоминаниями, — это сплошные массы крестов, памятников, еще крестов и крестов без конца. Везде валяются груды осколков гранат, кости солдат, забытые при погребении. Только на одной горе нет ни костей человеческих, ни кусков чугуна, зато там до сих пор валяются пробки и осколки бутылок шампанского — без шуток. Вот факт, который должен обратить на себя, кажется, внимание художника, если он не мебельщик модный, а мало-мальски философ. Незачем кого-либо именно винить, но задуматься есть над чем. Так я и собрал на память с «закусочной» горы несколько пробок и осколков бутылок шампанского, а с Гривицкого редута, рядом, забытые череп и кости солдата да заржавленные куски гранат.

Не взыщите, что высказал мое впечатление — знаю, что рассуждения этого рода «не Вашего романа», — слишком отвлеченны и туманны.

Свидетельствую Вам мое уважение, а также и супруге Вашей» (Архив Третьяковской галлереи).

[6] В тот же день, 28 марта/9 апреля 1882 г., Верещагин написал Третьякову, что он дарит ему часть стоимости «Дервишей»: «Извольте, Павел Михайлович, я подарю Вам часть стоимости моих «Дервишей» и прошу верить, что побуждает меня к этому лишь желание отблагодарить Вас за Ваше любезное одолжение туркестанских картин для выставки. Немного есть также, каюсь в том, и желания приобщить эту характерную картину к ее собратам-туркестанцам.

Брат мой посылает Вам ее на днях. Купили ли Вы... этюд мой «Монастырь Хемис» — это, по мнению моему, один из лучших этюдов моих. Нельзя ли получить от Сергея Михайловича *маленькую повозку* и еще несколько небольших этюдов для выставки? Имеющийся у меня его этюд *«Гробницы святого»* будет скоро отослан ему, ибо скоро окончу картину, что с нее начал. Ваши два этюда *«Красная дверь»* и *«Дворец в Дели»* чуточку задержу, так как замешкался с проклятыми выставками.

Сколько требований было продать Ваши этюды! Сколько просьб со всей Европы присылать картины для продажи, *ввиду большого на них требования,* и сказать Вам затрудняюсь» (Архив Третьяковской галлереи).

Настоящим письмом заканчивается переписка Верещагина с Третьяковым и Стасовым о берлинской выставке картин. 19 апреля выставка закрылась. Вскоре после закрытия Стасов написал о ней уже упоминав-

шуюся ранее статью «Выставка Верещагина в Берлине» («Голос», 1882, 21 и 28 апреля, № 104 и 111; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 563—572). Некоторые выдержки из этой статьи уже были приведены в предыдущем пояснительном тексте. Ниже излагаются еще не упоминавшиеся выдержки из нее, важные для характеристики творчества Верещагина.

«Когда я давал читателям «Голоса» отчет о венской выставке Верещагина, — говорит Стасов, — у меня было под руками около 50 статей венских газет об этой выставке; о берлинской выставке у меня в руках свыше 90 статей берлинских газет. Можно, следовательно, составить себе довольно верное понятие об общем настроении берлинцев по отношению к Верещагину...

В Берлине повторялось то же, что в последние годы бывало в Лондоне, Вене, Париже и даже Петербурге. Верещагин был признан художником, совершенно выходящим из ряда, а его картины — одним из самых необычайных и крупных проявлений художества в нынешнем столетии. Позабыв всякую национальную узкость и лжепатриотизм, немцы не боялись сравнивать русского художника с значительнейшими своими живописцами: Макартом и Менцелем — по краскам и историческому выражению, Гильдебрандтом — по ландшафту, и в то же время с капитальнейшими современными живописцами Запада: Курбэ, Реньо, Мейссонье, Жеромом, Альмой Тадемой, Вирцом, Нёвиллем. Лишь немногие ставили Верещагина наравне с ними; большинство без колебания откровенно сознавалось, что он выше всех их. Техника казалось всем столько же своеобразною и талантливою, сколько блестящею; но еще более поражало содержание картин, и именно картин на сюжеты из болгарской войны. Здесь уже г. Верещагин казался всего более своеобразным и необыкновенным, и берлинцы, можно сказать, в один голос говорили, что Верещагина нельзя сравнивать ни с одним другим художником, изображавшим войны...

...Консерваторы из «Kreuzzeitung» с глубоким негодованием говорили, что никто еще из живописцев не брал таких задач из войны, как Верещагин, и что, кажется, с его стороны уж не слишком ли смело «ставить на одну доску благороднейших победителей древности и нового времени с среднеазиатскими деспотами!» Эта же газета объявляла, что «слабонервным лучше вовсе не ходить на Верещагинскую выставку» и что «жестокое впечатление ее военных картин только что, только что смягчается органом и хором, тихо раздающимися издали».

Газета «Post» провозглашала, что никогда самые ярые французы не накопляли столько ужасов, как Верещагин. Он думает «отуманить» своих зрителей; но надо надеяться, что это ему не удастся, по крайней мере в отношении немцев. Впрочем, авось еще Верещагин одумается и воротится к прежнему, лучшему художественному направлению — ведь он все-таки замечательный талант!

«Fremdenblatt» говорил, что Верещагина только и спасает великий его талант — не то мир с отвращением отвернулся бы от его ужасного антихудожественного направления. Притом же, надо помнить, что «ведь не всегда же и не везде же война так ужасно ведется, как между русскими и турками». Вот как консерваторство и патриотическая благонамеренность отшибают память у иных немцев!

Орган князя Бисмарка — «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», — разумеется, пел в ту же ноту. Он объявлял, что, конечно, у Верещагина «блестящая техника», но и «большой недостаток в эстетике». И откуда этот Верещагин взял себе в голову, что все на свете может быть предметом искусства? И как это можно обходиться в картинах битв без примирительного момента?

Не правда ли, точь-в-точь, наши консерваторы и ретрограды?..»

«Из всех выставок, какие до сих пор бывали у Верещагина в разных краях Европы, берлинская — самая большая и самая полная. Сюда разом вошли все три главные его коллекции: туркестанская, индийская и болгарская. До сих пор они никогда еще не бывали вместе и являлись или каждая по одиночке, или парами. Сверх того, Верещагин не умеет быть праздным и отдыхать: никакие выставки, никакие овации масс, никакие хлопоты, распоряжения для устройства своих выставок то в том, то в этом углу Европы не способны отвлекать его от настоящего дела его жизни — работы, и пока толпы народа с восторгом и энтузиазмом стремятся в залы с его картинами, он принимается за новые работы и не выпускает кисти из рук. Таким-то образом его коллекции никогда не застывают на одном месте: они растут с каждым днем; а так как берлинская выставка была последняя, то поэтому она была и самая обширная. Мало того: когда она началась, ее состав был один, когда она кончилась, состав ее уже был другой — несколько новых картин прибавилось к прежним. И такая изумительная быстрота нисколько не вредила художественному достоинству выполнения. Почти все три новые картины были признаны chefs d'oeuvre'ами виртуозности, новым шагом Верещагина на пути технического развития. В настоящее время есть картин 6—7, которых мы в Петербурге никогда еще не видели, даром что у нас, в короткое время, были целые две крупные Верещагинские выставки. Во-первых, к коллекции картин из турецко-болгарской войны прибавились три новые большие картины со времени прошлогодней петербургской выставки: штурм Плевны, перевязочный пункт и турецкий лазарет. Все три принадлежат, по общему мнению, к числу капитальнейших созданий Верещагина; этого не отрицают даже порицатели, берлинские консерваторы-ретрограды; а они ведь совсем не то, что те русские ретрограды и консерваторы, которые так благонамеренно и премудро нападали на Верещагина: эти русские порицатели отличались полнейшим художественным невежеством, между тем как среди берлинских, напротив, есть люди, хорошо образованные, в том числе даже и художественно. Признание великих достоинств из уст таких противников чего-нибудь да стоит.

Между ними иные признавали, например, что картина «Турецкий лазарет» представляет такой световой эффект, который достоин лучших рембрандтовских картин. Что касается содержания, то, натурально, оно было им противно: еще бы! голая правда, ужасы турецкого варварства и бессердечия, груды живых и полуживых людей, набросанных после сражения, как поленья, в полуразрушенном доме и потом там забытых — еще бы на такие сюжеты не нападали консерваторы, которым прежде всего нужно, чтобы все было шито и крыто, а там хоть трава не расти и весь мир провались! Точно так же, самые закаленные берлинские ретрограды принуждены были признаться, что «Перевязочный пункт» — картина не только поразительная, но и изумительно написанная, невзирая на сотни фигур, в ней представленных.

Но, кроме этих трех новых картин, неизвестных Петербургу, было еще ныне в Берлине и несколько новых картин туркестанских и индийских. К числу туркестанских принадлежала небольшая, но великолепная по разлитому в ней горячему и поразительно правдивому солнечному свету картина, представляющая двух дервишей, встретившихся в пустыне и с большим оживлением о чем-то рассуждающих; к числу индийских принадлежали картины: «Ночь в Гималайских горах», «У гроба святого» и «Два индийские слуги, стоящие перед порталом богатого дворца, в Дели, и держащие под уздцы роскошно убранного коня своего господина». Про первую картину в Берлине писали, что она полна рембрандтовских све-

товых эффектов, другие две принадлежат к наисовершеннейшим, самым блестящим произведениям кисти Верещагина. К несчастью, мы никогда не увидим картину «У гроба святого»: кронпринцесса прусская была так восхищена ею, что Верещагин подарил ей эту великолепную картину; значит, она навсегда останется в Берлине. И, к несчастью, надо сказать, что, вообще, едва ли мы увидим все, что Верещагин теперь пишет и еще впоследствии напишет: он более не намерен продавать свои картины, так что на всех трех последних выставках, венской, парижской и берлинской, в каталогах стояло заявление: «Все эти картины не продаются». Их назначение — объехать главные города Европы. Приглашений для выставки повсюду Верещагину не обобраться. А между тем Германия, можно сказать, наводнена верещагинскими сюжетами: альбомов, фотографий и фотогравюр с его картин распродано в Берлине громадное число («der Verkauf war ein enormer», говорит «Börsencourrier»); конечно, много разослано и по другим городам, а когда произойдут еще выставки в Гамбурге, Бремене, Брюсселе, Праге, Кракове, Львове и т. д., эти города еще более наполнятся верещагинскими рисунками, туркестанскими, индийскими и болгарскими, — разумеется, всего более болгарскими. Повсюду болгарские особенно привлекают симпатии и антипатии, горячие энтузиазмы и фанатические порицания.

Все равно как по поводу венской и парижской выставок я отказываюсь приводить здесь перечень всех тех похвал, которые написаны были в берлинских газетах по поводу Верещагинской выставки и таланта автора: материал слишком огромен. Иные газеты печатали по три, по четыре статьи о выставке. «Vossische Zeitung», одна из самых крупных берлинских газет, напечатала целых шесть больших статей, и притом не чьих-нибудь, а Пича, одного из лучших современных художественных критиков Германии. Во всех этих статьях говорено было с глубокою симпатией про совершенно исключительную натуру Верещагина в ряду остальных европейских художников нашего времени — про изумительную производительность Верещагина, про легкость и быстроту его создавания, про ту громадную впечатлительность натуры, которая необходима для схватывания и передачи такой массы разнороднейших сюжетов, типов, выражений, сцен, настроений, про неслыханную разносторонность таланта, дающую Верещагину возможность бесконечно художественно написать и тончайшие орнаменты капризной, монументальной, волшебной архитектуры древней Индии, и колоссальные пейзажи в Гималайских горах, и малейшие подробности костюма туркестанского монаха и нищего, и широкие картины русских героических боев, и безымянные страдания наших солдат среди болгарских льдов. Приводить здесь даже наималейшую долю того, что говорилось и писалось про Верещагина и его выставку в десятках статей, разумеется, невозможно. Однако я все-таки, для образчика, переведу здесь с немецких оригиналов несколько характернейших строк из целой массы симпатичных и энтузиастных отзывов:

«Volkszeitung» писала:

«Когда наш Менцель увидел работы своего русского товарища, он покачал головой, словно стоял перед какою-то загадкой, и воскликнул: «Вот этот может все!» Каждого посетителя Верещагинской выставки прежде всего поражает универсальность художника. Словно орлиными очами окидывает этот гениальный человек весь мир явлений. Где только природа представляет что-нибудь чудесно-красивое, а человечество и его создания что-нибудь характеристичное, жизнь что-нибудь потрясающее или возвышающее дух, — всюду он брался за свой карандаш или кисть и не боялся никакой технической трудности... Созданное этим художником всего только в течение 40 лет его жизни граничит с невероятным, чудесным, но его бледное лицо высказывает также, что он не играючи до-

бывал свою жатву, а положил туда добрую долю своих жизненных сил... Человечности Верещагин сослужил своими картинами великую службу. Из его картин слышится что-то такое, что неоцененно: горячее, полное чувства человеческое сердце. А сердце всего важнее в жизни и в искусстве. Верещагин беспредельно обогатил и искусство и познание народов, но еще выше всего этого кажется нам его человеколюбие, пославшее его отдать свое всемогущее художественное дарование на службу человечности».

«Deutsches Montagsblatt» говорил:

«Когда глядишь на поразительные Верещагинские картины, невольно приходит в голову: здесь перед нами *высшее*, к чему способно человеческое творчество, — искусство, и *низшее*, до чего способна низойти человеческая душа, — кровавое дело Каина, рядом друг с другом. Предметом искусства является здесь убийство, и заметьте, не простое убийство, но размноженное, стилизованное, разукрашенное идеями и идеалами, окаймленное сияющими почестями — убийство целых масс, война. Но содержанием Верещагинских картин выступает пламенная гневная речь против безумной скотоподобности войны. Конечно, искусство не должно быть школьным учителем, проповедником; но когда оно будит в зрителе такие мысли, которые уносят его далеко за рамки картины, когда оно его возвышает, потрясает посредством трагического элемента, принуждает его, картинами пошлости, постыдности, входить в самого себя — тогда оно совершает лишь то, что составляет его прямую обязанность... Своими то трагическими, то едко-юмористическими картинами из жизни Азии Верещагин оказывает человечеству такую же услугу, какую оказывали, например, юмористы и сатирики XVIII века, выставлявшие своему народу его страсти и странности под видом сцен из далеких чуждых стран...»

Далее Стасов приводит небольшую выдержку из популярного немецкого журнала «Гартенлаубе». Вследствие значительного интереса этой статьи для характеристики настроений средних кругов немецкой публики она излагается здесь нами в более обширных выдержках непосредственно из журнала (T r e s c h e r H e r m a n n, Ein Maler des Krieges *. «Gartenlaube», 1882, № 9, стр. 151—152).

Автор говорит, что еще недавно знаменитый русский художник был почти неизвестен немецкой публике, и только после венской выставки и восхищенных отзывов австрийских газет дошли отзвуки о нем.

«Теперь, — продолжает автор, — Берлин в состоянии сам проверить: он находится перед чем-то невообразимым, удивительным, мощным; перед мастером, который смелостью своей композиции и драматической живостью изображения так же увлекает, как он и захватывает мрачными обвинениями и безжалостной правдой, с которой он передает действительность, иногда потрясающую, иногда отталкивающую. С этим соединяется такая техника, которая с властным мастерством располагает всеми вспомогательными средствами его искусства; здесь смелыми, широкими штрихами кисти набрасывает он на полотне гигантские картины, а там с педантичной тщательностью углубляется в вырисовку деталей. Краска также подвластна художнику для каждой услуги, которой он от нее требует. Воздух и воду, свет и тьму обрабатывает он с одинаковым совершенством. Великолепно задуманные пейзажи расположены рядом с историческими картинами огромной напряженности, характерные портретные этюды — рядом с тонко выполненными жанровыми сценами...» После описания устройства выставки и биографических данных о Верещагине автор статьи переходит к критическому разбору творчества Верещагина: «Он беспощадный реалист, который бесстрашно подходит к действительности и признает для себя только один закон — правду. Но он не из

* Т р е ш е р Г е р м а н, Художник войны. — *Ред.*

наших современных реалистов, которые любят лишь фотографировать и списывать натуру, — наоборот, он ставит свое искусство на службу гражданской идее и «война войне» является лозунгом на его знамени...»

После описания некоторых особенно замечательных туркестанских и индийских картин автор заканчивает свою статью: «Эти примеры при феноменальной разносторонности Верещагина могут быть умножены до бесконечности, и не имеет значения, что в некоторых больших полотнах кое-что исполнено несколько поверхностно, — каждому упреку мы в состоянии противопоставить целый ряд больших успехов, которые свидетельствуют, что наш художник может все».

334

К письму 17/29 апреля 1882 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 29 апреля 1882 г. и Петербург, 21 апреля 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «*17 апр[еля 18]82. Новые* сюжеты вместо военных».

[2] Речь идет о гравюрах с картин Верещагина для статьи Стасова «Василий Васильевич Верещагин», которую он подготовлял для издававшегося с 1883 г. Академией художеств журнала «Вестник изящных искусств», редактором которого был А. И. Сомов.

[3] Имеется в виду I часть книги: «Очерки путешествия в Гималайи г-на и г-жи Верещагиных», изданной на немецком языке(«Reiseskizzen aus Indien. Von Herrn und Frau Wereschagin», Bd I. Ost-Himalaya, Leipzig, 1882).

[4] Стасов получил от А. В. Верещагина письма с биографическими сведениями о В. В. Верещагине. В одном из них, полученном Стасовым 3 мая 1882 из Гамбурга, А. В. Верещагин писал: «Немножко мне не нравится то, Владимир Васильевич, что Вы никогда мне не напишете, что́ Вам кажется неладным в моих письмах; все хвалите и ничего не порицаете; это на Вас не похоже. Вы такой правдивый, открытый. Вы обругайтесь хорошенько, что Вам не по душе; я уверен, что в моих заметках много такого, чего и помещать не следует, не изменивши, и, кроме того, пожалуйста, обратите внимание на время путешествия брата, так как я положительно не знаю, откуда и куда он ездил и в каком именно году.

Относительно нашей татарской крови я, к сожалению, не могу Вам дать положительных сведений. Пока мамаша была жива, не спрашивал ее хорошенько, а теперь не у кого узнать. Слыхал я от нее только, что ее бабушка была некрещеная татарка, что за ней будто бы было дано в приданое много верблюдов с различным имуществом; но это я помню неясно, как будто во сне; прадед мой держал ее взаперти и никому не показывал. Родом она была с Кавказа. Вот все, что я об ней знаю; характеры моих родителей были совершенно противоположны: мамаша была в высшей степени нервная, вспыльчивая, раздражительная и в то же время добрая и богобоязненная. Отец тоже был очень добрый, но только характер имел гораздо спокойнее и тверже. Мне кажется, я могу их определить следующим образом.

Родители мои были типы старых богатых помещиков, добрых, хлебосольных, очень твердых в вере, преданных и любящих свое отечество, сострадательных к бедным и в то же время, по всеобщему тогдашнему барскому обычаю, они не соглашались простить своим крепостным ни копейки от оброка или недоимки. Они, вероятно, это делали не из жад-

ности или скупости, так как этого у них не было в характере, а просто боялись нравственно испортить этим своих крестьян и на будущее время. Относительно участия матери в воспитании В[асилия] В[асильевича] я Вам писал; брата Николая и В[асилия] В[асильевича] она сама кормила и воспитывала до 5 или 6 лет и, по моему мнению, имела громадное влияние на их дальнейшую жизнь. И тот и другой отлично учились и кончили курс первыми учениками; остальные же братья, в том числе и я, имели, что называется, ума помрачение: учились отвратительно, и нас едва-едва не турили из гимназий и корпусов (только уж Вы это не пишите, больно стыдно будет). Насчет взяток, которые брал директор корпуса, тоже не знаю положительно, какой именно директор, — кажется, в Морском корпусе; право, наверное не помню. Может, В[асилий] В[асильевич] знает. Не знаю, ловко ли теперь это писать, предание еще очень свежо, и, может быть, личности живы, до которых это касается.

Название деревни совершенно верно: *Пертовка*.

Прибавьте, пожалуйста, что во время занятий и работ В[асилия] В[асильевича] в Петербурге и в Академии натурщиком стоял не я один, а также иногда и брат мой Михаил; его Вы, кажется, совсем не знаете, он постоянно живет в деревне.

Число посетителей здесь в Гамбурге на нашей выставке постоянно вертится от 1200—1500 в день.

До свидания; пишите, что нужно: готов служить.

[*А. В.*] *Верещагин*.

Портрет Вы, вероятно, получили не от *Епанчинникова*, а от *Епанчина*.

Мой нижайший поклон Прасковье Александровне» (Архив Института русской литературы Академии наук СССР).

335

К письму 18/30 апреля 1882 г.

[1] Письмо не датировано и не имеет конверта. На автографе рукой В. В. Стасова проставлена дата: «30 апр[еля 18]82». Судя по содержанию, письмо должно предшествовать письму Верещагина, датированному 18/30 апреля 1882 г. Поэтому «30 апреля», проставленное в автографе, должно быть нового стиля, и письмо это датируется, так же как и следующее, 18/30 апреля 1882 г.

[2] Статья Верещагина «Рассказ охотника», подготовленная для печати. Была напечатана в упомянутом ниже сборнике Верещагина.

[3] Упоминаемые здесь статьи и воспоминания В. В. Верещагина были изданы двумя книжками: 1) «Очерки, наброски, воспоминания В. В. Верещагина», СПБ, 1883. Содержание: Из рассказов крестьянина-охотника. Из путешествия по Закавказскому краю: I. Религиозное празднество мусульман-шиитов, II. Духоборцы, III. Молокане. Из путешествия по Средней Азии. Дунай. 1877. И. С. Тургенев. 1879—1883. По Сибири. Воспоминания детства. В книге имеется ряд репродукций с рисунков и картин Верещагина (Крестьянин-охотник, М. Д. Скобелев, Скрыдлов, няня Анна, И. С. Тургенев, Политики в опиумной лавочке, Деревня Ходжент, Шпион и др.) и 2) Духоборцы и молокане в Закавказье. Шииты в Карабахе. Батчи и опиумоеды в Средней Азии. Обер-Аммергау в горах Баварии. Рассказы художника В. В. Верещагина. М., 1900.

[4] Мохаррем — первый месяц мусульманского лунного года; первые десять дней его считаются мусульманами святыми.

[5] Обер-Аммергау — местечко в Верхней Баварии, где каждое десяти-

летие местными жителями совершались представления мистерий «страстей господних» в память избавления в 1634 году от чумы. На эти представления собирается много приезжающих отовсюду зрителей.

[6] Повидимому, имеются в виду статьи В. В. Верещагина: «Из путешествия по Закавказскому краю», «Духоборцы» и «Молокане» («С.-Петербургские ведомости», 1867, 17 и 19 августа, №№ 226 и 228).

336

К письму 18/30 апреля 1882 г.

[1] Письмо без конверта. Приложенный к письму конверт [большого формата] имеет почтовые штемпели: Париж, 20 ноября 1881 г. и Петербург, 12 ноября 1881 г. Он, несомненно, относится к письму 7/19 ноября 1881 г., и в нем были отдельно посланы Стасову вырезка и новый каталог с биографией, о котором упоминается в этом письме.

На этом конверте Стасов сделал пометку, относящуюся к письму (от 18/30 апреля 1882 г.), к которому он был неправильно им приложен: *«18 апреля 1882.* Статьи самого В[асилия] В[асильевича] из прежних лет».

[2] Джанкент — древний город в 28 километрах от Казалинска, при впадении Сыр-Дарьи в Аральское море. В 1867 г. В. В. Верещагин обследовал развалины Джанкента и производил там раскопки.

[3] Статьи для сборника «Очерки, наброски, воспоминания В. В. Верещагина», изданного в 1883 г. в Петербурге.

337

К письму 19 апреля/1 мая 1882 г.

[1] На автографе пометка В. В. Стасова: «Париж».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 1 мая 1882 г. и Петербург, 23 апреля 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: *«1 мая [18]82.* Хинина в голове. Беггров. Альбомы. Типы №3».

[2] В тот же день, 19 апреля/1 мая 1882 г., Верещагин писал и Третьякову: «Я так был болен, что как будто из гроба вышел теперь. — Картины туркестанские и этюды индийские Вам посланы. Обратите внимание на то, что тот, кто отпускал туркестанские рисунки, не мало попортил их, выставивши на другой стороне *самих рисунков номера.* Это сделано им так грубо, с таким росчерком, что местами бумага просто продавлена, а точки, которые эта же бойкая рука сочла нужным прибавить к каждому номеру, почти везде продырявили рисунок. Если Вы не будете в состоянии поправить это в Москве, то пошлите мне все эти попорченные рисунки сюда, в Maisons-Laffitte, я отдам хорошему наклейщику, и он исправит, так что ничего не будет видно. Получила царапину картина «Торжество [победителей]», но исправлена; с другой стороны, давнишняя дыра на картине *«Двери Тамерлана»* мною лично заправлена; также переписал воздух в картине *«Самаркандская тюрьма»*, которую рекомендую Вам покрыть легким лаком, т. е. с большим количеством терпентина. Впрочем, если есть какие изьяны, я в первый же приезд в Москву исправлю их. Есть еще несколько туркестанских этюдов у меня, которые не решаюсь заколотить в ящики во избежание шума молотков — голова моя после болезни еще слаба и в тумане.

Некоторые индийские, пожалуйста, оставьте еще на некоторое вре-

мя; снова помешала окончанию начатых с них картин болезнь моя, продолжающаяся вот уже месяц.

Альбом показывал Тургеневу и Claretie; оба они в восторге; прилагаю несколько строк Claretie по этому поводу; Вам они будут, вероятно, интересны, как искреннему любителю искусства.

Уполномачиваете ли Вы меня зака[за]ть новый альбом с Passe-partout для каждого рисунка; тогда рисунки *не будут вовсе дотрагиваться один до другого,* а это желательно, так как, несмотря на всю Вашу осторожность в обращении с альбомом, я заметил положительно большую разницу в силе многих набросков; они стерлись несомненно и скоро совсем пропадут.

Множество моих альбомов раскрадено, пока вещи мои хранились у Беггрова; это я утверждаю положительно. Пишу В. В. Стасову с просьбою направить поиски на чердаки Беггрова. Украдено почти столько же, сколько наклеено в принадлежащем Вам альбоме. Впрочем, у меня есть еще громадный альбом с массою рисунков, начиная с 1853 года; если будете здесь — покажу Вам его» (Архив Третьяковской галлереи).

338

К письму 24 апреля/6 мая 1882 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Гамбург, 7 мая 1882 г. и Петербург, 28 апреля 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: *«24 апр[еля 18]82.* Выставка в Гамбурге».

[2] Стасов обращался к В. В. Верещагину с просьбами написать автобиографические сведения для статьи о нем.

339

К письму 26 апреля/8 мая 1882 г.

[1] На автографе пометка В. В. Стасова: «Гамбург».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Гамбург, 8 мая 1882 г. и Петербург, 29 апреля 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: *«26 апр[еля 18]82.* Поправился после хинина. *Оставляет военные сюжеты.* №3. Брак».

340

К письму 29 апреля/11 мая 1882 г.

[1] Письмо не датировано. На автографе пометка В. В. Стасова: «Париж. Получ[ено] 4 мая 1882».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 11 мая 1882 г. и Петербург, 3 мая 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «Апрель [18]82. Брак. *«Рассказ охотника»* (1865)».

[2] В. В. Верещагина познакомил с И. С. Тургеневым после русско-турецкой войны художник А. П. Боголюбов. Писатель приехал к Верещагину в Мезон-Лаффитт. После того Верещагин был у Тургенева несколько раз. Тургенев писал в 1879 г. в Le XIX siècle о выставке Верещагина, как бы представляя русского художника парижской публике.

Свое знакомство с Тургеневым и встречи с ним Верещагин описал в статье «И. С. Тургенев. 1879—1883» (в книге «Очерки, наброски, воспоминания В. В. Верещагина», СПБ, 1883, стр. 127—141). Там же, на стр. 129, помещена репродукция с портрета И. С. Тургенева.

Весной 1882 г. Верещагин посетил больного писателя.

Верещагин высоко ценил Тургенева. «Образованием своим, — писал он, — Тургенев положительно выше всех писателей-художников. Силою таланта, может быть, уступает некоторым, но полнотою, высотою творчества следует непосредственно за Пушкиным и Л. Толстым».

«...чтобы быть справедливым, надобно сказать, что, как ни глубоки типы в «Записках охотника», все-таки они ниже изумительных гоголевских, зато они живут и действуют разумно... удаются Тургеневу не те или другие излюбленные им типы, а все: и пошлые, и порядочные, и умные, и глупые, и отцы, и дети — все одинаково правдивы и рельефны.

Повторяю, такое полное, высокое творчество, как мне кажется, встретишь не у многих; кроме Пушкина и Льва Толстого, разве еще у Лермонтова, в его прозе...» (стр. 134).

Там же Верещагин с признательностью писал про Тургенева, что он «помогал деньгами многим из молодежи, вынужденной покинуть Россию и проживать в Париже, как выражался один из этих молодых людей, на *нигилячем положении*» (стр. 131).

341

К письму 11/23 мая 1882 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 24 мая 1882 г. и Петербург, 16 мая 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «23 мая [18]82. Портрет от Епанчина 1860 г. *Бурлаки*. Обвинение в тенденции».

[2] Портрет В. В. Верещагина — фотография, снятая в 1860 г. фотографом Шпаковским. Находился у директора Морского кадетского корпуса А. П. Епанчина. Воспроизведен в журнале «Вестник изящных искусств» (1883, вып. 1, стр. 102/103). Верещагин снят в форме кадета.

[3] Н. П. Собко, вероятно, запрашивал Верещагина о статьях в периодических изданиях.

[4] «Юбер Ланд унд Меер» — иллюстрированный журнал на немецком языке, издававшийся в Штутгарте.

Речь идет об одном из предыдущих выпусков этого журнала. В 1882 г. журнал «Юбер Ланд унд Меер» опубликовал два сообщения о выставках Верещагина — венской и берлинской.

О венской выставке журнал писал: «В «Кюнстлерхаузе» в Вене выставка картин русского Верещагина возбуждает одинаковую сенсацию, как «Дама с камелиями» или «Фру-фру» Сары Бернар в Ринг-театре. Наплыв огромен днем, но почти еще больше вечером, когда залы освещаются электричеством. Эти картины в их совокупности следует сравнить с дневником, веденным краской и линией. Сцены из русско-турецкой войны, из похода в Среднюю Азию в известной степени напоминают натурализм Зола. Так художник это увидел, так он это передает, его творческая фантазия ничего не добавляет. Однако все-таки как поэтично может быть впечатление и при такой обработке. Там находятся, *например*, три небольших, повешенных вместе картинки, которые действуют, как стихотворение. На одной мы видим русского часового на снежном поле; на второй мы видим его же до колен засыпан-

ного снегом; на третьей от человека ничего уже не видно, и только штык немного выглядывает. Здесь мы не видим ни одной черты, добавленной сантиментальностью художника, и вследствие этого мы чувствуем себя еще более захваченными. То, что для глаза было бы невыносимо, художник не вызывал из своей памяти. В этом он очень выгодно отличается от Зола» («Über Land und Meer», Bd 47, 1881/1882, № 9, стр. 175).

О берлинской выставке сообщалось: *«Картины русского художника Верещагина* находятся в Берлине на выставке в двух залах предприятия Кролля, в первом — этнографические коллекции и рисунки художника, а во втором, роскошном королевском зале выставлены картины, числом — сто. Среди живых растений, возбуждая внимание, подымаются они с пурпурно-красных драпировок. Так как окна постоянно завешены, картины освещены шестнадцатью электрическими лампами. Скрытый от посетителей хор певцов поет под звуки гармониума торжественные гимны. Художнику потребовался этот хлопотливый аппарат не для его картин, художественное достоинство которых вне сомнения, но потому, что Верещагин, считая себя в известной степени апостолом мира, хочет посредством пения, музыки и живописи убедить широкую публику в том, что война есть гнуснейшее из всего. Для этой цели он изобразил только оборотную сторону русско-турецкой войны, лазареты, поля мертвых тел, грабеж и увеченье павших, страдания раненых и т. п. Он, однако, не подумал, что этими с безжалостным реализмом выполненными картинами он может достичь совсем обратного, а именно — разбудить в безрассудной массе низкие инстинкты. Значительно выше художественно, чем эти ниже любой эстетической точки зрения оцениваемые сцены из музея Гренеля, стоят картины Средней Азии и Индии, на которых Верещагин проявляется превосходным архитектурно-пейзажным мастером, который умеет передавать чары света изумительной виртуозностью цвета краски. Молитва в мечети Великого Могола в Дели и охраняемые двумя воинами двери дворца Тамерлана в Самарканде являются двумя шедеврами, которые стоят всех сцен русско-турецкой войны. Не менее превосходен Верещагин в характеристике человеческих типов. С одинаковой остротой и отделанностью типы всех народностей Азии — киргизов, калмыков, кашгарцев, персов, китайцев, индийцев, татар и т. д. — он умеет схватить в их специфических особенностях» («Über Land und Meer», Bd 47, 1881/1882, № 21, стр. 428).

[5] Стасов, повидимому, просил Н. В. Верещагина сообщить ему биографические материалы для статьи о художнике В. В. Верещагине.

342

К письму 25 мая/6 июня 1882 г.

[1] Письмо не датировано. На автографе пометки В. В. Стасова: «Париж. Май. 1882».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 6 июня 1882 г. и Петербург, 29 мая 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «Биогр[афия], май 1882».

[2] К биографической статье В. В. Стасова «Василий Васильевич Верещагин», где рассказывается, что, несмотря на более грязный рисунок и далекие №№, Верещагин первым перешел в натурный класс, сам художник добавил примечание: «Рисунок, за который я перешел в натурный класс, «Торс Геркулеса», был; я могу сказать, такие старые известные рисовальщики, как Чистяков напр[имер], восхищались им. Брат

Сергей потерял все эти рисунки мои вместе со всеми записными книгами, тетрадями и проч.» (Отдел рукописей *Публичной библиотеки* им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

[3] Верещагин Алексей Васильевич — дядя художника, отставной лейб-гусар, богатый помещик. Портрет его в гусарской форме (рисунок) помещен в книге В. В. Верещагина «Souvenirs. Enfance — Voyages — Guerre». Paris, 1888, стр. 15.

[4] Шамшин Петр Михайлович (1811—1895) — живописец на религиозные и исторические темы, типичный представитель позднего академического искусства. Воспитанник Академии художеств. С 1843 г. — учитель рисования в классах Академии, с 1844 г. — академик, с 1853 г. — профессор, с 1883 г. — ректор Академии по живописи и скульптуре.

[5] Т. е. ушел навсегда из Академии художеств до окончания в ней курса.

В. В. Стасов по поводу уничтожения Верещагиным его картона на классический сюжет — «Избиение женихов Пенелопы», предшествовавшего уходу художника из Академии, — пишет в статье «Василий Васильевич Верещагин» («Вестник изящных искусств», 1883, вып. 1, стр. 106—107): «Конечно, в этой антипатии ко всему «классическому» главную роль играли собственные понятия и настроение Верещагина. Но не забудем также, что протест против «классицизма» в художестве был тогда в воздухе — так сильно развилось тогдашнее юношество под влиянием прогрессивных книг и журналов того времени, русских и переводных, под влиянием бесед и прений, происходивших тогда обо всем и повсюду, под влиянием живого обмена мыслей формировавшегося тогда поколения. Не дальше как через несколько месяцев после расправы Верещагина с его классическим картоном, целая толпа молодых людей, которым Академия предложила «классический сюжет» на 1-ю золотую медаль, отказалась и от сюжета, и от медали, и от возможности ехать на казенный счет за границу; все они вышли из Академии и образовали (1863) художественную «артель». Современниками Верещагина по Академии были в это время: во-первых, эти 14 юношей (Богд. Вениг, Дмитриев-Оренбургский, Литовченко, Песков, Морозов, Корзухин, Крейтан, Шустов, Конст. Маковский, Журавлев, Ник. Петров, Крамской, Лемох, А. Григорьев), а во-вторых, немало выдающихся по даровитости и образованию молодых художников, между которыми довольно упомянуть живописца Шварца».

К процитированному отрывку Верещагин сделал свои примечания, оставшиеся неопубликованными: «Об этом протесте я и не слышал до того, что он разразился» и далее: «Все эти господа были много старше меня, лет на 10»; «Шварц прямо был товарищ» (Отдел рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

В юбилейном издании Академии художеств (К о н д а к о в Н. С., Список русских художников — к Юбилейному справочнику императорской Академии художеств, [СПБ, 1914], стр. 36) сообщается, что Верещагин в 1863 г. вышел из Академии вместе с другими 13 учениками, «образовавшими художественную артель». Это сообщение вводит в заблуждение — Верещагин вышел из Академии, хотя и по аналогичным с протестантами побуждениям (протест против условности и отрыва от жизни академического искусства), но не вместе с ними, а самостоятельно, на полгода ранее и в «художественной артели» не участвовал. Так же неправильно сообщается в этом издании, что Верещагин стал учеником Академии художеств с 1861 г. В действительности он поступил в Академию в 1860 г. — по окончании Морского кадетского корпуса.

343

К письму 2/14 июня 1882 г.

[1] Письмо не датировано. На автографе пометка В. В. Стасова: «Июнь 1882».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 14 июня 1882 г. и Петербург, 6 июня 1882 г.

На конверте пометка В. В. Стасова: «Июнь [18]82».

[2] Несомненно, что Верещагин пишет о каталоге своей выставки картин в Берлине («Katalog der Gemälde und Zeichnungen von W. Wereschagin», Berlin, 1882. 23 стр. с илл. Предисл. Р. Ф. Гемпеля). В каталоге было напечатано, что картины не подлежат продаже и что индийская и туркестанская серии принадлежат Третьякову в Москве.

344

К письму 7/19 июня 1882 г.

[1] Письмо не датировано. На автографе пометка В. В. Стасова: «Получено из Парижа 11 июня 1882».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 19 июня 1882 г. и Петербург, 11 июня 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: *«11 июня [18]82.* Русские альбомы. Типы там. Вещи у Гейнса».

345

К письму 17/29 июня 1882 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 30 июня 1882 г. и Петербург, 22 июня 1882 г.

На конверте пометка В. В. Стасова: «№№ у Третьякова для альбома».

[2] После получения настоящего письма Стасов написал 27 июня 1882 г. П. М. Третьякову: «Я получил письмо от В. В. Верещагина, который снова поручает мне просить Вас о снимке для него из Вашей коллекции фотографий с его некоторых картин. Вы уже давно дали на то позволение, но дело останавливалось за тем, что *зимой* Шерер и Набгольц отказывались снимать. Теперь лето, хорошая погода, значит, время самое удобное». Далее Стасов перечисляет номера картин из письма Верещагина, а затем продолжает: «Я сегодня же пишу Шереру и Набгольцу, чтобы они условились с Вами, когда именно Вы им дозволите явиться к Вам с аппаратами, и мне остается только просить Вас (после данного уже Вами согласия), чтобы Вы не отказались поруководствовать фотографов, что снимать в формат «carte-album» и что в формат «визитной карточки», так как Верещагин просит: «Этюды маленькие и меньшей важности снимать в этом последнем виде». Но кто же лучше Вас может тут посоветовать фотографу?» («Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова», М.—Л., 1949, стр. 68).

Верещагин со своей стороны предупредил 24 июня/6 июля 1882 г. Третьякова о поручении Стасову сделать снимки с индийских этюдов и просил оказать содействие фотографу.

346

К письму 8/20 июля 1882 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 21 июля 1882 г. и Петербург, 13 июля 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: *«8 июля [18]82.* Страх смерти. Невозможность путешествовать по России».

[2] В 1882 г. в Москве была открыта Всероссийская промышленная художественная выставка и несколько других выставок, которые Стасов посетил в июне этого года.

По возвращении он опубликовал статью «На выставках в Москве» («Голос», 1882, 30 июня, № 174). В этой статье он с радостью отметил присутствие на выставке большого количества простого народа, которого раньше на выставках не бывало. Он пишет:

«...что мне казалось великолепным и восхитительным на московской выставке, это начинающееся участие и присутствие народа. Прежде публика таких выставок состояла только из нескольких слоев общества и кончалась разве только мещанами и мелкими торговцами. Нынче — какая разница! Пойдите по московской выставке, не только в воскресенье и праздник, когда там бывает до 30 000 народа, но даже и на неделе: вы увидите такую разнообразную, такую многосоставную массу русского люда, какой, бывало, прежде никогда там и не встретишь. На выставку нынче ходит сам народ — мужики, бабы, солдаты, фабричные — массами, и приходят почти всегда на целый день, с узелками и провизией, с детьми, даже грудными. Это мне напомнило то, что я, бывало, прежде видал на больших выставках в Париже и Лондоне и чего не воображал увидеть у нас на своем еще веку. А вот случилось. Время пришло — другое время, новая полоса, видно, наступает. И народ этот не ходит уже более, как в прежние времена: немногие отдельные единицы из его среды идут тихо, молча и боязненно, почтительно уступая дорогу «барам», в немоте рассматривая ту или другую картину, останавливаясь без единого слова друг с дружкой перед тою или другою витриною, столом, группой, предметом. Нет, нынче иначе: народ и сам ходит группами, маленькими обществами — как прежде, бывало, одни «баре» — и тут есть всегда не один, а несколько грамотных, бойко читающих по каталогу, пока все слушают (заметьте — по каталогу; когда же в прежние годы «простой народ» покупал и читал какие-то каталоги выставок?); группы оживлены, группы разговаривают громко и смело, кто смеется и радуется, кто хвалит, а кто и хулит, не обращая никакого внимания на то, ходят ли кругом них другие и слушают или нет их разговоры, их толки и споры, их похвалы и осуждения. Кто бы это подумал несколько месяцев назад: на московской выставке, в воскресенье или праздник, встретишь множество — знаете даже кого? — лапотников, которые приплелись из каких-то подмосковных мест и не побоялись заплатить пятиалтынный, чтобы побывать там, где быть им нынче нужно и интересно. Не историческое ли это событие у нас? И ведь говорят эти люди, смотрят, думают и понимать начинают. Это новая волна поднимается и идет. Как хотел бы я прожить еще лет 20, и тогда посмотреть народ на большой какой-нибудь всероссийской выставке. Каков-то он *тогда* будет? Как будет ходить и смотреть, как понимать и говорить? Что ему тогда будет нравиться и чего он будет невыносить и выбрасывать за борт? Да нет, не доживешь!» (Стасов В. В., Собр. соч., т. I, отд. 2, СПБ, 1894, стб. 715—722).

Продолжение редакция газеты «Голос» отказалась печатать, повидимому, из-за демократического направления статьи.

[3] Книжка «Очерки путешествия г-на и г-жи Верещагиных в Гималайи», СПБ, 1883; немецкое и французское издания 1882 г.

[4] Книжка была напечатана, как уже сообщалось, в типографии М. Стасюлевича в Петербурге.

О печатании книжки Верещагина В. В. Стасов писал 19 июля 1882 г. П. С. Стасовой: «А знаете, Верещагин нынче какую штуку затеял? Издательство сочинений по-немецки и по-русски. По-немецки в Лейпциге и уже 1/2 томика прислал мне для образца, я должен написать перевод (присланный ужасен), по-русски, здесь. Я и был в типографии Стасюлевича. Внутри приложено много картинок, гравированных в Париже с рисунков Васюты. Этот первый 1/2 томик — Индия; и потом появятся еще Туркестан, Кавказ и т. д., все с рисунками (Архив Института русской литературы Академии наук СССР).

[5] Шарко Жан-Мартен (1825—1893) — известный французский врач-невропатолог. Большое применение имело водолечение по его системе (души Шарко).

[6] Хотя сам Верещагин и не считал себя участником «крамолы», но несомненно, что с точки зрения существовавшего в России царского режима весь характер его творчества и все личное поведение художника, отказывающегося от общения с членами царской семьи, обращающегося к народным массам и ведущего антивоенную пропаганду посредством доступных для всех, при бесплатном входе, картин, было недопустимым. Недаром отдельные картины художника запрещалось печатать и опубликовывать.

[7] Вторая книжка о поездке в Индию была издана в 1884 г. тоже в типографии М. М. Стасюлевича («Очерки путешествия в Гималайи г-на и г-жи Верещагиных. Часть II. Кашмир-Ладак», СПБ, 1884).

347

К письму 22 июля/3 августа 1882 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 5 августа 1882 г. и Петербург, 28 июля 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «22 июля [18]82. Скобелев. III отделение. Шарко. Моя статья о московской выставке».

[2] После слов «голова его» на автографе находится рисунок головы.

[3] М. Д. Скобелев умер от разрыва сердца в номере московской гостиницы «Дрезден».

[4] Черевин Петр Александрович (1837—1896) — генерал-лейтенант; с 1880 по 1883 г. был товарищем министра внутренних дел; помощник шефа жандармов — начальника III отделения.

[5] Третье отделение — царская охранка.

Презрение Верещагина к генералам, не отказывавшимся от деятельности в царской охранке, вновь свидетельствует о передовых и независимых взглядах художника.

[6] Верещагин имеет в виду редакцию газеты «Голос», напечатавшей первую часть статьи Стасова «На выставках в Москве»; вторую часть, как уже указывалось ранее, редакция печатать отказалась.

[7] Гинцбург Давид Горациевич — ориенталист; сын банкира барона Г. О. Гинцбурга.

Стасов работал над изданием «Еврейский орнамент», опубликованным Д. Г. Гинцбургом в 1905 г. в Берлине.

348

К письму 30 июля/11 августа 1882 г.

[1] Письмо не датировано. На автографе пометка В. В. Стасова: «Июль 1882».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 11 августа 1882 г. и Петербург, 3 августа 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «Июль [18]82. №№ Третьяковской галлереи для фотографий».

[2] Вероятно, это была одна из статей Верещагина, отданная Стасовым в газету «Голос» для опубликования.

349

К письму 30 июля/11 августа 1882 г.

[1] Письмо не датировано. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 11 августа 1882 г. и Петербург, 3 августа 1882 г.

На конверте пометка В. В. Стасова: «Авг[уст 18]82. Вещи у Гейнса».

[2] «Очерки путешествия г-на и г-жи Верещагиных в Гималайи».

[3] «Очерки, наброски, воспоминания В. В. Верещагина».

[4] Верещагин собирался уехать в Индию, для того чтобы пополнить на месте новыми этюдами свои индийские работы и для того чтобы отдохнуть после устройства выставок и восстановить свои силы. О своем болезненном состоянии он писал 6/18 августа 1882 г. Третьякову: «По немощи телесной кончил только 2 картины с этюдов: *Красные ворота*, Вам принадлежащие, да *белое мраморное окно* Сергея Михайловича. Скоро их пошлю Вам. *Дворец в Дели* начат, но не в силах окончить его теперь, до отъезда в путешествие. Посылать ли мне Вам этот этюд в надежде, что после получу еще на несколько времени, или позволите оставить его у меня в мастерской, до моего возвращения, когда первым делом кончу его?

Красный домик также не окончил; пошлю его тоже скоро.

Альбом в работе, правду сказать, хлопотливый для меня: для дешевизны взял рабочего на дом, и все-таки лист обойдется в 11 франков да завтрак; так что можно считать *13* франков; всего листов *56*, — так вот без переплета уже 728 фр[анков]. Надобно считать всего не меньше *800* франков. Зато, думаю, выйдет образцовый альбом.

Черкните же, пожалуйста, посылать ли Делийский дворец или можно его здесь задержать; он в целости и сохранности» (Архив Третьяковской галлереи).

350

К письму 30 июля/11 августа 1882 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 12 августа 1882 г. и Петербург, 4 августа 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: *«30 июля* [*18*]*82.* Вещи у Гейнса. Камердинер».

351

К письму 2/14 августа 1882 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 14 августа 1882 г. и Петербург, 6 августа 1882 г.

На конверте пометка В. В. Стасова: *«2 авг[уста 18]82».*

[2] На автографе, с правой стороны от текста, рисунок В. В. Верещагина — обрамление для двери в русском стиле.

352

К письму 7/19 августа 1882 г.

[1] Письмо не датировано. На автографе пометки В. В. Стасова: «Париж. Август. 1882».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 19 августа 1882 г. и Петербург, 11 августа 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: « √В Больше не пишет с запоем. Работа идет тихо и вяло. Кремль. Соборы».

[2] Речь идет о картине В. В. Верещагина «Вид на Кремль» с Замоскворечья. Картина была на выставке 1883 г. в Москве (по каталогу № 24). В каталоге имеется контурная репродукция картины с нумерацией кремлевских зданий, но наименования их не приведены.

Стасов писал о картине П. М. Третьякову 4 февраля 1883 г.: «У Вас на выставке будут великолепные новые вещи (о которых Вы уже твердо знаете): *«Вид на Кремль»* Ваш. Не читали ли Вы в «Новом времени» — 2 февраля — выписку из «Pester Lloyd» именно об этом виде? Переведено верно. У меня есть немецкий текст. Алекс[андр] Верещагин пишет мне, что он *«только теперь»* выставил эту картину, за неимением места; что «публика массами стекается и стоит около Кремля непролазной толпой».

Третьяков отвечал Стасову 10 февраля 1883 г.: «Кремль» этот я видел в Париже неоконченным еще. Скажу, *между нами,* — он мне не очень-то понравился. Фотографический вид, в ярких, блестящих, мало знакомых нам, москвичам, красках. А какой чудесный, волшебный бывает наш Кремль! Особенно по осенним вечерам!» («Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова», М. —Л., 1949, стр. 77 и 79).

Картина находится за рубежом.

353

К письму 10/22 августа 1882 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 22 августа 1882 г. и Петербург, 14 августа 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: *«10 авг[уста 18]82.* Мысль о смерти. Гоголь. Самобичевание».

[2] А. В. Верещагин писал книгу «Дома и на войне. 1853—1881. Воспоминания и рассказы Александра Верещагина».

Литературные работы А. В. Верещагина составляют целый перечень книг:

1) «Ловчинский бой 22 августа 1877 года. Александра Верещагина», СПБ, 1884;

2) «Дома и на войне. 1853—1881. Воспоминания и рассказы Александра Верещагина», изд. В. А. Березовского, СПБ, 1885; изд. 2-е, СПБ, 1886;

3) «У болгар и за границей. 1881—1893. Воспоминания и рассказы». (Продолжение очерков «Дома и на войне»)», СПБ, 1896;

4) «Новые рассказы (1855—1895 гг.)», СПБ, 1900;

5) «Skobelew im Türkenkriege und vor Achal-Teke. Erinnerungen eines Augenzeugen, von A. W. Wereschagin», Berlin, 1900;

6) «На войне. Рассказы очевидца. 1900—1901», СПБ, 1902;

7) «По Манчжурии. Воспоминания и рассказы (1900—1901 гг.)», СПБ, 1903. Немецкое издание — Mülheim am Rhein, 1903.

8) «В Китае. Воспоминания и рассказы. 1901—1902», изд. В. Березовского, СПБ, 1903;

9) «Русские в Манчжурии. Рассказы о последнем китайском походе в 1900 г.», изд. Постоянной комиссии народных чтений, СПБ, 1904.

354

К письму 17/29 августа 1882 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 29 августа 1882 г. и Петербург, 22 августа 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: *«17 авг[уста 18]82.* Моск[овские] соборы для картины».

[2] Чудов монастырь в Кремле, основан в 1365 г. В монастыре 3 церкви — Алексеевский собор, первоначально построен в 1483 г. (его, несомненно, и упоминает Верещагин); к нему прилегает церковь Благовещения (1686) и третья церковь — во имя Чуда архангела Михаила (1404).

В Алексеевском соборе находился в 1812 г. штаб Наполеона. В алтаре была спальня маршала Даву.

355

К письму 20 августа/1 сентября 1882 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 2 сентября 1882 г. и Петербург, 25 августа 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: *«26 авг[уста 18]82. Сборник.* Охранный лист по России».

[2] Для подготовляемой к печати книжки «Очерки путешествия в Гималайи г-на и г-жи Верещагиных».

[3] Сборник «Очерки, наброски, воспоминания В. В. Верещагина».

[4] Амалиенштрассе, 11.

356

К письму 25 августа/6 сентября 1882 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 6 сентября 1882 г. и Петербург, 28 авг[уста] 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «25 сент[ября 18]82. Путеш[ествие] по России».

25 сентября указано Стасовым по ошибке, следовало указать «25 августа».

[2] Фотографии с картин и этюдов Верещагина предполагалось поручить снимать фирме Шерер и Набгольц.

Упоминаемое Стасовым письмо Шерера и Набгольца было следующего содержания:

«Scherer, Nabholz & C°. 15 июля 1882 г.

Ваше превосходительство
Владимир Васильевич!

Простите великодушно, что до сего времени не отвечали на Ваше письмо: спешность работ на выставке и до сего времени не дает нам возможности заняться многими работами вне заведения; заказ же Ваш прямо относится к первоначальным работам вне заведения фотографии и потому решительно не может быть исполнен в настоящее лето при условии снимать с картин в Галлерее П. М. Третьякова. Несмотря на то, что комплект сотрудников утроен в нынешнее лето, мы не в состоянии выслать из заведения мастеров для исполнения работ вне заведения. Но мы можем попробовать исполнять эти с'янсы у нас в фотографической галлерее, если Вам удастся заручиться позволением П. М. Третьякова *брать эти картины из его Галлереи* к нам в заведение, тем более, что они не громоздкие; во всяком случае, просим Вас сообщить, *для какого рода печатания* приготовлять клише; для фотогравюры или для обыкновенного фотографического печатания, *это очень* важно знать.

I *Невероятно*

II

Еще желательно знать, какую приблизительно сумму в состоянии уплатить Общество или вообще заказчик за эту работу, дабы мы могли передать приготовление негативов, т. е. клише, *другому более свободному фотографу*, на *безукоризненно хорошее исполнение* которого вполне можно положиться. Еще раз повторяем, что мы не в состоянии в настоящее лето исполнить этот Ваш заказ ввиду обязательных и чрезвычайно спешных работ по Всероссийской промышленно-художественной выставке у нас в Москве».

III *Это можно, я думаю*

Цифры I, II, III и приписки с левой стороны текста сделаны В. В. Стасовым.

После текста письма он добавил: «Прошу Вас, Василий Васильевич, на все три пункта скорого ответа. В. С[тасов]».

[3] Повидимому, фотографы Шерер и Набгольц предъявили Стасову неприемлемые условия, и он поручил изготовление фотографий петербургскому фотографу, работавшему для Публичной библиотеки, И. В. Болдыреву. 28 августа 1882 г. Стасов писал по этому поводу П. М. Третьякову: «Вы дали свое согласие на то, чтоб фотографы *Шерер* и *Набгольц* сняли для В. В. Верещагина фотографии с некоторых индийских его картин и этюдов. Но эти фотографы теперь не свободны, а время не терпит, так как В. В. Верещагин скоро уезжает в большое путешествие и до отъезда желает распорядиться этими снимками для награвирования их в Париже для книжечки своего путешествия. И потому очень прошу Вас допустить к снятию фотографий, ко-

торых №№ я уже Вам прежде послал, нашего *отличного* фотографа Ив. Вас. *Болдырева,* уже Вам, впрочем, достаточно известного по превосходным его снимкам *вне мастерской.* Позвольте также, чтоб Болдырев Вас снял для меня, как Вы мне много раз обещали, *среди Ваших галлерей:* он, наверное, снимет Вас превосходно» («Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова», М.—Л., 1949, стр. 69).

Болдырев работал в галлерее Третьякова и снимал нужные Верещагину фотографии. 10 сентября 1882 г. Стасов писал Третьякову: «...вот у Вас теперь работает для Верещагина Болдырев».

13 сентября Стасов опять писал Третьякову: «... будьте так добры, поруководствуйте Болдырева. Насчет путешествия В. В. Верещагина могу сказать только одно: что он уезжает *очень скоро* и *надолго.* Поэтому он даже звал меня в Париж или в Берлин (во время тамошней его выставки) повидаться, но мне невозможно было.

Он было думал совершить путешествие по России, и я уже совсем было шел просить ему от министра нечто вроде «открытого листа», но потом он передумал вследствие нынешнего положения и поедет в другие места.

Меня очень торопит и с этими фотографиями и с *русским изданием* своим (путешествие по Индии), которого корректурные листы мы ему уже отправляем (1-й выпуск)» («Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова», М.—Л., 1949, стр. 70 и 71).

357

К письму 29 августа/10 сентября 1882 г.

[1] Письмо не датировано. На автографе пометки В. В. Стасова: «Авг[уст] 1882. Париж».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 10 сентября 1882 г. и Петербург, 2 сентября 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: *«Авг[уст] 1882.* Переводчик. Статьи и деревяшки. Брюссельск[ая] выставка».

[2] Во французском журнале «Ле Тур дю Монд» были напечатаны статьи Верещагина: в 1868—1869 гг. «Путешествие по Кавказу и Закавказью» (Vereschaguine Basile. Voyage dans les provinces du Caucase. Traduit du russe par Mme et M. Le Barbier (Ernest). 1864—1865. Texte et dessins inédits. «Le Tour du Monde», 1868, v. XVII, livr. 428—430, p. 162—208, 68 ill., 1 carte; 1869, v. XIX, livr. 485—490, p. 241—336, 77 ill., 1 carte) и в 1873 г. «Поездка по Средней Азии» (Vereschaguine Basile. Voyage dans l'Asie Centrale. D'Orenbourg à Samarcande. 1867—1868. Texte et dessins inédits. «Le Tour du Monde», 1873, v. XXV, livr. 638—642, p. 193—272, 68 ill., 1 carte).

[3] «Пале де боз'ар» — Дворец изящных искусств.

[4] Верещагин говорит о работе В. В. Стасова по изданию орнаментов. В 1872 г. Стасов издал при посредстве Общества поощрения художников альбом (с текстом) «Русский народный орнамент: шитье, ткани, кружева» (СПБ, 1872, с 215 рис.; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. I, отд. 1, СПБ, 1894, стб. 185—214).

Главной работой В. В. Стасова был атлас «Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени» (СПБ, 1887). Этот атлас Стасов готовил к Всероссийской выставке 1882 г., но он был издан позднее (СПБ, 1884—1887).

358

К письму 5/17 сентября 1882 г.

[1] Клермон-Ферран — главный город департамента Пюи-де-Дом в южной части Франции (Овернь).

[2] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Ла-Бурбуль, 19 сентября 1882 г. и Петербург, 12 сентября 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: *«5 сент[ября 18]82.* Автобиография. Кавказ».

[3] Наместником назывался генерал-губернатор Кавказа, которым в то время был великий князь Михаил Николаевич.

[4] Лагорио Лев Феликсович (1827—1905) — известный русский живописец-маринист, профессор Петербургской Академии художеств. Его творчество основывалось на тщательном изучении природы и представляло собой серьезный шаг на пути к преодолению искусственности и условности академического пейзажа. Лагорио также автор картин на батальные сюжеты, портретов и рисунков. Будучи на Кавказе, Лагорио не только писал и рисовал, но и участвовал в военных действиях.

[5] Карцов Александр Петрович (1817—1875) — генерал, был начальником штаба Кавказской армии, а позднее командовал войсками Харьковского военного округа.

[6] В автографе Верещагин ошибочно написал 15 000 рублей.

[7] Вероятно, Гудима Захар Григорьевич — позднее генерал.

[8] Лемерсье — галлерея Лемерсье в Москве, на Петровке, в Салтыковском переулке, устраивала выставки, продавала картины русских и иностранных художников, издавала репродукции и каталоги. Но Верещагин, вероятно, имеет в виду известную *литографию Лемерсье* в Париже.

[9] Бида Александр (1813—1895) — французский живописец и рисовальщик; передавал в своих картинах жизнь и природу Востока; иллюстрировал библию.

В. В. Стасов писал о Бида: «У Бида много изучения Востока со стороны этнографии, типов, пейзажа, немало живописности и реализма в подробностях, но почти полное отсутствие творчества» («Искусство XIX века»; Собр. соч., т. IV, СПБ, 1906, стр. 72).

Хотя Верещагин учился в Париже в мастерской Жерома, но и Бида принимал близкое участие в развитии его таланта. В биографии «Василий Васильевич Верещагин» («Вестник изящных искусств», 1883, вып. 1) Стасов неоднократно упоминает Бида: «Напрасно Жером и Бида старались уговорить его [писать красками]...» «Я сделал массу рисунков [говорит Верещагин], изумивших впоследствии Жерома и Бида...» «Жером и Бида были в восхищении от его оригинальности и типичности действующих лиц...» «Бида с великим энтузиазмом много наговорил про Верещагина издателю «Tour du Monde»...» «Жить в молодые годы так долго в Париже и учиться у Жерома вместе с Бида...» «Как ни талантливы Жером и Бида, но ведь их натура совершенно иная, чем у Верещагина. Они часто сухи, поверхностны, они вовсе и понятия не имеют о «народе», который для Верещагина — все...»

359

К письму 16/28 сентября 1882 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Ла-Бурбуль, 1 октября 1882 г. и Петербург, 25 сентября 1882 г. и с надписью: «с приложением *ста* франков или *сорока* рублей».

На конверте пометка В. В. Стасова: *«16 сент[ября 18]82».*

[2] Речь идет о женских высших врачебных курсах в Петербурге, подвергавшихся репрессиям со стороны царского правительства.

Верещагин писал по этому поводу 17/29 августа 1882 г. Крамскому: «Иван Николаевич! Неужели закроются женские врачебные курсы? Ведь это срам и позор. Похлопочите между художниками, соберите денег, сколько возможно. Я послал 100 франков в «Голос», на имя Краевского, чего только не придумают бездельники!» (Архив Русского музея).

[3] Верещагин болел малярией.

360

К письму 18/30 сентября 1882 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Ла-Бурбуль, 1 октября 1882 г. и Петербург, 23 сентября 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «[1]8 сент[ября 18]82. Перебранка со мною».

[2] Речь идет о том, что Верещагин отложил поездку в Россию, о чем он уведомил Стасова в письме 29 августа/10 сентября 1882 г. («Нынче, кажется, я не приеду в Россию»).

[3] Брюссель, до востребования.

361

К письму 20 сентября/2 октября 1882 г.

[1] Письмо не датировано. На автографе пометки В. В. Стасова: «Париж. Сент[ябрь] 1882».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Ла-Бурбуль, 2 октября 1882 г. и Петербург, 24 сентября 1882 г.

На конверте пометка В. В. Стасова: «Сентябрь 1882».

[2] Бем Елизавета Меркурьевна, урожденная Эндаурова (1843—1914), — художница, ученица Крамского. Известна своими силуэтными сценками из детского мира, деревенской жизни, силуэтными портретами, а также иллюстрациями в «русском стиле» и работами в том же стиле на фарфоре и стекле; занималась акварелью.

Стасов своими советами помогал Е. М. Бем; он высоко ценил ее работы. «Г-жа Бем, — писал Стасов, — едва ли не единственная покуда русская художница, пользующаяся широкой и почетной известностью в Европе. И, мне кажется, это совершенно справедливо. Г-жа Бем — самая даровитая из наших художниц... Главная ее деятельность началась с 1875 г., когда она предприняла издавать рисунки силуэтами... Г-жа Бем — отличная рисовальщица, и немудрено: она с величайшим успехом прошла весь курс «Рисовальной школы» (что была прежде на Бирже) и потом постоянно пользовалась советами И. Н. Крамского» («Художественные новости», 1883, 1 января, № 1, стр. 17—20; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. II, отд. 3, СПБ, 1894, стб. 709—712).

Повидимому, Е. М. Бем сообщила Стасову неточные биографические сведения о пребывании Верещагина в школе на Бирже и в Академии художеств.

[3] В. В. Верещагин стал учеником Академии художеств в 1860 г.; в 1862 г. награжден 2-й серебряной медалью за эскиз «Избиение жени-

хов Пенелопы»; в 1863 г. уехал на Кавказ и после этого в Академию не возвращался.

[4] Назаров Николай Николаевич — полковник, был в Самарканде во время защиты вместе с Верещагиным. До описываемых событий был отстранен от должности командира линейного батальона и отдан под следствие за резкую критику начальства.

[5] Пистолькорс — казачий офицер; генерал в войсках Кауфмана в Туркестане.

[6] Кауфман все же ходатайствовал об офицерском Георгии для Верещагина. Когда пришло утверждение, Кауфман снял с себя носимого им 15 лет Георгия и надел на Верещагина, которому пришлось молча покориться.

Однако Верещагин при награждении его другим царским орденом выполнил свое обещание об отказе.

Об этом свидетельствует недавно опубликованное в печати письмо управляющего азиатским департаментом министерства иностранных дел Н. Г. Гирса туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману от 17 января 1881 г. В письме сообщалось:

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
Департамент Азиатский.
17 января, 1881 г.
№ 324

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО

Милостивый государь
Константин Петрович.

Вследствие отношения канцелярии Вашего высокопревосходительства от 18 августа минувшего года за № 4428, при коем доставлены были высочайше пожалованный коллежскому регистратору Верещагину орден св. Станислава 2-й ст. и грамоты на оный, Министерство не преминуло препроводить таковые в Российско-императорское посольство в Париже для передачи по принадлежности.

Ныне посольство наше в Париже возвратило означенные орден св. Станислава и грамоту на оный и вместе с тем доставило отзыв художника Верещагина от 4/16 прошлого декабря о нежелании его принять таковой орден.

Препровождая при сем к Вашему высокопревосходительству подлинный отзыв г. Верещагина и помянутые орден св. Станислава и грамоту на оный, имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, о получении таковых не оставить меня уведомлением.

Примите уверения в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Н. Гирс.

(«Литературный Ташкент», альманах 2, Ташкент, 1947, стр. 143).

[7] Стремоухов Петр Николаевич (1823—1885) — тайный советник, директор азиатского департамента министерства иностранных дел. В своей статье «Василий Васильевич Верещагин» Стасов не раскрыл этой фамилии, указав, что «статский генерал С*** окончательно вывел меня из терпения».

В последующих примечаниях к статье Стасова Верещагин также оставил под звездочками, без раскрытия фамилию Стремоухова. Он только вычеркнул слова «статский генерал» и вместо них написал «тай-

ный советник». В этой редакции отрывок и процитирован в I томе «Переписки В. В. Верещагина и В. В. Стасова» (М.—Л., 1950, стр. 267).

[8] Верещагин описал этот эпизод в рассказе «Китайская граница. Набег. — 1869» (в книге «На войне в Азии и Европе. Воспоминания художника В. В. Верещагина, М., 1894, стр. 88—90). После описания похода и ряда стычек с нападавшими массами таранчей художник излагает подробности нападения на него и ротного командира Эмана, находившихся впереди отряда: «Только что успел я послать одного из казаков к начальнику отряда с известием об опасности и для нас, и для баранов наших, как все кругом дрогнуло, застонало и, потрясая шашками и копьями, понеслось на нас! Признаюсь, минута была жуткая. Эман опять с шашкою, я с револьвером, но уже не гарцуя, а прижавшись один к другому, кричим: ура! и... ожидаем нападения.

Без сомнения, из нас были бы сделаны отбивные котлеты, как то случилось с одним из бывших около нас двух казаков (другой успел удрать), но мы спаслись тем, что, во-первых, неприятель больше зарился на наш скот, чем на нас самих; во-вторых, Эман, а за ним и я свалились с лошадей: сослепа мой товарищ заехал в ров и, полетевши через голову, так крепко ударился лбом о землю, что остался распростертым. Моя лошадь споткнулась на него: я тоже слетел, но успел удержать узду и, вставши над лежавшим, не подававшим признака жизни приятелем, левою рукою держал повод лошади, а правою — отстреливался от мигом налетевших и со всех сторон окруживших нас степняков: так и норовили, подлецы, рубнуть шашкою или уколоть пикою, но или выстрел, или взвод курка удерживали их, не подпускали слишком близко. Едва успеваю отогнать одного, другого от себя, как заносят пику над спиною Эмана, третий тычет сбоку, четвертый, пятый сзади — как только я не поседел тут! Признаюсь, я думал, что товарищ мой ловко притворился мертвым, но он мне рассказывал после, что страшно ударился при падении и только, как сквозь сон, слышал, что ходили и скакали по нем. Счастье наше было то, что эти господа, видимо, считали револьвер мой неистощимым; я выпустил только четыре заряда, понимая, что пропаду, если буду еще стрелять, и больше стращал: уже пики приближались со всех сторон и исковерканные злостью физиономии скалились и ругались на самом близком расстоянии.

Затрудняюсь сказать, сколько времени продолжалось мое неловкое положение — мне-то казалось долго, но, в сущности, вероятно, не более одной минуты, — как вдруг все отхлынуло и понеслось прочь так же быстро, как и принеслось: это подбежали к нам на выручку солдаты, — лошадь Эмана промчалась мимо них, унтер крикнул: «Выручай, братцы! ротного убили!», и они все бросились сломя голову вперед.

Затем прискакало орудие, лихо снялось с передков, и после первого выстрела не осталось никого около нас, а после второго и около баранов, отогнанных было, но снова теперь нами захваченных. Надобно сказать, что все это случилось очень быстро, быстрее, чем я рассказываю, и сопровождалось сильнейшим шумом: с бранью налетали киргизы, с бранью я отстреливался, с бранью стреляли солдаты, с бранью же, наконец, взмахнул шашкою и Эман, когда, очнувшись и вскочив на ноги, успел еще рубнуть одного из всадников, конечно, ускакавшего умирать».

Далее в том же рассказе Верещагин сообщает о возникновении сюжетов некоторых своих туркестанских военных картин:

«Надобно сказать здесь, что именно эта атака послужила мне образцом при исполнении потом картин: «Нападают врасплох» и «Окружили — преследуют». Офицер, с саблею наголо, ожидающий нападения,

в первой из этих картин, передает в некоторой степени мое положение, когда, понявши серьезность минуты, я решился, коли можно, отстреляться, а коли нельзя, так хоть не даться легко в руки налетевшей на нас «орды». Конечно, многое в этих картинах и изменено; кое-что, например, взято из свежего в то время рассказа о нечаянном нападении известного Садыка на небольшой русский отряд, посланный на розыск его, — нападения, случившегося перед самым приездом моим в Туркестан, на местах, по которым я проезжал. Так как и этот факт я взял не в целом составе, а заимствовал из него только нужное, наиболее характерное, то не мало пришлось потом слышать нареканий за то, что картины мои небывальщина, ложь, клевета на храброе туркестанское воинство и т. п. Даже... и хорошо ко мне расположенный генерал К. П. Кауфман публично укорял меня в том, «что я слишком дал волю своему воображению, слишком насочинял» (стр. 91—92).

[9] Вероятно, Гомзин Андрей Иванович — генерал, находился в отряде Кауфмана в Туркестане; позднее занимал должность в управлении туркестанского генерал-губернатора.

[10] Серов — майор, помощник коменданта Самарканда.

[11] Участие Верещагина в защите Самарканда описано им в рассказе «Самарканд. 1868» в книге «На войне в Азии и Европе. Воспоминания художника В. В. Верещагина» (М., 1894, стр. 1—55).

Некоторые дополнительные данные о пребывании Верещагина в Самарканде приводит Терентьев М. А., генерал-лейтенант, в книге «История завоевания Средней Азии» (т. I, СПБ, 1906): «...если уж кто заслужил блестящую репутацию во время осады, так это командир № 9 лин. батальона полковник Назаров и художник прапорщик Верещагин. Последний остался в Самарканде по собственному желанию, а первый благодаря особой случайности... Что касается Верещагина, то об этом своеобразном человеке также не лишне будет сказать несколько слов. Моряк по воспитанию и художник по призванию, он вышел мичманом в отставку и принялся странствовать по свету, заполняя свой альбом типами России, Кавказа, Персии. Новый, почти неведомый Туркестанский край, конечно, должен был возбудить его любопытство. Нашлись влиятельные лица, устроившие Верещагину официальное положение; но для этого ему надобно было зачислиться снова в военную службу. Считаясь прапорщиком какого-то из линейных батальонов, он не хотел, однакоже, расстаться ни с бородой, ни с костюмом мирного гражданина и потому все-таки кончил тем, что после войны вышел в отставку. Военного мундира так и не надевал.

Когда началась осада цитадели, Верещагин предложил свои услуги, как рядовой волонтер, ни за что не согласившись действовать в качестве офицера. С ружьем в руках, этот Василь Васильич (так звали его познакомившиеся с новым товарищем солдаты) всегда был примером для остальных: надо ли выбросить ворвавшихся в ворота или через пролом врагов, — Василь Васильич работает штыком впереди всех; надо ли очистить эспланаду, — и на вылазке он первый поджигает сакли» (стр. 454).

«Труднее всего в этот день (3 июня 1868 г. — *Ред.*) приходилось защитникам Бухарских ворот. Самые дерзкие и решительные попытки ворваться в цитадель были произведены именно здесь толпами шахрисябцев. В восемь часов утра началась атака. Открыв сильный огонь, толпы бросились к воротам, несколько человек влезли на стену по лавкам, другие кидали через нее большие кирпичи и камни, остальная масса дружно кинулась на завал в воротах. Встреченные на расстоянии трех сажен картечью, они все-таки принялись раскидывать мешки, взлезли на завал и овладели пушкой... Наши кинулись в штыки. Вере-

щагин работал впереди всех; неприятель был отброшен, а наши бросились за ним в город...» (стр. 464).

5-го числа (июня 1868 г. — *Ред.*), перед светом, опять произведена была вылазка Назаровым, дошедшим до большого базара, в 200 саженях от ворот; зажжены были богатые лавки жителей, и отряд без малейшего урона вернулся в крепость. На этой вылазке чуть было не погиб доблестный Верещагин: перешагнув через высокий порог калитки, выходившей на улицу, он очутился во дворе среди шестерых вооруженных... уходить было некуда, да едва ли это и могло успеть притти в голову, — надобно было спешить. Верещагин так заторопился, что когда к нему подоспели услыхавшие возню товарищи, — 6 трупов лежало уже у его ног!» (стр. 466).

362

К письму 27 сентября/9 октября 1882 г.

[1] Письмо не датировано. На автографе пометки В. В. Стасова: «Париж. Сентябрь 1882».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 9 октября 1882 г. и Петербург, 1 октября 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «Окт[ябрь] 1882. Биограф[ия]. *«Надорвался». Изъяны»*.

[2] Более подробно этот случай изложен художником в рассказе «По Сибири» в книге «Очерки, наброски, воспоминания В. В. Верещагина» (СПБ, 1883, стр. 143—144).

[3] Необходимо отметить, что Верещагин, несомненно, был атеист; он писал Стасову 10/22 августа 1882 г. о своей нерелигиозности («Будь я религиозен...»). Он был и антиклерикал: давая деньги на организацию и развитие разных учебных заведений, выступал при этом противником церковных школ для детей.

363

К письму 6/18 октября 1882 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Брюссель, 18 октября 1882 г. и Петербург, 9 октября 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: *«6 окт[ября] 1882*. Автобиография. 300 рублей мне на расходы».

[2] Верещагин имеет в виду свои автобиографические заметки, писанные для Стасова и сообщенные ему в нескольких предыдущих письмах.

[3] Бомбей, до востребования.

364

К письму 9/21 октября 1882 г.

[1] На автографе пометка В. В. Стасова: «Брюссель».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Брюссель, 21 октября 1882 г. и Петербург, 12 октября 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: *«9 окт[ября 18]82*. День рождения. Книжка для издания. Цена ей 1 р[убль] 25 коп[еек]».

[2] Имеется в виду издание Н. П. Собко и М. П. Боткина «25 лет

русского искусства (1855—80).) Иллюстрированный каталог художественного отдела Всероссийской выставки в Москве 1882 г.» (СПБ, 1882). Этот каталог служит иллюстрацией к очеркам В. В. Стасова «Двадцать пять лет русского искусства», печатавшимся в «Вестнике Европы» (1882, № 11 и 12; 1883, № 2, 7 и 10; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. I, отд. 1, СПБ, 1894, стб. 453—698).

[3] «Очерки путешествия г-на и г-жи Верещагиных в Гималайи».

[4] Верещагин уезжал в Индию. 14/26 октября 1882 г. он писал Третьякову: «Я еду ненадолго, на 3 месяца, в Индию... Сегодня мне стукнуло 40 лет: отныне буду производить $^{1}/_{4}$ того, что производил до сих пор — довольно лихорадок!

На случай, если я подохну в Индии и у Вас будут несколько из моих новых картин, не забудьте, что перед каждой надобно иметь три или *четыре* метра расстояния, так как они писались в громадной мастерской (Архив Третьяковской галлереи).

Сразу же после 14/26 октября Верещагин уехал в Индию. Из Бомбея он прислал Третьякову письмо с просьбой о деньгах: «Пожалуйста, пошлите на мое имя или на имя жены моей *десять тысяч рублей,* которые надеюсь отдать Вам в скором времени на условиях, которые Вы назначите. Если Вы не можете послать десять тысяч, то пошлите меньше, но *теперь,* ибо я нуждаюсь в деньгах именно в настоящую минуту для поездки в Индию, а лица, должные мне, стеснены покамест.

Уверен, что Вы не откажете мне, а Елизавета Кондратьевна перешлет мне через Comptoir d'escompte в Бомбей» (Архив Третьяковской галлереи).

Уже из Агры 21 ноября/3 декабря 1882 г. Верещагин опять пишет Третьякову: «Я писал Вам, просил прислать мне *небольшой капитал* в помощь поездке моей в Индию. Ковры есть удивительные, а капитала нехватает; если еще не послали, то пошлите, пожалуйста, на имя Елизаветы Кондратьевны — как только получу деньги, так сейчас же и закажу ковры, которые составляют мою слабость (если хотите Ахиллесову пяту)» (Архив Третьяковской галлереи).

О получении денег от Третьякова Верещагин извещает его 5/17 декабря 1882 г. из Даржилинга: «Известился о присылке Вами 25 000 фр[анков] — очень благодарен, теперь я могу заказать некоторые ковры и кое-какие вещи из мрамора, которые здесь делают удивительно... Я сделаю выставку в Москве; где мне можно достать помещение — посоветуйте? В небольших городах Европы выставки делать нет выгоды, едва хватает на пропитание. На случай если бы я в самом деле приехал в Москву, пожалуйста, помогите и место найти и устроить выставку» (Архив Третьяковской галлереи).

[5] В Брюсселе в период октября—ноября 1882 г. происходила в течение 21 дня выставка картин В. В. Верещагина. Посетителей было 21 000 человек.

365

К письму 14/26 октября 1882 г.

[1] На автографе год «1882» помечен В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 26 октября 1882 г. и Петербург, 18 октября 1882 г.

На конверте пометка В. В. Стасова: «Окт[ябрь] 1882».

[2] В. М. Жемчужников тяжело заболел и уехал лечиться на юг Франции. В настоящем письме Верещагин дает распоряжение на случай смерти Жемчужникова. Сам В. М. Жемчужников также прислал

Стасову просьбу распорядиться его вещами, о чем Стасов извещал П. М. Третьякова 15 ноября 1882 г.: «*Владимир Михайлович Жемчужников* очень плох (говорят) здоровьем, чего, кажется, сам еще не подозревает. Он живет в Ментоне. Сегодня утром я получил от него письмо, которым просит меня распорядиться разными его делами и вещами. Все вещи В. В. Верещагина и его Александра я должен отправить в Париж, а собственными его вещами могу распорядиться, как найду всего лучше.

Вот я и спешу написать Вам вот что: не следовало ли бы Вам приобрести большой рисунок черным карандашом Верещагина, принадлежащий Жемчужникову: *«Духоборцы на молитве»*, который был на выставке парижской (Salon) 1866 и приводит в восхищение Жерома и Бида, а потом был на академической выставке 1867 года. Таких рисунков всего *два:* один, «Религиозная процессия в Шуше», кажется, уже принадлежит Вам; а этот pendant к тому. Сверх того, у Жемчужникова осталось еще несколько хороших вещей» («Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова», М.—Л., 1949, стр. 71). В ответном письме от 17 ноября 1882 г. Третьяков писал, что он рад приобрести «Духоборцев». Рисунок был куплен Третьяковым за 900 руб.

366

К письму 9/21 ноября 1882 г.

¹ На автографе год «1882» помечен В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 22 ноября 1882 г. и Петербург, 14 ноября 1882 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: *«Елиз*[*авета*] *Кондр*[*атьевна*] *Верещагина»* и «1882».

² Заказанные Стасовым для Верещагина фотографии с индийских картин.

³ Граверы Л. Шапон, а также Кезеберг и Эртель гравировали рисунки Верещагина для книжки «Очерки путешествия г-на и г-жи Верещагиных в Гималайи».

367

К письму 15/27 ноября 1882 г.

¹ К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Агра, 28 ноября 1882 г. и Петербург, 10 декабря 1882 г.

На конверте пометка В. В. Стасова: «15 ноября [18]82».

² «Сам» — это Александр III.

³ Агра, Английская Индия.

368

К письму 5/17 декабря 1882 г.

¹ К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Дарджилинг, 18 декабря 1882 г. и Петербург, 31 декабря 1882 г.

На конверте пометка В. В. Стасова: «5/17 дек[абря] 1882».

² Книжка «Очерки, наброски, воспоминания В. В. Верещагина» еще не была издана.

³ Речь идет о верблюдах, по рассказам, данных в приданое за бабкой матери Верещагина, татаркой с Кавказа. В биографии Верещагина

Стасов об этом написал: «За нею дали в приданое (как рассказывала мать Верещагина) много верблюдов...» Верещагин при просмотре оттиска этой биографии («Вестник изящных искусств», 1883, вып. 1 и 2, стр. 99) поставил у «верблюдов» знак вопроса.

[4] Верещагин ошибочно написал в письме к Стасову от 5/17 сентября 1882 г., что его работа на Кавказе в 1863 и 1864 гг. дала ему в год около 15 000 руб. (вместо 1 500 руб.).

[5] Минаев Иван Павлович (1840—1890) — лингвист и исследователь буддизма, путешествовал по Индии, Цейлону и Бирме; профессор Петербургского университета (1873); автор «Очерков Цейлона и Индии» (1878) и «Очерков важнейших памятников санскритской литературы» (в книге «Всеобщая история литературы» Корша, 1880) и др.

369

К письму 19/31 декабря 1882 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Агра, 3 января 1883 г. и Петербург, 13 января 1883 г.

На конверте пометка В. В. Стасова: «19/31 дек[абря] 1882».

[2] Суворов Александр Васильевич (1730—1800) — великий русский полководец.

[3] Потемкин Григорий Александрович (около 1739—1791) — русский государственный деятель, фаворит Екатерины II. Провел ряд военных реформ; участник нескольких войн, главнокомандующий русскими войсками в войнах с Турцией.

[4] Чистяков Михаил Борисович (1809—1885) — педагог и писатель для детей; основатель «Журнала для детей» (1851); автор книги «Повести и сказки» и др.

[5] Дюмон Дюрвиль Жюль Себастьен (1790—1843) — французский путешественник, президент Парижского географического общества, исследовал новую Гвинею и Новую Зеландию, проливы Торреса и Кука. Автор «Путешествия к Южному полюсу и в Океанию» (23 тома, 1841—1854, на французском языке).

[6] Островский Александр Николаевич (1823—1886) — великий русский драматург-реалист, изобразивший в своих произведениях с исключительной силой и глубоким знанием картины жизни и быта русского купечества, мелкого чиновничества, помещиков эпохи 1850—1880 гг.

Произведения Островского с беспощадной правдой раскрывают «темное царство» старой русской действительности, мир бесправия и угнетения бедных, обличают мир взяточников, плутов, самодуров, невежд, подхалимов, рисуют с сочувствием и участием мир задавленных нуждой простых, честных тружеников. Островский создал образ прекрасной, сильной духом, но деспотически угнетаемой и бесправной женщины. Островский также автор исторических драм, пьесы-сказки «Снегурочка». Оказал огромное влияние на развитие русского драматического театра. Идеи произведений Островского во многом созвучны идеям картин передвижников. Стасов считал Островского одним из «учителей» народа, а его произведения ставил на один уровень с величайшими произведениями мировой драматургии.

[7] Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859) — известный писатель, автор записок, хроник и рассказов из русской жизни. Главные произведения — «Записки ружейного охотника», «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука».

[8] В этом абзаце своего письма Верещагин, повидимому, отвечает на запрос Стасова о круге своего чтения и об отношении к русским писа-

телям. Характеристики Верещагина, данные Гоголю и Островскому, ошибочно принижают творчество этих великих русских писателей.

[9] Бюхнер Людвиг (1824—1899) — немецкий врач и натуралист, представитель вульгарного материализма; автор книг «Теория Дарвина», «Сила и материя» и др.

[10] Льюис Джордж-Генри (1817—1878) — английский буржуазный философ и писатель, последователь и популяризатор О. Конта. Пропагандировал некоторые идеи дарвинизма.

Верещагин имеет в виду его книгу «Физиология обыденной жизни» (М., 1861—1862).

[11] Дарвин Чарльз (1809—1882) — великий английский ученый-естествоиспытатель.

[12] Лайэлль Чарльз (1797—1875) — выдающийся английский геолог, сыгравший большую роль в создании современной геологии; автор книг «Основы геологии», «Древность человека» и др.

[13] Бокль Генри Томас (1821—1862) — известный английский либерально-буржуазный социолог и историк, подвергнувший решительной критике теорию божественного предопределения исторического процесса и идею свободы воли. Развивая взгляд на историю общества как на закономерный процесс, Бокль, однако, видел причину различия в историческом развитии народов в физико-географических факторах. Игнорируя истинную роль экономических условий жизни общества, выводя их из особенностей психического склада людей, непосредственно выводя своеобразие духовной жизни человека из природных условий, Бокль разделял, в сущности, взгляды вульгарного материализма и позитивизма и в конечном итоге скатывался к идеализму.

Бокль — автор известной книги «История цивилизации в Англии» (1858—1861).

[14] В биографии Верещагина («Вестник изящных искусств», 1883, вып. 1) Стасов писал, что «в первую половину 1862 года Верещагин с увлечением слушал лекции Костомарова * в Думе». К этому Верещагин добавил свое примечание: «Я читал почти все, что новая литература дала популярного в науке, особенно английские книги — Лайэлль, Мор **, Милль ***, также Фохт ****, Бюхнер, Вундт ***** и др. Читал я с толком, расстановкою и, конечно, этим много развил себя, так как «Теории кораблестроения» и другие мудрости корпуса не много помогли

---

* Костомаров Николай Иванович (1817—1885) — крупный историк и общественный деятель; участвовал в организации Кирилло-Мефодиевского братства; был выслан в 1847 г.; профессор Петербургского университета в 1859—1862 гг.; вынужденный прекратить преподавание, занимался историческими исследованиями. Автор ряда ценных исторических трудов. Его работы не лишены, однако, националистических тенденций. — *Ред.*

** Мор Томас (1478—1535) — знаменитый английский гуманист и утопический социалист. — *Ред.*

*** Милль Джон Стюарт (1806—1873) — английский философ-идеалист и экономист. Его «Основы политической экономии» переведены на русский язык Н. Г. Чернышевским (1860). — *Ред.*

**** Фохт Карл (1817—1895) — немецкий натуралист; представитель вульгарного материализма. — *Ред.*

***** Вундт Вильгельм-Макс (1832—1920) — немецкий буржуазный физиолог и психолог, идеалист; профессор в Гейдельберге («Физиология человека», русский перевод, 1867 и др.). Идеалистические взгляды Вундта были разоблачены и раскритикованы В. И. Лениным в его труде «Материализм и эмпириокритицизм». — *Ред.*

моему развитию художественному и научному» (Отдел рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

[15] Не приходите ко мне, я нездоров.

[16] Брандт Юзеф (1841—1915) — видный польский живописец-реалист, работавший главным образом в историческом, бытовом и анималистическом жанрах. Значительной известностью пользуются картины Брандта из польской национальной истории, а также анималистические картины, изображающие лошадей. Восприняв многие достижения академической школы в области композиции, рисунка, он создавал правдивые произведения, отличающиеся жизненностью сцен, завершенностью художественного языка, темпераментностью, естественностью колорита.

По поводу картины Брандта «Выезд запорожских казаков», выставленной на парижской Всемирной выставке 1878 г., Стасов писал: «Брандт представил, очень талантливо, по крайней мере со всею свежестью почина, дикую и пеструю казацкую орду, выезжающую на поход... Что за шум и гвалт, что за дикое раздолье, что за полуазиатские лица и типы! Что за гам и звон, что за гиканье и вскрики слышатся из этой картины! Смотришь на нее, и в самом деле переносишься мыслью в старую Украйну, в приднепровские степи, припоминаешь и Гоголя, и «Тараса Бульбу»...» (Стасов В. В., Собр. соч., т. I, отд. 2, СПБ, 1894, стб. 692).

1883

370

К письму 6/18 января 1883 г.

[1] В автографе Верещагин ошибочно проставил «1882 год» вместо «1883».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Агра, 22 января 1883 г. и Петербург, 4 февраля 1883 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «Последние картины болг[арской] войны. Гейнс. Гупиль. Путеш[ествие] по России невозможно».

[2] Менцель Адольф-Фридрих-Эрдман (1815—1905) — немецкий живописец и график. Особую известность приобрел реалистической картиной «Железопрокатный завод», явившейся одним из первых изображений труда рабочих на капиталистическом заводе.

Создал ряд картин и иллюстраций из жизни Фридриха II, идеализировавших и прославлявших прусского короля и его окружение.

[3] О Менцеле Стасов писал в статье «Искусство XIX века»: «Среди всех европейских живописцев XIX века Менцель один из самых великих, среди же немцев — он первый и наивеличайший. Он уже высокодаровитым и родился, но укрепил и возвеличил свое необыкновенное дарование таким железным трудом, таким неиссякаемым старанием и заботой, как это бывало лишь у очень немногих людей на свете».

Говоря о главном труде Менцеля — его работах из жизни Фридриха II, — Стасов сожалеет, что художник отдал этому столько лет и столько своего таланта. «Менцель пропускал слишком многое из того, — продолжает Стасов, — что при Фридрихе существовало и делалось вопреки приписываемой ему гениальности..., не встречаем мы во всех этих блестящих картинах изображения той забитости, той угнетенности, той бедности, того бесправия, того несчастия и отупелости, которые были у тогдашнего прусского народа следствием тех качеств короля, о которых Менцель, кажется, никогда и не думал... Что нам за дело до его милостивых, по наружности, разговоров с народом «в дороге», когда он в действительности презирал этот народ и топтал его беспредельно. Глазами мы можем искренно восхищаться изящной виртуозности и мастерству Менцеля... но в этих картинах своих [он] не выполнил всю свою задачу и, вольно или невольно, покривил против истории или искусства».

«...«Железный завод» не только chef d'oeuvre, но также и tour de force Менцеля... Это настоящая кузница циклопов, но нынешних, правдивых, не выдуманных и не идеализированных. Эта картина со сценами из рабочей каторжной жизни одной части нынешнего народа — великолепный pendant, чудная оборотная сторона той медали, которая рисует у Менцеля другую часть народа, богатого, сытого, праздного...» (Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1906, т. IV, стр. 109—117).

[4] «Всадник» — этюд Верещагина.

[5] Стасов хлопотал о помещении для выставки Верещагина в Москве. Он писал 27 января 1883 г. П. М. Третьякову: «На днях я писал

Д. П. Боткину, прося приискать место для выставки Верещагина в Москве на апрель и март.

Это приедут все картины из Песта, но, вероятно, с прибавлением некоторых новых. Стыдно, что *«Болгарская война»* была во всей Европе, кроме Москвы.

По всей вероятности, и сам В[асилий] В[асильевич] к тому времени приедет в Москву, после Индии, и привезет новые вещи».

4 февраля 1883 г. Стасов опять пишет Третьякову: «И Д. П. Боткин, и Лев Жемчужников оба советуют для Верещагинской выставки взять залы на Дмитровке. Тесно, темно — а пожалуй, и в самом деле придется взять это помещение. Что за бедность Москвы на залы!!. Хорошо бы взять Училище живописи (Мясницкая), но бог знает, не протянут ли передвижники свою выставку на май, по случаю коронации, и тогда непреодолимая помеха!

Просто не знаю, что предпринять. Впрочем, я пишу Александру Верещагину в Пест, пусть поскорее приезжает в Москву сам, пока картины будут в дороге, и сам посмотрит» («Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова», М.—Л., 1949, стр. 75 и 77).

В письме к Стасову от 10 февраля 1883 г. Третьяков перечисляет ряд московских помещений, но все они по тем или другим причинам не подходят для выставки Верещагина.

[6] Речь идет о статье В. В. Стасова «Василий Васильевич Верещагин», напечатанной в журнале, издававшемся Академией художеств, «Вестник изящных искусств» (1883, вып. 1 и 2, стр. 98—128 и 238—278).

Этой статьи до ее опубликования в журнале Верещагин не видел. После опубликования он ее просмотрел и сделал на полях значительное количество замечаний, поправок и дополнений. Оттиск статьи с подлинными заметками В. В. Верещагина хранится в Отделе рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. При редактировании статьи «Василий Васильевич Верещагин» для полного собрания сочинений (СПБ, 1894) Стасов многое добавил в текст статьи из замечаний Верещагина. Большая часть замечаний и поправок осталась неопубликованной. В пояснительном тексте к «Переписке В. В. Верещагина и В. В. Стасова» цитируются впервые некоторые из замечаний Верещагина к этой статье.

О своей биографии Верещагина Стасов писал скульптору Антокольскому 11/23 декабря 1882 г.: «Потом еще я написал огромную статью про Верещагина (полнейшая его биография), которая мне была заказана Сомовым, редактором «Вестника искусств», журнала, который будет выходить на деньги Академии с января. Впрочем, это будет журнал независимый, и только на этом условии я согласился в нем участвовать» (Архив Института русской литературы Академии наук СССР).

[7] Вероятно, Верещагин имеет в виду свою будущую картину «Английская казнь в Индии» (расстрел индусов, привязанных к дулам пушек), вошедшую в его «Трилогию казней».

[8] Повидимому, в неразысканных письмах, на которые отвечает Верещагин, Стасов неоднократно звал художника приехать в Россию.

371

К письму 11/23 февраля 1883 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Агра, 23 февраля 1883 г. и Петербург, 12 марта 1883 г.

На конверте пометка В. В. Стасова: «11/23 февр[аля] 1883».

372

К письму 16/28 марта 1883 г.

[1] Письмо не датировано. На автографе пометка В. В. Стасова: «Получено 20 марта [18]83».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 28 марта 1883 г. и Петербург, 20 марта 1883 г.

На конверте пометка В. В. Стасова: «20 марта [18]83».

Верещагин в первой половине марта вернулся в Париж из Индии, пробыв в отъезде около 5 месяцев.

[2] Берлин, Хейдтштрассе, господину Пауль Линдау. Издатель журнала «Норд унд Зюд».

[3] Картины-этюды «Софийское шоссе», «Пикет на Дунае» и «Башибузуки» написаны на сюжеты событий русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Две последние картины находятся в настоящее время в Киевском музее русского искусства. К картине «Пикет на Дунае» в «Каталоге выставки картин и этюдов В. В. Верещагина» (в Петербурге, 1880) сделано следующее примечание: «Около Рущука, по румынскому берегу, пикеты содержались кавказскою казачьею бригадой; при каждом были вехи, обмотанные насмоленною соломой, которая зажигалась в случае ночной тревоги». О картине «Башибузуки» (которая в каталоге была названа «Два ястреба») там же говорилось: «Два такие экземпляра были взяты передовым отрядом в Адрианополе, как виновные в самых лютых грабежах и убийствах, вырезывании младенцев из утроб матерей и т. п. — Они *не были* повешены» (стр. 13).

[4] Приехав в Петербург в конце марта 1883 г., Верещагин обратился к конференц-секретарю Академии художеств П. Ф. Исееву за разрешением рисовать в городе. 1 апреля он пишет ему: «Многоуважаемый Петр Федорович, не могу ли я получить мое *дозволение* сейчас же, сегодня? так как завтра утром я хотел бы уже кое-что набросить из того, что мне нужно в городе. Вас уважающий В. Верещагин» (Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР имени В. И. Ленина).

Вероятно, Верещагин в Петербурге делал этюды для картины «Казнь через повешение в России», изображающей расправу самодержавия с революционерами в России. Картина написана в 1880-х гг. Хранится в ленинградском Музее Революции.

[5] Пест (правильнее Пешт) — город на левом берегу Дуная, напротив города Буда — на правом берегу; с 1872 г. оба города объединены в один город — Будапешт.

С декабря 1882 г. в Будапеште происходила выставка картин В. В. Верещагина, продолжавшаяся 40 дней; посетителей было 57 000 человек.

373

К письму 1 апреля 1883 г.

[1] Письмо написано в Петербурге. К письму приложен конверт без почтовых штемпелей, адресованный Стасову, в Публичную библиотеку.

На конверте ошибочная пометка В. В. Стасова: «1 марта 1883», следовало: «1 апреля 1883».

[2] В предыдущий день 31 марта 1883 г. Верещагин писал П. М. Третьякову из Петербурга: «Советую Вам, многоуважаемый Павел Михайлович, поставить *углом* и *«Гробницу Тамерлана»* на место *«Трофеев»*, ко-

торые следует перенести в комнату рисунков; только я поставил бы не посередине, а ближе к дверям.

Покамест *«Болгарская война»* еще в моих руках, я предлагаю Вам взять ее всю, т. е. *25* картин и 50 этюдов за 150 000 руб[лей], как раз за ту цену, которую возьмет Мейссонье за одну картину. Уплату рассрочу на 3, даже 4 года.

Если завтра, 1 апреля, после полудня, не получу от Вас телеграммы, то буду считать себя и Вас свободными от всяких обязательств.

Очень буду сожалеть, если Вы и на этот раз ошибетесь и лучшие картины минуют ваших рук. Если некоторые картины и останутся на моих руках, то с течением времени они не понизятся, а повысятся в цене, ручаюсь за это.

Ваши большие туркестанские полотна стоят теперь по 20 000 руб[лей] каждое.

Подумайте, — душевно буду рад, если надумаете взять, и искренне буду горевать, если не осилите» (Архив Третьяковской галлереи).

Из текста этого письма к Третьякову, а также из писем Репина к Стасову можно установить, что около 20 марта 1883 г. Верещагин приехал из Парижа в Москву, был в галлерее Третьякова, рассматривал развеску своих картин и теперь дает свои советы. Третьяков писал Стасову 31 марта 1883 г., что Верещагин нанял в Москве помещение для выставки в немецком клубе, страшно дорогое, по 100 руб. в сутки.

Около 22—23 марта 1883 г. Верещагин приехал из Москвы в Петербург и был вместе со Стасовым на XI Передвижной выставке. Здесь он видел картины Репина «Поприщин» и «Крестный ход в Курской губернии» и высказал Стасову свое мнение о них. Стасов, несомненно, немедленно же написал об этом Репину. О том, что писал Стасов, узнаем из ответного письма Репина от 25 марта 1883 г.: «...спасибо Вам большущее за Ваше обстоятельное и подробное письмо; я вижу, что Вы ничего не пропустили из замечаний Верещагина и передали их почти дословно. Я нахожу его мнения очень верными, и они уясняют мне отчасти и его самого, его миросозерцание, вкус и точку, с которой он смотрит и признает искусство; *она современная*. За замечания его про мою картину несказанно благодарен, это так верно все сказано и с таким вниманием и подробно рассмотрено, что я положительно дорожу ими и даже воспользуюсь непременно, т[ак] к[ак] после выставки я непременно поработаю над картиной и исправлю все эти недостатки. Только насчет макартовских тонов я не согласен, я Макарта терпеть не могу,— это, по-моему, гнилой. А тоны мои просто не удались мне, и я это очень хорошо увидел только на выставке; это серьезная работа — поправить во всех подробностях, но я думаю, что и это я поправлю. Вообще с его замечаниями я очень и очень согласен и очень благодарен Вам, что Вы их не утаили от меня и выслушали от него и запомнили; это очень полезно нашему брату».

Несколько позже, 18 апреля 1883 г., Репин опять писал Стасову относительно Верещагина:

«Верещагин колосс, гениальный художник; его последня[я] вещь, «Перед атакой Плевны», где лежат наши солдатики под прикрытием укреплений, просто поразительно нова! Сильна, реальна, до гениальности, но, к великому горю, она страдает и колоссальным недостатком, делающим ее балаганной картиной: это фигуры начальников, — лица их так небрежно намалеваны, так фальшиво освещены, фигуры так слабо нарисованы, что просто глазам не веришь, особенно при взгляде на группу солдат, которая лежит, как живая и совершенная правда жизни, где каждый гвоздик на сапоге, как живой, лезет Вам в глаза; шинели,

кепи, мундиры — все это совершенно живая натура, — и вдруг такое пренебрежение к главному, к человеческому лицу, — просто непростительно, непростительно!!! Как хороша «Мечеть Могола»!!! А второй эпизод, где несколько фигур в белых балахонах сидят и разговаривают у белой стены, — опять куклы из папье-маше — странно! Все на одно лицо, и все раскрашены фальшиво, деревянны. И в другой еще индийско[й] та же кукольность: рельефные куклы — вот впечатление. Зато прежние болгарские все также превосходны, особенно «Переодевание» и «Панихида», и новая тоже — «Перевязочный пункт» — еще не была выставлена и вчера. Но какая дрянь его Москва!!! Вот-то паршивая декорация, и вся фальшива от начала до конца, который ужасно растянут. Что там за деревья, вода, золотые главы, башня справа!! Вон беги!

Однако, несмотря на эти гениальные промахи, он все-таки гениальный художник. Новый, блестящий и вполне современный — это богатырь действительно, но при этом еще все-таки дикий скиф, как все наше любезное отечество» («Репин И. Е. и Стасов В. В. Переписка», [т.] II, 1877—1894. М.—Л., 1949, стр. 79, 80 и 81).

О характеристике Верещагиным картин Репина, выставленных на передвижной выставке, Стасов писал 27 марта 1883 г. также Третьякову: «...знаете, Верещагин не нашел даже ни одного малейшего *замечания* сделать про «технику» Поприщина, хотя сделал несколько про «технику» *Крестного хода* (которыми Репин и намерен непременно воспользоваться, соглашаясь с ними, после моей передачи ему, самой точной, всех слов Верещагина, — оказалось, что сам Репин находил эти же недостатки, *частные,* и имел их в виду для поправки). Вообще Верещагин *сильно* хвалил обе картины Репина» («П. М. Третьяков и В. В. Стасов. Переписка», М.—Л., 1949, стр. 83).

374

К письму 6 апреля 1883 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Москва, 7 апреля 1883 г. и Петербург, 8 апреля 1883 г.

Конверт имеет типографский штамп: «Kaisers Hotel zur Stadt Berlin in Moskau». На конверте пометка В. В. Стасова: «6 апр[еля] 1883».

[2] Тоньолати (Тогнолати) И. Е. — владелец художественного магазина в Петербурге.

[3] Речь идет о продаже картин Верещагина, выставленных им в 1883 г. в Москве.

Третьяков не дал согласия на покупку всей коллекции (25 картин и 50 этюдов) за предложенную Верещагиным цену в 150 000 руб.

Стасов был чрезвычайно огорчен тем, что переговоры, ведшиеся с 1879 г. о продаже «Болгарской коллекции» в одни руки, остались без результата. Еще более он был огорчен и возмущен тем, что продажа картин Верещагина попала в руки маклера Тоньолати.

О своем состоянии и о своем отношении к сделке Верещагина с Тоньолати он делился в нескольких письмах с П. М. Третьяковым, который, однако, более спокойно отвечал ему. 10 апреля 1883 г. Стасов писал: «Павел Михайлович, верно, Н. П. Собко прескверно написал Вам мои слова, так что Вам нельзя было понять, в чем дело состояло, а я в последние минуты перед почтой валял во весь дух письмо к Верещагину и не мог сам написать Вам, что меня так тогда волновало.

Да, я был в ужасе и продолжаю быть в нем, потому что приготов-

ляется дело для меня ужасное. Подлецы и пройдохи Тогнолати вступают в дела нашего художества и начинают распоряжаться, как на Толкучем рынке!!! Пока они возятся со Строгановыми *, Кушелевыми ** и как их всех там зовут, да еще на придачу с обожающими их Марьями Николаевными ***, Григоровичами, и проч. и проч., пока они торгуют и облапошивают дураков и дур, занимающихся «изящными искусствами» от праздности, скуки и моды, — плевать я на них хотел. Какое мне до них всех дело!!! И пусть они продают и покупают фальшивых и настоящих Тицианов и Ламли, Клод-Лореней и Коро, Грезов и Пуссенов — это решительно ни до кого не касается, тут дело идет только об мастерстве, с одной стороны, об виртуозности — с другой. Тут еще нет того художества, которое в самом деле живет жизнью и содержанием — так, какое-то художественное *баловство* и более ничего, — праздность сытых людей!

Но ведь на нынешний раз дело идет о чем-то совершенно другом, о *болгарских картинах Верещагина,* т. е. последнем слове современного, нынешнего искусства!! Таких вещах, перед которыми далеко остаются, на 10-м плане, все его даже туркестанские и индийские вещи!

И какой-то прохвост — Тогнолати — будет ими распоряжаться тупо, глупо, как подлая сводня и бандорша распоряжается молодой красавицей, чорт знает почему попавшей в ее проклятые лапы! И этот Верещагин тоже хорош: то хлопочет о *нераздельности и неразрывности* туркестанской коллекции, где есть пропасть неважного и даже слабого, хлопочет потом точь-в-точь так же и о болгарской коллекции, но только *сначала,* а потом, покипятившись немножко, преспокойно соглашается, чтобы его картины разлетелись по всем сторонам, куда ни попало, чорт знает в чьи руки и на чей *произвол,* может быть, *бесследно* и *навсегда,* между тем как подобного рода картин не бывало в Европе, точно так, как не бывало и войны такой, как болгарская, в Европе.

За эту коллекцию ведь можно было бы отдать множество целых галлерей, и наших и европейских!

Я, конечно, и не думаю, чтоб Вы лично, Павел Михайлович, имели силу что-нибудь изменить и остановить тут. Покупать *всю* коллекцию Вы, конечно, и не желаете и не можете. Вы столько *делаете* и *делали,* что перед Вами надо только низенько кланяться, а не то что ожидать еще чего-то большего, еще чего-то высшего и необыкновеннейшего. Нет, это и невозможно, да и было бы вопиющею несправедливостью. Вы один работаете, в *музейном отношении,* более, чем вся остальная Россия, вместе сложенная. Но вот что:

Нельзя ли было бы образовать какую-то *компанию, комитет,* хоть *национальную общую подписку,* чтоб купить разом всю коллекцию, вырвать ее из рук подлецов и оставить в полном составе для России? Я предлагал это Верещагину еще в 1878 году, в Париже. Но у него теперь только и есть в голове, что *продать* эту коллекцию, как бы там и кому бы то ни было.

Скверно, мерзко!

В. С[тасов]».

---

* Строганов Павел Сергеевич, граф, — коллекционер, меценат. — *Ред.*

** Кушелев-Безбородко Н. А. (1834—1862) — коллекционер, завещал свою галлерею Академии художеств. — *Ред.*

*** Великая княгиня, президент Академии художеств по 1876 г. — *Ред.*

На это письмо Третьяков отвечал Стасову 13 апреля 1883 г.: «Многоуважаемый Владимир Васильевич, я не согласен с Вами, чтобы продажа болгарских картин требовала непременного неразъединения, как того требовали туркестанская и индийская. Болгарские картины представляют отдельные эпизоды, друг с другом не связанные нераздельно, довольно иметь альбом всех фотографий с них, а самые картины если и разойдутся по разным рукам — не беда; разумеется, дай бог хорошие руки; разумеется также, не было бы дурно, если бы и вся коллекция была вместе, но об этом нечего и думать, никакая подписка, никакое общество немыслимо. Я с своей стороны считаю нужным иметь вместе следующие картины:

«Маскарад»
«Панихиду»
«Скобелева»
«Дорогу» (Пленные)
«Плевну» (Император)
«Шпиона»
«Дунай» (Казачий пикет)
«Землянки в Шипке»,

и эти картины готов приобрести за 50 тыс. рублей, что и предлагал Василию Васильевичу. Более я ничего не могу сделать.

Ваш преданный *П. Третьяков*».

16 апреля 1883 г. Стасов опять пишет Третьякову:

«Чем кончится продажа болгарских картин Верещагина, с *бандоршей* и *сводней* Тогнолати во главе, — не понимаю. Но ничего не предвижу хорошего. Участвовать во всем этом не имею возможности, ни уменья, ни охоты. Но мне кажется ужасным, что теперь висит на воздухе, и бог знает наклонится в какую сторону, участь *болгарской коллекции»* Верещагина, ряда картин, наверное, капитальнейшего, что Верещагин сделал, а *по содержанию* — важнейшего изо всей живописи XIX века.

Где-нибудь в Испании или Италии услышу, вероятно, чем все это дело кончится и многое ли попадет к Вам. Но мне кажется поразительным, что Вы не имеете аппетита, Павел Михайлович, к некоторым *хорошим* картинам серии (каковы, например, «*Вечная память*», по старому каталогу 1880 года № 8, и «Обоз раненых», № 9) или к *капитальным* вещам, каковы: «Перевязочный пункт» и «Турецкий лазарет»!! Это уже решительно вся Европа в один голос говорит. Неужели такие вещи попадут к каким-нибудь негодяям и дуракам, русским, англичанам или американцам?!!!

Впрочем, Вы столько уже сделали и столько делаете постоянно, что пусть другие попробуют хоть 1/10 столько сделать, и тогда будет уже хорошо. Так как же, ожидать от Вас еще большего?!

До свиданья в июле или позже.

Ваш *В. С[тасов]*

Как, кроме Вас, *все остальные* относятся к Верещагину, кто бы мог и должен бы покупать у него его феноменальные вещи — подумать противно. При случае отведу с Вами душу на словах».

Третьяков опять писал Стасову 19 апреля 1883 г.:

«Вас, Владимир Васильевич, поражает, что я не имею аппетита к «Вечной памяти», к «Обозу раненых», «Турецкому лазарету», «Перевязочному пункту»? Дело, во-первых, в том, что я решил употребить на это приобретение, более чего не могу, сумму 50 тыс., громадную как

для меня, так и для всех добывающих деньги трудом; прибавлять же за ту же сумму еще некоторые к 8 мною назначенным я не посмел, потому что для Верещагина, потратившего на болгарскую коллекцию массу времени, труда, энергии, самой жизни, для него и эта назначенная мною сумма недостаточна (если бы это приобретение состоялось, наши художники опять будут тыкать мне: «Вот Вы Верещагину какие суммы платите, а у нас выторговываете»). Во-вторых, «Вечная память» — очень хорошая вещь, и я непрочь бы ее взять; «Обозу» я не придаю особого значения; «Лазарет» мне не нравится (о вкусах не спорят); «Перевязочный пункт» по исполнению, по колориту и технике мне также не понравился, но теперь его еще нет на выставке (Василий Васильевич брал его после Петерб[урга] в Париж, вероятно, еще поработал над ним), но будет. Репину более всего понравилось «Перед атакою». Эта картина мне в Гамбурге не понравилась совсем, здесь же более нравится, но опять повторяю: о вкусах не спорят. Вы знаете, какого я высокого мнения о Верещагине, может быть, вразрез с большинством художников, — потому, если я говорю, что̀ мне менее нравится, что̀ совсем не нравится, то это — мне думается — я могу говорить, не сбавляя в своих глазах значения Верещагина.

Желаю Вам счастливого пути и доброго здоровья.

Ваш преданный *П. Третьяков*».

Еще раз он писал 24 апреля 1883 г.:

«Хотя Вы, Владимир Васильевич, и на дороге почти, но не могу не сообщить Вам о том, что Вас очень интересует. Мое предложение Верещагину не состоялось. «Победители», «Шпион», «Пикет» куплены гг. Терещенко и еще ими же куплены «Два ястреба» и этюд слона; говорят, что и еще имеют в виду продать им же некоторые картины. Очень рад, что именно достаются картины в эти руки. Это, может быть, лучшие руки, так как их коллекция может со временем сделаться достоянием Киева. Я думаю взять три картины: «Перед атакой», «Скобелева» и «Император под Плевной». Цены благодаря мастерству Тогнолати удерживаются огромные. По-моему, уж в тысячу раз лучше играть свою роль маклера или сводни, как Вы выражаетесь, г-ну Тогнолати, чем ту, какую играл Жемчужников на аукционе Верещагина в Петербурге.

Счастливый путь и будьте здоровы!

Ваш преданный *П. Третьяков*».

(«Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова», М.—Л., 1949, стр. 85—89).

375

К письму 8 апреля 1883 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Москва, 8 апреля 1883 г. и Петербург, 9 апреля 1883 г., — с типографским штампом гостиницы: «Kaisers Hotel zur Stadt Berlin in Moskau».

На конверте пометка В. В. Стасова: «Собко/Веласкез. 6 апр[еля] 1883». Последняя дата ошибочна, следовало: «8 апреля 1883».

[2] Стасов в это время готовился к совместной поездке с И. Е. Репиным в Испанию и в другие страны Европы.

Еще 25 марта 1883 г. Репин писал об этом Стасову: «Дорогой Вла-

димир Васильевич! Во-первых, позвольте Вас обнять и расцеловать за то, что Вы едете, не откладываете; значит, мы покатим! Теперь я еду в Европу сознательно и со страстным желанием, не то что 10 лет назад, по казенной надобности» («Репин И. Е. и Стасов В. В. Переписка», [т.] II, 1877—1894, М.—Л., 1949, стр. 79).

Тогда же, 27 марта 1883 г., Стасов писал о предполагаемой поездке с Репиным за границу П. М. Третьякову: «Посмотрим, что на него произведет нынешнее путешествие его. Не знаю, говорил ли Вам Репин, мы в конце апреля едем вместе в Голландию, Бельгию, Париж, всю Испанию и всю Италию. То-то, я воображаю, он воротится полусумасшедшим от Рембрандта и Веласкеза! Я так давно твержу ему, как ему *необходимо* теперь, в самые его зрелые годы, побывать в Мадриде, в Амстердаме и повидать «Les fileuses» *, «Эзопа», «Шутов» и «Карлов» Веласкеза и «Ronde de nuit» **, бургомистра Сикса Рембрандта. В третьем году мы вместе с Антокольским смотрели Рембрандта в Амстердаме и Гааге и чуть не на пол сели от священного ужаса и восторга — как-то у нас ныне с Репиным опять дух захватит!» («Третьяков П. М. и Стасов В. В. Переписка», М.—Л., 1949, стр. 83).

Стасов возложил на себя тяжелую задачу — быть художественным руководителем Репина во время его ознакомления с памятниками и шедеврами мирового искусства и разъяснять их значение для развития и процветания русского национального реалистического искусства, которому Стасов отдавал все свои силы и способности на протяжении всей своей жизни.

Из дальнейшего будет видно, что выполнение этой задачи во время поездки с Репиным давалось Стасову на легко и приводило к ряду разногласий с художником.

[3] Веласкес Диего (1599—1660) — великий испанский художник, творчество которого представляет собой одну из самых значительных вершин мирового искусства.

В своих произведениях Веласкес ярко отобразил широкую картину жизни испанского общества XVII столетия. Творчество Веласкеса, характерное изумительной жизненной правдой, остротой социальной и психологической характеристик, изображает представителей вырождавшейся дегенеративной аристократии во главе с королем Филиппом IV, жестоких, честолюбивых и чопорных придворных, их нравы, типы, обычаи.

Высоким гуманистическим чувством проникнуты картины художника, изображающие людей труда, простой народ: ткачих, крестьян, кузнецов, несчастных шутов, забавляющих королевскую семью. Прекрасный колорит, основанный на гармоническом сочетании тончайших тонов, смелая, живописная техника, высокое мастерство рисунка и композиции отличают картины Веласкеса. Творчество Веласкеса было высоко оценено русскими художниками-реалистами — Репиным, Крамским и др., критически воспринявшими и развивавшими лучшие стороны искусства великого испанского живописца.

Стасов, видя в Веласкесе одного из самых великих художников мировой истории, отмечал и ограниченность этого художника, которую находил в незначительности темы многих работ художника, изображающих в разных вариантах ничтожного испанского короля и его окружение. Вместе с тем Стасов считал лучшими работами Веласкеса те, в которых изображался простой народ.

---

* «Прядильщицы».

** «Ночной дозор».

376

К письму 12 апреля 1883 г.

[1] На автографе пометка В. В. Стасова: «Москва».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Москва, 12 апреля 1883 г. и Петербург, 13 апреля 1883 г.

На конверте пометка В. В. Стасова: «12 апр[еля] 1883».

[2] В Москве 12 апреля 1883 г. открылась выставка картин В. В. Верещагина, входную плату на которую художник установил в 5 и 10 копеек.

Об открытии выставки Верещагина в Москве было опубликовано сообщение в газете «Новое время» (1883, 17 апреля, № 2563):

«В. В. Верещагин, только что вернувшись из Индии, которую теперь посетил вторично, приехал в Москву, где устроил выставку своих картин. Выставка помещается в залах немецкого клуба, на Софийке, и открыта также вечером при электрическом освещении. Плата за вход на выставку назначена десять копеек. Столько же стоит и каталог, в котором, кроме портрета художника и нескольких снимков с его картин, недурно сделанных, имеется еще предисловие — род короткой биографии г. Верещагина и перечисление его успехов, составленное г. Собко... Выставленные в Москве картины Верещагина принадлежат главным образом к русско-турецкой эпопее. Сверх того, есть несколько видов Индии и картин из индийской жизни, а также вид Кремля, взятый из Замоскворечья. Всех картин — 39, а затем около 18 набросков, сделанных художником во время и после войны. Далее на выставке имеются значок Скобелева, подаренный покойным Верещагину, цепь, употребляемая в Турции для пересылки преступников, ковры, оружие и проч. Все картины г. Верещагина продаются вместе и порознь. Продажа их поручена известному петербургскому торговцу и эксперту по части художеств г. Тогнолати, так как сам художник в это дело не вмешивается. По слухам, известный киевский богач г. Терещенко сделал уже г. Тогнолати предложения относительно приобретения нескольких больших картин, точно так же как и московские любители и владельцы картинных галлерей гг. Третьяков, Солдатенков, Боткин, Карзинкин, Баранов и Мазурин».

[3] Долгоруков (Долгорукий) Владимир Андреевич, князь (1810—1891) — московский генерал-губернатор (1865—1891).

[4] Канчинга (Канчинджинга) — вторая по высоте горная вершина в Гималаях (8580 *м*) на границе Сиккима и Непала.

377

К письму 13 апреля 1883 г.

[1] На автографе год «1883» проставлен В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Москва, 13 апреля 1883 г. и Петербург, 15 апреля 1883 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «Собко. 13 апреля 1883».

[2] В то время, когда Верещагин был в Москве, Собко в Петербурге организовал издание «Каталога выставки картин и этюдов В. В. Верещагина в Москве» (1883) со своим предисловием. Верещагин направил, видимо для каталога, некоторые дополнения к тексту, поясняющие картины.

[3] В этом каталоге, отпечатанном в Петербурге в апреле 1883 г. под № 22, значится не «Допрос», а «Два ястреба»; № 21 — «Скобелев под Шипкой» и № 23 — «Башибузук».

[4] Сравнивая каталоги верещагинских выставок — петербургской 1880 г. и московской 1883 г., — можно установить, что на последней из этих выставок была экспонирована картина «У гробницы мусульманского святого», отсутствовавшая на выставке 1880 г. На основании этого следует полагать, что Верещагин под «новой индийской сценой» имеет в виду картину «У гробницы мусульманского святого».

378

К письму 14 апреля 1883 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Москва, 14 апреля 1883 г. и Петербург, 15 апреля 1883 г.

На конверте пометка В. В. Стасова: «15 апр[еля 18]83».

[2] Речь идет о добавлении к тексту, которым Верещагин сопровождал названия картин в каталоге выставки 1883 г. в Москве.

Под № 3 в разделе «Картины последней русско-турецкой войны» значилась картина «Император Александр II под Плевной».

Упоминаемая в письме Верещагина фраза в пояснение к картине не включена. Повидимому, Верещагин опоздал с предложением об изменении текста, так как текст каталога был уже утвержден цензурой 7 апреля 1883 г.

[3] Под «цивилизацией» Верещагин подразумевает московскую аристократию.

[4] Начало французской пословицы: «Самая лучшая девушка не может...» и т. д. и т. д.

[5] Имеется в виду книжка «Очерки путешествия г-на и г-жи Верещагиных в Гималайи» (СПБ, 1883). Она печаталась в типографии М. М. Стасюлевича.

[6] Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911) — либерально-буржуазный историк и публицист; редактор-издатель журнала «Вестник Европы» (1865—1909) и газеты «Порядок» (1881—1882).

379

К письму 17 апреля 1883 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Москва, 18 апреля 1883 г. и Петербург, 19 апреля 1883 г.

На конверте пометка В. В. Стасова: «17 апр[еля] 1883».

[2] Возможно, речь идет о задуманном Н. П. Собко издании «Словарь русских художников».

[3] Верещагин говорит о письме Н. П. Собко к нему от 10 апреля 1883 г. (Архив Третьяковской галлереи).

[4] Имеется в виду статья В. В. Стасова «Василий Васильевич Верещагин» («Вестник изящных искусств», 1883, вып. 1, стр. 98—128; вып. 2, стр. 238—278).

Верещагин, как уже сообщалось ранее, сделал к статье Стасова на полученных им оттисках ее первой и второй части многочисленные поправки и замечания, которые были Стасовым в некоторой части позднее приняты во внимание при редактировании этой статьи для полного собрания сочинений (т. II, отд. 4, СПБ, 1894, стб. 217—330).

Упоминаемое Верещагиным утверждение Стасова о том, что художник не был 30 августа под Плевной, в первоначальной редакции, в «Вестни-

ке изящных искусств», стр. 267, гласило: «Верещагин.. едва-едва кое-как оправился к концу августа, так что не присутствовал при плевненском штурме 30 августа, но во время штурма потерял своего брата Сергея... После Плевны Верещагин разыскивал тело этого брата на бывшем поле сражения под страшным огнем со стороны турок и не имел возможности доискаться, потому что испуганный румын-извозчик, невзирая на все просьбы и даже угрозы, ударил по лошадям и ускакал назад».

Верещагин зачеркнул слова «так что не присутствовал при плевненском штурме 30 августа» и приписал на полях: «а как же я написал императора, глядящего на этот штурм?? Я приехал за 3 дня до штурма и все видел, хотя участвовать и не мог, так как рана была еще не совсем закрывшись».

Верещагин далее также зачеркнул слова Стасова о розыске брата и написал на полях: «Разыскать не было возможности, так как мы отступали» (Отдел рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

На основании этих поправок Стасов добавил в статью для собрания сочинений: «но все-таки все видел» и фразу о розыске брата заменил припиской Верещагина о невозможности розыска (т. II, отд. 4, СПБ, 1894, стб. 321).

380

К письму 18 апреля 1883 г.

[1] Письмо не датировано. На автографе пометка В. В. Стасова: «Получ[ено] 19 апр[еля 18]83».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Москва, 18 апреля 1883 г. и Петербург, 19 апреля 1883 г.

На конверте пометка В. В. Стасова: «19 апр[еля] 1883».

[2] После этого письма переписка между Стасовым и Верещагиным прерывается на три месяца.

Стасов уехал 26 апреля 1883 г. с Репиным в путешествие по Европе; 1 и 2 мая они были в Дрездене, где Репин писал известный «дрезденский» портрет Стасова; 3 мая — в Касселе; 4, 5, 6 и 7 мая — в Амстердаме, Гарлеме, Гааге и Антверпене; 8—20 мая — в Париже; 22—30 мая в Мадриде; 31 мая и 1 июня — в Толедо, Кордове; до 6 июня — в Гренаде; 6—14 июня — Хуан, Барселона, Генуя, Милан, Верона, Венеция. Оттуда через Мюнхен вернулись 19 июня 1883 г. в Россию. И. Е. Репин рассказывает о совместном путешествии с В. В. Стасовым в 1883 г. в статье «Воспоминания о В. В. Стасове» (1923), опубликованной нами впервые в журнале «Искусство» (1948, март — апрель, № 2, стр. 86—92; см. также: «Репин И. Е. и Стасов В. В. Переписка», [т.] III, М.—Л., 1950, стр. 161—180).

В невключенном в статью «Воспоминания о В. В. Стасове» (1823) черновом наброске к ней Репин делится своими воспоминаниями о споре со Стасовым по поводу Верещагина и значения портретной живописи:

«Знаете, я думаю сейчас о Верещагине, — заговорил В. В., — и у меня вырос упрек ему: ведь он не дал ни одного портрета».

Я. «Неужели, В. В., Вы думаете, что портрет обязателен для каждого художника?» — возражаю я, весьма удивленный этой темой.

Он. «Да, я убежден, что портрет самое важное для художника... тут и жизнь, и время, и тип — все подавай».

Я. «Хорошо. Как же это, значит пейзажистов Вы совсем исключаете из числа худ[ожников]?»

Он. «Да я ведь над природой никогда не останавливаюсь...»

...Мы так увлеклись в горячий спор до обид с обеих сторон, что... проходили по бульвару часа два...» (Архив Академии художеств).

Опубликовано в книге «И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка» ([т.] III, М.—Л., 1950, стр. 283).

После отъезда Стасова и Репина за границу Верещагин оставался со своей выставкой в Москве, где в начале мая 1883 г. предстояли коронационные церемонии.

Продажа картин производилась во время выставки. Третьяков наметил к покупке три картины: «Александр II под Плевной», «Перед атакой» и «Скобелев под Шипкой» (Шипка-Шейново). О своих нынешних и прежних покупках картин у Верещагина он писал 25 апреля 1883 г. И. Е. Репину:

«...скажите Владимиру Васильевичу, что на этом аукционе я купил не свыше 75 тыс., как он говорит, а на 57 737 рублей. Вот и теперь придется дорого заплатить, так как являются сильные конкуренты г-да Терещенко (я, впрочем, рад теперь, когда что им достается: мне кажется, они пойдут по моему следу), а делом заправляет такой г-н, как Тогнолати! Не купить ничего, те же будут осуждать, кто стал бы осуждать, если бы много купил; я решил взять три картины: «Скобелева», «Перед атакой» и «Под Плевной»(император). Скажите Вл[адимиру] Вас[ильевичу], что Терещенко изъявил желание приобресть еще «Панихиду», «Перевязочный пункт» и «Траншею» — не знаю, состоится ли.

Может быть, и не попадет к Вам это письмо, если уехали уже».

8 июня 1883 г. Третьяков опять сообщал Репину о результатах распродажи картин Верещагина: «Верещагин продал: мне — «Перед атакой», «Под Плевной», «Скобелева»; Терещенко — «Переодеваются», «Дунай», «Два ястреба», «Шпиона», «Слона», этюд и 50 маленьких набросочков болгарских и более никому ничего, хотя, вероятно, можно бы еще продать, если бы была какая-нибудь возможность иметь с ним дело! Тогнолати, разумеется, будет иметь с ним дело, когда получает за это 10%, а уж Григорович открещивается, хотя и получил для школ большую сумму.

Владимиру Васильевичу кланяюсь и очень осуждаю его статью о Верещагине.

Ваш преданный *П. Третьяков*».

(«Репин И. Е. Письма. Переписка с П. М. Третьяковым. 1873 — 1898», М.—Л., 1946, стр. 71—72 и 75).

И. Н. Терещенко приобрел ряд балканских картин («Победители», «Пикет на Дунае», «Два ястреба» (Башибузуки), «Шпион») и этюдов Верещагина. Проданные этюды перечислены в письме Верещагина к Терещенко от 30 мая 1883 г. из Москвы:

«Многоуважаемый Иван Николыч!

Посылаю Вам запись маленьких этюдов, в свободную минуту пришлю кое-какие подробности. №№ поставлены на обороте рамок.

Примите уверение в моем уважении.

В. Верещагин

Если найду еще какой-либо набросок — пришлю вам».

В списке перечислены этюды:

1) «Марковы столбы» на Балканах;
2) Памятник л[ейб]-егерей под Телишем;

3) Место битвы 18 июля под Плевной;
4) На месте битвы под Гривицею;
5) Переход колонны Скобелева через Балканы;
6) Памятник лейб-гренадер под Горн[ым] Дубняком;
7) Холмик, с которого смотрел бомбардировку Плевны гос[ударь] император;
8) Угол редута Скобелева;
9) Близ деревни Рабишево под Плевной;
10) Дорога на перевал через Балканы;
11) Переход колонны Скобелева через Балканы;
12) Памятники московцев, финляндцев и гренадер под Горн[ым] Дубняком;
13) Повозка для раненых;
14) Редут;
15) Под Плевной;
16) После битвы Османа с гренадерами;
17) Балканы;
18) Телега для раненых;
19) Мертвецкая в Систове;
20) Наши батареи под Плевной;
21) Г. Силиври на Мраморн[ом] море;
22) Батарея под Плевной;
23) Место ночлега Скобелева на Балканах;
24) Под Гривицею;
25) Турецк[ий] редут, под которым убит С. В. Верещагин;
26) На месте битвы под Телишем;
27) В Балканах;
28) Долина под Гривицею;
29) Лагерь казаков;
30) Солдатский лагерь;
31) Госпитальная палатка;
32) Госпитальная повозка;
33) Центральная и круглая батарея на Шипке;
34) Гора св. Николая;
35) Холмик императора под Плевной;
36) Казаки, вступающие в Румынию (Скобелев отец);
37) Верх горы св. Николая;
38) Дорога на Шипке;
39) Место битвы гренадер с Османом под Плевной;
40) Под Плевной;
41) Близ деревни Тученицы;
42) Повозка для сухарей;
43) Мерзлые турки;
44) Дорога около Плевны;
45) На перевале;
46) Д. — Д. — Д.;
47) Батарея Мещерского на Шипке;
48) Редут Гривица;
49) Вечером на перевале Балкан;
50) Домик на дворе Скобелева;
51) Зимою по дороге;
52) Место ночлега Скобелева на Балканах;
53) На перевале Балкан;
54) По дороге в Ловчу;
55) На болгарском кладбище;
56) Землянка на Шипке;

57) Зимой по дороге в Ловчу;
58) Землянки в отряде Скобелева;
59) Офицерск[ая] палатка».

Об отправке картин Верещагин сообщал Терещенко 16 июня 1883 г. (Письма В. В. Верещагина, а также А. В. Верещагина к И. Н. Терещенко хранятся в Архиве Киевского музея русского искусства.)

381

К письму 6/18 августа 1883 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 18 августа 1883 г. и Петербург, 10 августа 1883 г.

На конверте пометки В. В. Стасова: «А[лександр] В[асильевич] плут и мошенник и проч.».

[2] В. В. Верещагин говорит о книге А. В. Верещагина «Дома и на войне. Воспоминания и рассказы Александра Верещагина».

382

К письму 6/18 августа 1883 г.

[1] На автографе пометка В. В. Стасова: «14 авг[уста 18]83».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, Мезон-Лаффитт, 18 августа 1883 г. и Петербург, 11 августа 1883 г.

[2] При письме В. В. Верещагина от 18 апреля 1883 г. находится текст письма А. В. Верещагина Е. К. Верещагиной, жене художника, написанный на двух отдельных листах почтовой бумаги; часть текста зачеркнута. На тексте пометка В. В. Стасова: «14 авг[уста] 1883».

А. В. Верещагин писал: «Елизавета Кондратьевна! Во вчерашнем письме я писал Вам, что не желаю брать назад коллекции, но теперь рассудил, что при моих настоящих слабых финансах не резонно отказываться от этих вещей, а потому прошу передать В[асилию] Васильевичу, что я возьму коллекцию, как только Яков приедет в П[етер]б[ур]г. Одна мужская шапка, один женский головной убор и несколько халатов остались, кажется, у Вас наверху между прочими костюмами. Если В[асилий] Васильевич разрешит.

Относительно туркестанских вещей, передайте В[асилию] В[асильевичу], что они мне *не нужны,* что я их собирал для него, а если они теперь отслужили срок и сделались лишни, то пусть пожертвует их в какой-либо музей, куда знает.

Будьте здоровы и счастливы.

Остаюсь навсегда уважающий Вас

А. Верещагин».

[3] Кречман (Кречмер) Е. — литератор и переводчик. В его переводе вышла в Лейпциге в 1885 г. книга В. В. Верещагина «Очерки, наброски, воспоминания» («Skizzen und Erinnerungen. Von W. W. Wereschagin», Leipzig, 1885, 227 стр. с илл.).

383

К письму 7/19 августа 1883 г.

[1] Письмо не датировано. На автографе пометка В. В. Стасова: «Получено 11 авг[уста] 1883».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, Мезон-Лаффитт, 19 августа 1883 и Петербург, 11 августа 1883.

На конверте пометки В. В. Стасова: «11 авг[уста] 1883. Негодяй Александр».

384

К письму 20 августа/1 сентября 1883 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 2 сентября 1883 г. и Петербург, 25 августа 1883 г.

На конверте пометка В. В. Стасова: «20 авг[уста]/1 сент[ября 18]83».

[2] Разговор Стасова с Верещагиным о переписке статей художника, опубликованных в периодических изданиях, мог происходить в начале их знакомства, в 1874 г.

По поводу просмотра газет «Голос» и «Петербургские ведомости» за 1867, 1868 и 1869 гг. (в том числе и № 226 «Петербургских ведомостей» за 1867 г.) Верещагин обращался к Стасову в письме от 18/30 апреля 1882 г. и просил его поручить кому-нибудь эту работу. 19 апреля/1 мая 1882 г. Верещагин дополнительно сообщил Стасову, что есть и в «Голосе» публикации за начало 1869 г.

385

К письму 20 сентября 1883 г.

[1] Автограф письма хранится в Архиве Третьяковской галлереи.

[2] Для сборника «Очерки, наброски, воспоминания В. В. Верещагина».

[3] В журнале «Всемирный путешественник» (1870, вып. 14—19, стр. 209—304) был напечатан очерк В. В. Верещагина «Путешествие по Закавказью в 1864—1865 гг.» (с 30 рисунками автора).

[4] Сборник был представлен в цензуру; на нем имеется надпись: «Дозволено цензурой Петербург 26 ноября 1883 г.».

[5] См. статью Суворина «Письма к другу» («Новое время», 1883, 11 сентября, № 2707).

В этой статье Суворин, как будто хваля Верещагина, делает его учеником Европы и ни слова не говорит о великом значении его антимилитаристических картин, которыми художник сказал свое новое слово в истории искусства.

[6] Стасов все еще был под впечатлением неудачного для него путешествия за границу с И. Е. Репиным. Об этой неудаче он писал брату, Д. В. Стасову, 30 мая (11 июня) 1883 г.: «... я сделал большую ошибку, поехавши с Репиным. Этого никогда не должно было бы быть. Он человек прекрасный, художник — и говорить нечего, натура чистая, светлая; и все-таки для меня сущая каторга, что я теперь езжу с ним. У меня еще не было путешествия неудачнее этого. Мудрено этому поверить, но оно именно так, и я с нетерпением жду, скоро ли путешест-

вие кончится и скоро ли я ворочусь назад в Петербург!!! Это со мной никогда не бывало. И все дело в том, что большая разница пробыть с человеком раз в неделю или в 2—3 недели несколько часов или проводить много недель с глазу на глаз, с утра до вечера без перерыва. Вообще говоря, мне это вообще не годится... Мне положительно надо быть подольше *одному...*» Далее Стасов описывает в письме причины своих размолвок и споров с Репиным во время этой поездки. Письмо опубликовано в книге «Репин И. Е. и Стасов В. В. Переписка» ([т.] II, 1877—1894, М.—Л., 1949, стр. 298—301).

386

К письму 8/20 октября 1883 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 20 октября 1883 г. и Петербург, 12 октября 1883 г.

На конверте пометка В. В. Стасова: «8/20 окт[ября] 1883».

[2] В сборник «Очерки, наброски, воспоминания В. В. Верещагина» вошли следующие его статьи:

«Из рассказов крестьянина охотника»;

«Из путешествия по Закавказскому краю»:

I. «Религиозное празднество мусульман-шиитов»;

II. «Духоборцы»;

III. «Молокане»;

«Из путешествия по Средней Азии»;

«Дунай. 1877»;

«И. С. Тургенев. 1879—1883»;

«По Сибири»;

«Воспоминания детства».

[3] Намерение больше никогда и никуда не ездить было высказано Стасовым в его письме от 20 сентября 1883 г. сгоряча. После того он несколько раз ездил за границу (в 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1897, 1899 и 1900 гг.), а также к Л. Н. Толстому — в Ясную Поляну и в Москву.

387

К письму 24 октября/5 ноября 1883 г.

[1] К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон-Лаффитт, 5 ноября 1883 г. и Петербург, 28 октября 1883 г.

На конверте пометка В. В. Стасова: «24 окт[ября 18]83».

[2] Об очерке Верещагиных, описывающем путешествие в Гималаи, в существующей до сего времени литературе нет полной ясности; некоторые авторы приводят о нем неверные сведения. Очерк Верещагиных о путешествии в Гималаи первоначально был написан на немецком языке первой женой Верещагина, Елизаветой Кондратьевной, спутницей художника в путешествии. Две части очерка впервые опубликованы с рисунками Верещагина отдельными книжками в Лейпциге в 1882 г. («Reiseskizzen aus Indien. Von Herrn und Frau Wereschagin. Bd. 1. Ost-Himalaya; Bd. 2 Kaschmir. Ladak», Leipzig, 1882, 1885). Вслед за этим 1-я книга, переведенная с немецкого на французский язык, в том же 1882 г. была выпущена отдельным изданием в Париже («Esquisses de voyage dans les Indes par M. et M-me Vereschaguine. 1-ère partie. — L'Hymalaya oriental», Pa-

ris, 1882, 113 стр. с илл.). После того переведенная В. В. Верещагиным на русский язык книга была отпечатана в типографии М. М. Стасюлевича в Петербурге («Очерки, путешествия г-на и г-жи Верещагиных в Гималайи». — Часть 1. Сикким, СПБ, 1883. Часть II. Кашмир — Ладак, СПБ, 1884). Позднее обе части путешествия Верещагиных в Гималаи опубликованы на английском языке в книге: Verestchagin V. Painter — Soldier — Traveller. London, 1887, т. I, стр. 207—336, т. II, стр. 1—75 и на французском языке в книге: Vereschagin, V., Souvenirs. Enfance — Voyages — Guerre, Paris, 1888, стр. 63—271, L'Inde (с иллюстрациями автора).

388

К письму 1 ноября 1883 г.

[1] Письмо написано в Петербурге, не датировано. На автографе пометка В. В. Стасова: «С.П.Б. 1 ноября 1883».

Верещагин приехал в Петербург из Парижа в последних числах октября 1883 г. Об его приезде газета «Новости и биржевая газета» (1883, 2 ноября, № 213) сообщила: «Известный художник В. В. Верещагин находится в настоящее время в Петербурге. В половине ноября он выставит в музее Общества поощрения художников несколько своих новых картин из последней турецкой войны, несколько этюдов, сделанных им во время своей последней поездки в Индию, и весь художественный скарб (этнографическая коллекция), собранный им во время путешествия. В. В. остается здесь только короткое время, так как он намерен совершить поездку в Палестину».

[2] Речь идет о клише, присланных Верещагиным из-за границы, об ускорении отсылки которых он предполагал послать телеграмму.

[3] Счет от А. В. Верещагина.

389

К письму 3 ноября 1883 г.

[1] К письму приложен конверт без почтовых штемпелей, адресованный в Публичную библиотеку или на Знаменскую, 22.

На конверте пометка В. В. Стасова: «3 ноября 1883».

[2] Бенке А. — арендатор типографии министерства путей сообщения, где в 1883 г. печатались сборник В. В. Верещагина «Очерки, наброски, воспоминания» и «Каталог выставки картин и этюдов В. В. Верещагина в Москве».

[3] Речь идет о клише и статьях для сборника Верещагина «Очерки, наброски, воспоминания».

390

К письму 3 ноября 1883 г.

[1] На автографе пометка В. В. Стасова: «[18]83».

К письму приложен конверт без почтовых штемпелей. На конверте пометка В. В. Стасова: «3 ноября 1883».

[2] «Гранд Отель» — гостиница в Петербурге.

[3] Верещагин подготовлялся к поездке в Палестину.

391

К письму 3 ноября 1883 г.

[1] Письмо не датировано. К письму приложен конверт без почтовых штемпелей. На конверте пометки В. В. Стасова: «3 ноября [18]83. Расширение сердца».

[2] На автографе после слов «продолжению наших сношений» приписка В. В. Стасова: «(Повторение моего письма, слово в слово)».

[3] Курсистка — переписчица статей Верещагина из периодических изданий.

[4] Болдырев Иван Васильевич — петербургский фотограф, выполнял работы для Публичной библиотеки. В музее Института русской литературы Академии наук СССР имеются неопубликованные снимки В. В. Стасова, выполненные Болдыревым: в рост, в сюртуке, перед витриной с портретами Петра I, с книгой в руке (1878); в кабинете в Публичной библиотеке, пострижен «ежиком» (1878).

[5] Нотович Осип Константинович (1849—1914) — журналист и литератор праволиберального направления; редактор-издатель газет «Новое время» (1873—1874), «Новости» (1876—1880) и «Новости и биржевая газета» (1880—1905). Стасов печатал свои статьи в издании «Новости и биржевая газета» с 1883 по 1906 г.

О газете Нотовича «Новости» («Новости и биржевая газета») Стасов писал скульптору Антокольскому 21 декабря 1888 г.: «Ведь я никогда не мог вполне сочувствовать «Новостям»; я по крайней необходимости пошел туда, когда не в состоянии был дольше выносить мерзостей и мерзавцев в «Новом времени». Хотя «Новости» постоянно притворялись и притворяются *либеральными*, но, в сущности, все у них фальшиво, притворно и глупо. А потому мне много раз приходилось беситься на Нотовича и нападать на него. То того, то другого он не хочет или не может печатать — а я не согласен на его глупости!» (Архив Института русской литературы Академии наук СССР).

[6] Имеется в виду Главное управление по делам печати министерства внутренних дел.

[7] Верещагин опубликовал в газете «Новости и биржевая газета» (1883, 28 и 30 октября и 3 ноября, № 208, 210 и 214) статью «Воспоминания из русско-турецкой войны. Переход через Балканы. Скобелев».

Как указано в конце статьи, она была перепечаткой из немецкого журнала «Nord und Süd».

[8] «Дунай 1877» — рассказ В. В. Верещагина, вошедший в его сборник «Очерки, наброски, воспоминания» (СПБ, 1883). В нем художник передает подробности своего участия в минной атаке со Скрыдловым на турецкий монитор.

392

К письму около 4 ноября 1883 г.

[1] Письмо не датировано. На автографе пометка В. В. Стасова: «авг[уст] (?) 1883».

К письму приложен конверт без почтовых штемпелей, адресованный В. В. Стасову (Знаменская, 22, Петербург) и доставленный Стасову, повидимому, с посыльным.

На конверте пометка В. В. Стасова: «1883 (авг[уст]?)».

Датировка Стасова, в которой он и сам сомневался и поставил знак вопроса, неправильна. В августе 1883 г. Верещагин был за границей.

Из текста этого письма, а также из текста следующего письма, также не датированного, но имеющего пометку В. В. Стасова: «Ноябрь 1883 г.», вытекает, что настоящее письмо написано в Петербурге после 3 ноября, за день до следующего письма. Оно является, повидимому, предпоследним письмом Верещагина в обострившихся его отношениях со Стасовым, написанным около 4 ноября 1883 г.

[2] Речь идет о корректуре воспоминаний Верещагина, изложенных им в письме Стасову от 20 сентября/2 октября 1882 г.

393

К письму около 5 ноября 1883 г.

[1] Письмо не датировано. На автографе пометка В. В. Стасова: «Ноябрь 1883».

К письму приложен конверт без почтовых штемпелей, повидимому, посланный в Петербурге с посыльным.

Письмо датируется по содержанию — около 5 ноября 1883 г.

[2] Об этих письмах В. В. Стасова и Н. П. Собко Верещагин уже писал Стасову 6/18 августа 1883 г.

[3] Т. е. довольно о расчетах с А. В. Верещагиным, пишите о корректурах.

Настоящее письмо — последнее в переписке 1883 г. После него наступил между Стасовым и Верещагиным разрыв, длившийся около 9 лет.

В переписке, вновь восстановившейся в 1892 г., Верещагин сообщал Стасову о причине их разрыва. Этой причиной были якобы слова Стасова, что Верещагин ему «надоел».

[4] Вскоре после разрыва со Стасовым у Верещагина произошел разрыв с П. М. Третьяковым.

11 ноября 1883 г. Верещагин написал Третьякову из Петербурга: «Отсутствие принадлежащей Вам картины моей «Перед атакой» составляет проруху на предстоящей выставке картин моих в Питере. Поэтому я решаюсь просить Вас прислать ее сюда на время выставки, без *рамы»* (Архив Третьяковской галлереи).

На это письмо Третьяков ответил отказом, ссылаясь на то, что картину с тяжелой рамой было трудно повесить, и он не решается ее трогать, что пересылка картины по железной дороге опасна и что вообще из открытого публичного собрания не следует что-либо выносить, тем более такую крупную вещь.

Верещагин был возмущен этим отказом. Он понимал, что Третьяков после путешествия его картин с верещагинскими выставками по Европе закрывает на дальнейшее время возможность снова пользоваться для выставки картинами, находящимися в галлерее. Он вернул письмо с отказом Третьякову и вслед послал 14 ноября из Петербурга телеграмму: «Мы с Вами больше не знакомы Верещагин» (Архив Третьяковской галлереи).

Этот разрыв завершает отход Верещагина от многих его прежних друзей и знакомых (Л. М. Жемчужникова, Н. П. Собко).

Повидимому, причиной этого были повышенная нервозность и неуравновешенное психическое состояние художника, надорванное десятилетиями огромной работы, его длительными путешествиями, с оставшимися от них страданиями малярией и его участием в войнах.

Разрыв со Стасовым в 1883 г. произошел, как и в 1879 г., в период подготовки Верещагина к выставке картин в Петербурге, которую он открыл 17 ноября 1883 г. в залах Общества поощрения художеств. Эта

выставка была устроена очень эффектно. Вестибюль и лестница были задекорированы восточными коврами в виде огромного шатра, стены увешаны оружием, шкурами зверей и проч. Залы освещались электричеством.

На выставке было представлено 46 картин, из них 16 уже известных публике. За вход на выставку была установлена плата 20 копеек.

О петербургской выставке Верещагина Стасов написал статью, опубликованную в газете «Новости и биржевая газета» (1883, 5 декабря, № 246; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., т. I, отд. 2, СПБ, 1894, стб. 727—734): «Нынешняя выставка Верещагина поразила всех у нас гораздо менее, чем две предыдущие выставки, 1874 и 1880 гг. Оно и понятно. Выставка 1874 года являлась у Верещагина результатом целой ташкентской войны, почти трех лет пребывания его в Туркестане и, после того, трех лет работы в мюнхенской мастерской. Выставка 1880 года являлась точно так же результатом целой турецко-болгарской войны, двух лет пребывания Верещагина в Индии и, после того, двух лет работы в парижской мастерской. На нынешней выставке далеко нет такого громадного богатства материала. Из болгарской войны перед публикой являются в первый раз всего только три картины: «Турецкий госпиталь в Плевне», «Перевязочный пункт» и «Пленный башибузук». Из второго индийского своего путешествия, очень недолгого, Верещагин мог привезти этюдов также несравненно менее, чем после первого. Вот в общем итоге и получается выставка, которая, почти по общему отзыву, гораздо беднее и «гораздо менее интересна», чем прежние две.

Но как же быть? Откуда взять новую войну, которая доставила бы сильное развлечение публике на выставке? Не всякий день есть война наготове, на услугу художникам и зрителям. Тоже и по Индии не очень-то разъездишься, когда вздумается. Там есть для приезжих желтые лихорадки, которых потом долго не забудешь и которые на многие годы дадут себя знать твоим нервам и всему организму, не хуже войны, контузий и ран. Но главная беда в том, что Верещагина привыкли у нас мерить каким-то совершенно другим масштабом, чем остальных художников. Другой живописец в кои-то веки напишет одну, две, три картины — и уже считает себя великим героем, и несет показывать эту одну, две, три картины на которой-нибудь общей или на своей особенной выставке. И все довольны, никто не в претензии. Кланяются и благодарят. С Верещагиным другая статья. Он на прежних выставках являлся таким богатырем-расточителем, что теперь, что ни покажи — хоть целых 50 картин, — все будет мало, все будут кричать: «Подай больше, подай больше!» Вольно же ему быть таким нерасчетливым, вольно же ему было так сорить золотом и алмазами, вольно же было так баловать публику. Вот вперед и наука!

Но мне случилось теперь не раз слышать: «Да все это старо и ничего почти нового! Мы все это уже видели и знаем». Слушаешь и просто ушам своим не веришь. Что это за люди такие, наконец! Уверяют, что видели, уже знают — потому что несколько лет тому назад на выставке была та и эта картина. Скажите, пожалуйста, вот ведь как скоро у нас иное приедается, ведь вот как скоро у нас от иного устают. А посмотрите, отчего же это вот который год театры вечно полны-полнешеньки, когда дают какую-нибудь несчастную «Аиду», какого-нибудь жалкого «Демона», какую-нибудь презренную «Рогнеду»? Там не устают, там нет никогда речи о «слышанном», о «старом»? Или когда великая Патти проделывает своим соловьиным голосом неимоверные музыкальные глупости и пустяки, никто не говорит, что слышал уже в прошлом или третьем году эти самые глупости и пустяки, а идет и платит доро-

гие деньги, и безмерно счастлив, от пяток и до макушки своей головы, что удостоился попасть в театр.

Где тут логика, где тут справедливость, где тут рассудок?

Но, признаться сказать, меня теперь на выставке не публика интересует. Бог с ней совсем, с публикой, ее не научишь, ее не переделаешь, пускай сама учится и поправляет свои вкусы, как знает, пускай восхищается, вкривь и вкось, как и чем ей угодно. Меня занимает совсем другое: участь Верещагинских картин. На нынешней выставке мы видим несколько картин из турецко-болгарской войны, которые были уже прежде на выставках в Петербурге и Москве и которых никто не купил до сих пор. Не поразительный ли это факт? Раскуплены были все почти, даже самые маловажнейшие, самые малоинтереснейшие этюды туркестанские и индийские, и остаются не купленными такие великолепные chefs d'oeuvre'ы из числа картин турецко-болгарской войны, как например, «Панихида по убитым», «Дорога пленных» или «Перевязочный пункт». Их никому не надо! Они, должно быть, слабы и ничтожны? Они не нравятся, они не шевелят нервов? Это в самом деле ужасно и постыдно.

Стоило Верещагину, во время своих выставок по целой Европе, отказываться от всех предложений покупки, стоило ему постоянно печатать там на всех каталогах: «картины турецко-болгарской войны не продаются», стоило ему беречь их для своего отечества, для России, как лучшую свою драгоценность, для того только, чтобы из их числа несколько покупателей повыбрали кое-что, по их разумению, лучшее и интереснейшее, а прочее оставили в стороне, как неважное или негодное, и при этом пропустили мимо глаз несколько самых крупных и великолепных созданий.

Я очень мало интересуюсь денежными выгодами самого Верещагина. Ему оказана несправедливость, иные его лучшие вещи не оценены, они от него не приобретены — что ж, это печально, но это его личное дело. Деньги придут, не сегодня, так завтра. Но что ужасно, это видеть, что одни из самых великих и глубоких созданий русского искусства, за все время его существования, остаются не только не понятыми и не признанными, но даже и не закрепленными для будущих наших поколений, которые, быть может, лучше наших современников будут понимать всю великость и все значение болгаро-турецких картин Верещагина.

Конечно, мое обвинение вовсе не может касаться такого собирателя русских картин, как П. М. Третьяков. Он купил, десять лет тому назад, целую туркестанскую коллекцию картин Верещагина, три года назад купил огромную массу индийских этюдов, в нынешнем году, во время коронации, — несколько крупных картин из болгарско-турецкой коллекции, да еще для всего этого собрания выстроил особое, очень дорого стоившее помещение; наконец, вдобавок ко всему, завещает Верещагинское свое собрание, вместе с остальной громадной галлереей, *русскому народу*. Чего еще требовать от одного человека? Возможно ли не глубоко преклоняться перед ним! Но чего смотрят все другие у нас? Неужели больше и нет людей, которым дорога была бы русская живопись, которые бы в ней что-нибудь понимали и имели бы возможность покупать то, что в русском искусстве является самого капитального? Мне скажут: а покупатели Верещагинских картин на петербургском аукционе 1880 года, а покупатели их в нынешнем году, во время коронации? Да, они были, но их было очень мало, да их же притом всего более интересовали «виртуозность», мастерство кисти, эффект и блеск — почти никогда содержание. Если б они иначе смотрели, если б они понимали, какие пред их глазами необыкновенные создания, выходящие из ряду вон среди всего, что существует в живописи целой Ев-

ропы, быть может, они остановились бы покупать множество ничтожных художественных побрякушек, всего чаще иностранных, и постарались бы поскорее приобрести изумительные картины Верещагина.

Впрочем, настоящее место болгарско-турецким картинам Верещагина — в русском национальном музее. А где он? У нас есть только Эрмитаж, где русский отдел совсем забыт и ничтожен. Там есть место голым нимфам Нефа, этого живописца сахарных кокоток, но нет места картинам Верещагина, этого Льва Толстого русских войн в картинах живописи.

Нынешняя выставка представляет лишь отрывки из великой болгарско-турецкой эпопеи Верещагина, потому что некоторые картины коллекции куплены в розницу и уехали одни в Москву, другие в Киев. Но и в своем далеко не полном виде они производят впечатление подавляющее. Из новых, еще не выставленных прежде в Петербурге картин самая могучая, самая поразительная — это «Перевязочный пункт после Плевны». Первое впечатление, когда вы на нее взглянете, это — неимоверная пестрота. Так оно и должно быть. Иные именно на эту пестроту жаловались. Какие смешные люди! Им все бы условной, прилизанной «гармонии» побольше, им бы все леденцов в рот надо! Но как вы думаете, господа художественные ценители, какое же впечатление произвела бы на вас сама живая сцена, сама живая действительность, если бы вам привелось тогда не в Петербурге по Невскому прохаживаться, а очутиться в двух шагах от Плевны, от ее пуль и ядер, от ее клубов дыма, несущихся столбами, и наткнуться на этот перевязочный пункт, где тысячи искалеченных и изуродованных людей лежали кучами и грудами, одни в невыразимых муках, другие уже в предсмертных корчах, третьи уже испустившие дух, так и не успев получить никакой помощи? Каких бы еще тут гармоний красок и линий вздумали бы вы искать? Вот как глубоко в нас с ребячества вправляют привычку к условностям балета и всем его лгущим краскам. Выражение мук, смерть, страдание, всяческая правда — все мимо, все нипочем, подайте нам только смазливость, и лизаные краски, и конфектную фальшь, вроде как в «Боярской свадьбе» г. Маковского. Вот это мы понимаем, вот это нам по руке, вот тут разом найдутся для нас и поэзия, и красота, и премудрость, и истина! Но, к счастью, горсточка людей совершенно антихудожественных не велика у нас, остальные способны понимать, не хуже западных европейцев, что есть глубоко правдивого и неумолимо истинного в болгарских картинах, и мне много раз привелось слышать на выставке Верещагина слова искреннего чувства и душевного понимания именно перед этой новой картиной. А я про себя думал: что если этой здоровой, неиспорченной, светлой и понимающей части публики вдруг бы показать теперь, рядом с «Перевязочным пунктом» Верещагина, одну из старых европейских картин, с таким же сюжетом, например хоть «Военный чумный госпиталь в Яффе» знаменитого когда-то живописца Гро, из наполеоновских войн, какою нелепостью и скучною глупостью показалась бы старая картина! Там все было: и прекрасная «композиция», и изящные «позы» побитых, и «приличные» судороги страдающих бедных солдат, и великодушие героя-Наполеона, милостиво пожаловавшего в ужасный «госпиталь» и даже дотрагивающегося до чумных ран; были и прекрасные «линии», и прекрасная «гармония красок» — все было, кроме одного только: правды. И оттого такие картины нынче ничего более не стоят.

Точно так же, что если бы поставить рядом с Верещагиным все какие угодно картины еще другой (когда-то) знаменитости, Ораса Верне, куда бы они были годны? Там тоже все было налицо: и «величие души», и «храбрость», и «необычайные подвиги», и поразительные военные

анекдоты, и «самоотвержение», и «геройство» — все там было в позах и группах, на лицах и в движениях, все, об отсутствии чего у Верещагина на картинах так жалобно выли наши книжники и фарисеи, наши защитники истинного искусства, от времен Тютрюмова, блаженной памяти, и до жалких тупиц последнего времени, все там было и, однакоже, на поверку выходило, что ничего там не было, и современный человек с презрением и скукой отвертывается от Ораса Верне и с горячей симпатией поворачивается к Верещагину. Никакие невежественные вопли не могут этому помешать. Правдивые холсты Верещагина кажутся нынешнему европейцу истинным откровением там, где до сих пор царствовали только ложь, притворство, раболепное низкопоклонство перед силой и тупая условность.

Нам не приходится более жаловаться на выставление наружу слишком больших страданий несчастного солдата. Можно разве жаловаться, что не все они нарисованы перед нашими глазами. Страшный «Перевязочный пункт» Верещагина, наверное, надо считать одной маленькой частицей тех ужасов, невыразимых мук и страданий, которые происходили в действительности. Не смягчения, не убавления таких сцен должны мы ждать от живописи и живописца, нет, надо бы требовать еще и еще большей правды, полноты и действительности. Довольно притворствовать и сибаритничать в картинах, довольно баловать искусством! Полно все только валяться на розах!

Впрочем, не худо позвать на помощь и память: отчего же можно было, в оное время, представлять на картинах христианских мучеников и мучениц, у которых свирепые язычники вытягивают кишки из живота, режут груди, выкалывают глаза, затягивают шею веревкой, которым вбивают гвозди в руки и ноги, — все это было в картинах, и никто не жаловался, никто не требовал изображения милой и изящной стороны («для полноты истории»); все были довольны, восхищались и благодарили. Чем же нынешние солдаты, представители «пушечного мяса», не жертвы, чем они, кроткие и безответные, не истинные объекты истинного, глубочайшего и великого современного искусства.

Конфект и розанов нет в этих картинах — вот где беда для иных! Это, во-первых. А во-вторых, как можно врагов представлять не зверями, не извергами, а главное, не побежденными нашим благополучным оружием? Да, это непростительно. Как можно рисовать такой ужасный, такой мрачный «Перевязочный пункт», как можно рисовать такую потрясающую «Панихиду», где целое поле перед священником, стоящим в ризе и с кадилом в руке, наполнено одними русскими трупами! Пускай все это правда, но ты, живописец, все-таки этого не рисуй. Смотреть неловко, и даже неприятно, и даже тяжело.

А потом еще вдруг рисовать «Дорогу в Плевну», полную крови, замерзшей на снегу, и турецких замерзших трупов. Это что еще такое! Симпатия, жалость к врагам — это на что похоже! Они тоже люди, думает Верещагин. Может быть, да нам-то какое дело?

И после этого, пускай эти картины написаны изумительною кистью, пусть тут перед глазами сам рельеф живого тела, пусть тут живые краски природы, дела нам до этого нет, и пламенное всегдашнее восхищение перед «виртуозностью» тщательно запрятывается в далекий карман.

Такие капитальные создания нового, небывалого прежде искусства и глубоко чувствующего и думающего по-нынешнему художника до того поражают меня, что я даже мало обращаю внимания на те более слабые картины из той же болгаро-турецкой войны, которых несколько находится тут же, на выставке Верещагина. «Турецкий лазарет», «Башибузук», «Адъютант» и некоторые другие, конечно, никогда не могут итти

в параллель с теми тремя chefs d'oeuvre'ами, хотя все-таки заключают не мало интересного то по задаче, то по технике исполнения. Тех трех, совершенно одних, довольно было бы для выставки великолепной, изумительной, выходящей из ряду вон. В Вене, Берлине, Лондоне, Париже, Дрездене и Пеште это хорошо понимали, у нас тоже понимают, но, кажется, не совсем-то и не всегда.

Из новых индийских картин и этюдов есть несколько истинно превосходных. Они являются образчиками высокой виртуозности. Я сюда причисляю: «У окна гробницы», «Ворота в старом Дели», где мрамор, в одной картине белый, а в другой красный, передан с необычайным совершенством. Еще выше, по-моему, необычная виртуозность в картине «Тадж вечером». Это изумительный пейзаж и перспектива чудного индийского храма, отраженного в реке. Потом еще мечети в Агре и Футипор-Сикри, эти истинные бриллианты перспективной живописи. В картине же «Зала в частном доме в Футипор-Сикри» солнечный луч, падающий в залу справа и осветивший стоящего тут индийского слугу, с протянувшеюся от него тенью, — это такое поразительное совершенство, с которым может равняться только «солнечный луч», изображенный в одном из прежних этюдов Верещагина, проданном с аукциона в 1880 году.

Наконец, «Тибетские монахи», «Монгол из Сиккима», «Индиец-работник», «Мусульманин-слуга», «Мусульманин-чиновник» и, всего более, «Тибетский монах» (№ 8) — это превосходнейшие этюды, равные всему самому совершенному в этом роде, что мы видели в 1880 году.

Но, как ни превосходны все такие этюды, они, конечно, ничто в сравнении с такими созданиями, как «Перевязочный пункт», «Панихида» и «Дорога пленных». Это живая история, написанная так, как никогда прежде история не бывала писана».

После этой рецензии Стасов выступил со следующей статьей о работах Верещагина только через несколько лет.

УКАЗАТЕЛЬ
ИМЕН И НАЗВАНИЙ

В указателе жирная римская цифра означает том; обыкновенным (своим) шрифтом указаны страницы упоминаний в письмах и предисловиях; курсивом — в пояснительном тексте; полужирным шрифтом указывается страница пояснительного текста для данного имени. Годы жизни, указанные в пояснительном тексте, в указателе не повторяются.

ОГЛАВЛЕНИЕ II ТОМА

1880

1881

1882

1883

Редактор *О. И. Сопоцинский*

Оформление художника
И. Ф. Рерберга

Технический редактор
Е. И. Шилина

А07713. „Искусство" № 13256.
Подп. к печ. 14/IX 1951 г. Форм. бум. 60×92[1]/[16].
Кол. б. л. 12[1]/[8]. Кол. п. л. 24[1]/[4]. Уч.-изд. л. 26,70
Тираж 5000. Заказ 152. Цена 20 р.
Переплет 2 р. 50 к.

20-я типография „Союзполиграфпрома"
Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Москва, Ново-Алексеевская, 52.

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
28	1 сверху	или	им
39	15 снизу	rénvoyez	renvoyez
67	2 сверху	на оборот	на обороте
77	7 снизу	parisiene	parisien
78	11 сверху		
90	5 снизу	St. Arnau	St. Arnaud
91	10 сверху		
98	16 сверху	что	чтобы
149	12 снизу	пишите	пишете
162	27 снизу	сотоялся	состоялся
162	22 снизу	Голнищеву-Куту-зову	Голенищеву-Ку-тузову
165	21 сверху	написанному	написанном
174	23 снизу	с Пруссией	в Пруссии
188	8 сверху	Поль	Пэль
194	24 сверху	„Штука“ отступала	„Шутка“ отступила
211	9 снизу	Агамбре	Алгамбре
215	2 снизу	Gazett	Gazette
312	7 снизу	напечатавшей	напечатавшую
340	10 снизу	(1823)	(1923)
341	9 сверху	предстояли коро-национные церемонии.	предполагал про-извести продажу своих картин.
354	5 сверху	куртивом	курсивом

Опб_2
9К. 1
Спк. 1
Об-1
Нкв₃-1
О/к-12

2011143718